ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

3 215

ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ
ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ЦИК СССР

ПОПУЛЯРНАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ПОД ОБЩИМ РУКОВОДСТВОМ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
П. О. ГОРИН, Ф. И. МАХАРАДЗЕ,
М. И. МЕБЕЛЬ, М. Н. ПОКРОВСКИЙ,
КАРЛ РАДЕК и Ц. ФРИДЛЯНД

АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА 1931

Б. Б. ГРАВЕ, М. В. НЕЧКИНА, А. М. ПАНКРАТОВА
и К. Ф. СИДОРОВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРИАТА СССР

ПРОЛЕТАРИАТ ЦАРСКОЙ РОССИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

РЕДАКЦИЯ
А. М. ПАНКРАТОВОЙ

ОТ СЕКЦИИ ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРИАТА ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

Настоящая работа представляет первый выпуск большой работы по истории пролетариата СССР, подготавливаемой Секцией истории пролетариата. По первоначальному плану предполагалось двухтомное издание: «Пролетариат до Октябрьской революции» и «Пролетариат в эпоху диктатуры». Исходя из этого плана, было еще в мае 1931 г. написано и напечатано в настоящем выпуске предисловие. Однако оказалось целесообразным и необходимым сейчас издать первый выпуск, охватывающий историю пролетариата царской России, а 1917 г. как наиболее интересной и конкретной эпохи перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и непосредственную борьбу пролетариата за власть, — выделить, расширив и выпустив отдельным выпуском. В настоящее время Секция подготовляет этот выпуск к пятнадцатилетней годовщине Октябрьской революции. Третий выпуск будет охватывать период пролетарской диктатуры и строительства социализма. Все издание рассчитано на партийный, рабочий и молодежный актив. Первый выпуск был подготовлен и сдан в печать весной 1931 г. и, за исключением двух последних статей, напечатан полным тиражем в сентябре 1931 г., вследствие чего уже не представилось возможным вносить каких-либо поправок и уточнений, в связи с тем всеобщим и обязательным для историков-марксистов пересмотром исторических работ, к какому обязывало письмо тов. Сталина. Однако Секция считает возможным выпустить это издание в настоящем виде, поскольку основные принципиальные, исторические установки настоящих «Очерков» даны, в основном, правильно. Секция просит товарищей-читателей сообщать свои критические замечания и предложения и с благодарностью учтет отдельные ошибки и неточности при переработке книги и выпуске повторного издания. Коллективная помощь в этом деле тем более необходима, что это первый опыт создания научно-популярной большевистской истории пролетариата, написанной коллективом авторов-марксистов.

Все указания и замечания просим направлять по адресу: Москва, Волхонка, 14. Коммунистическая академия. Секция истории пролетариата общества историков-марксистов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История пролетариата нашей страны именно теперь становится одной из самых замечательных страниц мировой истории. Пока дело шло о низвержении старого порядка в обоих его видах, у нас тесно переплетавшихся, — в виде диктатуры крепостников-помещиков и в виде диктатуры финансового капитала, — можно было для объяснения происходившего выдвигать на первое место «объективные условия». Нигде, кроме как у нас, не было такого сочетания допотопной политической верхушки, бесконечно устарелого и застарелого самодержавия, с крупной промышленностью почти американского типа; не было такой отсталой, косной, бестолковой и политически неорганизованной буржуазии рядом с наиболее зрелой революционной организацией рабочего класса, какая существовала на земном шаре. Нигде не было такой возможности, точнее говоря, необходимости, увязать рабочую революцию с крестьянской войной, как у нас, потому, что нигде крупное землевладение не сохранило до наших дней стольких пережитков феодализма. Словом, пока дело шло только об объяснении Октября, не было абсолютной необходимости ставить ударение, в объяснении исторических фактов, на субъективном моменте — задавать вопрос: а какие специфические особенности того класса, который сделал Октябрьскую революцию, обусловили ее возможность и необходимость?

Это, конечно, отнюдь не оправдание, а только некоторое извинение тому факту, что за историю пролетариата нашей страны мы принимаемся через двенадцать лет после того, как этот пролетариат взял в свои руки власть. Но теперь, когда рабочий класс показал, что он не только умеет взять в руки власть и ее удержать, но умеет и ею пользоваться, — теперь, когда он не только низвергает старое, но и строит новое, является первым создателем социалистического общества в мире, ставить ударение на «объективных причинах» более нет никакой возможности. Ибо «объективные причины» теперь против нас, и на этом строились предсказания как наших «друзей» — постепенно теряющих надежду, что мы «исправимся» и «образумимся», — так и наших врагов, постепенно тоже теряющих надежду, что мы провалимся. Объек-

тивная логика старого «экономического материализма» против нас, — а мы идем вперед, и этот ход вперед так неоспорим, что любая серьезная буржуазная газета Западной Европы считается с этим нашим поступательным движением, как с объективным фактом, его же не прейдеши. «Падения» серьезные наши противники ожидают только от политических причин. Что мы не справимся с экономическими затруднениями, в это никто не верит.

Есть, значит, что-то в самой «природе» пролетариата нашей страны, что дает ему возможность побеждать, даже когда «объективные причины» не за него, а против него. И теперь от вопроса, как сложилась эта разновидность рабочего класса, откуда она взялась, чем объясняется не только ее последовательная революционность — на это «объективные причины» еще кое-как могли дать ответ, — а чем объясняется ее неистощимая способность творчества, теперь от этого вопроса никуда не уйдешь. История рабочего класса нашей страны, так, как он возник и существовал до наших дней, становится очередной исторической задачей не только для нас, но и еще больше для наших западных и восточных товарищей.

От буржуазных историков нам на эту тему, к счастью, ничего не осталось. После 1848 г., «Коммунистического манифеста» и июньских дней в Париже наша буржуазия до обморока боялась пролетарской революции и утешала себя уверениями, что «в России нет рабочего вопроса». Мелкая буржуазия в этом случае оказалась всецело под обаянием крупной — народники умели только подписаться под буржуазными теориями русского исторического развития, своей они не создали. Они не замечали, за очень немногими исключениями, что благодать не свалилась нашей буржуазии с неба, что кое-что делалось, и весьма энергично делалось, чтобы избавить «Россию» от появления на ее территории «рабочего вопроса». Знаменитое «освобождение крестьян с землей» было придумано не только — и, может быть, не столько — для предупреждения крестьянской революции, но и для того, чтобы предупредить появление у нас пролетариата. Этого и не скрывали — об этом писали, в официальном порядке, Редакционные комиссии, об этом говорил, и с большим подчеркиванием, умнейший из дворянских теоретиков крестьянского вопроса Кавелин.

«Скелет в доме» однако же нельзя было заклясть никакими словами о том, что ему, «скелету», существовать у нас, по буржуазной исторической теории, совсем не полагается. Наоборот, в противоположность обычным скелетам, он обрастал мясом и кожей, приобретал все более крепкие мускулы и уже в 70-х г.г. заставил считаться с собой народников, хотя и по их теории ему существовать также не полагалось.

С 90-х г.г. отрицать существование рабочего класса и рабочего вопроса в нашей стране могли лишь очень отсталые или очень тупые люди, — близко стоявшие к делу практики, совсем не зараженные марксизмом, вроде первых фабричных инспекторов, писали об этом уже в 80-х. Стать одним из объектов исторического исследования помешало рабочему классу — странная вещь! — именно то положение гегемона революционного движения, которое этот класс начал занимать. Его история утонула в истории общей революционной борьбы в стране. О «классовых интересах пролетариата» больше всего говорили те, кто был против революции, как «экономисты», или кто понимал революцию не по-марксистски—как Троцкий. Провести довольно тонкое для не-марксиста различие между троцкистским пониманием революции как классового рабочего дела в узком и тесном смысле слова, и представлением, что пролетариат есть вождь общенациональной революции, историки мелкобуржуазного склада не умеют до сих пор. Им кажется, что учение о гегемонии пролетариата в буржуазной революции есть чистой воды троцкизм. Но и не мелкобуржуазные историки недостаточно обратили внимание на то, что главнейшая работа Ленина о революции 1905 г. имела своей темой именно стачечное движение рабочих, хотя никто резче и чаще Ленина не подчеркивал значения крестьянства в нашей буржуазной революции.

В результате всех этих невниманий и непониманий историю нашего пролетариата стали писать те, кто меньше всего имел на это право — и у кого меньше всех было к этому способностей. Почти все работы этого рода вышли из меньшевистского лагеря. Почти все они не умеют связать историю рабочего класса с историей рабочей партии, почти все они отправляются от неверной концепции «стихийного» движения пролетарских масс — и почти

все поэтому не в состоянии подняться над историей экономической борьбы в тесном смысле этого слова. Почти у всех наш рабочий имеет вид захудалого кузена английского тред-юниониста и германского социал-демократа, — тогда как вся суть в том, что английского и немецкого рабочего история на долгие годы отогнала далеко в сторону от революционной дороги, в то время как наш пролетариат становился тем революционнее, чем был сознательнее, так что термин «сознательный рабочий» и «революционер» у нас, наконец, слились.

Благодаря этому и меньшевистская история нашего пролстариата настоящим образом не собрала даже материалов. В серенькой и пресной фигуре, которая глядит на нас со страниц меньшевистских писаний, никак нельзя угадать будущего совершителя первой в мире удачной социалистической революции и строителя первого в мире социалистического хозяйства. Наши первые историки пролетариата просто-таки его не видали — его революционная роль казалась им последствием какого-то ленинского прельщения и большевистского искривления «нормальной» истории рабочего класса. Нам предстоит таким образом не только по-иному толковать собранные до нас факты, но и открыть целый ряд новых фактов, которыми наши предшественники просто не интересовались. История пролетариата как *класса-бойца* должна быть целиком написана заново. У меньшевиков ее нет. Яркая и красочная картина пролетарской борьбы досоциал-демократического периода у них просто отсутствует — и даже историю рабочего восстания 1905 г. они постарались обесцветить, насколько это возможно. Мы не всегда это замечаем, потому что пользуемся, для своих общих характеристик, статьями Ленина. Но статьи Ленина (кроме названной выше) — это не конкретная история. Ленин и в области международных отношений угадал много такого, что во всей конкретности открылось нам только теперь, благодаря раскопкам в бывших «секретных» архивах. Это не избавляет нас, однако, от необходимости издавать документы империалистской войны. Конечно, мы собираемся излагать историю нашего рабочего класса «по-Ленину», — но это не избавляет нас от необходимости собрать фактический материал.

Изучение истории пролетариата, как революционного класса, не означает, что мы берем этот класс только в его революционной деятельности. Напротив, задача в том и состоит, чтобы из условий образования и роста нашего рабочего класса объяснить его революционную роль. Если меньшевики выхолостили из истории пролетариата политику, это вовсе не уполномочивает нас выкинуть оттуда экономику. Надо всегда помнить то, что говорил Ленин о неразрывности экономической и политической борьбы рабочих — о невозможности политической борьбы без предварительной «раскачки» рабочей массы борьбой экономической.

М. ПОКРОВСКИЙ

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящие «Очерки истории пролетариата СССР» представляют коллективную работу Секции по изучению истории пролетариата СССР Общества историков-марксистов.

Это пока первый том, охватывающий исторический путь пролетариата, идущего к завоеванию своей диктатуры. Ближайшей задачей Секции является подготовка второго тома, который должен показать героический и еще невиданный в мире опыт борьбы за укрепление пролетарской диктатуры и не менее героический опыт строительства социализма в нашей стране.

Нет надобности распространяться о необходимости и политической важности для молодых пролетарских поколений СССР и для международного пролетариата изучения и обобщения революционного опыта борьбы и всего исторического прошлого пролетариата СССР.

По словам Ленина, «русский образец показывает всем странам кое-что и весьма существенное из их неизбежного и недалекого будущего».

Российский пролетариат имел опыт революционного руководства тремя величайшими в мире революциями XX века.

К изучению боевого прошлого пролетариата, и особенно опыта его трех революций, Ленин неустанно призывал нас: «Нам надо позаботиться — и кроме нас некому будет позаботиться — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни»... — писал Ленин в отношении изучения опыта революции 1905 года.

Между тем история пролетариата, как класса-бойца и строителя социализма, еще не написана в достаточно полном, исторически-правильном и доступном для широких масс читателей изложении и марксистско-ленинском освещении.

Полной, исторически-верной, фактической картины богатейшей содержанием истории пролетариата можно, однако, ожидать лишь в результате длительной разработки и предварительного изучения материалов по истории пролетариата. Но в ожидании такой большой научной работы нельзя откладывать написание хотя бы беглых исторических очерков, посвященных отдельным этапам

развития рабочего класса, освещающих его борьбу с буржуазией, выработку его идеологии и его роль в боевой истории революционного авангарда — партии большевиков, руководившей им в его борьбе и воспитавшей его. Вполне понимая и считаясь с возможными недостатками предлагаемой работы, тем более, написанной в очень короткий срок, Секция по изучению истории пролетариата считает, однако, возможным предложить эту книгу, содержащую ряд очерков, которые, в совокупности, освещают наиболее существенные моменты в развитии и борьбе пролетариата. Этим определяется и построение сборника в целом, и отдельных его очерков, а также его хронологические рамки. Настоящий том охватывает весь тот исторический этап, который пролетариат прошел в условиях капиталистического производства, начиная от зарождения капитализма (еще в недрах феодально-крепостнического общества) и кончая его распадом, завершившимся установлением диктатуры пролетариата и началом социалистического преобразования экономики страны.

В очерке, посвященном крепостной России XVI—I п. XIX в.в., дана необходимая для понимания исторической роли пролетариата, как будущего вождя и гегемона буржуазно-демократической революции, предистория рабочего класса. Второй очерк, посвященный формированию пролетариата в условиях складывавшегося в России после «реформы» 1861 г. промышленного капитализма, должен представить процесс оформления пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя». Последующие очерки раскрывают роль пролетариата, как гегемона революции — в условиях героического 1905 года, затем в условиях наступившей реакции, нового революционного подъема и империалистической войны. Два последних очерка посвящены уже тому новому этапу, каким является борьба пролетариата за Октябрьскую революцию и диктатуру пролетариата. Таким образом, история пролетариата во всех очерках представлена, как великий исторический путь класса, идущего к завоеванию власти и к утверждению нового социалистического способа производства.

Опыт трех революций пролетариата составляет основное содержание сборника. Показать исторический облик рабочего класса в его развитии к Октябрю, проследить условия, формировав-

шие этот класс, создавшие предпосылки его революционной активности, раскрыть, какими сложными, извилистыми и трудными путями шел он к диктатуре, какую роль в истории его борьбы сыграла большевистская партия — эти задачи стояли перед авторским коллективом.

Очерки пытаются осветить эти процессы не только в отношении пролетариата бывшей царской России, но и в отношении его отдельных отрядов в национальных районах. Подчеркивая единство интернациональных задач пролетариата, очерки вскрывают (хотя — по состоянию материалов — и не с той полнотой, какая была бы необходима) особенности борьбы пролетариата в условиях национально-колониального угнетения, подчеркивая при этом, что только пролетариат мог принести своей решительной, последовательно-революционной борьбой освобождение народов от национального угнетения со стороны царизма.

Если настоящая работа, при всех возможных ее недостатках, даст читателям представление о величайшей исторической роли пролетариата СССР и его передовой партии — большевиков, в эпоху классового его оформления и созревания, если она даст представление о его боевом прошлом, если она даст уверенность молодому пролетарскому поколению в том, что пролетариат, имеющий т а к о й опыт и т а к у ю боевую закалку, сумеет их использовать и для полной победы социализма в нашей стране, — Секция сочтет свою задачу на данном этапе посильно выполненной.

М. В. НЕЧКИНА

РАБОЧИЕ КРЕПОСТНОЙ РОССИИ

В крепостной России XVII—XVIII в.в. еще не существовало рабочего класса. Рабочий класс, пролетариат, развивается лишь в процессе развития капитализма. Поэтому оформление в России класса пролетариата относится лишь к XIX в. Но предистория пролетариата России уходит вглубь предшествовавших веков. В условиях экономики крепостной России сформировались кадры крепостных рабочих, насильственно прикрепленных к производственному процессу, и вместе с тем медленно, но неуклонно росло формирование вольнонаемного труда. Без этих процессов невозможно понять, каким образом в XIX в. в России вышел на арену классовой борьбы общественный класс — пролетариат — и почему эта борьба привела в следующем веке к величайшей в мире победе этого класса. Поэтому необходимо внимательное изучение этой предистории пролетариата, условно говоря — истории рабочих крепостной России.

Марксистское изучение истории пролетариата началось не так давно, но нельзя сказать, чтобы оно успело равномерно охватить все периоды этой истории. Многое сделано для изучения истории самого класса, но чрезвычайно мало, почти ничего не сделано для углубленного исследования предистории класса. Основные работы по этому вопросу являются популярными очерками, почти не касающимися богатейшего неисследованного архивного материала. Еще хуже то, что эти очерки написаны преимущественно меньшевиками. Поэтому в них бьют в глаза прямые извращения в истории рабочего класса, неправильные постановки вопроса. Куда-то пропадает прежде всего то обстоятельство, что предистория пролетариата в России насыщена острейшей классовой борьбой. История рабочих крепостной России забивалась данными узко экономического порядка — мелочными сведениями о фабриках, их выработке, зарплате рабочих, и все эти сведения комбинировались таким образом, что, во-первых, затемнялась сущность развертывающейся классовой борьбы, а во-вторых, она совершенно отрывалась от общеисторического процесса, изолировалась от общей картины классовой борьбы эпохи и таким образом история и борьба рабочих крепостной России насильственно вырывалась из общей расстановки классовых сил на каждом отдельном историческом этапе.

Наша задача — дать краткий очерк истории возникновения класса-бойца, бегло обрисовать диалектику развития революционного рабочего класса на фоне общеисторических этапов классовой борьбы. Но можно попытаться выполнить эту задачу, лишь заранее предупредив читателя, что очерк должен быть крайне беглым, — иначе нельзя поступить, раз приходится втискивать более чем двухвековое развитие в короткую статью и раз исследовательская разработка архивных материалов этой истории, в сущности, только начата.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАБОЧИЕ КРЕПОСТНОЙ РОССИИ XVI–XVII в.в.

1. ПЕРВЫЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ И ИСТОЧНИКИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Мы находим рабочих еще в крепостной России XVI в. Уже тогда можно говорить о кое-каких зачатках промышленности. Судить о ней приходится по отрывочным сведениям скудных источников. Известно разрешение, данное на постройку железных заводов одному англичанину в 1569 году. Есть сведения о разработке железных и медных руд, о парусно-полотняных производствах, стеклянных заводах. Иностранец Джильс Флетчер, посетивший Московское государство в конце XVI в., упоминает о многочисленных солеварнях около Старой Руссы, а также в Астрахани, Перми, Тотьме, Кинешме, Соловках. Есть относящиеся к XVI в. сведения о «будном деле» — поташном производстве, о канатных производствах и ряде других. Мы мало знаем о рабочих, обслуживающих эти производства — судя по отрывочным сведениям, число их подчас было довольно значительно; так, известно, что при взрыве на пороховом заводе иностранного мастера Алевиза в 1531 году в Москве погибло более 200 рабочих. Промышленность вбирала в состав своей рабочей силы «вольных», «гулящих людей», «неписьменных и нетяглых», из числа не прикрепленных к земле и не обремененных государственными податями; так, известные промышленники — купцы Строгановы — получили в 1564 году от царя Ивана IV Грозного жалованную грамоту, которая отдавала им «Пермскую землю», богатый район Покамья, и велела искать руду и варить соль, а рабочую силу набирать из «неписьменных и нетяглых людей».

Существовали в то время и рабочие люди, обслуживавшие широко развитое судоходство: на огромных «насадах», — баржах, груженых хлебом, — ходивших по Волге, работали сотни судовых чернорабочих — «ярыжек».

Для XVII в. наши сведения значительно богаче. Добыча металла и выработка металлических изделий получают все большее развитие. Поощряются местные «рудознатцы» — люди, умеющие отыскивать руду, выписываются также новые из заграницы. Укрепляется «самопальное» — ружейное дело, которым особенно прославились тульские кузнецы. В 1632 г. голландский купец Андрей Виниус с братом своим Авраамом и другим купцом Вилькенсоном получили царскую грамоту на постройку близ Тулы чугунолитейного и железоделательного завода «для делания из железной руды чугуна и железа, для литья пушек, ядер и котлов, для ковки досок и прутьев, дабы впредь то железное дело было государю прочно и государевой казне прибыльно». В 1639 г. Виниус вступил в товарищество с датчанином Петром Марселисом и голландцем Филимоном Акемою; к их тульским заводам была приписана дворцовая волость с 347 крестьянами. Иностранец Иоганн Кильбургер, посетивший Москву в 70-х г.г. XVII в. со шведским посольством, оставил подробное описание заводов Марселиса и Акемы, упомянув также о казенном железном заводе около Москвы «по дороге в Клин». Заводы выделывали полосовое железо, пушки, сабельные клинки, корабельные якоря, двери, ставни, толстые плиты, «которые в каменных домах кладутся вместо порогов». Завод Марселиса в то время состоял из трех плавильных печей и десяти молотов с двойными горнами, завод Акемы имел две плавильные печи и четыре молота, каждый молот весил около двадцати пудов. На этих заводах применялась уже вододействующая система. Увеличивается количество производств по другим специальностям. В 60-х г.г. XVII века иностранец фон-Сведен организует бумажную фабрику и суконное дело; устраиваются бархатные и парчевые фабрики, имеются стекольные заводы, — например, иностранца Коэта и царя Алексея Михайловича, Измайловский стекольный завод, обслуживавший не только дворцовые надобности, но отчасти и мелкого потребителя. Имелись также кожевенные, сафьяновые, кирпичные заводы, заведены были «государевы печи для обжигания извести». В вотчинах боярина Морозова в 50-х г.г. XVII века было устроено двенадцать поташных заводов.

Обслуживавшие все эти производства рабочие набирались или из «вольных», «гулящих» людей, или состояли из приписных крестьян. Среди тульских ремесленников были такие, которые «наймуются работать в кузнецы»; о ряде рабочих XVII века извест-

Цифрами обозначены села, деревни и пустоши, приписанные к железным заводам во второй половине XVII века
(Из книги «Крепостная мануфактура в России» изд. Академии Наук СССР. Л., 1930 г., ч. I)

но, что они «питаются по миру», «скитаются меж двор», не тянут тягла «от бедности». В вотчинах боярина Морозова рабочих на поташные заводы набирали из бедных крестьян — было дано распоряжение тех крестьян, с которых «взять нечего, тех отсылать к будному делу зола жечь». Арестанты, беглые, солдатские дети насильственно посылались на заводы. К заводам приписывались целые волости.

2. БОРЬБА КРЕПОСТНЫХ РАБОЧИХ XVII в.

Вся эта пестрая, насильственно втягиваемая в производство рабочая масса еще далеко не являлась рабочим классом. Она составляла органическую часть крепостного крестьянства.

В борьбе с феодальным гнетом, в борьбе с помещиками-крепостниками эта рабочая масса растворялась в крестьянстве, идя вместе с ним и не играя обособленной роли. Есть беглые сведения об участии этих рабочих в массовых движениях, которыми был богат «бунташный» XVII век. Приписываемые к заводам деревни не раз восставали против заводской работы, бросали ненавистный труд, рвались обратно к крестьянству. В борьбе крестьян против заводской работы выделялись организаторы, получавшие от хозяев прозвание «старых бунтовщиков».

Есть любопытнейшее «дело» 1672 г. о нежелании крестьян Соломенской волости работать на Тульских и Каширских заводах Петра Марселиса. Главным организатором крестьянского протеста явился «старый бунтовщик» Васька Титов, по прозвищу Кобель. Придя на Ченцовский завод Марселиса, где строились новые «хоромы» для заводчика, этот «старый бунтовщик» в присутствии крестьян, как написано в жалобе, «похвалялся воровскими словами», что надо «те наши (Марселиса) хоромы сжечь и пепел развеять и заводы разорить». В агитации «старого бунтовщика» большую роль играла весть, — выдуманная, конечно, — о том, что, якобы, царь велел обратно отписать волость от заводов Марселиса, вернуть рабочих в крестьянство. По свидетельству многих присутствовавших, Васька Титов говорил плотникам, строившим «хоромы»: «Что-де вы делаете хоромы-те? Государь нас пожаловал прочь от заводов, мы-де хоромы пожжем и пепел развеем, а иноземцам здеся не быть». Агитатор не был одинок — около него группировались приписанные к заводам крестьяне, — как сказано в документе, они «были с ним в думе и бунт заводили». Когда одного из организаторов того же движения, Ивана Михеева из деревни Золотихи, стали хватать посланные от Марселиса «приставы», то «он, Иван, завопил, и

на тот ево Иванов воп» к нему с разных концов побежали на выручку и «ево, Ивана, не дали».

Как видим, приписанный к заводам крестьянин XVII в. еще не сознает себя рабочим, рвется обратно в крестьянство, стремится заводы сжечь и «пепел развеять». Это еще не представитель рабочего класса ни по своей социальной сути, ни по своей идеологии.

Скудость документальных данных не позволяет подробно рассказать об участии рабочих в крупнейшей крестьянской революции XVII в.— разинщине. Но участие это, наряду и в полном слиянии с крестьянскими массами, безусловно было. Разинщина прокатилась по Поволжью, захватив такие крупные центры рыбных и солеварных промыслов, как Астрахань, например. В массах «черни», приставшей к Разину, возможно предположить и занятых на этих промыслах рабочих. Положительное свидетельство по этой части мы имеем в документальном материале разинщины относительно судовых рабочих — «ярыжек». Захватывая плывшие по Волге «насады» с хлебом, Разин расправлялся с боярскими приказчиками и с господами, но не только не трогал, но и втягивал в свое движение судовых рабочих, говоря, что бьет лишь бояр и знатных господ, а с бедным простым человеком, как брат, готов все поделить. Нет сомнений, что эта группа участников разинщины, как прекрасно знакомая с техникой волжского транспорта и особенностями фарватера, течения и берегов, сыграла известную техническую роль в восстании, как бы низко ни расценивать несложность этой техники, — достаточно вспомнить об огромном значении водного пути для разинщины.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАБОЧИЕ НА МАНУФАКТУРАХ XVIII в.

1. ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ РАБОЧИХ

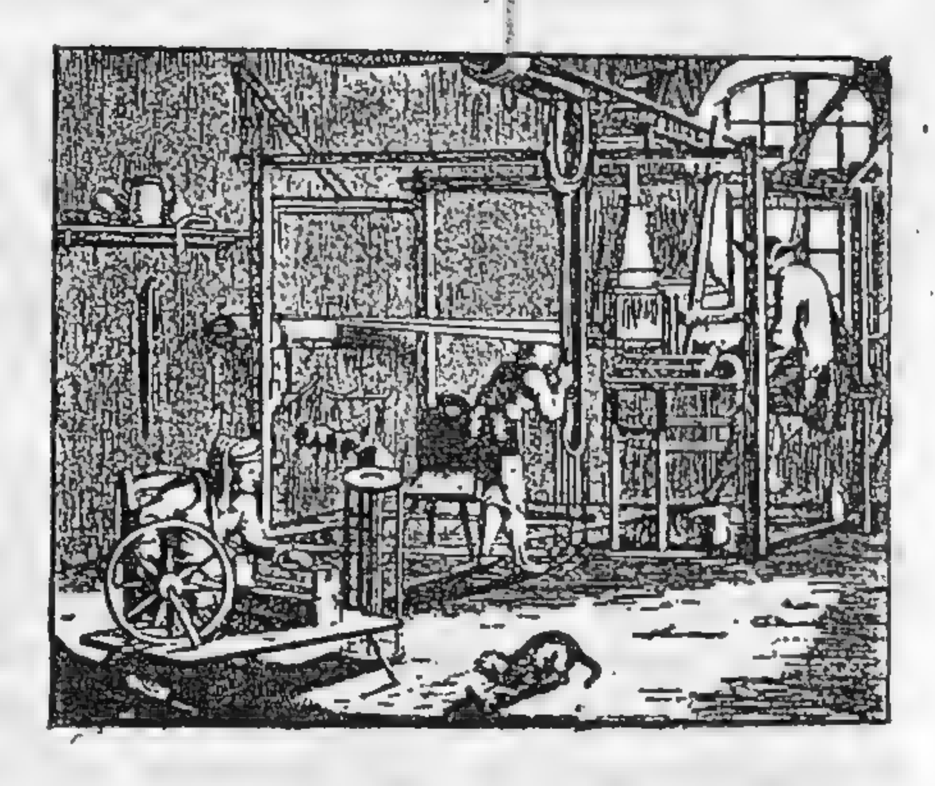
XVIII в. вносит много нового в историю рабочих крепостной России. Так называемая «петровская эпоха» богата событиями по предистории рабочего класса. В это время идет процесс усиленного развития мануфактуры, нового типа промышленного предприятия.

До «петровской эпохи» крупных предприятий было чрезвычайно мало, а после нее их насчитывалось уже не менее 233, при-

чем в это число входили как казенные, так и частные заводы. На этих заводах насчитывались сотни, а подчас и тысячи рабочих,— так, к казенному оружейному заводу в Туле было приписано 508 крестьянских дворов, а к девяти пермским заводам—25.000 крестьян мужского пола. На казенной парусной фабрике в Москве работало 1.162 рабочих, на московской полотняной фабрике Тамеса работал 841 рабочий на 443 станах.

В «петровскую эпоху» вырастают новые промышленные предприятия, принимаются меры для скопления в стране золотого запаса, ищутся пути к заманчивой колониальной стране — Индии, растет интерес к возможности эксплоатации восточных стран с их еще нетронутыми богатствами. Не развивались ли в это время процессы, характеризующие эпоху «так называемого первоначального накопления», эпоху, которая, по словам Маркса, «образует предисторию капитала и соответствующего ему способа производства»? Существо эпохи первоначального накопления состоит в отделении производителя от средств производства. Имелись ли в «петровской Руси» хотя бы некоторые характерные признаки этого процесса?

Огромная крепостная Россия начала XVIII в. была страной земледельческой. Основные массы крестьянского населения были закрепощены, находились в полном распоряжении помещика. Казалось бы, развивающимся в крепостной России фабрикам и заводам было неоткуда почерпнуть рабочие руки. Но тем не менее рабочие руки находились. Одним из крупных разрядов крепостных рабочих в начале XVIII века были беглые, нищие, «праздношатающиеся», питомцы воспитательных домов, «бедные», не имеющие пропитания, всякого рода беспризорные, которые «волочутся меж двор», «питаются христовым именем». На мануфактуры и фабрики насильно по правительственному приказу отдавались «неимущие пропитания и промыслов» мужчины и женщины, если они «без призрения по городам и слободам и по уездам между двор будут праздно шататься и просить милостыню». Социальный процесс «обнищания», «разорения» связывается с ростом бытовых преступлений, грабежей, краж. Из числа преступников также черпались крепостные рабочие: указом 1719 г. было предписано отсылать на фабрики «баб и девок, которые, будучи в Москве из приказов, также и из других губерний, по делам за вины свои наказаны». Игольному фабриканту Томилину было прямо указано брать для работы на фабрике людей «из бедных и малолетних, которые ходят по улицам и просят милостыню». Шелковый фабрикант Милютин набирал рабочих «из убогих людей».



ШЕЛКОВАЯ ФАБРИКА В «ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ»
Со старинной гравюры

Откуда же взялись в таком обилии все эти «убогие», «нищие», «праздношатающиеся»? Было бы чрезвычайно наивно ограничиться ответом, что нищие-де «всегда были», и вот, когда на фабрики понадобились рабочие и «других не было», то нищих и забрали работать. Значительное количество бродяг и нищих в начале XVIII в. и в последующие годы — результат особого социального процесса, уже имеющего по сути своей некоторые признаки процесса отрыва производителей от средств производства. Историки давно уже замечали, что «обнищание» населения — одна из характернейших черт знаменитой эпохи «петровских реформ», но не давали этому явлению социального объяснения. Самодержавие до последней степени нажимало на налоговый пресс, выкачивая все, что можно, из масс трудового населения, в первую очередь — крестьянства, но налоги все же не стекались в царскую казну в необходимом для царского правительства количестве. Подворная перепись 1709 — 1710 г.г. показала заметную убыль дворов по сравнению с переписью 1678 г.— убыль, равнявшуюся одной пятой части всего зарегистрированного количества! Заметим, что речь идет о подсчете дворов, а не отдельных плательщиков. Что же означает исчезновение двора? Прежде всего, разрушение определенной хозяйственной единицы, отдельного земледельческого хозяйства. Были случаи разрушения и прекращения хозяйственной деятельности целых деревень. Обнаруженная «пустота» страшно встревожила правительство, справедливо видевшее в этом сильнейшую угрозу своим доходам. «Пустота», обнаруженная переписью, выросла в целую политическую проблему, и не только правительство, а целая стая охочих прожекторов усердно разбирала причины явления и способы его ликвидации. Многие авторы подобных проектов приходили к справедливому выводу, что «пустота»—следствие бегства, бродяжничества, вызванных хозяйственным разорением. И действительно, рассматривая документы переписи, мы увидим частые указания о бегстве с насиженных мест целых семей, о «безвестно пропавших». Многие убылые дворы отмечены,

как «обнищавшие», о прежних насельниках деревень, крестьянах, ведших самостоятельное хозяйство, показано, что они «волочатся меж двор», «питаются христовым именем». Процесс этого обнищания не закончился в «петровскую эпоху», — он продолжал развиваться и дальше, указы о беглых, нищих, бродягах встречаются и в последующие годы XVIII в., например, в 1736, 1753, 1762, 1771 годах.

Одной из частых причин крестьянского разорения была солдатская служба в рядах царской армии, отрывавшая тысячи работников от крестьянского хозяйства и приводившая в значительном числе случаев крестьянский двор к полному хозяйственному упадку. Характернейшая черта: в числе вольнонаемных рабочих петровских мануфактур значительный процент приходится на долю «солдатских, рейтарских и пушкарских детей».

Конечно, процесс открепления производителя от средств производства далеко не полностью, не во всех своих проявлениях и характерных чертах совпадал с тем же процессом в Западной Европе, классическое описание которого дано Марксом в 24 главе «Капитала» (т. I). Он в сильнейшей степени искажался крепостной обстановкой, развивался своеобразно, значительно замедленнее, развивался неравномерно и растянулся на огромный срок [1], докатившись до второй половины XIX в. Но все же в XVIII в. имеется ряд его ярких признаков и без учета их во многом останется непонятным процесс формирования рабочих крепостной России.

2. РАБОТА НА МАНУФАКТУРЕ

Было бы неправильно представлять себе завод или фабрику крепостной эпохи в привычной форме капиталистической фабрики. Ленин указывает на то, что научное понятие фабрики «вовсе не соответствует обыденному ходячему значению этого термина». Обычно, пишет он дальше, «под фабрикой разумеют всякое более или менее крупное промышленное заведение с более или менее значительным числом наемных рабочих. Теория же Маркса называет крупной машинной (фабричной) индустрией лишь определенную, именно высшую ступень капитализма в промышленности. Основной и наиболее существенный признак этой стадии состоит в употреблении для производства системы машин». Поэтому в строго научном смысле слова термин «фабрика» не только к «петровской эпохе», но и ко всему XVIII в. неприме-

[1] Заметим, что в классическом описании Маркса факты, характеризующие процесс первоначального накопления, берутся из эпохи XIV—XVIII в.в., т. е. на протяжении пяти столетий.

ним, и если встречается в литературе, то его надо понимать условно. Условно и употребление его нами в настоящей статье.

Механических двигателей «петровские фабрики» не знали; они применяли ручной труд на несложных, как правило, движимых человеческой силой станках.

Производство XVIII в. было мануфактурным. Часто основным признаком мануфактуры считается сосредоточение в одном помещении, в мастерской капиталиста, нескольких десятков человек рабочих, вручную совершающих производственные процессы. Это — неправильное, немарксистское понимание мануфактуры, не этот ее признак является основным. Существеннейшим признаком мануфактуры является разделение труда, выполнение рабочими различных процессов, являющихся составными частями производственного процесса, взятого в целом. Где находятся рабочие — в одной ли центральной мастерской предпринимателя, или они по его заданиям работают на дому,— этот признак не является основным. Мануфактура крепостной России была и централизованной, была и разбросанной по домам отдельных эксплоатируемых предпринимателем кустарей.

Вот перед нами «фабрика» металлических пуговиц и булавок фабриканта «Жиркова с товарищи» в Москве. Документ 1731 г. так рисует ее производственный процесс в части выделки булавок: один рабочий подготовлял, «правил» железную проволоку, второй — «тянул волокно», третий — затачивал конец булавки, четвертый и пятый — работали над булавочной головкой (один из них формировал ее, другой обстригал), шестой — «чистил» булавку, седьмой — заведывал «сажаньем на бумагу». Иначе работал знаменитый Тульский ружейный завод. Отдельные кустари в своих избах готовили различные части ружей — ружейное ложе, курок, ствол и т. д. Затем эти полученные от различных мастеров части механически соединялись в заводских мастерских, производивших у себя лишь некоторые, наиболее сложные операции, например сверление дула. И в том, и в другом типе мануфактуры основное—разделение труда.

В документах XVIII в. встречаются довольно живые описания мануфактур, из которых мы узнаем не только о производственной организации, но и о бытовой стороне, а также о торговых связях «фабрики» и сбыте товаров заграницу. Одно из них принадлежит иностранцу Берхольцу и относится к 1722 г. Этот иностранец находился в свите герцога Голштинского и, конечно, смотрел на фабрику глазами богатого барина, восхищающегося «цветущим» состоянием фабрики и считающего эксплоатацию рабочего «естественным» явлением. Кроме того, показывая фабрику такому «высокому гостю», владелец сумел все привести

в «приличный» вид и скрыть многие тяжелые стороны производственного быта. Речь идет о фабрике Тамсена.

«Вчера один здешний богатый и очень уважаемый императором купец по фамилии Тамсен просил его королевское высочество осчастливить сегодня утром своим посещением недавно заведенную им здесь полотняную фабрику и потом пожаловать к нему обедать... Сев в сани, мы отправились в город на большую фабрику, которая помещается в большом каменном доме... По приезде туда мы осмотрели все по порядку, и я должен признаться, что никак не ожидал, чтобы хозяин фабрики мог устроить здесь такое заведение и привести его в столь цветущее состояние. Оно имеет сто пятьдесят ткацких станков, за которыми работают почти исключительно одни русские, и производят все, чего только можно требовать от полотняной фабрики, т. е. все сорта полотна, от грубого до самого тонкого, прекрасные материи для скатертей и салфеток, тонкий и толстый тик, простыни как узкие, так и необыкновенно широкие, тонкие канифасы для камзолов, цветные носовые платки и множество других подобных вещей. Содержание его обходится до 400 рублей в месяц... Хозяин при сходе вниз показывал нам свой магазин, где у него сохраняется товар, изготовленный на фабрике и еще не проданный. Он имеет также несколько лавок для продажи своих товаров и, кроме этого, отпускает большое их количество за море, не говоря уже о ежегодных значительных поставках в казну... После обеда господин Тамсен повел нас сперва в женское отделение, где работают девушки, отданные на прядильню в наказание лет на десять и более, а некоторые и навсегда, между ними было несколько с вырванными ноздрями. В первой комнате, где их сидело до тридцати из самых молодых и хорошеньких, было необыкновенно чисто. Все женщины, находившиеся там и ткавшие одна подле другой вдоль стен, были одеты одинаково и даже очень красиво, именно все они имели белые юбки и белые камзолы, обшитые зелеными лентами»...

Любопытны сведения о вольнонаемном труде в этом же описании Берхольца: «В заключение Тамсен повел нас в комнату, где сидело человек двадцать или тридцать свободных работников, которые ткали за деньги, но заработная плата их почти не превышала того, во что обходится содержание арестанта».

Заработная плата на «фабриках» была крайне низка, — свидетельство Берхольца характерно не только для фабрики Тамсена. Рабочий день на мануфактуре XVIII в. длился обычно 14 и 16, а иногда и 18 часов.

Если так плохо было положение вольнонаемных рабочих, то еще хуже обстояло дело с приписными крестьянами. Хотя

они формально и не считались крепостными фабрики, но условия их подневольного труда были ужасны. Приписанные к заводу деревни иногда на 600—700 верст отстояли от завода, и время, которое крестьяне тратили на путь, трудности пути, отрыв от хозяйства делали работу крестьян на таких заводах исключительно тяжелой.

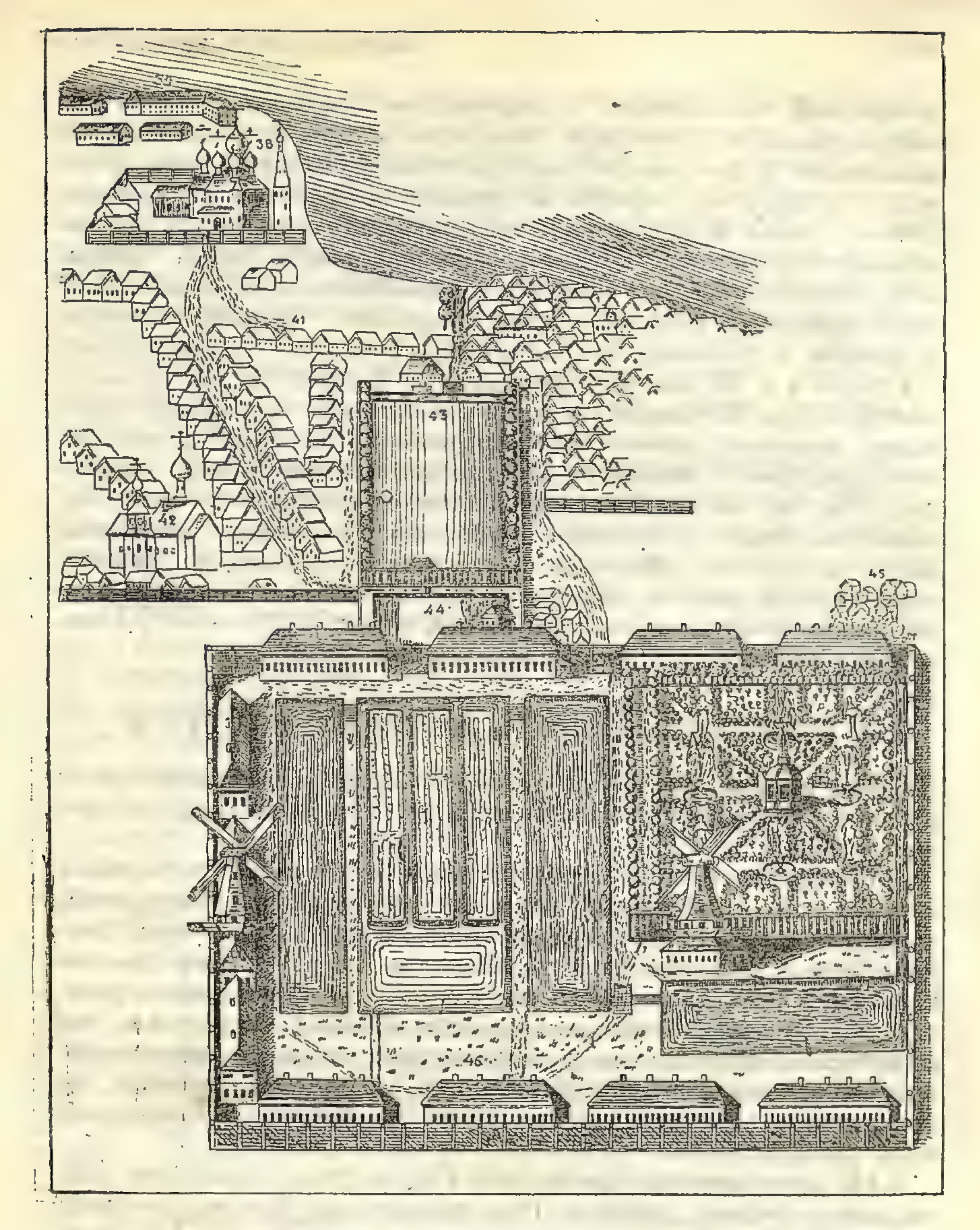
3. КРЕПОСТНИЧЕСКАЯ ЭКСПЛОАТАЦИЯ И СОСТАВ РАБОЧИХ

До 1721 г. на фабриках в основном не было других разрядов крепостных рабочих, кроме приписных крестьян. Приписные чаще всего были казенными крестьянами. Приписка какого-нибудь села или деревни (иногда приписывались целые волости) к заводу означала обязанность крестьян работать на этом заводе по требованию владельца, платившего за них подушную подать. Ничтожная зарплата выдавалась на руки лишь в тех редких сравнительно случаях, когда превышала размер этой подати, а как правило зачитывалась в уплату податей. Весной, летом и осенью члены семей не все сразу работали на заводах — остававшаяся в деревне часть занималась крестьянским трудом и содержала в значительной доле и приписного, работавшего на фабрике. Почти поголовная работа была лишь зимою. Деревни, приписанные к заводам, отстояли часто от завода на многие сотни верст (600 — 700 верст); проезжать это расстояние приписные крестьяне должны были за собственный счет, опоздание к рабочему периоду жестоко каралось. Понятно, что приписка деревни к заводу грозила хозяйственным разорением и являлась для крестьян величайшим несчастьем. В XVII, а особенно в XVIII в. восстания крестьян против приписки деревень к заводам идут непрерывной волной. Правительство указывало на необходимость применения вольнонаемного труда. Так, фабрикант Тимофей Филатов, владелец бумажной и полотняной мануфактур, в 1720 г. получил указ бергколлегии, которым велено было ему «работных людей нанимать вольных, а не крепостных, и о платеже с оными договариваться ему повольною ценою». Но 1721 г. знаменателен как поворотный пункт политики правительства: 18 «генваря» 1721 г. был издан указ, которым разрешалось «купецким людям» покупать к фабрикам деревни с тем, чтобы эти деревни числились при фабрике и не могли быть проданы отдельно от нее, а труд крестьян не должен был использоваться на иных работах, кроме фабричных. По характерному выражению указа, подобные деревни к фабрикам покупать было можно «токмо под такою кондициею, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно».

Так было положено начало особого разряда крепостных рабочих, посессионных крестьян, право владеть которыми распространялось не только на купцов, но и на дворян. Многие историки рассматривали это нововведение как результат трудностей достать рабочие руки в крепостной России. Но рабочие руки все же были, частично развивавшиеся в то время процессы первоначального накопления уже выталкивали их из деревень крепостной России. Происшедшее в 1721 г. распространение крепостных отношений на промышленность имело особый смысл. Это — одна из страниц истории классовой борьбы между фабрикантом и рабочим крепостной России. Фабрикант добивался его, как способа покрепче сжать рабочих в своем кулаке, по произволу орудовать с заработной платой, бороться с рабочим движением, подавлять приемами крепостной расправы недовольство рабочих.

Важно отметить здесь еще вопрос о квалифицированной рабочей силе. При ее редкости и дороговизне иностранных мастеров нужно было закрепить за фабрикой обученного русского рабочего, пресечь ему возможность уйти, когда он захочет. Важно отметить, что после указа 1721 г., в последующее время, стали выходить указы, прикреплявшие различные разряды из крепостных рабочих к той фабрике, на которой они работают. Стоило появиться подобному указу относительно какой-нибудь фабрики, как на ней сейчас же ухудшались и без того крайне тяжелые условия труда, усиливались наказания, уменьшалась зарплата. Так, в 1736 г. вышел указ о прикреплении рабочих к Московской суконной мануфактуре, и уже в 1737 г. фабрикант «под острастием» заставляет рабочих подписать согласие получать меньшую, чем раньше, заработную плату. После закрепощения фабриканты приказывали работать на фабриках членам семей рабочих, также рассматривая их как крепостных. Как только к суконной мануфактуре Дряблова прикрепили рабочих, он сейчас же снизил расценки: ткачам на полторы копейки с аршина, прядильщицам на одну копейку с фунта, а «куски сукна приказал выделывать шире прежнего».

Различные национальности, населявшие царскую крепостную Россию, постепенно также втягивались в состав рабочих. На Украине развивалась своя мануфактура, своя фабрика, черпавшая рабочую силу, как вольную, так и принудительно работавшую, более всего из украинского селянства. И в центральных областях Российской империи XVIII в. и даже еще раньше, — в Московской Руси XVII в., мы видим наряду с угнетенным, эксплоатируемым рабочим русской национальности рабочего других национальностей, над которым тяготел двойной гнет —



Видъ Ярославской Большой Мануфактуры въ 1731 году

38 - Церковь Николая Чюдотворца
39 - Мелница бумажная на Которости.
40 - Ветреная Мелница.
41 - Мануфактурная слобода
42 - Церков. Богородицыны Иконы Донскія.
43 - Прудъ и мелницы бумажныя
44 - Прудъ монастырскій
45 - Бутырки
46 - Полотняныя и прочія Мануфактуры Затрапезновыхъ.

ЧАСТЬ ГРАВЮРЫ г. ЯРОСЛАВЛЯ 1731 г. РАБОТЫ А. РОСТОВЦЕВА.

фабричной эксплоатации и национальной великодержавной политики царизма. Украинцы, белоруссы, татары встречались и на московских и ярославских мануфактурах, и на уральских заводах. На последних изредка встречались в то время и башкиры. Очень редко в документах того времени указывается национальность рабочего. Тем интереснее подчеркнуть такое, например, свидетельство, как следующее упоминание в документе 1670 года: заводчику иноземцу Петру Марселису «велено отпустить з заводов к бутовому делу, где работают крымские татаровя, 50 заступов железных»... В 30-х г.г. XVIII в. на мануфактурах Затрапезного в Ярославле работали наряду с русскими рабочими рабочие из «запорожских казаков» и «черкасской природы» («черкасы»—полупрезрительная кличка украинцев). На тех же мануфактурах работали также рабочие люди «из кормовых татар» и «чухонской природы». Есть также частые указания на рабочих «польской нации», есть указания на рабочих «курляндской земли», «шведской породы». В предисторию пролетариата включается, как мы видим, еще с XVII — XVIII в.в. история отдельных национальных отрядов рабочих.

4. ВОЛНЕНИЯ РАБОЧИХ НА МАНУФАКТУРАХ XVIII в.

Мы видели, что классовая борьба пронизывает любой факт истории рабочих крепостной России, будь он даже с виду и «далек» от нее.

Но еще ярче и отчетливее выступает перед нами эта борьба в картине тех непрерывных волнений, протестов и возмущений, какими ответила трудовая крепостная Россия на рост своей эксплоатации в промышленности. Характер этих волнений уже показывает на неоднородность состава рабочих. По одному протестуют против фабричной эксплоатации приписные крестьяне, насильственно связываемые с мануфактурой путем правительственного или господского распоряжения, по другому—рабочие, из поколения в поколение работающие на фабрике, потерявшие свою связь с землей.

На предприятиях крепостной России уже образуются кадры потомственных рабочих. Ряд характерных фактов относится еще к XVII в. Вот перед нами «отказные книги» на Тульские, Каширские и Алексинские железные заводы боярина Льва Кирилловича Нарышкина за 1690 г.: в них записан некий кузнец Петрушка Петров — «сказался он, Петрушка, родился-де на заводах, а отец ево из которого города пришел, того не упомнит». Заметим, что крестьянина и рабочего крепостной России любой чиновник и вообще представитель эксплоататорских классов презрительно

называл уменьшительным именем, чем подчеркивалось приниженное и зависимое положение «черни», «простого народа». За этим, родившимся на заводе «Петрушкой» идут другие кузнецы: «Малафейка» Леонтьев, «Серешка» Васильев, «Савка» Борисов — и обо всех написано то же самое. В первой половине XVIII в. мы встречаемся с группой потомственных рабочих, например, на суконной мануфактуре Щеголина. На ней работают «суконщиковы дети», «каменщиковы» дети. Наряду с этим ядром потомственного пролетариата все чаще встречается рабочий,— иногда вольнонаемный,— с большим, иногда чрезвычайно большим, производственным стажем. И это явление также уходит корнями в XVII в. Опять обратимся к документам.

Вот перед нами переписная книга стольника Афанасия Фонвизина по Тульским и Каширским железным заводам за 1662 г. Мы находим в ней упоминание о некиих «Кузьке да Стеньке Емельяновых», русских вольных людях-мастерах, работают они «по договору без записи — Кузька 10 лет, Стенька 5 лет».

В тех же «отказных книгах» 1690 г. на Тульские, Каширские и Алексинские железные заводы, о которых выше шла речь, мы встречаем рабочих с еще большим производственным стажем: кузнец «Федотка» Максимов пришел из «села Дедилова и живет на заводе тому лет 20 и больши». «Сенька» Осипов «живет на заводе лет с 30». «Угольный подмастерье Федосейко Степанов», ранее «гулящий человек», работает на заводах «лет 30 и больши», а сын его «Тимошка», 17 лет, также работает в заводской кузнице. Таких примеров можно было бы привести очень много.

XVIII в. наполнен волнениями приписных к заводам крестьян. Нежелание итти на заводскую работу, резкий протест против отрыва от деревни и крестьянского хозяйства характеризует крестьянские требования во время этих волнений. В 1715 г. к Олонецким заводам правительство приписало Рабольский погост — крестьяне отказались итти на работу и были «усмирены» при помощи роты солдат. В 1724 г. волнуются приписные к Липецким и Козминским заводам. Чем ближе к пугачевщине, тем значительнее становились эти волнения приписных и тем большее количество новых сторонников присоединялось к восставшим. В средине XVIII в. императрица Екатерина II признавалась, что восстание охватило приписных крестьян всего заводского Урала, — по словам императрицы, волновалось 49.000 приписных крестьян.

На Пермских заводах Демидова приписные крестьяне выступили особо организованно: «Мы были приписаны к Деми-

дову только на три года и уже отработали свое, — заявили они,— мы готовы помереть, а на завод не пойдем». Правительство выслало на завод вооруженную силу с капитаном Симоновым во главе. Крестьяне не пустили его на завод и стали организованно готовиться к отпору. Созывая помощь из соседних деревень, в восставших деревнях непрерывно гудел набат. Крестьяне поставили у въезда караул, производили военное учение, готовясь к бою: «Капитан Симонов, — говорили они, — собирает казаков для высылки нас на заводы, токмо мы живы в руки не дадимся. Ежели станут в нас стрелять, то мы напротив того же также будем поступать. У нас самих много есть огненного оружия, копьев, дубин». Действительно, когда начался бой с правительственными войсками, крестьяне действовали огнестрельным оружием. Правительственные войска отступили, и даже пушечный выстрел по крестьянам не сломил их. Успех перешел на сторону правительственных войск лишь после конной аттаки драгун.

В характере волнений и в выставляемых требованиях всех приведенных выше случаев мы не находим ничего своеобразно рабочего, — это типично крестьянские требования, протест против заводской работы, стремление вернуться «в крестьянство». Но уже встречаются волнения и другого характера, хотя число их еще чрезвычайно незначительно. Волнения работных и мастеровых людей, видимо давно работающих на заводах, не характеризуются требованиями отпустить их от заводской работы обратно в деревню, — нет, выдвигаются иные, уже рабочие по существу, требования.

Когда предприниматели добились прикрепления рабочих к заводам и воспользовались им, как средством снижения зарплаты, рабочие некоторых заводов оказали тому организованный протест. Повидимому, рабочие Московской суконной мануфактуры бастовали в связи со снижением зарплаты с 22 марта по 14 мая 1737 г. Забастовка повторилась на том же заводе по тому же случаю 15 апреля 1742 г. В 1749 г. на той же мануфактуре произошло сильнейшее возмущение рабочих, протестовавших против принуждения к работе их жен и детей. Дело кончилось ссылкой некоторых рабочих на каторгу по постановлению Сената.

В 1737 году начались, как мы уже знаем, волнения на Казанской суконной мануфактуре Дряблова. Причиной волнений было снижение расценок и низкое качество сырья — Дряблов давал для работы «худую и грязную шерсть». Эти же рабочие жаловались на неправильные вычеты из заработной платы и на то, что хозяин заставляет сверх фабричного труда работать на его личные, хозяйские нужды. Эти требования по своей

основе уже рабочие, а не крестьянские. Но наличие таких отдельных случаев еще не меняет общей характеристики движения, как еще не имеющего в целом черт классового рабочего движения и являющегося по существу крестьянским. Характерен, например, такой случай: мастеровые железоделательных заводов Евдокима Демидова пошли навстречу возмущению крестьян Ромадановской волости Калужской «провинции», которые восстали в 1752 г., протестуя против приписания их к заводам. Из заводских прудов выпустили воду, остановили производство, потушили печи, даже бросили угольные кучи, в которых готовился уголь для домен. Восставшие имели пушки и значительное количество ружей, производили правильное военное учение, причем в учении принимали участие не только мужчины, но и женщины и девушки, одетые в мужское платье. Восставших насчитывалось до 3.000 человек. Войска, высланные правительством, долго не могли справиться с восстанием. По «именному» царскому указу, деревни крестьян были подожжены, — это позволило захватить около 300 человек восставших, но это все же не сломило восстания. Нужно было значительно увеличить силу нападения, чтобы наконец сломить восстание. Зачинщиков сослали в Сибирь, а несколько сот мужчин и женщин были наказаны кнутом, плетьми и «кошками» и возвращены Демидову. Рабочие сознают единство своих и крестьянских требований и в ответ на нежелание крестьян работать на заводе сами бросают работу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РОСТ КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ ЭКСПЛОАТАЦИИ РАБОЧИХ

1. РОСТ ДВОРЯНСКИХ МАНУФАКТУР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Царствование Екатерины II считается рядом историков временем расцвета крепостного хозяйства. Но в этом расцвете не трудно заметить ряд зловещих для дворянства признаков начального разложения крепостного хозяйства. Еще во время созыва комиссий для составления нового Уложения в 1767 г. проявляются эти признаки, встают новые для дворянства хозяйственные вопросы. Основным из этих вопросов являлось дворянское промышленное предпринимательство. Корни этого явления можно проследить еще раньше.

В начале XVIII в. мануфактуры были преимущественно «купеческими», т. е. организованными купцами. Конечно, неправильно было бы за подобными предпринимателями сохранить название «купца» без оговорок. С того момента, как купец вложил свой капитал в фабрику, стал промышленным предпринимателем и выжимателем прибавочной стоимости, о нем не приходится говорить только как о купце. Как мы помним, закон 1721 г. дал очень значительную привилегию купеческой фабрике, разрешив владельцу покупать к ней крестьян. Хотя тот же закон 1721 г. разрешал пользоваться этим правом и дворянам, но для последних, уже имевших в то время право владения крепостными, он не давал каких-либо особых, существенных преимуществ. Указ 7 января 1736 г. был следующим шагом по тому же пути: он постановил «быть вечно при фабриках» тем рабочим, которые обучились какому-либо мастерству, хотя бы они и не являлись ранее крепостными рабочими. Но в последующие годы привилегии «купцам»-фабрикантам начинают заметно суживаться. Одной из важных причин этого сужения является дальнейшее развитие процесса первоначального накопления. Рост пауперизма, обнищание трудящихся масс, открепление их от средств производства ведет, с одной стороны, к усилению «кровавого законодательства» правительства крепостников против бродяжничества, а с другой — к «заботам» того же правительства о каком-то хотя бы фабричном «устройстве» этих обнищавших масс: опасность нараставших массовых волнений была слишком очевидна дворянскому правительству. В свете этих обстоятельств понятен указ 1752 г., изданный в царствование Елизаветы Петровны, об ограничении количества рабочих, которых фабриканты-купцы имели право прикупать к фабрике. В зависимости от особенностей предприятия фабрикантам было разрешено покупать не более, чем от двенадцати до сорока двух душ к каждому стану. Указ мотивировал это ограничение с похвальной откровенностью: «Многие заводчики и фабриканты заводы и фабрики свои производят не столько покупными, как вольными людьми, из чего следует и впредь следовать может немалая подлому народу от найма оных к фабрикам и заводам польза». «Польза» была тут более всего для правительства крепостников, боявшегося бунтов «подлого народа» и в тот исторический момент меньше опасавшегося этого «подлого народа», если на него было наложено ярмо фабричной дисциплины.

Эти указы преследовали и защиту дворянина-фабриканта от конкуренции фабриканта-купца. В тот же «знаменитый» для дворянства 1762 г., когда оно закрепило свое классовое господство манифестом о «вольности дворянства», в ознаменование

ПРОРЫТИЕ ЛАДОЖСКОГО КАНАЛА

С картины А. В. Моравова

Принудительный труд крепостных при прорытии Ладожского канала

РАБОЧИЕ ПРИВОЗЯТ ПУГАЧЕВУ ПУШКИ

С картины Авилова

чего даже задумало было поставить статую Петра III из чистого золота, был издан всего через месяц с небольшим и другой, более скромный с виду, но очень значительный по содержанию указ: это был указ 29 марта 1762 г., совсем запрещавший покупку крестьян к фабрикам и заводам и этим ставивший фабрикантов из купцов перед необходимостью пользоваться исключительно вольнонаемным трудом. Вступившая на престол через труп своего мужа Петра III Екатерина II поторопилась в том же году, 8 августа, подтвердить закон 29 марта. Дворянское правительство откровенно возлагало на купца необходимость всасывать в свои фабрики всех разоренных, нищих бродяг, отрывавшихся от средств производства процессом первоначального накопления, а дворянам предоставляло возможность пользоваться на своих дворянских фабриках трудом собственных крепостных.

Отсюда понятна та обостренная борьба между предпринимателем-дворянином и предпринимателем-купцом, которая развернулась в комиссии 1767 г. Наказы купечества полны усиленных просьб разрешить ему покупать к фабрикам крепостных. Немало усилий было положено фабрикантами из купцов для «логического» доказательства той мысли, что только купцы должны верховодить в промышленности, а дворяне должны заниматься лишь сельским хозяйством. Любимское, тульское, алексинское купечество, а также жители городов Рузы, Зарайска, Буя и ряда других единодушно просили запретить дворянам иметь фабрики. В своих выступлениях в «уложенной» комиссии 1767 г. депутат комерц-коллегии Меженинов прямо приходит к выводу, что «не надлежит позволить дворянам устраивать фабрики и заводы». Депутат рыбнослободского купечества Алексей Попов отстаивал ту мысль, что дворянам «не свойственно» торговать и заводить фабричные заведения, а другой депутат просил «разрешить заводить фабрики одним купцам». В противовес этому дворянство с известной долей презрения к купцам, как к «ниже» его стоящим людям, выдвигало свои проекты, сводившиеся к одному — запретить купцам пользоваться на фабриках крепостным трудом, так как последний есть «естественная» привилегия «благородного российского дворянства». Были случаи, что дворяне-депутаты шли еще дальше. Так, дворянский депутат Кожин выдвигал проект вообще запретить купцам владеть фабриками, так как это-де мешает их основному делу — торговле, «коммерции»: фабрики, якобы, служат для купцов препятствием «к правильному ведению коммерческого дела». Виднейший идеолог крупного дворянства князь Михайла Щербатов даже выступил на комиссии 1767 г. со своеобразной теорией, доказывавшей логически, что мануфактуры — исключительно дворянское дело. Вот цепь

его рассуждений. Для работы фабрик что необходимо? Сырье. А сырье откуда берется? От продуктов земли или в «недрах оной находится» (тонкий намек на металлопромышленность). А земля чья? Дворянская. А крестьяне — рабочая сила фабрик и заводов — чьи? Тоже дворянские. Следовательно, кто же «природный» владелец фабрики? Дворянин, конечно! На этой дворянской логике воздвигалась и завершительная теория: «ибо, где есть дворяне, там есть и их подданные, где есть дворянские подданные, там заводятся земледелие, мануфактуры и, следовательно, богатство, а где есть богатство, там рождаются науки и художества».

Победа и осталась, конечно, за дворянством. Купцы потеряли право пользоваться крепостным трудом. Они восстановили его лишь через много лет (1798 г.) и при особых условиях. С половины XVIII в. число дворянских мануфактур значительно возрастает, и среди дворян-фабрикантов все чаще встречаются фамилии крупного титулованного дворянства. В состав крупно-дворянских доходов все чаще входят тысячи и десятки тысяч рублей, полученные от фабричного дохода.

Число предприятий за вторую половину XVIII в. значительно возросло: до издания закона 1762 г. всех для того времени крупных фабрик было (не считая горных заводов) 984; к 1796 г. их было уже 3.161. В 1773 г., так сказать, к началу пугачевщины, стоимость общего производства фабрик составляла 3.548 тыс. рублей. Замечателен также процесс перехода «купеческих» фабрик в дворянские руки.

2. ФОРМЫ КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ ЭКСПЛОАТАЦИИ НА ДВОРЯНСКИХ МАНУФАКТУРАХ

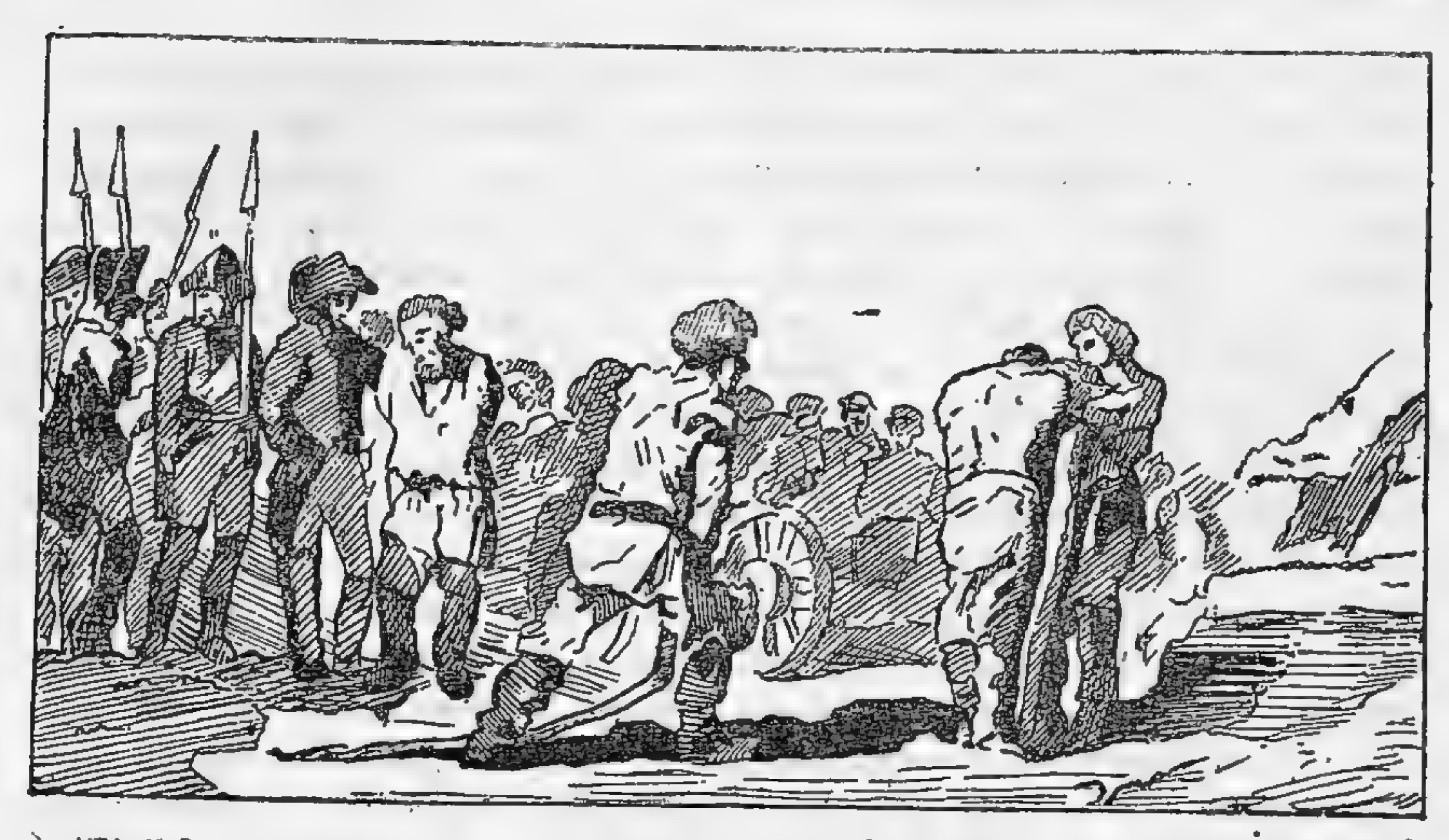
Укрепление дворянства на промышленно-предпринимательских позициях означало, конечно, значительное ухудшение и без того ужасного положения рабочих крепостной России. Оно означало укрепление в промышленности форм крепостнической эксплоатации, торжество внеэкономического принуждения.

Сеть промышленных предприятий, покрывавших крепостническую Россию, все густела (см. карту). Под Тулой, Калугой, в глухих уральских дебрях, лесах, в Сибири крепостные рабочие отбивали грубыми кайлами куски железных руд, спускались в шахты, ковали металлы в «кузнечном сарае», гнали расплавленный металл из «ручных домниц»; спешили выполнить свою работу мастера «доменного» и «пушечного» дела «ружейные заварщики», «ружейного дела замочные ковали». Лишь кое-где в производстве металла крепостному рабочему помогала вода, «во-

додействующие» установки, главным же двигателем труда были рабочие мускулы, часто еле прикрытые рубищем. Около металлозаводов в глухих лесах, то тут, то там, те же крепостные крестьяне-«углежоги» жгли уголь, рубя для него стволы вековых деревьев, сваливая их в кучи, обкладывая дерном и зажигая. Работа углежога надолго отрывала приписного крестьянина от земледельческого труда, крепостные домны требовали угля, и «уроки» углежогам были столь велики, что с ними еле справлялось сразу несколько членов крестьянской семьи. В Москве, Казани, Путивле и многих других местах тот же труд рабочих крепостной России двигал суконные, полотняные мануфактуры. Мускулистые руки крепостных и вольнонаемных мыли шерсть, разбирали тряпье, пряли нить, расставляли в мануфактурном помещении—низком, душном и таком темном, что ткачи «едва тканье свое точно высмотреть смогли» — широкие берда. «Старинные» для нас и привычные для них сорта шерстяных материй — коламенок, стамед, каразея — медленно, аршин за аршином, сползали с ручных станков, чтобы те же крепостные руки, скатав их в отдельные куски, отнесли в «подкамору» [1], откуда потом товар пойдет в «торговые ряды» или по казенному заказу, чтобы набить золотом дворянский или купеческий карман.

Над всем этим крепостным, подневольным трудом царила крепостная расправа. Фактически ничем не ограниченная воля помещика или купца-фабриканта ставила любые условия рабочему, и лишь боязнь рабочих волнений заставляла хозяев временами итти на уступки. Рабочий день длился 14—12 часов, заработная плата была ничтожна. На полотняной фабрике Озеровых ткач на приготовление одного куска полотна первого сорта в 50 аршин должен был истратить 135 дней и получал за это 7 рублей серебром. В Ярославской губернии шелкоткач зарабатывал 6 рублей в месяц, а ткачиха — 2 рубля: труд женщин ценился гораздо ниже мужского труда. Нечего и говорить об эксплоатации детей, — плата им редко превышала 3 — 4 коп. в день, а часто и просто отсутствовала; загнанный на фабрику 5—6-летний ребенок крепостного должен был довольствоваться тем, что ему давали жалкий прокорм. Если работавший на заводе или на мануфактуре сохранял связь с землей, то хозяин пользовался этим для самого крайнего снижения зарплаты. Так, приписные к железоделательным заводам углежоги получали за конную работу 10 коп. в день (лошадь была крестьянской и состояла на крестьянском корму), а за пешую—5 коп. в день. Заводский исправник в одном документе свидетельствует, что рабочему Павлу Гри-

[1] Искаженное название «паккамеры».



НАКАЗАНИЕ КНУТОМ НА ЗАВОДАХ
С рисунка Аткинсона (1790-е г.г.)

горьеву, работавшему с 1 марта по 15 июня, было выдано на руки только 2 руб. 80 коп., — все остальное было удержано «за долги». Подобное удержание было лишь способом урвать из жалкой зарплаты рабочего кусок для кармана фабриканта. Во время работы рабочим отпускались в долг мука, крупа, овес для лошадей, а в результате вычеты сводили зарплату рабочего к совершенно ничтожным суммам. За малейшую с точки зрения хозяина «провинность» рабочего подвергали любым истязаниям, границу которым клала лишь та или иная степень хозяйской садической фантазии.

Розги, батоги, плети, кнут, ссылки в Сибирь, тюрьмы, — все было в распоряжении фабриканта-крепостника. За побег с фабрики пойманного заковывали в цепи и надевали на шею железные рога, которые лишали закованного возможности спать. Не только беглец, но и его родные подвергались подобным истязаниям. Если рабочий «осмеливался» замахнуться на заводское начальство, было приказано его при всех рабочих жестоко наказывать «кошками» и в течение полугода кормить одним хлебом и водой. За пьянство и прогулы применялось наказание батогами и заковывание в железо на несколько дней. Закованные в цепи все же должны были работать. Владелец уральских заводов Зотов «славился» своими расправами с рабочими, лично забивал рабочих до-смерти, ходил по заводу с пистолетами и расстреливал на месте за ослушание. Когда комиссия, присланная для расследования его действий, спустила заводской пруд, в нем ока-

зались десятки сброшенных на дно трупов. Генерал Сухозанет, приезжавший для расправы на свои заводы, едва не засекал досмерти крестьян. Когда однажды во время своего приезда он расправился только с 40 рабочими, причем если высшая мера наказания не превышала 400 ударов, то все удивлялись, как «мягок» генерал в этот свой приезд.

Рабочие жили в смрадных избах и землянках, — в самих фабричных помещениях, похожих скорее на тюрьму, нехватало ни воздуха, ни света. Чаще же отдельных помещений для жилья рабочих просто не было,— рабочие спали вповалку в рабочем помещении, прямо у станков. Беременные женщины не получали отпуска даже во время родов. Нередко роды происходили прямо у станка. Архитектура фабричных зданий крепостной России — решетки в окнах, тяжелые ворота на запоре, угрюмые здания — отражали тяжелый производственный быт. У суконщиков XVIII в., по свидетельству одной комиссии, присланной обследовать условия труда, здание, где производилась работа, было таким плохим, что на работу через щели потолка сыпался песок и сор, и снег или дождь проникали через щели в помещение. «Очень срамно видеть, — писала комиссия, — что большое число мастеровых и работных людей так ободрано и плохо одеты на-

НАКАЗАНИЕ БАТОГАМИ НА ЗАВОДАХ
С рисунка Аткинсона (1790-е г.г.)

ходятся, что некоторые из них насилу и целую рубаху на плечах имеют». В помещении мануфактуры «ткачи насилу и столько дневного света имели, дабы тканье свое точно высмотреть». Пища была скудна до последней степени. Например, на фабрике помещицы Бискорн в Курской губернии в щи на 392 рабочих клали всего 10 фунтов, часто несвежего, мяса.

Где-нибудь в Московской или Калужской губернии, за несколько верст от крепостной суконной или еще какой другой мануфактуры, представьте теперь себе дворянскую усадьбу конца XVIII в. За белыми колоннами стоящего на пригорке дома текла привольная и сытая барская жизнь. В просторных комнатах мерцали зеркала в золоченых рамах, блестел натертый воском паркет, выложенный затейливыми звездочками, стояла обтянутая бархатом и атласом мебель из драгоценного дерева на гнутых ножках. Чем богаче был дворянин, тем пышнее была окружавшая его обстановка, тем больше походил его быт на быт царского двора, идеалом для которого была французская придворная жизнь «века Людовика XIV». Около дома — французский парк, с причудливо подстриженными деревьями, статуями античных богов и богинь, расставленными вдоль прямых, как стрела, аллей, фонтаны на манер версальских, широкая подъездная аллея к дому —avenue, при въезде на которую сразу открывался дом и парк со всем его великолепием. Около барских кресел, тонкого белья, вышитых камзолов, безделушек, трубок, барских пудренных париков, а особенно около барской еды хлопотали и суетились сотни дворовых. За обедом подавались десятки блюд и дорогие заграничные вина, фантазия бар и их прислужников изощрялась, чтобы придумать что-нибудь поизысканней: подавались пуддинги, из которых били фонтаны вина, пироги, из которых вылетали живые голуби. При дворе графа Шереметева насчитывалось около 800 человек дворни. Ежедневно для стола графа Разумовского и его придворных употреблялся один целый бык, десять баранов и сто кур. При том же графе состояло четыре парикмахера, а в дворне имелось три женщины специально для чистки серебряной посуды. В описи богатств Артемия Волынского 13 страниц были заняты перечислением одних принадлежавших ему драгоценных камней и 19 страниц — описанием принадлежавших ему золотых и серебряных вещей. Труд десятков тысяч крестьян, работавших на барских полях и заводах, создал и поддерживал эту роскошь. Мускулов крепостных было достаточно, чтобы производить сельскохозяйственные работы, приводить в движение станки мануфактур, но для удовлетворения барской прихоти иногда орудовали и машины: чтобы избавиться от присутствия при барских праздниках крепостных слуг, строилось специальное по-

мещение — «эрмитаж»[1]—где машина с первого этажа на второй поднимала накрытый стол.

Не все дворяне могли жить столь роскошно, многие жили значительно менее богато, но роскошь царского двора и вельможи оставалась идеалом и даже менее богатых дворянских слоев. В следующем XIX в. разложение крепостного хозяйства несколько расшатало дворянский быт, но основные характерные черты построенной на эксплоатации крепостного труда барской праздной и ленивой жизни остались теми же.

Барин-крепостник в раззолоченном кабинете, вероятно, с удивлением читал в докладе управляющего его железоделательными заводами исчисление годового заработка крестьянина-углежога, приписанного к его заводу:

Продовольствие одного углежога с семейством:

63 пуда ржи в зерне по 45 коп. сер. за пуд	28	р.	35 к.
Овес для двух лошадей углежога	19	р.	35 к.
Итого	47	р.	70 к.
Годовой заработок углежога	51	р.	72½ к.
Остается для выдачи на руки	4	р.	2½ к.

Исчисление было сделано по случаю волнений заводских углежогов, и даже автор подсчета должен был флегматично заметить, что 4 р. 2½ коп. в год для рабочего с семьей «недостаточно на покрытие других, также необходимых нужд, как-то: на покупку соли, на одежду и на приобретение рабочих орудий».

Праздники, охоты, балы — характерная черта дворянского быта. Однажды на празднество в имении графа Шереметева — Кусково — приглашено было до 2 тысяч человек, стол сервировался золотой и серебряной посудой, гремела музыка, а во время фейерверка было пущено сразу несколько тысяч больших ракет; бывшие на празднике иностранцы были поражены, как может «частный человек» истратить столько пудов пороху для минутного своего удовольствия. На таких ли или менее роскошных празднествах и балах дворянство веселилось и танцовало из года в год в крепостную эпоху, и даже средний дворянин считал вопросом чести устроить хотя бы один или два бала за зиму в своем столичном доме. А днем, пока господа спали, а усталые дворовые подметали бальные залы, мыли хрустальные бокалы и чистили серебряные блюда,— иногда можно было видеть, как мимо оград господских парков тянулись толпы ободранных и по-

[1] Французское слово «уединение».

луголодных крестьян, отданных барином в «кабальные рабочие» за сотни верст к какому-нибудь купцу-фабриканту за 25 руб. в год с души. Такой способ крепостной эксплоатации практиковался очень часто — помещик, особенно к концу XVIII в., «пристраивал» таким образом избыток крепостных рабочих рук. Подобные крепостные рабочие не получали от предпринимателя ничего, кроме «пропитания», зарплата их непосредственно отправлялась в помещичий карман. Декабрист Якушкин в своих записках описывает сцену подобного переселения: «Изба была набита народом, совершенно оборванным, иные даже не имели ни рукавиц, ни шапки. Их было 100 человек, и они шли на винокуренный завод, отстоящий верст 150 от места их жительства. Помещик, которому они принадлежали, Синтон-де-Варанон, отдал их на всю зиму в работу на завод и получил за это вперед условленную плату».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАБОЧИЕ В ПУГАЧЕВЩИНЕ

1. РАБОЧИЕ ВОЛНЕНИЯ НАКАНУНЕ ПУГАЧЕВЩИНЫ

Волнения рабочих в крепостной России XVIII в. идут непрерывным потоком. Наиболее интересным и ярким моментом этих волнений является участие рабочих в пугачевщине, на котором мы остановимся более подробно.

Чем ближе подходило дело к пугачевщине, тем сильнее и чаще становились волнения всех разрядов рабочих. В 1762 г. вспыхнули волнения мастеровых, рабочих и «солдатских детей» на Московской суконной мануфактуре. В шестидесятых годах XVIII века во главе движений приписных к демидовским заводам крестьян становится казак Федор Каменщиков, объявивший крестьянам, что он послан Екатериной II рассмотреть крестьянские жалобы. Это характерная черта — накануне пугачевщины появляются ее предвестники — «самозванцы». Каменщиков, приезжая на заводы, собирал крестьян, расспрашивал об обидах, оказанных заводчиком, приказывал пороть тех крестьян, которые были во время волнений «демидовскими ушниками» и ходили на работу, в то время как остальные товарищи бастовали. Вместе с крестьянами Каменщиков ходил на могилы убитых при прежних восстаниях. В 1767 г. произошли волнения на заводе купца Походяшина, а в 1769 г. восстало около 9.000 крестьян, при-

писанных к Олонецким казенным заводам. Волнение длилось до 1771 г. Во время созванных в 1767 г. комиссий для составления нового Уложения, новых законов, рабочие волнения чрезвычайно усилились,— для их усмирения были посланы даже делегаты комиссий.

Неуклонно нарастая, волнения рабочих крепостной России слились с начавшейся в 1773 г. крестьянской революцией — пугачевщиной. Рабочие сыграли очень значительную роль в пугачевщине. Это было первое крупное движение масс, в котором отчетливо можно различить участие рабочих. Они вошли в движение не на первом его этапе. Почин движению положило яицкое казачество. Поднимавшаяся волна движения захватила «инородческие» и крестьянские массы и тут, накануне своего высшего подъема, встретилась с идущей ей навстречу волной движения крепостных рабочих, слилась с ней и поднялась к своему апогею.

Многочисленные и длительные волнения предыдущих десятилетий дали прекрасную революционную подготовку восставшему рабочему Уралу. Весть о Пугачеве от горна к горну, от шахты к шахте обежала весь рабочий Урал, сорганизовывая и давая направление действий. Крупнейшие уральские заводы Демидова и Твердышовых восстали прежде, нежели появился Пугачев. С октября 1773 г. до мая 1774 г. восстало свыше пятидесяти заводов. Достаточно было появиться на заводах пугачевскому агитатору или даже просто пугачевской прокламации, как движение организовывалось, так сказать, само собой, без больших усилий. Вот одна из типичных картин. Контора крепостного завода. Для получения заработной платы у конторы собрались толпы крепостных рабочих. В толпе появляется крестьянин Матвеев, только что ездивший в соседнее селение и привезший оттуда пугачевскую прокламацию — «манифест Петра III».

— Слушайте третьего императора указ!

На этот призыв рабочие теснее смыкаются вокруг читающего. Кончается чтение, раздается вопрос читающего: будут ли рабочие служить Пугачеву. И сейчас же раздается в ответ единодушный крик:

— Готовы служить головами!

Уже с этого момента налицо первые признаки организованных действий: Матвеев ходом событий выносится в главари, в руководители. Согласившиеся служить Пугачеву переходят в нападение — Матвеев приказывает схватить представителей «господ» на заводе — заводских приказчика и конторщика. Их арестовывают, заковывают, сажают под «караул». По приказу того же Матвеева заводские работы прекращаются, часть рабочих вливается в армию Пугачева. Далее мы увидим, что работы пре-

кращались не всегда. Пугачев иногда использует заводы как техническую базу движения: ему поставляется с заводов оружие, пушки, мортиры, ядра. Но тут же подчеркнем неправильность мнения, что пугачевщина якобы сохраняла все заводы, захваченные восставшими. Это неверно, — огромное количество заводов было пугачевцами разорено и сохранены для производства орудий лишь некоторые.

Рост пугачевской армии за счет рабочих рисуется и другой картиной, описанной в показаниях следствию пойманного рабочего-пугачевца Алексея Поторочинова. Он показывал «секретной комиссии», ведшей допрос, что в ноябре 1773 г., получив от Слободского магистрата «пашпорт» (любопытная деталь — рабочий был не из крепостных крестьян, а «посадский человек»), он поступил на работу на Касатурский железный завод купца Лугинина. Один из предводителей-пугачевцев, атаман Иван Степанов, («секретная комиссия» записала в протоколе: «злодейский атаман Степанов») приехал в декабре того же года на завод с пятьюдесятью человеками казаков-пугачевцев. От имени «Государя Петра Феодоровича» был прочитан и объяснен «манифест» — прокламация Пугачева. Иван Степанов «уверял их при том, что, когда государь воцарится, то дана будет льгота от рекрутских наборов и от всех податей». И атаману и манифесту поверили: атаман сказал, что за ним едет пугачевский полковник Грязнов («злодейский полковник Грязнов»), и распорядился, чтобы к его приезду было набрано из рабочих в службу «сто человек казаков, вооруженных, с лошадьми». Агитатор уехал, требуемые сто человек были немедленно выделены, вооружены и «представлены» Грязнову, когда он приехал на завод, «спустя дни с четыре». Характерна самая скорость выполнения распоряжений и единодушное согласие на восстание в связи с первой прочитанной прокламацией. Движение было подготовлено, оно уже существовало до пугачевщины и слилось с нею, а не было ею вызвано.

2. РОЛЬ РАБОЧИХ В ПУГАЧЕВСКОМ ДВИЖЕНИИ

Насколько были готовы к восстанию рабочие крепостные массы, показывает, например, первый этап деятельности одного из вождей пугачевщины, уральского рабочего — Ивана Наумовича Белобородова. Это характерно также для того факта, с какой быстротой рабочий Урал выделял вождей и организаторов движения.

Белобородов был настоящим «потомственным» крепостным рабочим. Он был сыном крепостного рабочего, приписного крестьянина медноплавильного Осокинского завода села Медянки,

Кунгурского уезда. На него выпал жребий итти от села на царскую службу в солдаты. Его назначили в артиллерийскую часть, а оттуда послали в Петербург работать на пороховом заводе. «Жалованье» за эту работу он получал 4 руб. 20 коп. в год. Уменье стрелять и знакомство с выделкой пороха пригодилось ему во время восстания. Чтобы избавиться от каторжной службы на заводе, Белобородов притворился хромым, был отправлен в лазарет, а затем получил отставку и вернулся на родину, где некоторое время торговал воском и медом.

1 января 1774 г. в село, где жил Белобородов, приехали пугачевские агитаторы и стали «преклонять народ государю Петру Феодоровичу». Белобородов сразу стал на сторону восставших и был выбран сотником. Переезжая с завода на завод, Белобородов втягивал в свой отряд все большее и большее количество восставших заводских крестьян. По его собственному показанию секретной комиссии, около Екатеринбурга, например, Белобородов, «следуя через разные крепости и заводы, кои добровольно ему сдались, набрал в казаки до шестисот человек, пять пушек да пороху пуд с пять... Не дошед до Екатеринбурга верст за сорок, остановился (он) на Шайтанском Ширяева заводе, откуда посылал он своей толпы тридцать человек на Уткинский казенный завод с манифестом для преклонения (к нему)... Бывший на том заводе унтер-шихтмейстер Павел Журбинский, приехав к нему, Белобородову, привез для продовольствия его толпы казенных денег тысячу пятьсот рублей»... Вот несколько штрихов, взятых из документов, рисующих действия Белобородова.

Показания Белобородова полны сообщений о подобных фактах: он руководит сражениями с правительственными войсками, расправляется со взятыми в плен противниками, приводит к присяге на верность «Петру III» вливающихся в его ряды сторонников, он «жалует вольностью», «называет казаками» и велит стричь волосы «по-казацки». Замечательно, что все это Белобородов проделывает, не находясь еще в непосредственной связи с Пугачевым и его штабом и не получая от них непосредственных директив. Он посылает к Пугачеву своих людей узнать, «подлинно ли он государь». Те привозят утвердительный ответ и пугачевский указ «о пожаловании его, Белебородова, атаманом». Лишь после целой вереницы захваченных Белобородовым заводов и крепостей и многих сотен примкнувших к нему сторонников, в Магнитогорской крепости увидел Белобородов Пугачева и в ответственнейшие моменты жизни восстания, например под Казанью, стал разделять с ним руководство движением.

Многие заводы после захвата сжигались до тла, совершенно разорялись, но ряд других сохранялся и использовался в ка-

честве технической базы снабжения оружием. Белобородов охранял производство нужных заводов и по требованию Пугачева высылал ему новые партии пороха, пушек, ядер. Он выполнял важнейшие организационные поручения: строго следил за дисциплиной в войсках, производил новые наборы в отряды Пугачева, организовывал сбор продовольствия.

Другим рабочим вождем пугачевщины был знаменитый Хлопуша, тоже уральский крепостной рабочий. До пугачевщины, не желая покориться каторжному заводскому ярму, Хлопуша несколько раз бегал с заводов. Его ловили, истязали, ссылали на каторгу. Он бежал с каторги, за это после поимки ему были вырваны ноздри. Еще в первый период пугачевщины, когда Пугачев стоял под Оренбургом, Хлопуше удалось перебежать в его лагерь,— и при обстоятельствах, не вполне обычных. Оренбургский губернатор обратился с призывом к каторжным и ссыльным, не желает ли кто тихонько пробраться к Пугачеву и убить его. Охотнику обещали прощение всех вин и свободу. Хлопуша воспользовался этим предлогом для того, чтобы перебраться в лагерь Пугачева, где и остался до конца восстания, разделяя с Пугачевым руководство последним.

Как и Белобородов, Хлопуша проявил себя талантливым организатором, — более всего организатором рабочих. За свою прошлую жизнь и многочисленные побеги Хлопуша успел прекрасно узнать Урал и еще до пугачевщины пользовался известностью среди рабочих. Одним из первых дел, выполненных Хлопушей, была организация приготовления оружия для восставших на Авзяно-Петровском заводе. Хлопуша руководил литьем пушек, мортир, производством пороха и ядер и на других заводах. Секретарь Пугачева Иван Почиталин показывал на следствии: «Хлопуша склонил многие заводы и приехал оттуда с заводскими крестьянами, коих было множество, и привез оттуда множество пушек, пороху, денег». В пугачевских войсках Хлопуша имел и соответствующий «чин» — он назывался «над заводскими крестьянами полковник».

В дошедших до нас пугачевских прокламациях, в общем все же не полно отражающих идеологию пугачевщины, рабочие требования не выделяются как-нибудь обособленно, — они во многом совпадают с крестьянскими и идут наравне с ними. Это вполне естественно на данном этапе, когда не приходится еще говорить о настоящей классовой идеологии рабочих. Но все же мы находим в пугачевских манифестах отдельные упоминания о положении рабочих. В обращенном к рабочим манифесте атамана Грязнова, о котором выше уже шла речь, сочетаются, сливаясь воедино, крестьянские и рабочие характерные черты. «Говорю я

вам, всему свету известно, сколько во изнурение приведена Россия. От кого ж? Вам самим то не безызвестно. Дворянство обладает крестьянами, но хотя в законе божеском и написано, чтобы они крестьян содержали, как и детей, но они не только за работника, но хуже (их) почитали (чем) собак своих, с которыми гонялись за зайцами. Компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что в ссылках того никогда не бывало, да и нет.» (Подчеркнуто мною. *М. Н.*). Мы видим, что протест против дворянина-помещика и заводовладельца-«компанейщика» слит воедино и крепостные рабочие заводов названы крестьянами, что характерно для эпохи.

Во второй период восстания, после Оренбурга, рабочие были одной из значительнейших сил пугачевщины. Горные заводы служили убежищем для пугачевского штаба. Целый ряд последующих успешных действий пугачевщины был обеспечен в значительной степени производством уральских заводов. Правительство легко справилось бы с пугачевцами, если бы не их прекрасная артиллерия, точность действий которой приводила в «восхищение» даже иностранных специалистов правительственной армии. Белобородов и сам Пугачев стреляли почти без промаха, лично наводя пушки под Казанью. Основное ядро артиллеристов, что и понятно, вербовалось из рабочих. Правильно замечено, что тот, кто умел делать пушки, умел и стрелять из них. Число же пушек в пугачевских войсках было значительно: под Казанью у пугачевцев было 30 пушек, под Бердой — больше 100.

В ядре пугачевцев-рабочих поддерживалась строгая дисциплина и существовала разработанная внутренняя организация. Восставшие заводы выбирали себе особые управления, — во главе такого управления, по инструкции Белобородова, должен был находиться человек, выбранный «по общему согласию», «верный и смелый» и «в нужных случаях не робкий человек, ибо армия всегда распоряжением храброго человека против неприятеля ободрена бывает». Управление заводов заботилось о продовольствии и вооружении, держало связь со штабом, руководило воинским обучением. Наиболее активной частью восставших рабочих были именно «мастера», длительно связанные с заводом, оторвавшиеся от земли, входившие большей частью в ядро «потомственного крепостного пролетариата». Дисциплина была строгой: по решению рабочих выбранный ими начальник должен был «до самовольства и озорнических поступков не допускать и ослушников наказывать плетьми без всякого милосердия». Когда восставшие рабочие Рождественского завода заподозрили казенных рабочих Воткинского завода в колебаниях и измене восстанию,

они предупредили их, что в случае измены «подвинутся на них со всею артиллериею и поступят с ними, как с сущими законопреступниками и возмутителями».

Но нельзя говорить об обособленной, отчетливой идеологии рабочей группы в пугачевском движении. Еще менее можно говорить о том, что в пугачевщине якобы уже наметилась гегемония рабочего класса, руководящего крестьянским движением. Никакой гегемонии не было. Можно лишь нащупать слегка наметившуюся своеобразную рабочую тактическую линию. Это была линия на возможное использование заводов, на сохранение их для целей восстания. С этой тактикой боролась «инородческая» тактика, главным образом, башкирская, стремившаяся стереть заводы с лица земли: заводы были построены на отнятых у башкир исконных их землях; борьба с заводами в пугачевском восстании была для башкир формой борьбы за землю.

В военной «коллегии» Пугачева рабочие также принимали участие. Были случаи, когда рабочие писали манифесты лучше специальных грамотеев — пугачевских секретарей. Рабочий Петров написал манифест более удачно, чем секретарь «военной коллегии», и Пугачев нашел, что «хорошо написано».

В литературе отмечены случаи уничтожения рабочими (вероятно, раскольниками) во время пугачевщины церквей и икон. Рабочие-раскольники придумали даже новые формы крещения детей. Мать должна была приносить новорожденного ребенка к пугачевскому полковнику, и тот спрашивал его:

— Цураешься ли барина и всех дел его?

Мать должна была отвечать за ребенка:

— Цураюсь.

— Будешь бить помещиков?

— Буду.

— Целуй саблю и пистолет.

С величайшим трудом осилив пугачевщину, остервеневшее правительство жестоко расправилось с ее вождями, в частности и с рабочими вождями, в том числе с Белобородовым и Хлопушей. Интересно отметить, что правительство императрицы Екатерины II очень боялось именно «фабричных» наряду с крестьянами. Когда грозила опасность Москве, когда в ней ожидали прихода Пугачева, то Екатерина боялась, что Пугачев «как-нибудь в городе самом пакость какую ни на есть наделает сам собой, фабричными или барскими людьми». Любопытно, что «фабричные» попадают у Екатерины II на первое место. К захваченным обратно заводам правительство относилось с большой опаской, боясь, как бы не вспыхнуло там новое возмущение. Так, например, в Преображенском заводе возводилось особое укрепление,

потому что, по донесению «генерал-майора и кавалера» Фреймана, «в оном заводе нужна воинская команда для присмотру за тамошними крестьянами».

ГЛАВА ПЯТАЯ

РАБОЧИЕ В ЭПОХУ РАЗЛОЖЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА

1. РОСТ ВОЛЬНОНАЕМНОГО ТРУДА И ХАРАКТЕР БОРЬБЫ РАБОЧИХ В НАЧАЛЕ XIX в.

Пугачевщина ознаменовала собой значительнейший переломный момент XVIII в. Без учета влияния пугачевщины нельзя понять ни одного из классовых дворянских правительственных мероприятий не только екатерининского, но и последующих царствований. Победа над пугачевщиной была крупнейшей классовой победой дворянства.

Но с конца XVIII в. медленно, но неуклонно нарастают признаки разложения крепостного хозяйства под влиянием развития промышленно-капиталистических отношений. Важно отметить применение в производствах механических двигателей в конце XVIII в. Характерно общее возрастание численности рабочих в первой половине XIX в.: с 173 тысяч в 1815 году она поднялась до 272 тысяч в 1832 году и до 549 тысяч в 1858 году. Еще более характерны данные о вольнонаемном труде. Протянувшееся через весь XVIII в. неуклонное нарастание вольнонаемного труда находит еще более яркое проявление в первой половине XIX в. В 1804 г. число фабрик исчислялось в 2.423, на них числилось 95.202 рабочих, из которых вольнонаемных было 45.625 чел. Некоторые отрасли производства, например хлопчатобумажные фабрики, были основаны преимущественно на вольнонаемном труде. Все чаще встречаются случаи использования вольнонаемного труда тем хозяином, который мог бы прибегнуть и к посессионному труду, и к труду собственных крепостных.

Вот цифры, характеризующие состав рабочего класса для 1812 и 1825 г.г.

	Вотчинные рабочие	Посессионные рабочие	Вольнонаемные рабочие
1812 г. . .	27.292	31.160	60.641
1825 г. . .	66.725	29.328	114.575

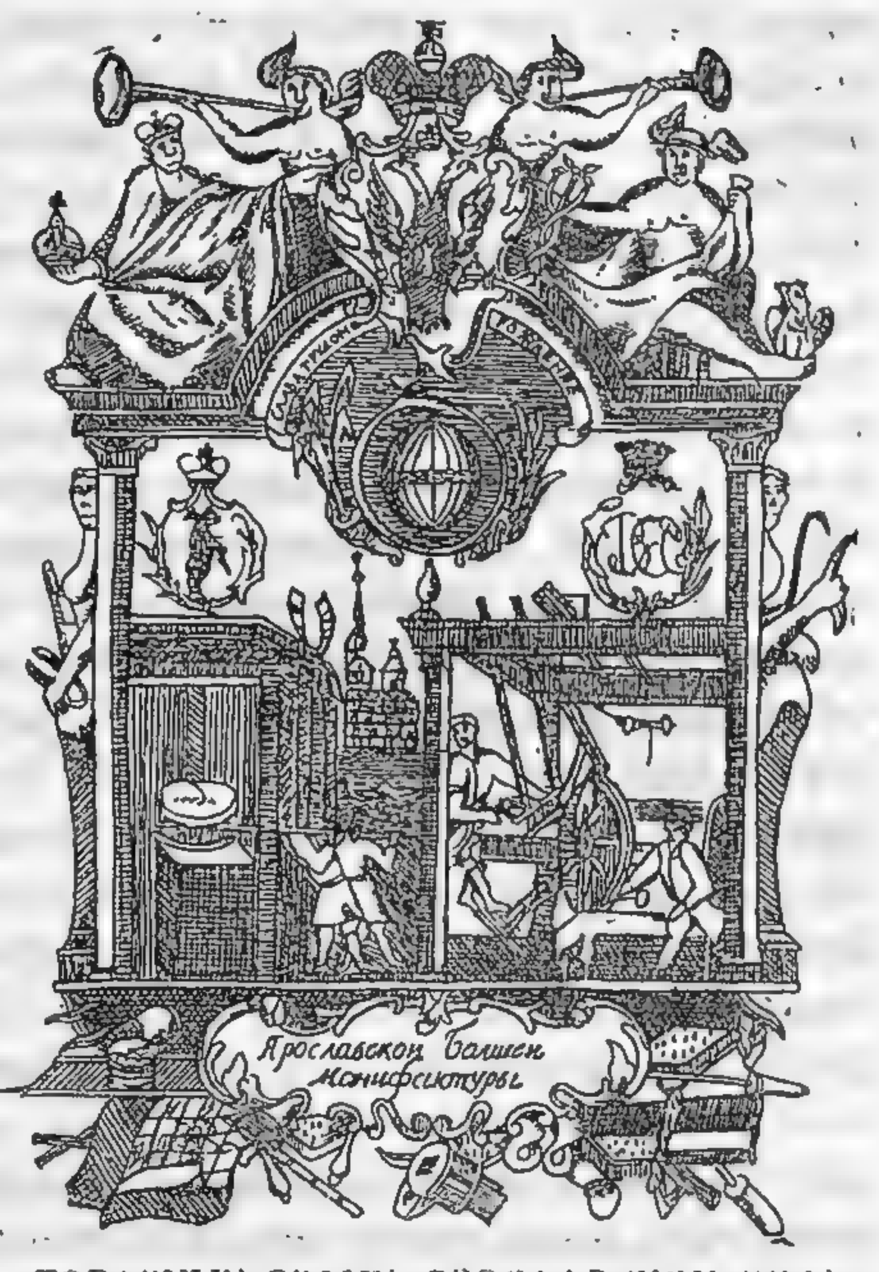
Отчетливо заметно уменьшение числа посессионных рабочих и возрастание вольнонаемных. О распределении вольнонаемных по различным отраслям производства говорят следующие цифры (1825 г.):

Род производства	Число фабрик	Число всех рабочих	В том числе вольнонаемных
Бумажных материй . .	484	47.021	44.535
Суконное	324	63.603	11.705
Стальное, чугунное, игольное	170	22.440	4.970
Канатное	98	2.503	2.303

Вольнонаемные рабочие того времени не всегда были действительно «вольными» в юридическом смысле. Значительную их долю составляли отпущенные барином на оброк крепостные крестьяне. Но этот факт отнюдь не умаляет значения роста вольнонаемного труда. Рост этот — один из важнейших признаков развития в крепостной оболочке России первой половины XIX в. промышленно-капиталистических отношений.

В этом смысле чрезвычайно поучительна история посессионного права в крепостной России. В 1798 г. купцы-фабриканты вновь добились восстановления права посессионного владения. Рост крестьянских и рабочих волнений во время царствования Павла I — основная причина этого восстановления. Охватить крепостной фабричный труд сетью крепостных ограничений и увеличить власть над ним фабриканта было выгодно для борьбы с массовыми волнениями. Но последующие законы (1824, 1853 и 1840 г.г.) вновь ограничивают это право, постепенно приводя к его полной ликвидации. Почему? Потому что из двигателя промышленного развития он превратился в его тормоз. Вольнонаемный труд по своей производительности не мог сравниться с трудом крепостным, и растущая потребность в квалифицированном рабочем еще раз подчеркивала значение вольнонаемного труда. Со всех сторон от фабрикантов-купцов поступают жалобы на «стеснительность условий, с посессионным владением сопряженных». Закон 18 июня 1840 г. дал право фабрикантам по желанию ликвидировать посессионное владение и перейти на вольнонаемный труд. «Освобождение крестьян» от крепостной зависимости в 1861 г., «освобождающее» заодно и крепостных рабочих, ликвидировало и остатки посессионного владения. На крепостной фабрике первой половины XIX в. отчетливо ощущалось, что крепостные формы отношений являются преградой к дальнейшему развитию.

Машина явилась главным моментом этого процесса — столкновения развития производительных сил с крепостническими производственными отношениями. В 1833 г. фабрикант Осокин жаловался чиновнику министерства финансов, командированному на его фабрику для разбора дела о рабочих волнениях, что он не может ввести прядильные и трепальные машины, несмотря на их выгодность: мастеровые его остались бы совсем без дела, а плату должны были бы получать прежнюю (напомним, что в 1833 г. Осокин еще не мог по желанию расстаться с крепостными рабочими). У Осокина стояли на фабрике 33 готовые к употреблению машины, а пустить из них в силу изложенных условий он мог не более семи. Фабриканту вторил и помещик-предприниматель, — это характерно для общего процесса разложения крепостного хозяйства. Сельскохозяйственный журнал эпохи помещал восторженную статью «О новоизобретенной молотильной машине с приложением гравированного рисунка», а помещик, признавая достоинство «молотильни», резонно спрашивал: «Да как же, батюшка, если бы я завел у себя молотильню, так что бы стали делать у меня бабы-то целую зиму?» Добиваясь повышения доходности имения, помещик всячески стремился к промышленной прибыли, надеялся, что фабрика поправит его дела. Это отражено Пушкиным в его знаменитых «Мыслях на дороге» (1835 г.): «Пыльные кулисы домашнего театра тлеют в зале, оставленной после последнего представления французской комедии. Барский дом дряхлеет. Во флигеле живет немец-управитель и хлопочет о проволочном заводе».



ТОВАРНЫЙ ЯРЛЫК ЯРОСЛАВСКОЙ БОЛЬШОЙ МАНУФАКТУРЫ КРЕПОСТНОЙ ЭПОХИ, УПОТРЕБЛЯВШИЙСЯ ПРИ УПАКОВКЕ ПИСЧЕЙ БУМАГИ

Рабочее движение эпохи разложения крепостного хозяйства приняло еще более обостренные формы. Мы можем отметить в основном два крупных подъема этого движения за первую чет-

верть XIX в.,— один из них связан с войной 1812 г., второй — с аграрным кризисом 20-х годов. Рабочие волнения опять-таки сливались в основном с крестьянскими, подъемы которых падали на те же моменты. Но необходимо подчеркнуть, что рост волнений, характеризуемых по существу рабочими, а не крестьянскими требованиями, становится очень значительным в первой половине XIX в. Характерно, что вспышка волнений на каком-либо заводе быстро заражала соседние заводы. Рабочие бросали работу, скопом двигались в губернский или уездный город для объяснения с начальством, снимая по дороге рабочих других заводов и присоединяя их протест к своему. Все растет внутренняя организованность движения, выделяются руководители из рабочей среды, все чаще приходится фабрикантам пользоваться силой усмирения или итти на уступки требованиям рабочих. О напряженности волнений и росте их сознательности можно судить хотя бы по волнениям на заводе Баташевых во Владимирской губернии в 1822 г. Архивное дело об этом волнении еле уместилось в семь огромных томов. Чиновник, командированный на заводы для расследования, с ужасом отметил, что «мастеровые возмутились не противу частного лица, а противу правительства».

Важно отметить также волнения 1822 г. на заводах Расторгуева. На них стоит остановиться поподробнее,так как они характеризуют внутреннюю сплоченность рабочего класса и рост его сознательности. Кроме того, возобновление волнений на тех же заводах в 1825—26 г., как мы увидим ниже, заставило правительство пойти на важные уступки для всех крепостных рабочих.

В 1809 г. вольский 1-й гильдии купец Расторгуев, нажившийся на винных откупах, купил у заводчика Демидова три завода в Екатеринбургском у. Пермской губ.: Каслинский, Верхне-Кыштымский и Нижне-Кыштымский, в то же время у «генерал-лейтенантши» Хлебниковой он купил четвертый завод — Нязепетровский, находившийся в Красноуфимском уезде той же губернии. К первым трем принадлежали села: Рождественское и Воскресенское с деревнями и судовая Сорокинская пристань (позже при ней был основан Шемахинский железоделательный завод). Перечисленные заводы были чугуноплавильными и железоделательными; к этим специальностям присоединилась еще работа на золотых приисках. Рабочих и крестьян на заводах Расторгуева числилось 6.881 ревизская душа.

Аграрный кризис 20-х г.г. своеобразно отразился на Урале. Причины своеобразия были в почти монопольном захвате уральскими заводчиками снабжения рабочих провиантом, в первую очередь хлебом. Остро ощутив хозяйственный кризис в нехватке на-

личных средств, в денежном голоде, заводчики прибегли к испытанным приемам пополнения кассы: к задержке, а подчас и прямой невыдаче или недодаче зарплаты рабочим и к повышению цен на хлеб, продаваемый из заводских магазинов рабочим в счет зарплаты. Последний прием давал особо верные результаты,— получение заводского хлеба втягивало в долг не одного рабочего, а целые поколения: долг переходил от отца к сыну, от деда к внуку. Неудивительно при этом, что в то время, как в Центральной России хлеб был исключительно дешев и его было «девать некуда», на Урале картина была обратная. Характерной чертой рабочих волнений того времени являются жалобы «мастеровых» на невыдачу или задержку зарплаты, на вычеты из зарплаты, на голод, дороговизну хлеба и невозможность прокормиться. Поднявшаяся волна рабочего движения была связана с протестом против этого положения вещей. Выше уже упоминалось, что иногда рабочие волнения выливались в форму своеобразной стачки, не знакомой пореформенной эпохе: рабочие, сговорившись, в один прекрасный день бросали работу и у х о д и л и с з а в о д а в ближайший уездный или губернский город жаловаться начальству.

Это именно и произошло в марте 1822 г. на Кыштымских заводах Расторгуева. 54 человека мастеровых бросили работу и пошли в Екатеринбург, где принесли жалобу на невыдачу жалования и провианта, на голод. Получив обещание, что жалобы будут удовлетворены, рабочие возвратились на завод. Начальство, приехавшее производить следствие на завод, натолкнулось на явную о р г а н и з а ц и ю рабочих — «бунт» отнюдь не был «стихийным». На требование выделить двух или трех представителей для изъяснения жалоб, рабочие, как один человек, ответили отказом. Ясно, что они хорошо представляли себе, какая судьба постигнет этих «выборных», и заранее сговорились на это не итти. Но зато на другой же день на квартире берг-инспектора собралось, как удивленно сообщает начальство, «без всякой повестки» до 100 человек, заявивших требование, чтобы рабочих, живущих при Кыштымском заводе, не отсылали работать за 110 верст на Шемахинский завод: «наряды сии, — передавало начальство слова рабочих, — сопряженные с долговременной отлучкою от домов и семейств, привели их (рабочих. *М. Н.*) в разорение». Бывший при этом купец Расторгуев заявил согласие совсем переселить мастеровых на Шемахинский завод или даже отдать их на казенные заводы «для избежания неприятностей и жалоб». «Мастеровые, услышав сие, произвели великий шум и, произнося бранные слова, п о д а н н о м у з а ч и н щ и к о м з н а к у (разрядка моя. *М. Н.*) побежали с завода». Далее —

еще одна важная черта: часть рабочих отделяется от главной толпы, идет на «кричные фабрики» и снимает с работы «людей», там работавших, присоединяя к себе. Тем временем (также черта организации, подготовки) жены и дети многих рабочих уже вышли к ним навстречу с готовыми узелками — «путевыми припасами». Взяв припасы, рабочие в числе 102 человек двинулись в Екатеринбург. Начальство бессильно их возвратить на завод и пасует перед их стойкостью и численностью. Оно временно берет их «под присмотр» и распределяет по другим заводам, давая содержание казенных мастеровых.

Но это временная уступка. Начальство бьет тревогу. Берг-инспектор спешно распоряжается заготовлять хлеб для заводов и выдавать рабочим. Встревоженный министр финансов также хлопочет о скорейшей выдаче рабочим хлеба, разрешая даже продавать для хлебных закупок металл, находящийся под запрещением за казенную недоимку.

Комитет министров рассматривал дело в июле 1822 г. 1 августа его постановление получило царское утверждение. Было решено главных «начинщиков» предать суду и поступить с ними по всей строгости законов, остальных 98 человек наказать полицейскими мерами и водворить с семействами на казенных заводах. Пермское горное правление написало на основании этого свой приговор, где каждый из упомянутых 98 человек приговаривался к 25 палочным ударам.

В ноябре 1822 г. на заводы были присланы чиновники для приведения этого приговора в исполнение. Организовавшиеся рабочие не дали исполнить приговора, вырвали бумагу с приговором, избили чиновников и прогнали их с заводов. С этого момента Кыштымские заводы представляют собой яркую картину рабочего организованного восстания. Опыт пугачевщины не прошел даром для уральских рабочих. Все начальство «похерено». Заводский исправник Шудров, подпоручик инвалидной команды Кузнецов и подполковник князь Уранов арестованы рабочими и посажены «под караул». Рабочие избирают себе начальника из собственной среды. Этот начальник — кыштымский рабочий Клементий Косолапов. Избран не только рабочий начальник — учреждено р а б о ч е е п р а в л е н и е. Последнее вело денежные расходы, распоряжаясь провиантом и фуражом. Была поставлена агитация — завод втягивал в восстания соседние заводы и деревни; последнее важно подчеркнуть: архивы хранят еще не исследованный богатый материал по своеобразной «смычке» рабочих и крестьянских волнений. Агитация шла под лозунгом освобождения от крепостной зависимости, лозунгом в о л ь н о с т и. Рабочие запасались оружием и готовились к встрече с правитель-

ственными войсками. В документах встречается краткая сводка всего происшедшего,— вот она: рабочие «похерили чиновников, избрали себе начальника, учредили свое правление... начали привлекать к себе в единомыслие, обольщая вольностью, готовиться к отражению воинской силы, и таким образом уклонились к явному возмущению и бунту». Клементий Косолапов утверждал, что имеет в своем распоряжении 8.000 человек: к движению примкнули рабочие и крестьяне соседних Уфалейских заводов и заводов купцов Губиных.

Такое положение дела продержалось довольно долго. 16 декабря комитет министров в далеком Петербурге «положил употребить достаточную военную силу». В феврале 1823 г. (т. е. не менее, как через два с лишним месяца после начала восстания) на заводы выступил троицкий гарнизонный батальон и отряд башкирских казаков, числом 1000 человек под начальством полковника Мистрова, а 8 и 9 февраля — еще отряд в 500 человек из Пермского и Верхнеуральского гарнизонных батальонов под начальством полковника Костырки. Всего же по подсчету начальства было введено на Расторгуевские заводы две с половиною тысячи солдат при нескольких десятках офицеров.

10 февраля был захвачен Клементий Косолапов и 12 «главных его товарищей». Под сильным конвоем они отосланы в Екатеринбург. Позже мы узнаем, что Косолапову удалось убежать. Военная расправа с трудом подавила восстание. Подсчет показал, что захваченные участники (очевидно, захвачены были далеко не все) делились так: «мастеровых» Кыштымского завода было 256 чел.; Каслинского — 139, воскресенских крестьян — 118, всего 513 человек.

Пришлось ввести воинскую команду для усмирения и на Уфалейские заводы и заводы Губины, примкнувшие к восстанию. По «усмирении» рабочих этих заводов наказали розгами и взяли подписку, что они будут работать. 12 февраля начались волнения на Назепетровском заводе, но были подавлены уже военной силой. Но этим дело не кончилось: в июне 1823 г. вновь вспыхнуло возмущение в селе Рождественском. Следственная комиссия, начавшая было свои работы, вынуждена была их прекратить. Тот же неизменный полковник Костырка со своим отрядом расправился и с этим возмущением.

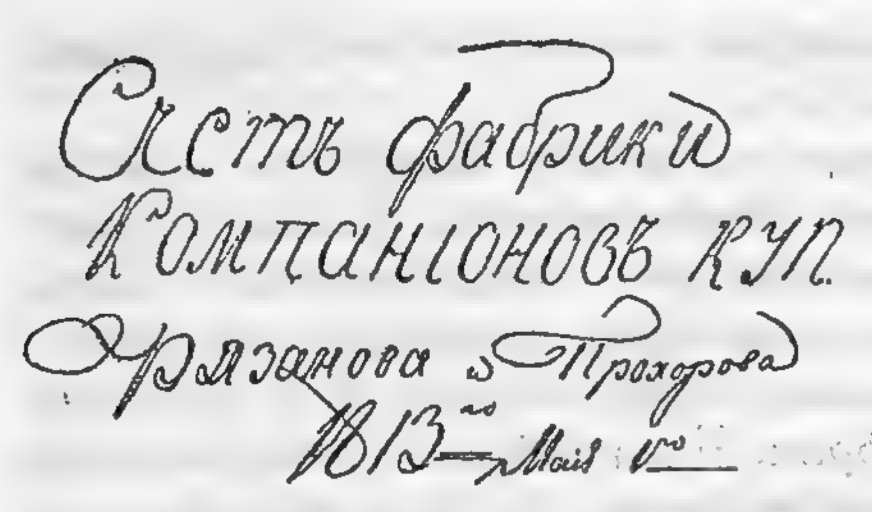
В результате всего происшедшего завод был взят в казенное управление. 5 августа 1823 г. министром финансов для управления заводов Расторгуева был назначен берггауптман 6 класса Тетюев, раньше несколько лет управлявший всеми Екатеринбургскими золотыми промыслами, участвовавший в управлении Екатеринбургских заводов; состоя членом главной конторы, он

управлял довольно значительное время казенными Богословскими заводами. Стакнувшись с владельцами заводов Расторгуева, Тетюев через некоторое время составил ложное донесение, что на заводах все исправилось, все процветает, рабочие спокойны, утопают в довольстве и т. д. Это было необходимо для возврата заводов в распоряжение Расторгуевых. Все это было сплошной ложью. Положение рабочего класса было отчаянным, брожение не прекращалось.

Прежние вожди движения поддерживали это брожение. Клементию Косолапову удалось бежать из екатеринбургского острога. «Вооруженный оружием, пистолетом и двумя кинжалами», он скрывался около заводов. Его часто видели вблизи заводов верхом на лошади. С ним были товарищи, — между ними Андрей Сивков, также бежавший из острога. Нет сомнений, что эти люди поддерживали связь с рабочими и вели агитацию: так, 9 июня 1824 года начальство обнаружило, что Андрей Сивков пришел на завод «воровать». Это, как известно, особый термин того времени, равносильный слову «бунтовать», «поднимать восстание» и пр. Сивкова хотели поймать, но он «имевшимися при нем пистолетом и кинжалами отбился и убежал». Начальство решило добиться своего, и 25 июня 1824 г. небольшой вооруженный отряд под командой заводского исправника Усольцева окружил «преступников» в болоте. Рабочие вожди не сдались без боя, «стреляли из ружей, угрожали кинжалами». Завязалась перестрелка. Клементий Косолапов был смертельно ранен. Он умер сейчас же после того, как его приволокли в полицию. Сивков был отправлен опять в Екатеринбург.

В том же 1824 г. Александр I путешествовал по Уралу. Один из рабочих — Седельников, сосланный «за буйство» и агитацию в Сибирские заводы, бежавший оттуда и скрывавшийся в лесах, ухитрился подать Александру I прошение, где рассказывал об убийстве Косолапова, о невероятных злоупотреблениях заводского начальства и положении рабочих. Был подан и ряд других заявлений рабочих, в том числе жалоба от лица 548 человек.

Мы так подробно остановились на волнениях на уральских заводах Расторгуевых, потому что они очень характерны для роста рабочего движения в первой четверти XIX в. Мы видим на конкретном примере этого движения ряд характерных «рабочих» черт, уже значительно обособляющих движение от крестьянского. В то же время важно подчеркнуть единый с крестьянским движением эпохи лозунг «вольности», — уничтожения крепостничества. С другой стороны волнения на заводах Расторгуевых совпадают по времени с подготовкой известного восстания декабристов, вспыхнувшего в 1825 г. Встает поэтому общий вопрос:


Счетъ фабрики
Компанiоновъ куп.
Рязанова и Прохорова
1813-го Мая 1-го

ФАКСИМИЛЕ ОДНОГО ИЗ ФАБРИЧНЫХ СЧЕТОВ КРЕПОСТНОЙ ЭПОХИ

какую связь имело выступление декабристов с массовым движением эпохи, крупным моментом которого было восстание на заводах Расторгуева? Заметим тут же, что и в 1825 г. брожение на этих заводах не прекращалось. Расторгуевы очевидно нашли «руку» при дворе: за полтора месяца до своей смерти Александр I разрешил передать завод из казенного управления обратно Расторгуевым. Это было 1 октября 1825 г. 18 октября умер Александр I и меньше, чем через месяц, 14 декабря 1825 г., загремели пушки на Сенатской площади.

Восстание декабристов в 1825 г. не было связано прямым образом с нарастающим массовым движением. Оно было «связано» с ним, так сказать, отрицательно,— тактика основных групп декабристского движения — Северного и Южного обществ — была направлена на изоляцию масс от революции, которая должна была быть произведена «революционными» генералами, под командой которых должны были находиться послушные их малейшему приказанию войска. Если в день восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге на Сенатской площади оказались рабочие, то это произошло по случайным обстоятельствам. Но участие их вылилось тем не менее в чрезвычайно любопытную картину. Восставшие войска, расположившись в каре около памятника Петру I, стояли, ожидая команды приведших их на площадь вождей, но так и не дождались ее. С их стороны не последовало организованного нападения на правительственные войска, в то время как последние по приказу императора стали стрелять картечью. Рабочие же строившегося тогда Исаакиевского собора взяли на себя инициативу нападения и «палили» в Николая I и его свиту палками и каменьями. Именно боязнь того, что «волнение может передаться черни», и была главной причиной распоряжения императора стрелять по восставшим. Нет сомне-

СУММА КАПИТАЛОВ ФАБРИКИ РЯЗАНОВА И ПРОХОРОВА (БУДУЩАЯ ПРОХОРОВСКАЯ ТРЕХГОРНАЯ МАНУФАКТУРА) НА 20 АПРЕЛЯ 1848 г

ний, что в числе убитых николаевской картечью были представители и этой рабочей «черни».

Надо особо отметить случаи отголосков восстания декабристов в среде рабочих. Восстание Черниговского полка сопровождалось разбрасыванием прокламаций — «Катехизиса», составленного С. Муравьевым-Апостолом. Есть архивные сведения о том, что экземпляр этих прокламаций был отобран у двух мастеровых одной из суконных фабрик. Член Общества соединенных славян Андреевич 2-й вел агитацию среди рабочих киевского арсенала и надеялся на их помощь восстанию. Вот еще один отголосок: в конце января 1826 г. приказчики купца Посылина привели в шуйскую полицию рабочего Николая Рогожкина, который рассказывал на ситцевой фабрике Посылина о событиях 14 декабря и «дерзновенно говорил, будто его императорское величество вступил на престол усильно»[1], будто присяга «требована была на верность подданства посредством пушечных выстрелов», наконец, что если бы «он в это время был в Петербурге, то также взял бы ружье и убил бы кого-нибудь, так как в то время и генералов били». Рогожкина отдали под суд, но к чему присудили — неизвестно.

Наиболее крупные волнения фабричных рабочих в связи с восстанием декабристов произошли в Ярославской губернии, на бумажной фабрике кн. Гагарина.

Не приходится сомневаться, что восстание декабристов было одной из причин, почему испуганное правительство поторопилось принять меры против нарастания новых волнений на тех же заводах Расторгуева, о которых выше шла речь. Правительство послало на заводы для расследования причин волнений флигель-адъютанта графа А. Г. Строганова, записка которого обрисовала невероятно тяжелое положение рабочих.

Познакомившись с этой запиской, комитет министров постановил с санкции Николая I обратиться к о в с е м частным заводчикам со строгим предписанием не обострять создавшегося положения, не притеснять рабочих, относиться к ним «по-христиански» и т. д. Иначе как правительственный приказ итти на уступки рабочим это постановление рассматривать нельзя. Такой приказ вырвали для огромной части рабочих крепостной России волнения на заводах Расторгуева; поэтому надо особо подчеркнуть п о л и т и ч е с к о е значение этих волнений. Николай I был очень взволнован происшедшим и всячески торопил с проведением в жизнь постановления комитета министров; это видно из его резолюции на журнале комитета: «Согласен, дело в Сенате

[1] Т. е. насильственно.

кончить елико возможно скорее». Было спешно составлено особое «обращение» к частным заводчикам с приказом о «христианском» обращении с рабочими и разослано чрезвычайно секретно заводчикам. До того секретно, что заводчикам отказывали даже в выдаче копий с ими же подписанного «обращения». До того секретно, что даже чиновников министерства финансов не решались использовать для передачи этой бумаги заводчикам, «ибо при таковом распоряжении могло бы оно сделаться гласным и подать через то повод к неустройствам со стороны заводских людей».

2. БОРЬБА РАБОЧИХ ЗА «ВОЛЮ» ПЕРЕД РЕФОРМОЙ 1861 г.

Частичная ликвидация посессионного владения и рост вольнонаемного труда второй четверти XIX в. сделали то, что реформа 1861 г. в большей степени коснулась крепостных крестьян, чем крепостных рабочих: к 1861 г. крепостной труд уже был ликвидирован на многих фабриках. Только на горнозаводском Урале крепостной труд держался упорнее, чем где бы то ни было. Там, где он еще имел место, можно отметить случаи значительных волнений крепостных рабочих, боровшихся против крепостничества. Известны сильнейшие волнения на Казанской фабрике Осокина, рабочие которой «добивались вольности», доказывая, что Осокин не имеет права владеть ими.

Через всю первую половину XIX в. тянется борьба казанских суконщиков посессионной фабрики Осокина за свою «вольность». В 1796, 1798 и 1800 г.г. рабочие подают прошения правительству с жалобой на притеснения владельца и низкую зарплату, — прошения рабочих остались без результата. Но просьба владельца расширить его права над рабочими была конечно уважена: в 1806 г. были расширены указом сената права владельца наказывать рабочих за уклонение от работы и другие вины.

В 1817 г. рабочие перевели свою борьбу под лозунг полного освобождения: ссылаясь на свое происхождение от свободных, не крепостных людей, рабочие просили признать их свободными (прошение было подано великому князю Михаилу Павловичу) и отказались повиноваться владельцу. Следствие признало требование рабочих неправильным и потребовало подписки в повиновении владельцу. Суконщики отказались такую подписку дать и послали тайком в Петербург делегатов для подачи жалобы непосредственно Александру I. Делегатов перехватили, заковали в кандалы, подвергли истязаниям и отправили обратно в Казань. Один из делегатов — Соколов, не вытерпев мучений, умер в дороге. Но упорство рабочих напугало правительство:

оно поспешило издать Положение, сокращавшее рабочий день осокинских фабрик на 2 часа (с 14 часов до 12 часов). Но это не успокоило рабочих, которые боролись за полное свое освобождение от крепостнического гнета. В 1818 г. они вновь подают жалобу министру внутренних дел. На свою жалобу рабочие не получили ответа. В 1819 и 1820 г.г. они опять возобновили ее,—ответом была ссылка восьми главных «зачинщиков» в Сибирь.

Рабочие вновь выбрали делегатов для подачи в Петербурге прошения царю, — но об этом узнала заводская администрация, своевременно произвела аресты; главные участники были приговорены к наказанию плетьми. Суд утвердил приговор, но, желая выведать имена необнаруженных зачинщиков, велел одному рабочему, Михайле Мясникову, приговоренному не к плетям, а к аресту, присутствовать при наказании плетьми других рабочих: если он выдаст при этом того, кто составил письменное соглашение рабочих не уступать требованиям начальства, то будет пощажен, если нет, — то его накажут плетьми еще тяжелее других. Михаил Мясников присутствовал при наказании, на его глазах засекли до смерти его отца, — и все-таки Мясников никого не выдал... В 1829 г. рабочие все-таки ухитрились, несмотря на все рогатки, подать жалобу на Осокина Николаю I; в феврале 1832 г. трое поверенных рабочих — Попов, Чудин и Сметанов — сумели подать ему же вторую жалобу. Правительство командировало в Казань чиновника, ставшего, конечно, на сторону владельцев и нашедшего, что все волнения рабочих имеют главным основанием «мнимую вольность» и «происходят не от чего иного, как от буйной их нравственности. Но рабочие продолжали борьбу. Во время царского смотра войск в Нижнем-Новгороде в 1834 г. один рядовой из фабричных Осокина, — Сапожников, подал опять жалобу лично императору. Вновь составленная комиссия требовала от рабочих подписки повиноваться владельцам, но рабочие отказались ее дать.

В 1836 г. разнесся слух, что в Казань приедет Николай I. Рабочие, узнав об этом, вновь решили обратиться к нему с просьбой о раскрепощении. 21 августа заранее сорганизовавшиеся рабочие тысячной толпой двинулись на Арское поле, где должен был проезжать император. Выбранный рабочий Семен Толокнов подошел к коляске, в которой сидел Николай I и казанский губернатор, и подал просьбу. Назначенная для расследования комиссия установила в 1837 г., что это не что иное как «бунт», и жестоко расправилась с рабочими: главные зачинщики были прогнаны сквозь строй,— это в большинстве случаев кончалось смертью,— остальные сосланы в Сибирь. Но подписку суконщики

все-таки отказались дать. Началась жестокая расправа. Вот как описывает ее Я. Посадский на основании показаний очевидцев: 29 августа 1837 г. фабрику оцепили казаки и жандармы, внутри были расставлены казаки с заряженными ружьями. Привезли возы розог, во двор фабрики вкатили четыре пушки, заперли ворота: «Суконщиков выслали из мастерских на двор. Приступили к отбиранию с каждого фабричного подписки в том, что он обязуется повиноваться Осокину и беспрекословно исполнять его

приказания. Фабричные отказались. Началось сечение на пять кругов».

«В воздухе поднялся крик и стон. Ревущие женщины с детьми пробовали ворваться в ворота, но казаки отгоняли их своими нагайками... С 9 час. утра до 4 вечера продолжалась жестокая кровавая расправа. Секли всех, кто не соглашался подписываться. Суконщику Петру Коровину дали 100 ударов и спросили, желает ли он дать подписку. «Нет», — отвечал Коровин и его снова били. Полторы тысячи ударов принял Коровин, а подписки все-таки не дал. Его замертво отвезли в больницу. В другом кругу секли Михаилу Ефремова, и повторилась та же история. Но более слабохарактерные изнемогли и после нескольких ударов изъявляли готовность подписать бумагу на повиновение. Один 18-летний суконщик, Яков Степанов Добрынин, дал подписку только после того, как из его спины стали вылетать куски мяса...».

Только в 1849 г. суконщики добились признания их «вольными». Но «вольность» эта означала не что иное как переход из рабства крепостнического в рабство капиталистическое. Пример отчаянной и упорной борьбы казанских суконщиков за «волю» — очень характерный пример, это—одна из наиболее ярких страниц борьбы крепостного рабочего против предпринимателя-крепостника. Известны подобные же длительные волнения на Фряновской посессионной шелковой фабрике.

Реформа 1861 г. «освободила» не только крестьян, но и крепостных рабочих. Рабочие получили в большинстве случаев «освобождение» на условиях более тяжелых, чем крестьянство. Эти условия преследовали основную цель — закрепить за промышленностью рабочие кадры, создать пролетариат, который был необходим развивающейся промышленности. В ряде заводов в ответ на реформу 1861 г. вспыхнули волнения, некоторые из них были подавлены вооруженной силой. Были волнения на уральском Лысьвенском заводе, где с 18 по 23 мая 1861 г. в связи с объявлением «реформы» длилась организованная стачка. Произошли «беспорядки» также на Катавских железоделательных заводах, где волновались заводские углежоги. Волнения в связи с манифестом 19 февраля 1861 г. имели место также на Дугненском чугуноплавильном заводе Новикова в Калужской губернии и на заводах Мальцева в той же губернии. Все эти волнения характеризуются большой организованностью рабочих и требованием немедленного освобождения и перехода на условия вольнонаемного труда.

А. М. ПАНКРАТОВА

РАБОЧИЙ КЛАСС И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ЭПОХУ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА
(1861—1900 г.г.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА И ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ

1. КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА

В экономическом развитии капиталистической России датами зарождения и расцвета промышленного капитализма являются две важных эпохи: 30—50-е и 90-е годы. Первая дата открывает ряд десятилетий, в течение которых промышленный капитализм только накопляет свои силы. Эта эпоха характеризуется широким развитием текстильной промышленности и выступлением на историческую арену рабочего класса вообще и рабочих-текстильщиков, как первого пролетарского боевого отряда— в частности.

В процессе роста промышленного капитализма реформа 1861 г. была его первой крупной победой. Несмотря на свой половинчатый, компромиссный характер, она все же способствовала развитию свободного труда и созданию более емкого внутреннего рынка, необходимых для укрепления в России капиталистических отношений.

Это была переходная эпоха, когда капиталистическое производство начинало быстро становиться на собственные ноги. Процесс отделения производителя от средств производства и превращения его в наемного рабочего развернулся в эту эпоху особенно интенсивно. Мерами экономического и внеэкономического воздействия капитал добивался непрерывного притока свободной и дешевой рабочей силы, на эксплоатации которой он строил свое процветание. Так были подготовлены необходимые предпосылки

для расцвета промышленного капитализма, связанного с периодом 90-х г.г. Именно эта последняя дата является временем создания базы крупного капиталистического производства—металлургии. В истории же рабочего класса эта дата открывает ряд крупнейшего значения исторических боев пролетариата против самодержавия и против капитала.

Однако реформа 1861 г. была лишь полупобедой промышленного капитала. Остатки крепостничества не только задержались, но и укрепились в деревне, тормозя капитализацию страны. Вот почему и в девяностые годы, и в годы революции 1905 г., вплоть до 1917 г., эти остатки крепостничества проникли в поры социально-экономических отношений и пропитали собой весь политический строй России. Они сопутствовали росту промышленного капитализма, накладывая на него специфический отпечаток, значительно отличая русский капитализм от более развитого и «независимого» капитализма на Западе. Эта же «полупобеда» в 1861 г. обусловила вялый темп развития промышленности в первые годы после реформы. Лишь к концу 60-х годов начинается, с развитием денежного кредита, с постройкой железных дорог, более заметное промышленное оживление.

После реформы сильно развивается строительство транспорта и приобретает все большее значение банковая система. В ранний период русского капитализма железнодорожная сеть—показатель быстрого роста хозяйства. В 70-е г.г. было проведено 10.953 версты железных дорог. Большей частью они обслуживали торговлю хлебом и предметами разворачивающейся промышленности, а также подвозили грузы к портам. Железные дороги позволили буржуазии усилить вывоз и расширить ввоз сырья и машин для производства средств производства. Таможенная политика правительства также всемерно содействовала и поощряла развитие русской промышленности. Накопление капиталов играло большую роль в развитии народного хозяйства. С 70-х по 90-е годы было вывезено на 8,3 млрд.рубл. хлеба, и получено от всей этой операции 500 млн. рубл. прибыли. Со второй половины 70-х годов в России уже имелся активный баланс. Более емким становится и внутренний рынок. В банках к 90-м годам было вкладов 230 млн. рубл. вместо 78 млн. в 1870 г. Но в это же десятилетие помещики получили по выкупным ссудам 377 млн. рубл. На такую значительную сумму было усугублено разорение крестьянства и его обезземеление, увеличившее его отход на городские работы.

Наиболее подготовленной к новым условиям после реформы на базе наемного труда оказалась текстильная промышленность. Она была единственной, имевшей ко времени реформы свой уже

почти сложившийся кадр постоянных наемных рабочих. Особенно это относится к хлопчатобумажной промышленности, работавшей на вольный рынок. В других производствах, например в суконном, обслуживавшем армию, и в металлургическом, работавшем на казну, крепостной и принудительный труд оставался преобладающим вплоть до самой реформы.

К моменту освобождения крестьян в Европейской России насчитывалось, по данным департамента мануфактур, 15.388 фабрик с 565.148 рабочими. Из этой более чем полумиллионной массы рабочих около половины находилось в крепостной зависимости либо от помещика, либо от фабриканта.

Освобождением крестьян был поставлен вопрос о необходимом для промышленности наемном труде, т. е. о создании в России рабочего класса, какой был уже во всех капиталистических странах.

Крестьянская реформа ускорила процесс образования рабочего класса. Самые условия освобождения крестьян обеспечивали капиталу дешевый наемный труд. Основным из них было недостаточное наделение крестьян землей, приводившее в конечном счете к «раскрестьяниванию».

В отношении крестьян, работавших при крепостном праве на помещичьих фабриках, или посессионных крестьян, купленных или приписанных к фабрикам, а также работавших на казенных и частных горнозаводских предприятиях, сохранялись на возможно более долгий срок временно-обязанные отношения. Этим самым рабочие закреплялись за предприятием и обеспечивалась почти даровая работа.

Однако невыгодность временно-обязательного труда, особенно в текстильной промышленности, заставила помещиков пойти на более решительный отказ от применения принудительного фабричного труда. Для фабричных был установлен двухгодичный переходный срок, чтобы «не поставить разом владельцев фабрик в затруднительное положение и дать им время перевести постепенно свое производство от крепостного труда к вольному».

Сложнее было положение крестьян, работавших на частных и казенных горнозаводских предприятиях. Здесь интересы и казны и родовитых дворян-горнозаводчиков требовали максимального обезземеления крестьян. Крестьяне, приписанные к частным горным заводам, были разделены на мастеровых и сельских работников. Первые получили от заводовладельцев усадьбы, а также могли получить за повинности, хотя и урезанные, покосы и пахотную землю. Сельские работники могли пользоваться землей на общих со всеми крестьянами основаниях. Рабочие казенных заводов получали бесплатно усадьбу, а землю — лишь те,

кто владел ею и до реформы. Кроме того, заводские крестьяне и частных и казенных заводов должны были в течение определенного срока отбывать повинность заводу за предоставленные им угодья.

Положение крестьян и крестьян-рабочих после реформы, обезземелившей и разорившей их, в условиях быстрого развития капиталистических отношений в стране, было очень тяжелое.

Разложение натурального хозяйства в деревне и увеличение потребности в деньгах для уплаты податей и повинностей заставляли крестьян не только продавать весь свой хлеб, максимально сокращая собственные потребности, но и продавать свои рабочие руки. Аренда земли на кабальных условиях и подсобные занятия промыслами, при которых крестьянин нередко попадал в кабалу к скупщику, не спасали падающего крестьянского хозяйства. За счет разоряющихся вырастали и крепли хозяйственно более устойчивые крестьяне, создавая зажиточную, кулацкую верхушку. Наметившиеся экономические изменения в пореформенном крестьянском хозяйстве привели к росту классового расслоения крестьянства. В результате создавались на одном полюсе — сельская буржуазия и на другом — сельскохозяйственный пролетариат, живущий исключительно за счет продажи своих рабочих рук.

К 80-м годам почти 30% всего числа крестьянских хозяйств принадлежали к тому экспроприированному хозяйству, которое поставляло кадры наемных рабочих в промышленность. Процесс отделения самостоятельного производителя-крестьянина от орудий и средств производства, составляющий основу первоначального накопления, быстро подвигался вперед. Если «реформа» 1861 г. оторвала от земли в среднем 11,4% крестьян, то в 1881 г. в Московской губернии насчитывалось уже 21,3%, в Рязанской губернии безнадельные возросли до 17,4% (хотя в начале реформы безнадельных там совсем не было), в Смоленской губернии — до 29,1%, в Самарской до 17,5%. Усиленно шел процесс «раскрестьянивания» и пролетаризации на Украине: например, в Полтавской губернии процент безнадельных вырос до 32,6% и т. п. Еще более интенсивным и бурным был процесс пролетаризации крестьян после голода 1891 г. Девяностые годы лишь завершали тот длительный исторический процесс отрыва производителя от земли, который был стимулирован условиями и характером «реформы» 1861 г.

«Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс раскрестьянивания»— писал Ленин об этом историческом этапе образования пролетариата за счет обезземеленной, обнищавшей, пролетаризирующейся крестьянской массы.

РАСЧЕТ

С картины Н. И. Верхотурова

«Раскрестьянивание» приводило к необходимости искать заработков на стороне и к увеличению земледельческого и неземледельческого отхода. Уже в 70-х годах, примерно около 1½ млн. чел. крестьян отходило ежегодно на неземледельческие промыслы. В 80-х годах, крестьянами, уходившими на отхожие промыслы, выбиралось в 50 губерниях ежегодно до 5 миллионов паспортов. Из них в 12 губерниях с преобладанием отхода в неземледельческие промыслы было выбрано 1,7 млн. паспортов. Различные губернии «специализировались» на том или другом промысле. Тверская губерния поставляла в промышленные, тогда еще отстраивающиеся, города различные категории строителей: плотников, каменщиков, печников и т. п. Калужская губерния — землекопов, Владимирская — плотников и фабричных рабочих, Курская и Орловская — шахтеров, Пензенская — бурлаков на Волгу. Почти все губернии, кроме того, давали чернорабочих, обслуживающих железнодорожное строительство и т. п. На Украину, в хлебный степной край, на угольные шахты Донецкого бассейна устремлялись крестьяне из всех губерний. На пришлой рабочей силе расширяла свое производство украинская свеклосахарная промышленность, винокуренное производство и, особенно, каменноугольная и металлургическая промышленность Донбасса. В 60 — 70-е гг. были отстроены Московско-Курская, Харьковско-Азовская железные дороги, Воронежско-Ростовская и Донецкая линии, которые связали богатый хлебом и углем край с портами и промышленным центром. «Чугунка», как называли крестьяне железную дорогу, почти целиком строилась крестьянскими руками, не находившими себе применения в своих разореных деревнях. На юге постепенно расцветали капиталистически-организованные «хлебные фабрики», привлекавшие массы сельскохозяйственных рабочих.

Разорение, обезземеление и пауперизация (обнищание) были лишь первым этапом по пути к пролетаризации. Промышленный отход углублял этот отрыв крестьянина от земли. Развивающееся капиталистическое производство в городе и в деревне интенсивно всасывало изобильно-льющуюся из деревни рабочую силу, обучало и переваривало ее в фабричном котле. Так из отсталой и темной «деревенщины» создавались кадры промышленного пролетариата. Связь фабричных рабочих с землей еще оставалась, но с каждым годом она уменьшалась. По сведениям фабричной инспекции Московского округа, собранным за 1883—93 г.г. по 1.263 фабрикам, круглый год, не уходя в деревню, работало 82%, уходило летом на родину лишь 18% рабочих. Ушедшего из деревни на фабрику рабочего земельный надел лишь обременял заботой о податях, которые им вносились

при перемене паспорта. Такой крестьянин, не имевший уже в деревне ни семьи, ни давно оставленной усадьбы, стремился освободиться от своего небольшого земельного надела, порвать с землей, приписаться в «городские мещане» и превратиться в потомственного пролетария. По данным Дементьева, в 1884—85 г.г. на 100 рабочих приходилось 91,5% рабочих крестьянского происхождения и только 8,5%—не из крестьян. Но эти цифры получают другой вид, если учесть, что из этой сотни у 55% рабочих отцы работали на фабрике и у 45% не работали. Другими словами, к началу 80-х г.г. промышленный пролетариат в России, будучи на 90% крестьянского происхождения, на 50% имел «фабричную генеалогию». Для половины всех рабочих в России в 80-х г.г. фабрика была основным источником существования. Тем самым завершался давно начатый и первоначально насильственный процесс отрыва производителя от земли и орудий производства.

Пролетаризация крестьянства шла и другими путями. Часть крестьян занималась кустарными промыслами, которые являлись подсобным занятием при тощей и недостаточной земле. Крестьянская реформа ударила по кустарю, лишив его земли в той мере, в какой она была ему необходима для поддержания его самостоятельности. Обследование кустарей в 70—80-х годах показало, что процесс обезземеления кустарей зашел очень далеко. В Павловском районе в таких промышленных селах, как Павлово, Ворсма и др., 56% домохозяев сдали свои наделы. Кустари сдавали свою надельную землю крестьянам, не будучи в силах ни отработать, ни оплатить свои наделы. Но лишенный земли кустарь, как самостоятельный производитель, терял даже свою прежнюю призрачную независимость. Он целиком подпадал под власть скупщика или фабриканта, если он работал на дому из материалов и по заказам фабриканта. Уже в 70-х годах капитализация кустарных промыслов была в полном ходу. Во Владимирской губернии, где особенно расцвела домашняя промышленность, кустари всех селений находились в полной зависимости от хлопчатобумажных фабрик, жестоко эксплоатировавших кустарей либо непосредственно, либо через комиссионеров и скупщиков.

В 80-х гг. статистика констатировала почти полное подчинение крестьянских промыслов крупному капиталу, который лишил кустарную промышленность всякой самостоятельности, сырья, машин и денег. Фактически экспроприировав кустарей, капитал заставил многих ранее самостоятельных производителей итти на разорившие их капиталистические фабрики наемными рабочими. Таким образом, в конце 70-х и в начале 80-х гг. уже был заложен

фундамент образующегося класса промышленных рабочих, необходимых для близкого расцвета капиталистического способа производства.

2. МЕТОДЫ И ФОРМЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЛОАТАЦИИ ПРОЛЕТАРИАТА В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ

Позднее развитие промышленного капитализма в России приводило к причудливому сочетанию в ней новых, вполне капиталистически-зрелых отношений и учреждений (банки, акционерные компании и т. п.) и старых — докапиталистических, феодально-крепостнических пережитков (в политическом строе — самодержавие, сословные привилегии и т. п.; в социально-экономических отношениях — длительное сохранение остатков крепост-

ничества в деревне, не сразу и не вполне освобожденный труд, зависимость буржуазии от крепостнического государства и т. п.). «Первоначальное накопление» на Западе было радикальным процессом образования капитала на одном полюсе и наемного труда — на другом. Вместе с экспроприацией средств производства у мелкого, ранее самостоятельного производителя, этот процесс обозначал, с другой стороны, освобождение его от феодального и цехового принуждения. Рабочий действительно становился «свободным, как птица», т. е. труд его, как и вся его жизнь, ставились только в зависимость от «естественных законов» капиталистического производства. В России внеэкономическое, непосредственное н а с и л и е сохранило свое значение не только в период, связанный с «реформой», но и почти до самой революции 1917 г. Тот хищнический характер эксплоатации, который свойственен раннему капитализму, не изменил своих основных черт и в позднейшее время. Методы насилия «эпохи первоначального накопления» в России приняли только более причудливые формы, благодаря сочетанию «азиатских» и «европейских» способов эксплоатации, т. е. благодаря созданию такой системы воздействия на рабочих, при которой выколачивалась наибольшая прибавочная стоимость. Процесс «первоначального накопления» в России, начавшийся задолго до реформы, только после нее принял интенсивные формы. Темп развития капитализма в России был более бурным, чем в Европе, где развитие капитализма шло, если можно так выразиться, более органически, с меньшими скачками, чем в России. Но в первые десятилетия после реформы, Россию XIX и даже начала XX века характеризуют отсталость и недоразвитость капитализма, по сравнению с капиталистической Европой и Америкой. Отсталости капитализма соответствовало в тот период более медленное и слабое оформление основных классов — буржуазии и пролетариата, лишь в процессе борьбы приходивших к осознанию своих классовых задач и целей. Пролетариат, выраставший в значительной части из крестьянской гущи, почти не имевший в прошлом ремесленно-цеховых традиций и организаций, какие имел западно-европейский рабочий, в эти годы лишь постепенно освобождался от «идиотизма деревенской жизни». Постепенно, слой за слоем, переходя из одного боя в другой, он выкристаллизовывался в рабочий класс.

Первые десятилетия пореформенного периода накопили богатейший фактический материал, характеризующий положение русских рабочих.

Крепостнически-патриархальные отношения между трудом и капиталом лишь прикрывали безудержную и жестокую эксплоатацию рабочих. Труд почти не был огражден со стороны законо-

дательства. Наоборот, капитал и «казна» (правительство помещиков, само бывшее предпринимателем), в дружном единении, направили все усилия к тому, чтобы получить, закрепить и максимально использовать нужное количество рабочих рук и путем бешеной эксплоатации наемного труда утвердить новый способ производства.

Первоначально болезненнее всего ощущался недостаток рабочих рук в тяжелой промышленности, вынужденной после 1861 г. перейти на вольнонаемный труд. Поэтому главные усилия предпринимателей были направлены к тому, чтобы увеличить приток рабочей силы из деревень и закрепить ее всяческими способами за фабрикой. Экономической основой для такого отрыва от деревни и закрепления за фабрикой было описанное уже нами хозяйственное обнищание и разорение крестьян, которое заставляло итти искать заработков на стороне.

Другим экономическим фактором, создающим кадры постоянных рабочих, была машинизация фабрики. В 70-е годы было ввезено на 53 млн. рубл. технического оборудования. Техническое переоборудование фабрик не только убивало кустарные промысла и ремесла, но и создавало условия для формирования прочно связанных с фабрикой рабочих. Вводимые усовершенствования влекли за собой уменьшение спроса на прежних искусных ремесленников и на обученных ручных рабочих, заменяемых более дешевым неквалифицированным, женским и детским трудом. Рост конкуренции на рынке труда заставлял рабочих крепко держаться за фабрику и сокращал все более и более уход на полевые рботы.

По данным Ленина, механическое производство больше всего отрывало рабочих от земли, уменьшая их связь с деревней. Так, на крупных предприятиях с высокой машинной техникой и с капиталистически-развитой организацией труда резко падал процент уходящих на полевые работы. Здесь процент постоянных рабочих достигал 93,8—97,7 (так, на машиностроительных заводах было 2,7% уходящих, на ситценабивных механических— 2,3% и т. п.). Наоборот, в предприятиях с преобладающе-ручным трудом процент ухода возрастал (в ручных бумаготкацких до 70,5%, в шелкоткацких до 63,1% и т. п.). Чем прочнее была связь с машиной, тем непрочнее становилась связь с землей. Срок ухода на полевые работы также определялся характером производства: рабочие механических производств ограничивались кратковременной отлучкой, работавшие на ручных станках уходили на более продолжительные сроки.

Предприниматели особенно охотно привлекали на фабрики более дешевый и выгодный труд детей и подростков. Земельная

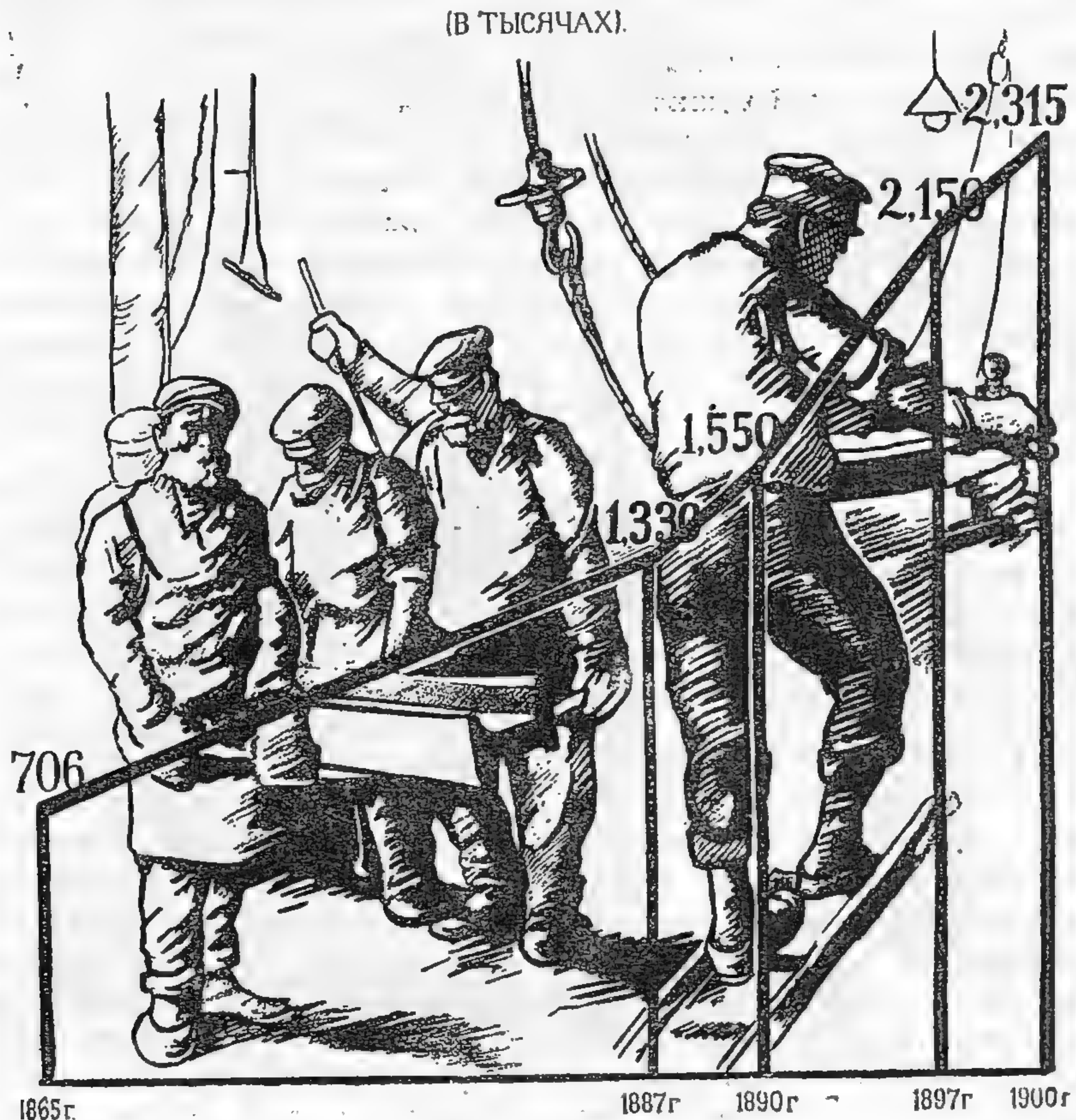
нужда выгоняла из деревни не только отцов, но заставляла их уводить с собой на приработки в город и детей, главным образом мальчиков, достигших уже 13—15-летнего возраста. Подростки 14—18 лет уходили на полевые работы в гораздо меньшем количестве, чем взрослые, крепче и прочнее прикреплялись к фабрике. Согласно данным переписи 1869 года, на предприятиях в Петербургской губернии работало 139.230 чел., из них в возрасте до 10 лет—451, в возрасте 11 лет—747, 12 лет—4.636, 14—15 лет—7.752, т. е. около 10% (13.387 чел.) общего числа рабочих составляли дети и подростки 10—15 лет. Подростков от 16 до 18 лет насчитывалось до 19.694 чел. Все эти дети и подростки работали, главным образом, на бумагопрядильных, бумаготкацких и табачных предприятиях. В Московской губернии, технически более отсталой, чем Петербургская, труд подростков и детей практиковался в еще больших размерах: по данным 1871 г., 15% общего числа рабочих составляли малолетние (29.144 подростков и детей из 188.853 рабочих). Однако не только экономические, но и внеэкономические факторы содействовали закреплению за фабриками нужной им рабочей силы. Фабриканты применяли целую с и с т е м у м е р, чтобы не допустить совсем или максимально сократить возможность ухода рабочих в деревню. «Хозяева фабрик стараются задержать у себя рабочих на время летнего полугодия. С этой целью прибегают к разного рода ухищрениям и, посредством широкого применения штрафов, уменьшают условленную плату насколько возможно»,—констатировал официальный отчет министерства государственных имуществ за 1878 г.

В первые десятилетия после реформы широко применялись самые кабальные условия найма. Способы найма практиковались различные: либо «свободный» наем, производившийся непосредственно фабричными конторами, либо наем посредством специальных агентов, либо партии рабочих вербовались «артельно» в деревнях каким-нибудь предприимчивым и связанным с фабрикой старым рабочим или приказчиком, либо, наконец, через волостные правления. При найме пускали в ход и подкуп, и водку, и закабаляющие задатки и займы.

Рабочим выдавались расчетные книжки, в которые предприниматели вписывали правила и требования, ограничивающие права рабочего и ставящие его в полную и безраздельную зависимость от предпринимателя. Но основным «правилом» было требование от рабочего не покидать работы до срока, предупреждать об уходе за месяц и полтора, в противном случае заработанные рабочим деньги оставались в пользу хозяина. Последний же мог выбросить рабочего с фабрики в любое время и по вся-

кому поводу. Иногда, в зимние месяцы из заработной платы рабочего вычитался определенный процент, причем сумма зимнего вычета отдавалась весной только в том случае, если рабочий со-

РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ.
(В ТЫСЯЧАХ).



УКАЗАНА ЧИСЛЕННОСТЬ РАБОЧИХ КРУПНЫХ ФАБРИК И ЗАВОДОВ (ПОДЧИНЕННЫХ ФАБ. ИНСПЕКЦИЙ) И ГОРНОЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ

глашался работать и в летнее время. Материальная зависимость рабочего еще более усиливалась от весьма разнообразных и многочисленных штрафов, выраставших в сложную систему гнета и эксплоатации. Фабричные инспектора в своих отчетах до 1885 г. указывают, что штрафы иногда составляют от 5 до 40% вычета из заработка рабочих, причем число «мотивов» штрафо-

вания, поддающихся включению в устные и письменные «правила», достигало иногда 30—40 пунктов; большею же частью штрафы зависели от произвола любого мастера.

Угнетение рабочего на фабрике было отражением и результатом политического гнета помещичьего государства, которое преследовало рабочего-крестьянина целой системой репрессий и полицейских мер, особенно же — паспортной системой. Рабочий должен был наниматься на срок действия паспорта. Для продления паспорта нужно было внести в деревню все причитающиеся недоимки, а возвращаясь на фабрику подписывать новые, иногда еще более кабальные условия. Бесправие рабочего и его экономическое закабаление позволяли развиваться самой хищнической эксплоатации, бесконечно повышать рабочий день и уменьшать заработную плату, лишать рабочих подобия человеческих условий труда, питания, жилищ, санитарии и гигиены, не проводить в жизнь никаких правил по охране здоровья рабочего и его безопасности во время действия машин, даже если правила (скупо и неохотно) правительством устанавливались.

Длина рабочего дня не подвергалась законодательному ограничению и устанавливалась произволом фабрикантов и заводчиков. В среднем рабочий день определялся в 12—14 час., но во многих предприятиях он достигал 16—18 час. Большею частью он произвольно удлинялся сверхурочными и ночными работами. Заработная плата обычно была обратно пропорциональна продолжительности рабочего дня. В прядильных и ткацких фабриках Центрального промышленного района сверхурочные работы удлиняли рабочий день до 18—20 час. В шерсто- и бумагопрядильнях работали обычно 15 час. В рогожных, красильных отделениях рабочий день достигал 16 час. В шахтах Екатеринославской губернии работа взрослыми и детьми производилась «от зари до зари», иногда по 16—17 час. На Урале «нормальное» число рабочих часов определялось 12-ю, но работы производились посменно: одна смена с 4 час. утра до 12 час. дня, другая — с 12 до 8 час. вечера, с 8 час. до 4-х час. утра опять первая смена, а с 4 до 12 снова вторая и т. д. В течение перерыва в 8 час. нужно было поесть, сделать свои домашние дела, выспаться и снова явиться на работу. Такая же работа сменами практиковалась и на многих текстильных предприятиях.

Реальная заработная плата рабочего понижалась высокими ценами на продукты. Пореформенное время знаменуется ростом дороговизны. Рабочему приходилось до крайности сокращать свои и без того ограниченные потребности. При среднем заработке в 8—12 руб. на питание при артельном харчевании расходовалось до трех четвертей заработка. Принудительная система забора

продуктов из хозяйских лавок в счет заработка, по более высоким ценам за менее доброкачественные продукты, чем на рынке, поглощала значительную часть бюджета. К особому виду легального хищнического грабежа рабочих относятся и сроки расплаты с рабочими. Здесь царил полный произвол: одни фабрики выда-

вали зарплату 8 раз в год, другие 6 или 4 раза, главным образом перед большими праздниками, да и то не полностью, а с вычетом 10% «впредь до окончательного расчета» и на предмет возможных оштрафований.

В среднем заработная плата рабочих в 70—80 г.г. колебалась от 30 коп. до 1 руб. в день. Детский труд оценивался в 10 коп. за день. Заработок при этом снижался всеми возможными видами удержаний во время получки. Штрафы были самым излюбленным средством уменьшения заработной планы. Система

штрафов приводила иногда к тому, что рабочий оставался должным хозяину, сколько бы он ни работал. Штрафы особенно процветали в Центральном промышленном районе, хотя в условиях найма они не оговаривались. На Урале же, где условия договора были гораздо более откровенно-кабальными, штрафы были установлены договором. Напр., за оставление рабочим работы полагалось 150 руб. штрафу, за неявку на работу 1 руб., за пьянство—1 руб., за ссору—3 руб. и т. п. Мастера штрафовали рабочих по собственному усмотрению и вне всяких правил.

Кроме штрафов и незаконных удержаний, хозяин обычно не выдавал по неделям платы с тем, чтобы рабочий брал продукты в сосе̇дней или фабричной лавке и, переплачивая за товары, давал бы лишний процент капиталисту. У рабочего вычитывали квартирные за право пользования казармами, за освещение казарм, а другие вычеты набегали волею фабрикантов и его приказчиков, и случалось так, что вычеты равнялись почти что всей заработной плате.

Таким образом, капитал увеличивал свои накопления ничем не прикрытым и никем не стесняемым грабежом рабочего. Жилищная политика капиталистов 60—80-х г.г. преследовала те же цели ограбления рабочего. Большинство фабрик и заводов обеспечивали своих рабочих жильем. Только часть рабочих снимала, если имела возможность, квартиры на стороне или жила в близлежащих к предприятию деревнях. Фабричные жилища представляли собой либо казарму, либо каморочный дом, разбитый на комнаты-клетки, в каждой из которых помещалось несколько семейств.

Казармы представляли собою общие спальни, где женатые и холостые, дети и взрослые спали вповалку, в тесноте, духоте и грязи, на деревянных нарах, которых иногда нехватало для всех: в то время, когда одна смена работала, другая спала. В этих «жилищах» отсутствовали, конечно, вентиляция, а также нередко — водопровод и уборные.

Ужасные гигиенические условия жизни в казармах и тяжелые условия труда на фабриках, нисколько не обеспеченных в отношении техники безопасности, способствовали развитию болезней, истощению и быстрому вымиранию рабочих. Особенно тяжело отражалась эта пора «первоначального накопления» на детях и подростках, ибо, по выражению Карла Маркса, «избиение младенцев» составляет одну из самых ярких черт эксплоатации этой стадии развития капитализма. Общий процент детей на текстильных предприятиях в 80-е г.г. доходил до 44, причем эксплоатация их приняла ко времени закона 1882 г. неслыханные размеры. Нередко деревенские родители, скрывая настоящий воз-

раст своих детей, отдавали их в полное распоряжение («на обучение») фабрикантам. Воспитательные дома и приюты поставляли фабрикам и заводам малолетних сирот и подкидышей. Производственное «обучение» детей заключалось в каторжной работе, наравне со взрослыми, в течение 12—14 час., после которой производилось «обучение» грамоте, нередко заменяемое розгами, карцером и лишением даже того полуголодного пайка, который детям полагался. С детьми предприниматели делали все, что хотели. Если же одни умирали, то новые партии дешевого и беззащитного детского труда из деревни и городских приютов немедленно замещали погибших.

В России, как и в Западной Европе, капитализм рос на слезах, поте и крови многих и многих десятков тысяч «свободных» рабочих.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАБОЧИЙ КЛАСС И НАРОДНИЧЕСТВО

1. СТАЧКИ 60—70-г.г., ИХ ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ

Переходный характер социально-экономических отношений первых десятилетий после реформы сказался не только на условиях и характере формирования рабочего класса, но и на его первых боевых выступлениях. Рабочий-крестьянин чаще всего сохранял в способах реагирования на усилившийся гнет капитала чисто-крестьянскую стихийность, неорганизованность и малую осознанность истинных целей и задач своей борьбы, какие были свойственны крестьянским бунтам или большей части рабочих волнений («беспорядков» на полицейском языке) дореформенного времени. Наряду с массовым терроризмом, поджогами и разгромами предприятий, рабочий-крестьянин практиковал в первые годы после реформы посылку прошений и ходоков к властям с униженными и жалкими мольбами об облегчении тяжелых условий труда и жизни[1].

Стачки или «беспорядки» в 60-х годах происходили, главным образом, среди горнозаводских рабочих, а также среди крестьян, работавших на «чугунке», т. е. среди первых железнодорожников, ибо 60—70 г.г. были началом целого периода усиленного железнодорожного строительства и прорытия каналов.

[1] В 1879 г. на крупном пермском заводе после одного такого «ходатайства» была получена губернаторская резолюция: «перепороть весь завод». В результате солдатами из 1000 чел. рабочих 37 было запорото до смерти и 25 вскоре умерло от побоев.

В 1861 г. происходили волнения работавших при прорытии Ново-Ладожского канала. В 1862 г. на почве злоупотреблений подрядчиков бастовали рабочие при проведении Южной железной дороги. В 1863 г. происходили волнения среди горнозаводских рабочих Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний. В 1865—1866 г. особенно волновались рабочие Холуницких заводов, близ Вятки, и Ижорских заводов, сокращавших производство. Все эти волнения и стачки жестоко усмирялись, «подстрекатели» арестовывались и высылались.

Но настоящая борьба рабочего класса начинается только с выступлением на сцену рабочих-текстильщиков, т. е. с первой исторической стачки на Невской бумагопрядильне в Петербурге 22 мая 1870 г.

Развитие текстильной промышленности несколько замедлилось в своем темпе в начале 60-х годов. Между тем приток рабочих, особенно неквалифицированного труда, в текстильной промышленности увеличился и дал повод фабрикантам систематически урезывать и без того низкую заработную плату. На этой почве произошла стачка прядильщиков Невской бумагопрядильни, которые оставили работу, когда им было отказано в повышении сдельной платы. Рабочие избрали из своей среды депутатов для объяснений с дирекцией и полицией и подали от имени 800 рабочих прошение обер-полицмейстеру. Результатом обращения рабочих к властям был суд, присуждение к аресту (правда, отмененное судебной палатой) и административные высылки рабочих. В этой первой крупной стачке характерны два момента: обращение рабочих за «защитой» к *полиции и властям против капитала* и отношение к стачке полицейского государства и общества. Если первое свидетельствовало о слаборазвитом еще классовом сознании рабочих и непонимании ими связи полицейского государственного аппарата с эксплоатирующими их предпринимателями, то второе говорило о том, что молодой русский капитализм крепко связывался с государственной властью и что последняя содействовала своими полицейскими мерами накоплению капитала. Стачка 22 мая 1870 года уже не была «бунтом» дореформенного образца. Она не была и «беспорядками» крестьянского типа. Это было первое боевое, хотя еще достаточно стихийное, выступление *рабочего класса*, правда, еще не вполне осознавшего свои классовые исторические задачи и свое общественное положение. Именно так поняли эту стачку буржуазия и правительство, громогласно заявив о появлении в России рабочего вопроса, который отрицали вместе с отрицанием возможности образования в России пролетариата. «И у нас случилась стачка и нас не уберег бог» — писала передовица

В РАБОЧЕМ КРУЖКЕ Рисунок А. Касаткина

«Нового Времени». «Русские стачки—явление еще новое в России, и в таком размере, как стачка невских рабочих, еще небывалое», — писали и «Русские Ведомости» (от 31 мая 1870 г.). Стремясь репрессиями запугать рабочих, правительство хотело заставить, путем уничтожения гласности, не обсуждать рабочего вопроса.

Но замолчать стачку, как общественное явление, не удалось. Каждый год приносил уже по несколько новых больших стачек. По подсчетам т. Невского, значительно исправившим устарелые данные Мартова, число стачек в 70 г.г. довольно значительно: так, в 1870 г. известно о 14 стачках, в 1871 г. — о 17 стачках (из них наиболее известна стачка текстильщиков на Ярцевской мануфактуре Хлудова). В 1872 г. — о 25 стачках (особенно значительно было волнение на Кренгольмской мануфактуре). В 1873 г. — о 16 стачках (самым крупным было волнение на Нерчинских приисках). В 1874 г. — о 23 стачках (известность получила особенно стачка на суконной фабрике Лазарева в Москве). В 1875 г. — о 25 стачках (в мае происходили волнения на Юзовском заводе, в июле — на ткацкой фабрике Коншина в Серпухове). В 1876 г. — о 25 стачках (самыми значительными были: стачка на Никольской мануфактуре Морозова в Орехове, на суконной фабрике Штиглица в Петербурге) и в 1877 г. — о 8 стачках. В 1878 г. стачки вспыхивают с новой силой. Этот год дает 30 стачек и следующий 1879 г., наиболее насыщенный стачечной борьбой, дает 37 стачек. Таким образом, В. И. Невский за десятилетие в 70-х г.г. насчитывает 162 стачки. При этом по 153 стачкам, о которых имеются более проверенные сведения, т. Невский насчитывает 112 тыс. стачечников с количеством 738 чел. в среднем на одну стачку. Подъем стачечной борьбы с 1876 г. объясняется начавшимся оживлением в промышленности. В 1877 г. война с Турцией и усилившиеся репрессии снова снижают число стачек. В 1878—79 г. движение достигает максимума для всего десятилетия.

Рассмотрим теперь характер и особенности этих стачек. Начало 70-х годов было временем промышленного застоя. Неблагоприятная конъюнктура стала особенно тяжело сказываться на текстильной промышленности. Фабриканты не замедлили ухудшить и без того тяжелые условия труда. Нужда среди рабочих усилилась. К тому же вспыхнула холерная эпидемия, и смерть косила рабочие семьи в большом количестве. Все это способствовало накоплению недовольства и возмущения, принимавших иногда бурные формы протеста. Следует отметить вторую по значительности после Невской стачки забастовку в г. Нарве на Кренгольмской мануфактуре. Это была одна из крупнейших текстильных фабрик России. В 1872 г. на ней насчитывалось до 6 тысяч рабочих, живших в полнейшем бесправии и нужде, на основе полицейского устава 1857 г. Инициатива выступления и руководство последним принадлежали ткачам. Это были наиболее развитые и сознательные рабочие из среды текстильщи-

ков, что отмечает и официальная комиссия, расследовавшая причины и обстоятельства стачки 1872 г.

Конкретных и положительных результатов эта стачка дала не много. Она носила оборонительный характер — против ухудшения условий труда. Рабочие сначала пытались привлечь власть и полицию против хозяев, еще не понимая тесной между ними спайки. И только в результате разочарования в помощи губернатора и полиции рабочая толпа приходит к стихийно-бунтарским действиям. Последний, как и первый факты свидетельствуют еще о преобладании элементов стихийности и неорганизованности в рабочем движении.

Такой же характер носили ранние выступления текстильщиков и на других фабриках. Так, стачка на бумагопрядильной фабрике Коншина в Серпухове была ликвидирована вмешательством генерал-губернатора, которого рабочие проводили криками «ура» и молебном. На Никольской мануфактуре Саввы Морозова стачка прядильщиков, вызванная неправильными штрафами, также привела к вмешательству губернатора, но и на этот раз вмешательство было не в пользу рабочих, хотя губернатор и признавал в своем отчете министру справедливость жалоб и требований рабочих.

Со второй половины 70-х годов стачки текстильщиков принимают несколько более боевой и сознательный характер. Петербургские стачки 1878—1879 г. кладут начало стачечному движению рабочих в более широком масштабе, а главное, способствуют проявлению первых признаков классового самосознания и рабочей солидарности. В стачке 1878 г. на Новой бумагопрядильне, начавшейся на почве понижения расценок, рабочие прошли все необходимые ступени в поисках справедливости и защиты от эксплоатации фабриканта: они обращались с ходатайствами и в полицию, и к градоначальнику, и, наконец, к самому царю.

По словам Плеханова, собравшего на месте сведения о стачке на Новой бумагопрядильне, на фабрике работали недавно вышедшие из деревни «серые» рабочие-крестьяне, сохранившие свое деревенское, еще не изжитое отношение к царю, как высшему судье и защитнику. Но на той же фабрике была уже небольшая группа, в десяток человек, сознательно относившихся к окружающему и понимавших классовые отношения. Веру в царя у отсталых рабочих можно было и нужно было разрушить не словами, а опытом. Вот почему проект прошения наследнику был одобрен даже местным революционным кружком. С прошением рабочие двинулись ко дворцу, чтобы лично передать его наследнику. «Мы, обманутые рабочие Бумагопрядильной фабрики, — писали рабочие

в своем обращении к наследнику, — обращаемся к вашему высочеству с жалобой на притеснения со стороны наших хозяев и полиции». Прося наследника заступиться, рабочие так заканчивали свое прошение: «Мы обращаемся к вам, как дети к отцу. Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то мы тогда будем знать, что нам не на кого надеяться, что никто не заступится за нас, и мы должны положиться на себя и на свои руки».

В последнем рабочим пришлось убедиться немедленно, ибо единственным ответом на их обращение был град усилившихся репрессий. Полиция и казаки оцепили рабочие кварталы, тащили бастовавших на фабрику, сажали в тюрьмы и ссылали «зачинщиков». После двухнедельного сопротивления со стороны рабочих полиция добилась прекращения стачки.

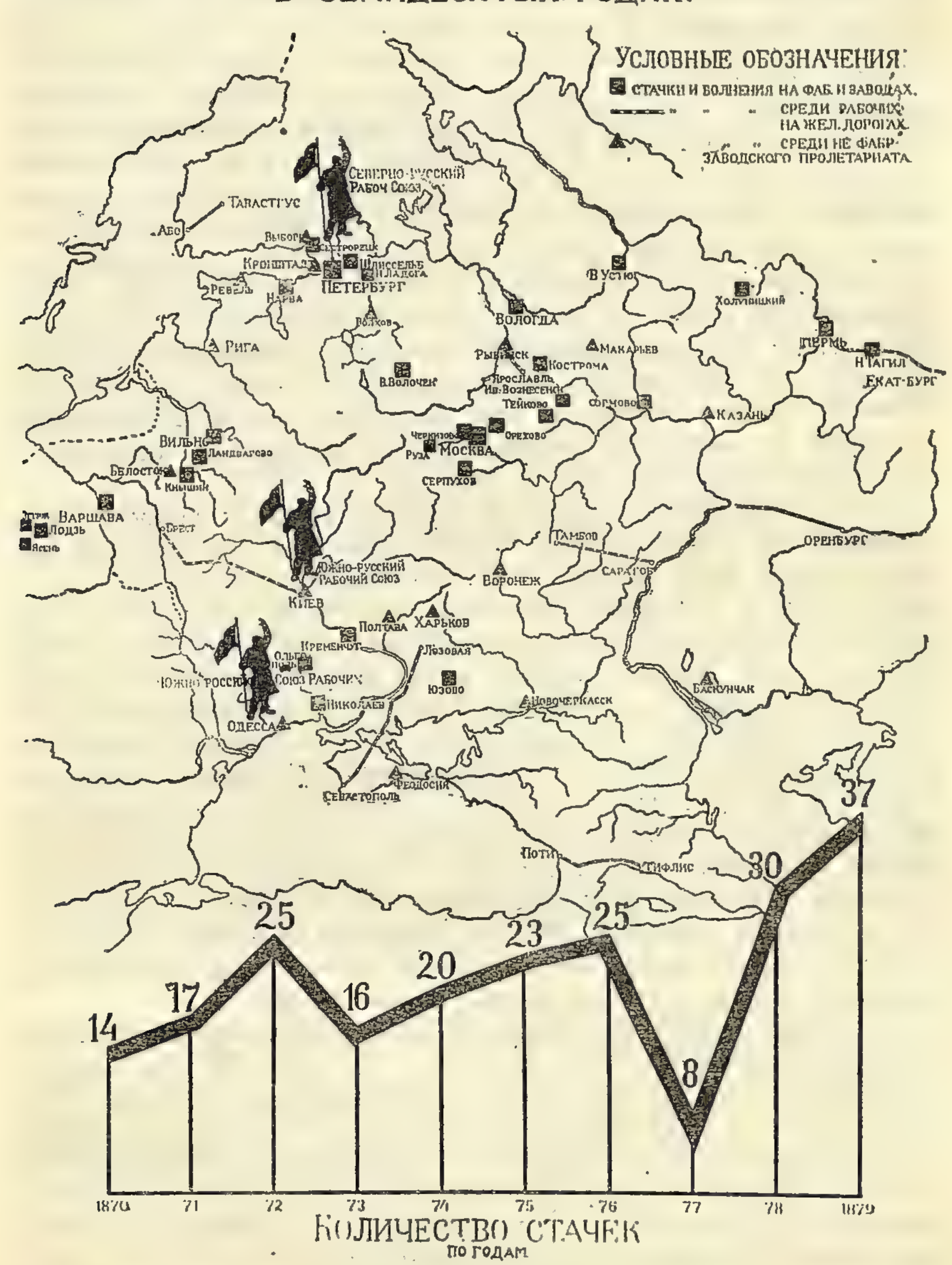
Стачка на Новой бумагопрядильне вызвала сочувственный отклик и волну солидарности со стороны рабочих других фабрик, которые следили за развитием стачки и помогали стачечникам деньгами и сочувствием.

В том же 1878 г. попробовали обратиться к наследнику с прошением и прядильщики фабрики Кенига, где произошла забастовка на почве эксплоатации труда малолетних и подростков. Судьба этого прошения была такая же: рабочие частью были уволены, частью сосланы, не добившись улучшения.

Следующий, 1879 г. был особенно бурным. В Петербурге стачечное движение приняло размеры еще небывалые. Причины были те же: непосильно-тяжелые условия труда, бесправие и беззащитность рабочего, находившегося под двойным гнетом вступивших в блок фабриканта и полицейского. «Какой-нибудь мелкий, сам по себе неважный факт, — и на фабрике происходит «бунт», со всеми его последствиями», — писал Плеханов в «Земле и Воле» от 20 февраля 1879 г., характеризуя накоплявшийся в рабочих низах горючий материал, готовый вспыхнуть каждую минуту.

Историческая забастовка на Новой бумагопрядильне в 1879 г., где волнение среди рабочих еще не улеглось после первой забастовки, началась с такого же стихийного «бунта». Рабочие, которым был произвольно увеличен рабочий день для отработки «прогульного» праздника, прекратили работу, стали бить стекла, портить основу, закрыли газопроводный кран и т. п. Вскоре после этого администрация уволила 44 рабочих, как «неблагонадежных» и бунтовщиков, и заявила, что, ввиду постоянных бунтов, администрация фабрики хочет заменить мужчин-ткачей женщинами и детьми. Ткачи ответили стачкой. Начались сходки, на которых обсуждалось положение и были выработаны требова-

РАБОЧИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И СТАЧКИ
В СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДАХ.



ния рабочих. Они сводились к оставлению на фабрике 44 уволенных, к повышению заработной платы на 5 коп., сокращению рабочего дня на 2½ часа, к отмене штрафов и увольнению ненавистных мастеров. Требования текстильщиков Новой бумагопрядильни поддержали и рабочие фабрики Шау. Другие петербургские фабрики откликнулись денежной помощью бастующим.

В забастовку, как всегда, вмешалась полиция. Начались аресты. Полиция ходила по мелочным лавкам и запрещала давать бастующим рабочим в долг провизию. Делались полицейские ночные облавы рабочих квартир и артельных общежитий, с целью обысков и арестов. Не было почти ни одной квартиры, где бы не был арестован хоть один жилец. Хозяев квартир полиция заставляла требовать у рабочих уплаты долгов за квартиру, чтобы принудить их выйти на работу. Взятых полицией, в особенности малолетних рабочих, поголовно высекли и освободили, пригрозив еще раз выпороть, если не пойдут на работу. А взрослых рабочих административным порядком выслали в Вологодскую губернию и, частью, на родину, хотя у высланных остались в Петербурге семьи без всяких средств.

Дружная атака полиции и капитала сломили упорство стачечников. Но забастовка не осталась без следа на сознании рабочей массы. Еще недавно она свои надежды обращала в сторону власти и полиции, у них ища защиты от капиталиста. Теперь союз капитала и правительства стал ясен для самого отсталого рабочего. Прежде рабочая масса подозрительно и недоверчиво смотрела на «политических», считая их «бунтовщиками». Теперь она знала, что бунтовщики это — только наиболее смелые и сознательные рабочие, пострадавшие за общее дело. Стачки разбудили в рабочих массах чувство солидарности и протеста против кабальных условий труда. Правда, развитие классового сознания шло очень медленно и туго. Недоразвившиеся капиталистические отношения мешали оформлению классовой борьбы. Но все же рабочее движение 70-х г.г., особенно со второй половины, в связи с начавшимся промышленным оживлением, поднимается на новую ступень и количественно, и качественно.

Главной массой бастовавших были текстильщики: 44,78% всех участников и 40,74% всех стачек. Но уже в 70-х г.г. довольно значительное участие в стачках принимают и металлисты: 39% всех участников и 22,84% всех стачек падает на металлическую промышленность. Но металлисты, участвовавшие в стачках 70-х г.г. были близки к крестьянам: это были, главным образом, чернорабочие Путиловского, Семянниковского, Сормовского, Мотовилихинского заводов. В это же время вступают в борьбу и железнодорожники (8,74% стачек), в связи с тяжелыми условиями

на строящихся жел. дорогах. Значительная часть стачек вызвана низкой заработной платой, 14,25% стачек вызваны плохими жилищными условиями или плохим питанием. В пользу рабочих окончилось меньше половины стачек с 44,66% рабочих, да и то частично. Большинство стачек рабочие проиграли. Качественно забастовки второй половины 70-х годов были выше забастовок других годов, ибо на стачечное движение этого периода оказало большое влияние интенсивно развернувшееся революционное движение, к рассмотрению которого мы и переходим.

2. РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Рабочий класс в России 70-х годов находился в процессе формирования, оформление же его классового самосознания только начиналось. Путь развития «класса в себе» в «класс для себя» проходит в неустанной борьбе пролетариата с капиталом и с поддерживающим его политическим строем. В 70-е годы рабочее движение сделало на этом пути только первые шаги.

Революционеры-народники 70-х годов, рассказывая об участии рабочих в революционном движении, попутно характеризуют состав, психологию и идеологию рабочего класса этого периода.

Плеханов рассказывает, что самым типичным в рабочем классе 70-х гг. являлось довольно резкое различие между заводскими и фабричными рабочими. Первые, оторвавшись от деревни, уже превращались в потомственных пролетариев. Будучи обученными, квалифицированными рабочими, сравнительно неплохо экономически обеспеченные, грамотные и политически развитые, они по своему уровню и политическому кругозору приближались, а иногда и превосходили некоторых политически-зрелых студентов. Вторые (фабричные рабочие), еще связанные с деревней, с неугасшей мечтой вернуться к земле, с крепким собственническим идеалом, экономически были менее обеспечены и политически более отсталы. Считая свою работу на фабрике и свое положение временным, они не решались протестовать и бороться, отстаивая в борьбе свои права.

Народники обращали свое внимание именно на эти отсталые слои фабричных рабочих, считая их ближе к крестьянам, в которых они видели единственных и прирожденных носителей социализма. Капитализм и порождаемый им пролетариат считались явлением отрицательным и нежелательным на русской почве, а борьба против «язвы пролетариатства» стала одним из лозунгов антикапиталистической программы народничества. Единственной задачей рабочих, за которыми народники не признавали самостоятельной роли в истории, должна быть — говорили они — задача

вспомогательно-пропагандистская, ибо рабочий ближе к деревне, чем интеллигент, и поэтому может быть лучшим пропагандистом среди крестьян, чем, например, студент.

Но и эта задача, возлагаемая народниками на рабочих, реализовалась плохо. Заводские рабочие относились к «серой деревенщине» пренебрежительно, а фабричные были недостаточно развиты и неподготовлены для пропагандистской работы. Но все же революционная пропаганда народников среди рабочих (хотя бы и с вспомогательными целями) и, особенно, опыт переживаемой рабочими стачечной борьбы многое сделали для пробуждения самосознания рабочего класса в 70-е годы. Первым шагом на этом пути было обучение рабочих грамоте в воскресных школах и рабочих кружках. Недаром правительство считало воскресные школы очагами революционных идей. Большую роль в процессе культурного и политического роста рабочего класса сыграло «просветительство» 60-х годов. Революционные идеи среди рабочих распространяла также и левая группа кружка петрашевцев, а с начала 60-х годов попытку связи с рабочими сделал кружок каракозовцев. В 60-х годах в России были популярны занесенные из Западной Европы идеи «кооперативного социализма» и производительных ассоциаций. Русские политические эмигранты, возвращаясь из Франции и Германии, вели среди рабочих пропаганду в пользу образования самостоятельных производительных артелей. Кое-где (например, в Саратове эмигрантом Христофоровым) были сделаны даже попытки практической реализации таких артелей, кончившиеся очень быстро крахом и арестами. С начала 70-х годов рабочие пропагандистские кружки стали развиваться более планомерно. В 1872 г. почти во всех районах Петербурга создались кружки чайковцев, знакомившие рабочих с основами европейского социализма. Чайковцы находились под сильным влиянием учения Лассаля, им было уже известно и экономическое учение К. Маркса.

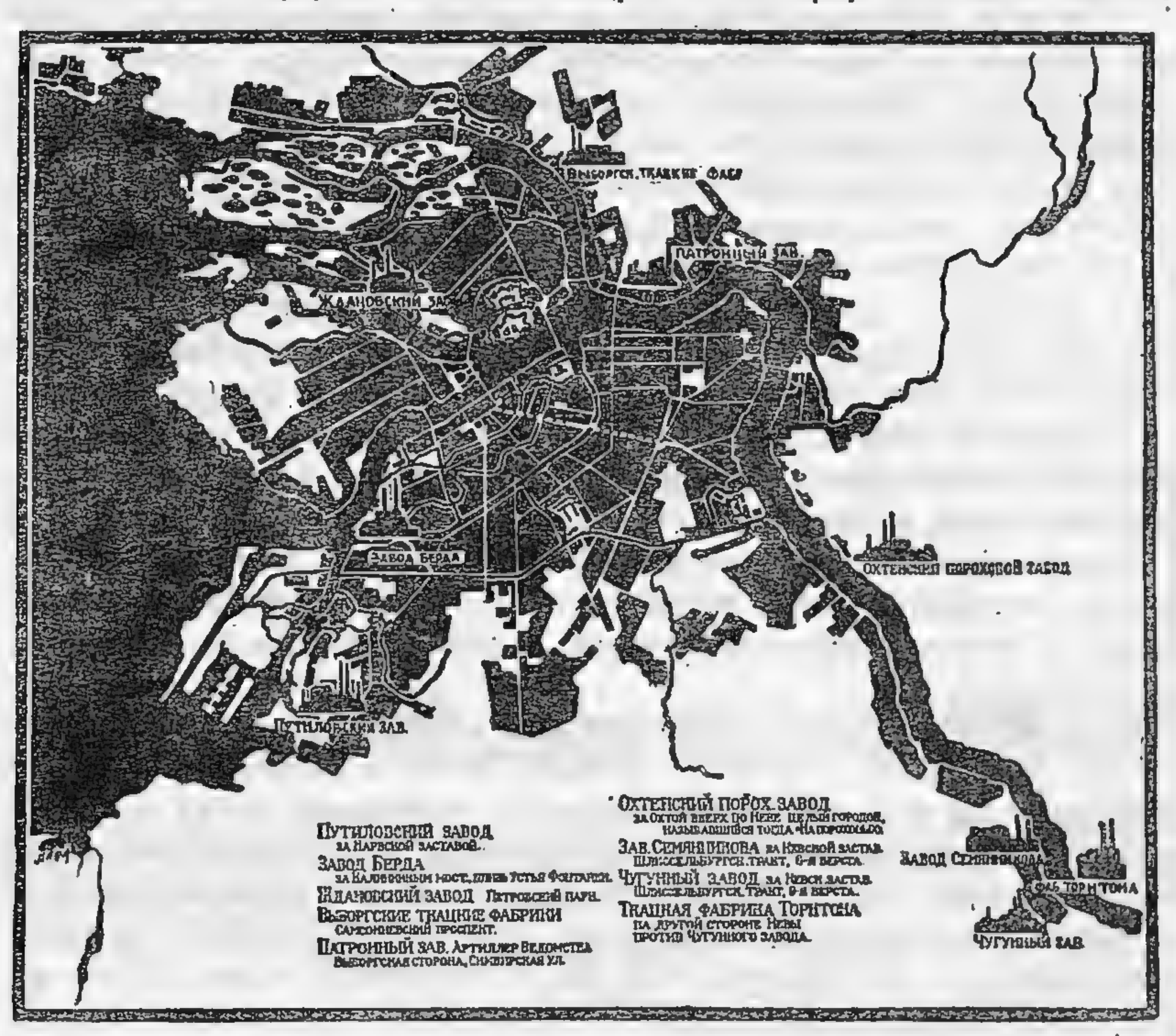
Деятельность чайковцев среди рабочих развивалась успешно. «Скоро, — пишет в своих воспоминаниях об этой полосе чайковец Шишко, — среди заводских и среди фабричных рабочих всех главных петербургских рабочих центров образовались небольшие группы сознательных рабочих. Дальнейшей своей задачей кружок чайковцев ставил объединение всех этих групп с целью создать из них *самостоятельную рабочую организацию*, но этому плану не удалось осуществиться, вследствие начавшихся вскоре арестов».

В 1873 г. кружки были разгромлены, но они все же подготовили некоторое количество первых рабочих-социалистов, которые впоследствии пошли не по народническому пути.

В 1874 г. создалась так называемая «Всероссийская социально-революционная организация», находившаяся в тесной связи с заграничной группой, издававшей журнал для рабочих — «Работник».

Эта организация считала необходимым перенесение на русскую почву западно-европейских социалистических учений

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ФАБРИКИ И ЗАВОДЫ, НА КОТОРЫХ ВЕЛАСЬ ПРОПАГАНДА ЧАЙКОВЦЕВ СРЕДИ РАБОЧИХ.



и развернула свою пропаганду среди рабочих Москвы, Иваново-Вознесенска, Тулы, Шуи, Одессы, Киева, а также и в некоторых городах Кавказа. «Двухмесячный опыт пропаганды среди московских фабричных рабочих, — по словам одного из организаторов этой работы, кавказца Джабадари, — дал блестящие результаты. Мы охватили до 20 фабрик, а также мелкие мастерские: столярные, слесарные, кузнечные и мастерские Курско-Харьковской железной дороги».

В 1875 г. организация была разгромлена, а большинство ее участников привлечено к суду («Процесс 50-ти»). Во время суда один из рабочих — участников организации, Петр Алексеев — произнес свою знаменитую речь о положении русских рабочих и их исторической роли:

«Русскому рабочему народу остается надеяться только на себя и ни от кого не ждать себе помощи, — заявил Петр Алексеев на суде — кроме, как от одной нашей интеллигентной молодежи: она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, когда поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах»...

Петр Алексеев, как и другие революционеры-рабочие (Виктор Обнорский, Марк Малиновский, Михаил Орлов, Степан Халтурин и др.), был только пионером массовой революционной борьбы пролетариата. Это поколение воспиталось на пропаганде 70-х годов, вовлекавшей, правда, лишь одиночных выдающихся рабочих в революционную борьбу.

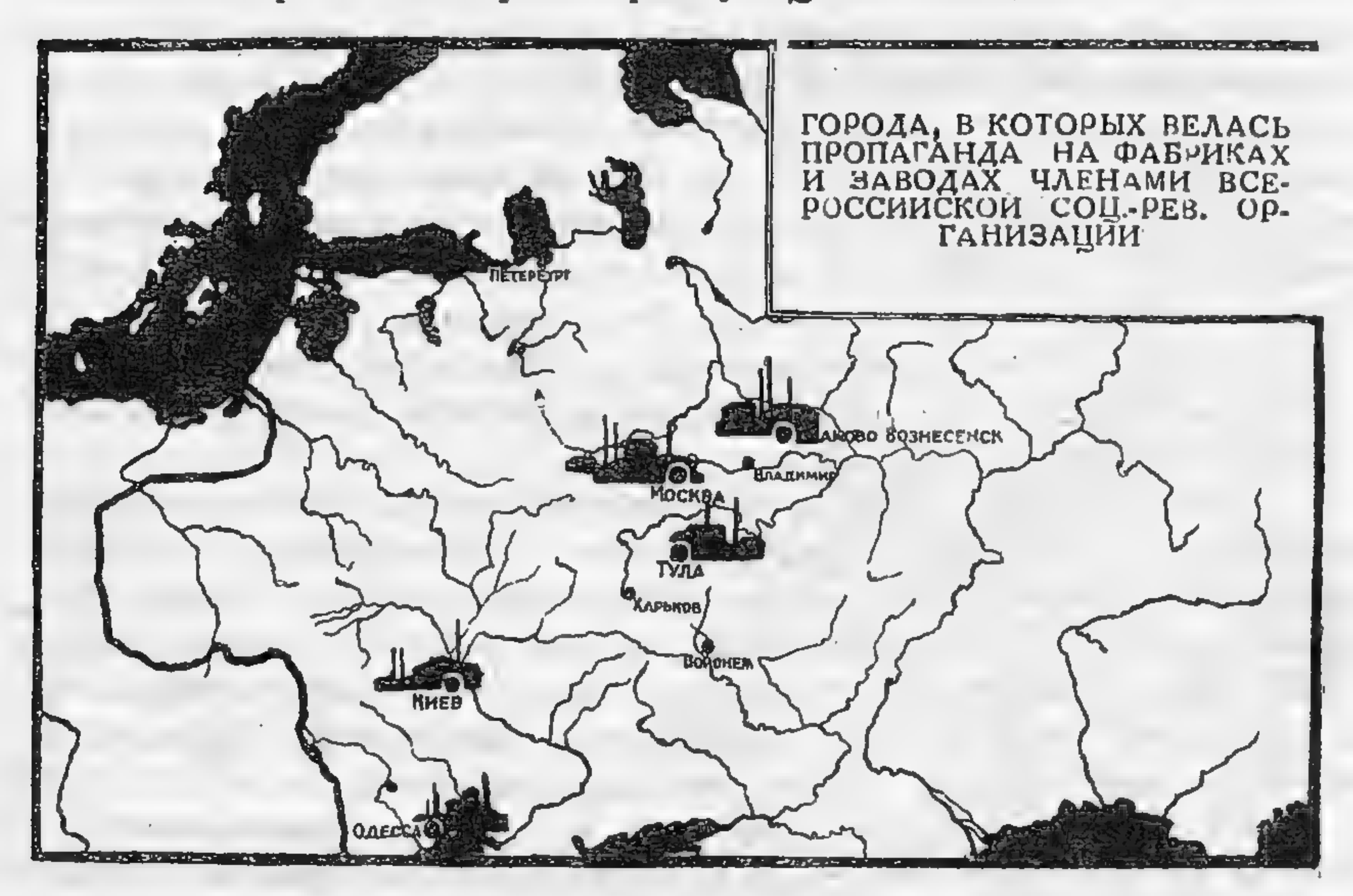
Со второй половины 70-х годов начинается новый этап участия рабочих в революционном движении, характеризующийся первыми попытками самостоятельных рабочих выступлений и первыми опытами создания более широких рабочих организаций.

Прежний объем и формы пропаганды не удовлетворяли уже революционную интеллигенцию. Накопившиеся в кружках силы, экономические условия в стране и распространение идей, шедших с Запада, требовали более широкой и массовой борьбы. Движение из узко-кружкового и просветительного стремится стать массовым и революционным. Отсюда выросло «хождение в народ», в деревню.

Но в то же время часть революционеров-народников попыталась расширить формы и методы связи с рабочими. Многие поступали на фабрики, знакомились с условиями труда и жизни рабочих, приспособляли к ним содержание своей пропаганды. Но это «хождение в пролетариат» не имело самостоятельной задачи— развития классового самосознания рабочих. Народники попрежнему смотрели на рабочих, как на вербовочный материал и орудие своей пропаганды в деревне. Практика «хождения в народ» привела, однако, народников к тяжелому разочарованию. Крестьянство оказалось невосприимчивым к идеям социализма и революции, а рабочие скептически относились к «хождению в народ». Осенью 1874 г. движение было разгромлено. С начала 1876 г. программа и практика народничества была пересмотрена и выработана новая, легшая в основание новой революционной организации «Земля и Воля». Землевольцы, или революционные народники, прежнюю прямую веру в прирожденный социализм

крестьянства заменили верой в возможность и необходимость его подготовки к восприятию социализма, путем перехода от пропаганды к агитации, на почве непосредственных нужд и обид крестьянства.

Значительный сдвиг произошел у землевольцев и в отношении рабочих. Широкое стачечное движение второй половины 70-х годов заставило землевольцев ближе подойти к нуждам рабочего класса и от пропаганды перейти к более широким, активным и массовым действиям. Землевольцы смотрели на рабочих как на союзников крестьянства в грядущей революции. Самостоятельной роли они пролетариату еще не отводили.



ГОРОДА, В КОТОРЫХ ВЕЛАСЬ ПРОПАГАНДА НА ФАБРИКАХ И ЗАВОДАХ ЧЛЕНАМИ ВСЕРОССИЙСКОЙ СОЦ.-РЕВ. ОРГАНИЗАЦИИ

В отношении рабочих программа землевольцев признавала «агитацию и пропаганду среди городских рабочих и воспитание их в борьбе путем стачек».

Но и это было уже шагом вперед, особенно по сравнению с отношением народников к рабочим в первую половину 70-х г.г.

Землевольцы развернули к концу 1876 г. довольно широкую пропаганду среди рабочих в Петербурге и окрестностях.

Передовой слой петербургских пролетариев оказался очень восприимчивым к революционной пропаганде. Первым крупным результатом этого явилась так называемая Казанская демонстрация 6 декабря 1876 г., приведшая небольшие отряды передовых революционных рабочих к первому политическому бою на улице. Казанская демонстрация, плохо подготовленная и привлек-

шая всего две-три сотни рабочих, тем не менее, была уже первой открытой попыткой привлечь рабочих к революционной борьбе с самодержавием.

Правительство, не желая или не смея раскрыть суровым наказанием рабочих истинное значение их участия в демонстрации, поступило небывало мягко с рабочими, обвинявшимися в участии в демонстрации 6 декабря, приговорив часть из них к покаянию, часть к высылке на родину и в Сибирь на поселение.

Второй, более успешной, попыткой демонстрации, на которой полиции пришлось пострадать от рабочих патронного завода, было участие рабочих в похоронах своего товарища, убитого по преступной небрежности администрации при взрыве пороха. Но самое сильное влияние на пробуждение сознания большой массы петербургских рабочих произвели стачки, происходившие на текстильных фабриках в 1878—1879 г.г. Землевольцы не мало для этого сделали своими прокламациями, формулировавшими требования рабочих, выступлениями на собраниях стачечников, организацией денежных сборов в помощь бастующим и т. п. Среди рабочих к этому времени насчитывалось свыше сотни революционных кружков, пытавшихся объединиться и создать свою первую массовую рабочую организацию.

Итак, к концу 70-х годов рабочий вопрос был поставлен историей вопреки народническому «социализму», а рабочее движение переросло на целую голову народническое учение. Конечно, далеко не все движение и не весь рабочий класс были в этот период достаточно сознательными. Наоборот, стихийность, в громадной степени, была свойственна движению. Царистские иллюзии еще владели умами многих пролетариев.

«Возможно, —пишет Плеханов в своих воспоминаниях, — что те из них (рабочие. *А. П.*), которые видели прежде в шпионах тайных агентов добродетельного царя, принимали потом за таких агентов самих революционеров. Возможно, что они приписывали царской милости и раздачу денег лишившимся кредита семьям, по крайней мере, сближение с революционерами не мешало большинству стачечников надеяться на помощь со стороны трона...»

Но если медленно раскачивались массы, если туго — в больших и малых боях с капиталистами и полицией — созревали они политически и осознавали себя, как «класс для себя», зато передовые элементы рабочего класса быстро вырастали в процессе борьбы, от пропаганды переходя к агитации, от организации кружков к построению более широкой и более самостоятельной рабочей организации, какой явились Южный и Северный рабочие союзы.

Отъ южнаго рабочаго союза

Ко всѣмъ рабочимъ!

Всякій ждетъ себѣ отъ нового царя разныхъ льготъ, но боится заявить о своихъ нуждахъ, чтобъ не назвали его бунтовщикомъ, а потому мы «Южного Союза» рабочіе беремъ на себя почина и выскажемъ то, что у каждаго рабочаго на умѣ. Вотъ тѣ требованія которые мы послали царю черезъ графа Лорисъ-Меликова:

1) Свобода сходокъ, для обсужденія своихъ нуждъ

[illegible] нищету городскихъ рабочихъ

9) Законъ о нищихъ. Годные къ работѣ нищіе поступаютъ въ артельные мастерскія, а не годные въ особые пріюты на счетъ казны

10) Пріюты для сиротъ рабочихъ и для дѣтей пострадавшихъ рабочихъ, гдѣ могли-бы они получать образованіе ремесленно-научное.

3. ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ И СЕВЕРНЫЙ СОЮЗЫ РУССКИХ РАБОЧИХ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

В процессе роста рабочего класса и оформления его классового самосознания, как указывал Маркс в «Нищете философии» (еще в 1847 г.), большую роль играют рабочие коалиции. В зависимости от условий классовой борьбы строит рабочий класс и те или иные формы своих организаций. В пореформенной России самодержавный строй, тормозивший развитие «нормальных» для всякой буржуазно-капиталистической страны отношений, был основным препятствием для создания и укрепления рабочих организаций западно-европейского типа. Первые рабочие организации не могли принять формы легальных массовых объединений, приспособленных для защиты экономических нужд рабочих. Пролетарский авангард, вовлекаемый разными течениями народников, а затем уже и самостоятельно в революционную борьбу, организовался в боевые рабочие кружки. Кружковые рабочие участвовали в экономической борьбе, руководили стачками, вырабатывали лозунги борьбы и рабочие требования, оказывали денежную помощь стачечникам и их семьям, но делали все это не в легальных и организованных формах тред-юнионистской борьбы, а в сугубо-конспиративных и боевых условиях политической революционной организации. И первые более широкие и массовые рабочие организации, как Южно-российский и Северный рабочие союзы, сохранили те же основные черты и особенности. Самый состав их вербовали из распропагандированных в кружках передовых рабочих революционеров.

Деятельность первых рабочих организаций не могла быть очень широкой, охватывающей и организующей большие массы, быстро и прочно пробуждающий и воспитывающей в них классовое сознание, тем более, что количественный рост рабочего класса значительно опережал его классовое оформление. Но, несмотря на это, первые рабочие союзы, еще не освободившиеся от тради-

ций народнического социализма, сделали немалый шаг вперед на пути оформления классового сознания рабочих.

Основанный в Одессе «Южно-российский союз рабочих» оформился в 1875 г. под руководством революционера-интеллигента Евгения Осиповича Заславского. Основные кадры Союза составили рабочие, распропагандированные в рабочих кружках 1872 — 74 гг. Один из самых видных рабочих кружков был основан на заводе Фалька слесарем Виктором Обнорским, приехавшим в Одессу осенью 1873 г. после петербургских арестов и жившим здесь до своего отъезда заграницу. Вместе с рабочими Баранцевым, Кравченко и Яном Рыбецким, учениками Заславского, Обнорский — будущий основатель «Северного союза русских рабочих» — организовал рабочий кружок, связавшийся с организацией Заславского, и занимался усиленной пропагандой среди рабочих. Распространялись обычные революционные книжки 70-х гг.: «Сказка о 4 братьях», «Мудрица Наумовна», «Где лучше», а также газета «Работник». В 1873 г. Заславский читал кружковым рабочим лекции по политической экономии. Обычное содержание пропаганды народников в рабочих кружках скоро изменилось. Центр тяжести был перенесен на пропаганду программы Международного общества рабочих и на необходимость организации рабочих. Под руководством Заславского создавались некоторые просветительные мероприятия для рабочих — библиотеки, кооперативная баня, ссудные кассы и кассы взаимопомощи. В начале 1875 г. такая ссудо-сберегательная касса была создана рабочими чугунолитейного завода Гулье-Бланшард. Рабочие хотели сделать первоначальную кассу легальной и привлекали к участию в ней рабочих других предприятий. Под влиянием приглашенного рабочими Заславского, ссудная касса была вскоре преобразована в кассу взаимопомощи. Такие же кассы были организованы в железнодорожных мастерских и на механическом заводе Фалька. Такая же организация была создана и в Ростове-на-Дону. Заславский предложил объединить их все и образовать «Южно-российский союз рабочих». Коллективно был разработан устав союза и установлен членский и вступительный взносы. Союз разбивался на группы, в каждой из групп было крепкое ядро в 5—6 рабочих, вокруг которых группировались сочувствующие рабочие. Один из участников союза, М. П. Сквери, насчитывает всего в Одессе 6—7 групп, объединяющих от 150 до 200 рабочих. В других городах (в Ростове, Таганроге, Харькове) Союз, захваченный общим провалом, погиб, едва начиная организационно оформляться.

Чем был Южный союз и как велико было его влияние на рабочих?

Из 2—3 тыс. одесских фабрично-заводских рабочих Союз объединял до 4%, главным образом, из состава индустриальных рабочих. Среди железнодорожников из тысячи рабочих в Союз входило 60 чел. Таким образом, количественный охват Союзом рабочих был по тому времени значителен.

Но что из себя представлял Союз в качественном отношении? Качественное оформление пролетариата шло медленно.

Рабочий класс переживал в своем развитии переходный этап, и это целиком сказалось на впервые им созданной организации.

Союз и по своей идеологии, и по своей тактике лишь одной ногой шагнул в будущее, другой же еще целиком задерживался на старой народнической почве. Это особенно заметно при анализе его устава, формулирующего цели, задачи и тактику Союза.

Устав является шагом вперед по сравнению с народническими программами того времени, но отсюда еще нельзя сделать вывода об его марксистской сущности.

Устав говорит о необходимости освобождения рабочих от гнета капитала и привилегированных классов, но не требует классовой борьбы, а только пропаганды этой идеи для будущей борьбы. Устав не ставил перед Союзом четкой задачи классового воспитания рабочих как самостоятельной общественной силы в борьбе за социализм. Он только говорил о необходимости «сознания рабочими их бедственного положения».

На выработку устава Союза, очевидно, повлияло знакомство с уставом и деятельностью I Интернационала, в понимании и изложении их народниками, в частности, Лавровым, учеником и последователем которого был Заславский.

Но как в уставе, так, особенно, в деятельности этот первый рабочий союз дал уже и кое-что новое, отличающее его от лавризма.

Хотя и осторожно, устав намечает, в отличие от лавризма,— необходимость насильственного переворота для устранения существующего порядка — а также в отличие от народничества вообще — говорит о необходимости направить борьбу одинаково против экономического и политического строя. В своей деятельности Союз шел еще дальше. Он вмешивался в экономическую борьбу рабочих, выпускал печатные воззвания к ним, устраивал массовые рабочие собрания и распространял литературу среди рабочих. «Вокруг Союза, — вспоминает Сквери, — толпилась рабочая масса, вбиравшая в себя идеи Союза и считавшая его своим делом». «Союз, — говорит он далее, — вероятно, постепенно пришел бы к целям и задачам профсоюзов. Союз рос и видоизменялся с сознанием рабочей массы».

Это было то новое, что вносил в Союз медленно оформляющийся рабочий класс. Но этот же Союз ставил перед собой и чисто народническую задачу приспособления рабочих для пропаганды в деревне.

Так он наметил переселение в деревню тех из рабочих, которые сохранили связь с деревней, чтобы постепенно создавать там революционные группы, связывая их с Союзом.

Это были отголоски только что разгромленного народнического «хождения в народ». Неудача последнего и рост террористических настроений среди народников вызывает соответствующее эхо и в Союзе, отдельные члены которого заговаривают о необходимости террористической борьбы. Но все же, будучи по существу массовой пропагандистской организацией из рабочих, Союз, помимо воли и желания своих руководителей, стремится выйти за рамки народнической пропаганды и стать самостоятельной рабочей организацией. Именно это обстоятельство и вызвало разногласия и даже раскол среди членов Союза, из которых одна часть стремилась задержаться на лавристской программе, а другая пыталась из нее выскочить, чтобы открыть выход самодеятельности и росту рабочих, как особого класса. Разгром Союза не дал возможности выявиться в полной мере назревавшей внутри его диференциации. Значение Южного союза в процессе классового оформления рабочего класса все же весьма значительно. В Союзе Заславского жандармы насчитывали до 300 рабочих. Это были наиболее развитые, грамотные, стойкие молодые рабочие, целиком отдавшие себя революционной борьбе. «Южно-российский союз рабочих» можно назвать первой в России социалистической организацией, в идеологии которой произошел серьезный разрыв с народничеством. Возникнув в переходный период, Союз самым фактом объединения передовых индустриальных рабочих и если не разрешением, то постановкой перед ними задач экономической и политической борьбы, способствовал росту классового самосознания рабочих и указывал им пути и способы грядущей борьбы. Для превращения же Союза в подлинную классовую боевую организацию не было самой основной необходимой предпосылки: массового рабочего движения.

Его первой ласточкой явились стачки второй половины 70-х гг. и на их основе был сделан еще шаг по пути оформления классового сознания рабочих — «Северный союз русских рабочих». Время возникновения Северного союза связывается с петербургскими стачками 1878 г., но попытки организации рабочих были и раньше. Известно, что самостоятельный рабочий центр в Петербурге был создан еще в 1873 — 74 гг., а после его разгрома был создан новый центр в 1875—76 г.г. Летом

1876 г. были созданы рабочая библиотека и касса. Центральный рабочий кружок был связан с лавристами и землевольцами. Образование «Северного союза русских рабочих» т. Невский относит к 1876 г., когда образовалась самостоятельная рабочая организация, отколовшаяся от бакунистов. Программа Союза была выработана Обнорским и его группой в 1877 г. и опубликована

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА ПОЛКОВНИКА КНОППА III ОТДЕЛЕНИЮ ОБ АРЕСТЕ Е. О. ЗАСЛАВСКОГО

в 1879 г. Оформление Северного союза падает на годы 1877 — 78. Таким образом, стачки второй половины 70-х гг. несомненно должны были способствовать объединению рабочих кружков и созданию более широкой организации рабочих.

Видными организаторами и руководителями Союза были слесарь Виктор Обнорский и столяр Степан Халтурин. В отличие от Южного, Северный союз подчеркивал в одном из первых пунктов своего устава, что в «члены Союза набираются исключительно только рабочие и через лиц, более или менее известных, числом не менее двух». В состав Союза входили, главным образом, заводские, т. е. наиболее развитые рабочие. Он насчитывал до 200 членов и много сочувствующих. В организации Северного

союза принимали участие металлисты крупнейших петербургских заводов—Васильевского острова, Выборгской стороны и Невской заставы, Патронного, Макферсона, Нобеля, Семянниковского, Путиловского и др. Существовали и кружки рабочих-текстильщиков. Персональный состав руководителей Союза состоял, главным образом, из металлистов, но «периферия» Союза состояла из рабочих-текстильщиков, что не могло не наложить своего отпечатка и на программу, и на деятельность Союза. В каждом районе рабочие кружки входили в особую районную секцию Союза, имевшую свою кассу, конспиративную квартиру и свой комитет. Из членов районных комитетов составлялся руководивший всем Союзом—центральный кружок. Союз приобрел собственную типографию и подготовил выпуск рабочей газеты «Рабочая Заря», первый номер который был вместе с типографией арестован полицией. По мысли своих организаторов, Союз должен был стать всероссийской рабочей организацией.

Программа заявляет, что Северный союз по своим задачам примыкает к социал-демократическим партиям Запада, выставляет максимум и минимум рабочих требований и уже одним этим отличается от народнических программ. Но и народнические пережитки нашли в ней свое отражение (федерации общин, общинное землевладение, ассоциативная организация производителей и т. п.). Новым и далеко уходящим от народничества была вся программа-минимум, в частности признание необходимости политической борьбы, хотя и не так четко и полно формулированное, как в западно-европейских социал-демократических программах того времени. Следует подчеркнуть и другое требование программы—необходимость связи русского рабочего движения с международным: «великая социальная борьба уже началась, и нам нечего уже ждать, наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов,—и нам остается только примкнуть к ним. Рука об руку пойдем мы вперед и в братском единении сольемся в одну грозную боевую силу».

Как возможна была такая программа в 1879 г.? Прежде всего на ней отразились западные влияния, распространившиеся в конце 70-х годов среди русских передовых рабочих. «Западником», в условном смысле, был Степан Халтурин, изучавший европейские конституции и опыт рабочей борьбы на Западе. Его двое товарищей — Обнорский и Аксельрод, живя заграницей, близко познакомились с практикой германской социал-демократии. В это время рабочее движение на Западе вполне оформилось и создало свои профессиональные союзы и политические партии. Стачки 1878—79 гг. среди петербургских рабочих, наряду с опытом борьбы рабочих на Западе, заставляли передовых рабочих

задумываться о роли рабочего класса и необходимости самостоятельной организации.

В этой программе Союза были такие отступления от основ народничества, которые не могли не встретить возражений со стороны народников. В номере четвертом «Земли и Воли» появилась статья, критикующая программу и вызвавшая полемику с руководителями Северного союза. Основным грехом программы «Земля и Воля» считала «смешение в ней программ различных западных социалистических партий», а также то, что вопросам политических свобод уделено много внимания, а «аграрные вопросы оставлены втуне». На эти упреки Союз ответил в пятом номере «Земли и Воли» письмом, в котором писал, что Союз придерживается основных принципов устава Интернационала. Указывая, что «знамя социального переворота» попрежнему остается знаменем борьбы Союза рабочих, письмо заявляло, что только «политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей и позволит нам правильнее развить свое мировоззрение и успешно вести дело пропаганды», и что «свобода — очень важное условие для скорейшего переворота».

Таким образом, как писал Плеханов: «в 70-х годах требование политической свободы явилось, прежде всего, в рабочей программе», и это требование, хотя и не в полном виде, руководители Союза отстаивали очень твердо.

Северный союз пережил ряд крупных разгромов. Все лучшие деятели Союза по несколько раз арестовывались, сидели в тюрьмах, высылались. В 1880 г. Союз был окончательно разгромлен, но значение его для оформления классового сознания рабочих бы-

ОТЪ РАБОЧИХЪ,

ЧЛЕНОВЪ ПАРТIИ НАРОДНОЙ ВОЛИ.

Товарищи-рабочiе!

Каково наше положенiе, объ этомъ говорить много не приходится. Работаешь съ утра до ночи, обливаясь кровавымъ потомъ; жрешь хлѣбъ да воду, а придетъ получка,—хоть бы что осталось въ рукахъ. Такъ было прежде; но теперь положенiе наше становится съ каждымъ днемъ все хуже, все ужаснѣе! Почти на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ идетъ рассчитыванiе рабочихъ. Голодные, оборванные цѣлыми толпами ходятъ они отъ завода къ заводу, прося работы

ПРОГРАММА РАБОЧИХЪ,

ЧЛЕНОВЪ ПАРТIИ НАРОДНОЙ ВОЛИ.

[Изданiе редакцiи «НАРОДНОЙ ВОЛИ».]

А.

Историческiй опытъ человѣчества, а также изученiе и наблюденiе жизни народовъ убѣдительно и ясно доказываютъ, что народы тогда только достигнутъ наибольшаго счастья и силы, что люди тогда только станутъ братьями, будутъ свободны и равны, когда устроятъ свою жизнь согласно соцiалистическому ученiю, то есть, слѣдующимъ образомъ:

1) Земля и орудiя труда должны принадлежать всему народу и всякiй работникъ вправѣ ими пользоваться.
2) Работа производится не въ одиночку, а сообща

общинами и союзами вмѣшиваться въ государственныя дѣла и направлять ихъ по общему желанiю всѣхъ общинъ, не дастъ возникнуть государственному гнету, не допуститъ того, чтобы безнравственные люди забрали въ свои руки страну, разоряли ее въ качествѣ разныхъ правителей и чиновниковъ и подавляли свободу народа, какъ это дѣлается теперь.

Б.

Мы глубоко убѣждены что такой общественный и государственный порядокъ обезпечилъ-бы народное благо.

ло весьма велико. Он впервые пробил брешь в народнических устоях и показал пути и способы развертывания самостоятельной рабочей организации. По его образцу, даже после разгрома Северного союза продолжали делаться в провинции попытки создания рабочих союзов. Летом 1879 г. в Одессу приехал из заграницы с целью создания там революционной организации рабочих П. Аксельрод, который и составил для нее новую программу, носившую отпечаток бакунизма и марксизма. В своих воспоминаниях Аксельрод пишет: «в объяснительной записке я этот противозаконный брак мотивировал довольно обстоятельно и пространно, не сознавая того, что я поворачиваю от бакунизма в сторону социал-демократии».

И все движение в этот период поворачивало от лавризма и бакунизма к социал-демократии, хотя и очень медленно. Первым признаком этого был раскол «Земли и Воли» в 1879 г. на две фракции, народническую группу «Черный Передел» и группу политиков-террористов, образовавших партию «Народная Воля».

Концентрируя свои силы вокруг террористических актов, «Народная Воля» не могла широко развернуть своей деятельности среди рабочих, хотя и придавала ей большое значение. Осенью 1880 г. под руководством Желябова была создана в Петербурге рабочая группа членов партии «Народная Воля», которая вела энергичную организационную и пропагандистскую работу среди петербургских рабочих. В программе этой рабочей группы еще нет четко выраженных классовых требований, но политические требования формулированы достаточно ясно, а также ярко изображено в ней тяжелое экономическое положение рабочих.

Из наиболее надежных рабочих вербовались боевые дружины «Народной Воли» для совершения террористических актов. Часть рабочих после разгрома Северного союза отдалась всецело террористической борьбе, видя в ней единственное по тому времени средство уничтожить самодержавие. Одним из наиболее выдающихся рабочих-террористов был Степан Халтурин, организовавший взрыв в Зимнем дворце в Петербурге и через два года повешенный за организацию убийства прокурора Стрельникова.

В революционных кружках «Народной Воли» насчитывалось к 1 марта 1881 г. 1.200—1.500 рабочих, преимущественно из заводских квалифицированных рабочих, выделявшихся по своему развитию. В террористической борьбе рабочие часто участвовали потому, что возросшая политическая активность рабочих не находила себе другого выхода.

В конце 1881 г. и в начале 1882 г. народовольческая рабочая организация была разгромлена. Но в провинции отдельные рабочие кружки продолжали возникать и бороться. В Москве

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ
СОЮЗ РАБОЧИХ.
1875 г.
ОДИН ЗА ВСЕХ
ВСЕ ЗА ОДНОГО
Я.РЫБИЦКИЙ
П.ВЛАДЫЧЕНКО
Я.О.ЗАСЛАВСКИЙ
Н.П.СКВЕРИ.
Ф.К.КРАВЧЕНКО.
НАДДАЧИН.
УСТАВ
Южно-Российского союза рабочих.
Сознавая, что установившийся поря-
док ныне не соответствует истинным
требованиям справедливости относитель-
но рабочих: что рабочие могут
достигнуть признания своих прав
только посредством насильствен-
ного переворота, который уничто-
жит всякие привилегии и преимущест-
ва и поставит труд основою личного
общественного благосостояния;
что этот переворот может прои-
зойти только при полном сознании
всеми рабочими своего безвыходно-
го положения и при полном их объеди-
нении, — мы, рабочие южно-российс-
кого края, соединяемся в один союз
под названием "Южно-Российского
Союза рабочих", поставляя себе
целью:
Во-первых: пропаганда идеи осво-
бождения рабочих из-под гнета ка-
питала и привилегированных клас-
сов
Во-вторых: объединение рабо-
чих Южно-Российского края.
В-третьих: для будущей
борьбы с установившимся
экономическим и поли-
тическим поряд-
ком.
Самым первым политическим объединением рабочих в России является "Южно-Российский союз рабочих" в Одессе.
РАБОТНИКЪ
РАБОЧІЙ ВОПРОСЪ
СКАЗКА
ХИТРАЯ МЕХАНИКА
ДѢДУШКА ЕГОРЪ

СЕВЕРНЫЙ СОЮЗ РУССКИХ РАБОЧИХ
1878-1879 г.
Северный Союз русских рабочих возник в Петербурге
Организаторами его были Виктор Обнорский и Степан Халтурин. Основание Союза было попыткой создания чисто рабочей революционной организации противопоставленной организациям интеллигенции. Программа заключала в себе требование установления политических свобод. Союз стал быстро расширяться и уже насчитывал более 200 человек.
происходили первые общие собрания рабочего союза. В марте из него было уже выхвачено около 60 человек вместе с типографией союза и набранным уже первым номером газеты "Рабочей Зари". Союз пал жертвой провокации. В Обнорский был арестован
осужден
10 лет каторжных работ. Степан Халтурин ушел в террор, организовав взрыв Зимнего Дворца. Позднее принял участие в убийстве
В ОБНОРСКИЙ
П.А. МОИСЕЕНКО
С. ХАЛТУРИН
СТАЧКА
„Братья боритесь и стойте за свое дело, насколько хватит ваших и наших сил. Этим вы покажете свою силу, и наши притеснители побоятся потом поступать с рабочими как с собаками".
Из прокл. Рабочим от Центрального Комитета „Северного Союза русских рабочих".
А. ПЕТЕРСОН
Северный Союз русских рабочих ставит своей программой
1. Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства как строя крайне несправедливого.
2. Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением.
3 Уничтожение поземельной собственности и замена ее общинным землевладением.
4. Правильную ассоциационную организацию труда, представляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства.
Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий, и так ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:
1. Свобода слова, печати; право собраний и сходок.
2. Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям.
3. Уничтожение сословных прав и преимуществ.
4. Обязательное и бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.
5. Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением.
6. Право сельской общины на решение дел касающихся ее, как-то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления.
7. Уничтожение паспортной системы и свобода передвижения.
8. Отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству.
9. Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда.
10. Учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам.
За вами рабочие последнее слово, от вас зависит участь великого Союза и успех социальной революции в России.

группа Теллалова, Панкратова и других имела к осени 1881 г. в 30 пунктах Москвы до 120 организованных рабочих. Успешно протекала работа среди рабочих на Украине. В Одессе, где еще оставались следы работы Союза Заславского, рабочие кружки становились все более самостоятельными.

В Киеве чернопередельцем Поповым был создан новый «Южно-русский рабочий союз», состоявший из рабочих обеих народнических фракций. Он принимал участие в экономической борьбе рабочих, а свою политическую позицию выразил, в связи с убийством Александра II, в специальной прокламации, в которой заявлял, что цареубийство не освободит народ, пока он сам не поднимется и не организуется для борьбы. Союз требовал для рабочих политических свобод и фабричного законодательства. Средствами борьбы за свои требования он признавал экономический террор — фабричный и аграрный.

В Харькове, ставшем, по свидетельству Панкратова, центром народовольческой работы на Украине, особенно интенсивно развивалась пропаганда среди железнодорожников. Такую же деятельность развивала «Народная Воля» среди рабочих Екатеринослава, Ростова, Таганрога и др. Но вся эта деятельность не захватывала массу, а только отдельных сознательных рабочих. «Народная Воля» не выставляла никакой классовой программы рабочего класса, и поэтому не могла оказать глубокого влияния на развитие классового сознания рабочих.

Чернопередельцы, очень скоро увидевшие беспочвенность своей работы в деревне, перенесли свою деятельность также в среду городских рабочих. В Петербурге они приступили к изданию рабочей газеты «Зерно», в которой доказывали, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих и что рабочие должны объединиться для совместной борьбы. Группа «Черный Передел», несмотря на свои народнические пережитки, сделала шаг вперед по пути искания новых путей для борьбы рабочих в условиях кризиса народничества. Деятельность группы «Черный Передел» и, особенно, Плеханова имела целью продолжить традиции Северного союза рабочих. Разочарование в работе среди крестьянства, тупик, к которому приводил террор, гибель Северного рабочего союза, недостаточно поддержанного революционными народниками, — все это заставило пересмотреть старые программы и способы борьбы. Окончательные выводы в начале 80-х г.г. не могли быть сделаны, ибо массовое движение еще не выросло в самостоятельную силу. Но вопрос о пересмотре старых путей уже стал на очереди.

Касаясь оценки деятельности народнических кружков среди рабочих, необходимо отметить некоторые положительные резуль-

таты этой деятельности, несмотря на народнические предрассудки в вопросе об особых путях развития России и об отсутствии якобы у русских рабочих самостоятельных задач.

Занятия с отдельными рабочими кружками, пропаганда на фабриках и заводах, участие в стачках, первые попытки создания рабочих организаций, даже широкая культурническая работа среди рабочих,—все это способствовало, конечно, подъему рабочего сознания. Росли отдельные передовые рабочие. Но рабочая масса не была поднята народничеством. Ни революционные народники 70-х г.г., ни народовольцы конца 70-х и начала 80-х г г. не могли поднять массу и внести сознательность в стихийный ход пролетарской борьбы. В своей агитации и пропаганде среди пролетариата народовольцы оставались социалистами-утопистами и идеологами мелкого производителя. Смешивая в одну кучу рабочего-пролетария и собственника-крестьянина, они не видели в рабочем классе новой и главной силы грядущей революции и не могли вести по этому пути пролетарские массы.

Народовольцы оставались бланкистами-заговорщиками, мыслившими свергнуть абсолютизм путем заговора, а не путем организации классовой рабочей партии, не путем классового воспитания и подготовки масс для политической борьбы. Идеология мелкого производителя, как носителя идеи революции, являлась основой идеологии «Народной Воли»». И именно поэтому глубоко неправ т. Теодорович, который в народническом социализме, в программах «Народной Воли» ищет родословную теории большевизма.

Путь рабочего класса к марксизму и большевизму шел не от народничества. Наоборот, развитие массового рабочего движения вело далеко в сторону от народнических путей рабочие кружки, созданные народниками. К марксизму пролетариат шел иначе—путем слияния массового рабочего движения с научным социализмом.

К рассмотрению этого пути мы и перейдем в следующей главе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НА ПУТИ К МАРКСИЗМУ

1 ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРИЗИС И СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ 80-х г.г.

В 80-е годы, под влиянием развития капитализма, страна переживает аграрный и промышленный кризис. Крестьянское разорение быстро идет вперед и гонит массы деревенских пришель-

цев в промышленность. Последняя же, под влиянием мирового кризиса, переживает с 1880 по 1887 г. тяжелый застой. Дешевизна и обилие рабочих рук, покровительственные пошлины, административно-полицейское поощрение всякой эксплоатации, усилившееся с наступлением реакции 80-х годов обеспечивает капиталу такую норму прибыли, которая не принуждает его переходить к более высокой машинной технике. Господствующей остается домашняя система промышленности, с ее неслыханной эксплоатацией. Даже иностранный капитал, начинающий приливать в российскую промышленность, в своем более технически-развитом производстве заимствует те же азиатские приемы эксплоатации рабочих, какие применяли русские капиталисты. Более, чем когда бы то ни было, рабочий класс страдал от недостаточного разви-

ІЮНЬ 1881 | №3 | ЦѢНА 3 коп.

ЗЕРНО

РАБОЧІЙ ЛИСТОКЪ.

С.-Петербург, 1 іюня 1881 г.

Правда вездѣ одна и таже! И не за облаками она скрывается, не въ шапкѣ невидимкѣ гуляетъ, по бѣлу свѣту. Нѣтъ ее можно и узнать и понять! Надо только оглянуться кругомъ, вдуматься въ свою жизнь и придавлены, не имѣютъ никакихъ правъ и только лѣнивый не притѣсняетъ ихъ. Социалисты думаютъ, что всѣ люди равны и потому хотятъ, чтобы рабочіе получили человѣческія права наравнѣ со всѣми членами общества, чтобы никто не смѣлъ ихъ обижать, чтобы

тия капитализма. Вся тяжесть кризиса перекладывается на плечи рабочих. Безработица, под влиянием все нового и нового притока обезземеленных крестьян, чрезвычайно возросла. В 1880 г. в Петербурге на фабриках и заводах насчитывалось 78.194 человека, в 1882 г. уже 72.754 чел.

В Центральном промышленном районе закрывались мелкие фабрики и почти наполовину сокращались обороты крупных. Фабрики стали сокращать размер заработной платы и увеличивать штрафы.

Особенно ухудшилось положение рабочих текстильной промышленности. На фабриках Костромской губернии была рассчитана третья часть рабочих, на Ярцевской фабрике Хлудова уволено 2 тыс. рабочих, в Орехово-Зуеве, куда много стекалось разоренных крестьян из Рязанской, Калужской и Тульской губ., производство сократилось наполовину. Для оставшихся заработная плата была понижена на 40—50%, работали неполное обычное рабочее время. В громадной степени стала применяться система повышения штрафов. Вычеты из заработной платы достигали половины и даже двух третей размеров ее. Доведенные до от-

чаянья голодом, вызванным падением заработков и ростом хлебных цен, чудовищной эксплоатацией и политическим гнетом, рабочие начинают подниматься в стихийном протесте. Прежде всего и сильнее всего это стихийное движение нарастает в текстильной промышленности.

В 1880 г. происходили стачки, вызванные снижением расценок на шерсто-ткацкой фабрике Каверина в Москве, на Хлудовской мануфактуре в Ярцеве Смоленской губ., на Серпуховских мануфактурных фабриках. Стачки, особенно на Хлудовской мануфактуре, сопровождались разгромом лавок и столкновением с войсками и полицией. Одиннадцать рабочих было арестовано, 800 из 2.600 стачечников выслано по этапу.

В 1881 г. наиболее значительной была стачка на фабрике Зубкова в Иваново-Вознесенске, также сопровождавшаяся вмешательством властей и арестами.

В 1882 г., главным образом на почве недовольства все возрастающими штрафами и вычетами, снижающими и без того низкий уровень заработной платы, происходили стачки на ткацких фабриках Белостока, в Жирардовской и Кренгольмской мануфактурах, среди ревельских ткачей и в ряде других мест. Наибольшую активность и сознательность проявляли ткачи. С помощью войск и полиции большинство стачек, однако, подавлялось.

В 1883 г. продолжалась, начатая в декабре 1882 г., большая забастовка на Жирардовской мануфактуре Варшавской губ., где число стачечников достигло 1.500 рабочих, устроивших грандиозную демонстрацию во время похорон убитых войсками рабочих.

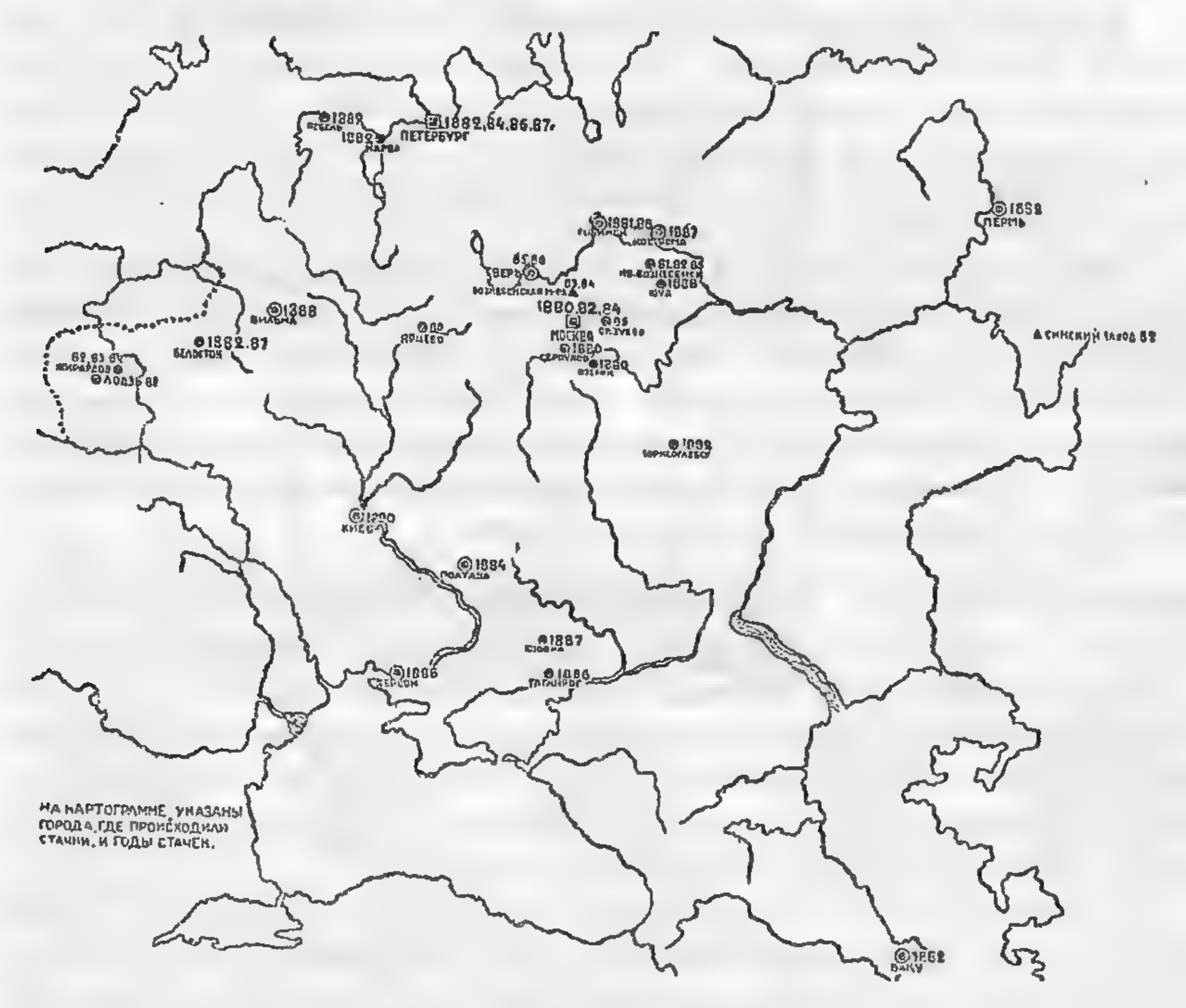
В том же году произошли стачки на Рижских фабриках, на Вознесенской и Ярославской Больших мануфактурах, где забастовало 700 ткачей. И здесь, как почти повсюду, стачки сопровождались столкновением с полицией, разгромами, избиениями администрации и т. п.

В 1884 г. на Вознесенской мануфактуре произошла новая большая стачка, вызванная сокращением работы до 4 рабочих дней в неделю. На фабрике работало 2.000 чел., из них 900 взрослых мужчин, участие которых в забастовке придало ей размах, силу и большое упорство. Из Москвы для подавления стачки были вызваны 3 батальона пехоты и арестовано и выслано наиболее активных 115 рабочих. Вмешательство московского генерал-губернатора Долгорукого, испугавшегося размаха стачки, вызвало, с одной стороны, репрессии и высылки рабочих, с другой — давление на владельцев фабрик и уступки рабочим.

В конце 1884 г. все на той же почве понижения платы и увеличения штрафов произошли стачки и на ряде других текстиль-

ных фабрик: на фабрике бр. Горелиных в Иваново-Вознесенске, на фабрике Т-ва Горской мануфактуры в Ковровском уезде и др.

Этими стачками, как и одинаковыми с другими условиями труда, была подготовлена наиболее известная стачка этого периода — так называемая морозовская, происшедшая в 1885 г. на



КАРТОГРАММА СТАЧЕЧНОГО ДВИЖЕНИЯ 80-х г.г.

Мануфактуре Саввы Морозова в с. Никольском, у Орехово-Зуева, Владимирской губ. Двумя судебными процессами она привлекла к себе внимание всей России.

Эксплоатация на Морозовской мануфактуре превосходила все славившиеся своими порядками текстильные фабрики Владимирской губ. За 2 года в пять раз была уменьшена заработная плата, штрафами понижали ее еще на 30—50%. Тяжелые условия жизни и труда вызывали ропот и недовольство, не принимавшие, однако, активых форм. Состав рабочих на Морозовской фабрике был крестьянский: из 6.779 рабочих—1.912 приходилось на местных владимирских крестьян, 1.707 — на московских, 1.127—на рязанских, остальные были—из калужских, тульских, тверских, тамбовских и пр.

Поднять такой состав рабочих на борьбу было трудно. Один из организаторов и руководителей стачки рабочих Мануфактуры, Петр Анисимович Моисеенко, рассказывает в своих показаниях, как трудно, а многим казалось безнадежно, поднять такую массу.

События на Вознесенской фабрике были первой искрой, начавшей большой пожар на Никольской мануфактуре. Под руководством трех передовых рабочих, Моисеенко, Иванова и Волкова, объединивших несколько десятков самых сознательных ткачей фабрики, — началась 7 января стачка, сначала в ткацком корпусе, а затем и в других корпусах.

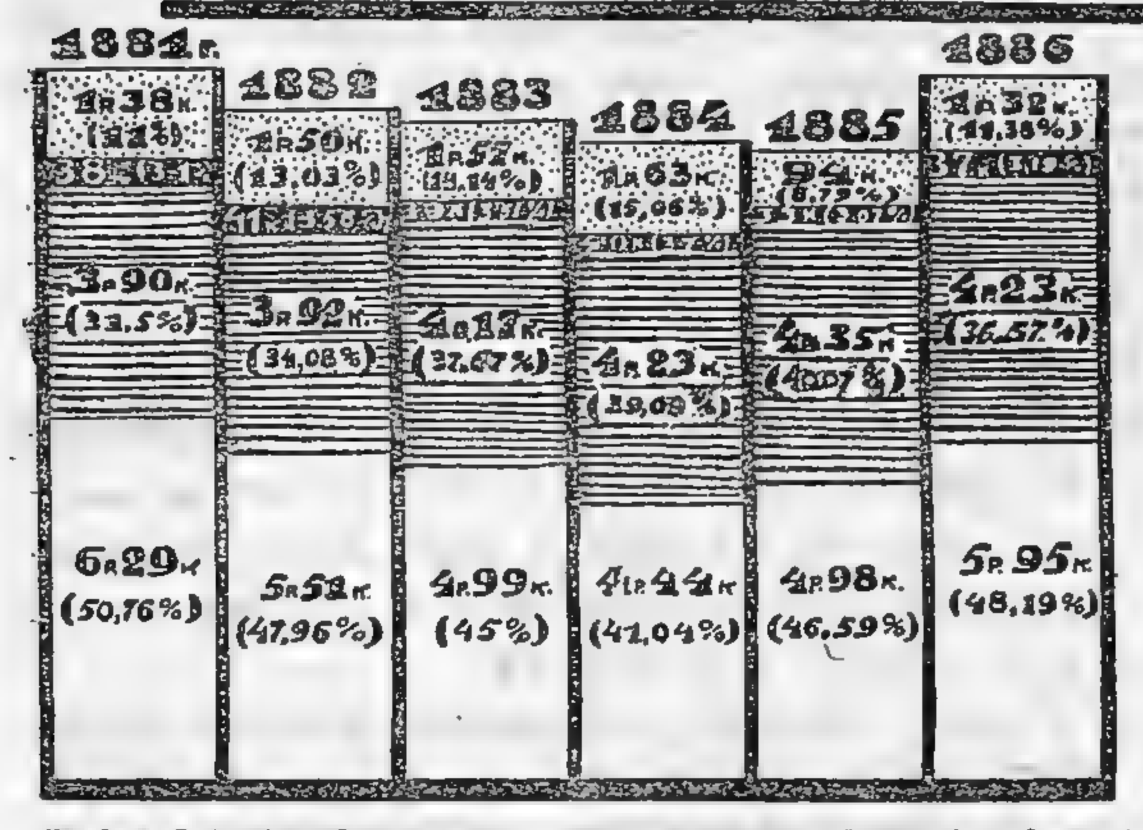
Общее количество забастовавших рабочих достигло 8.000 чел. Моисенко и Волков удерживали рабочих от беспорядков, стремясь придать стачке наиболее организованный характер. Ими же была разработана целая программа требований рабочих к владельцу фабрики. В основном эта программа сводилась к чисто экономическим требованиям повышения заработной платы, уменьшения штрафов и допущения выборных старост.

Разумеется, требования эти не были приняты Морозовым, а подавший тетрадь с ними приехавшему на фабрику губернатору, один из руководителей стачки, Волков, был арестован вместе с другими выборными. Рабочие бросились освобождать арестованных и, разгромив помещение, освободили часть из них. На следующий день были вызваны войска, жестоко расправившиеся с забастовщиками. 800 чел. были высланы, 33 рабочих, в том числе Моисеенко, Волков и Иванов, преданы суду.

Морозовская стачка вызвала два судебных процесса. Первое дело 19 рабочих, привлеченных к ответственности за участие в беспорядках, слушалось во Владимирском окружном суде и закончилось присуждением к арестам от 2 недель до 3 месяцев. Второй процесс был с участием присяжных и закончился полным оправданием всех обвиняемых, в том числе Моисеенко и Волкова. Несмотря на оправдание, они все же были высланы в административном порядке. Процесс вызвал крупнейший общественный интерес. На суде раскрылась потрясающая картина жизни рабочих. Правильно указал защитник Шубинский, что процесс поднял занавес с фабричного мира России... «Мир этот в обычную пору жизни представляется герметически закрытым от нас высокими каменными стенами фабричных корпусов. Ныне стены эти раздвигаются и дают возможность изучить порядки фабричной жизни в их живом действительном виде».

Морозовская стачка, действительно, громче и ярче всех других поставила на очередь рабочий вопрос. До сих пор реакционная печать («Московские Ведомости» Каткова и др. газеты) пи-

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ МОРОЗОВСКОЙ СТАЧКИ 1885 г.



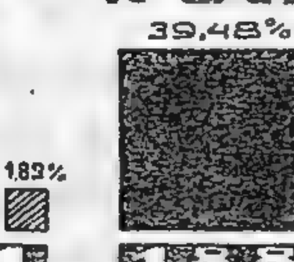
ДВИЖЕНИЕ СРЕДН. МЕСЯЧНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ТКАЧЕЙ И % СОСТАВ ЗАР-ПЛАТЫ

ШТРАФЫ — ВЫЧЕТЫ — ВЫДАНО НАТУРОЙ — ВЫДАНО ДЕНЬГАМИ

ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ФАБРИКИ ТКАЧАМ И ТКАЧЕЙ ФАБРИКЕ В % К ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ

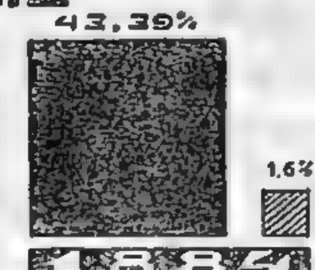
ФАБР. ТКАЧАМ. — ТКАЧИ ФАБР.

54,86% — 1,89% — 1881

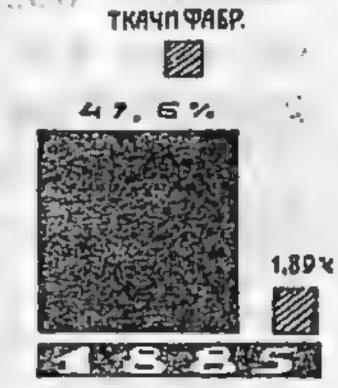


1882

1883

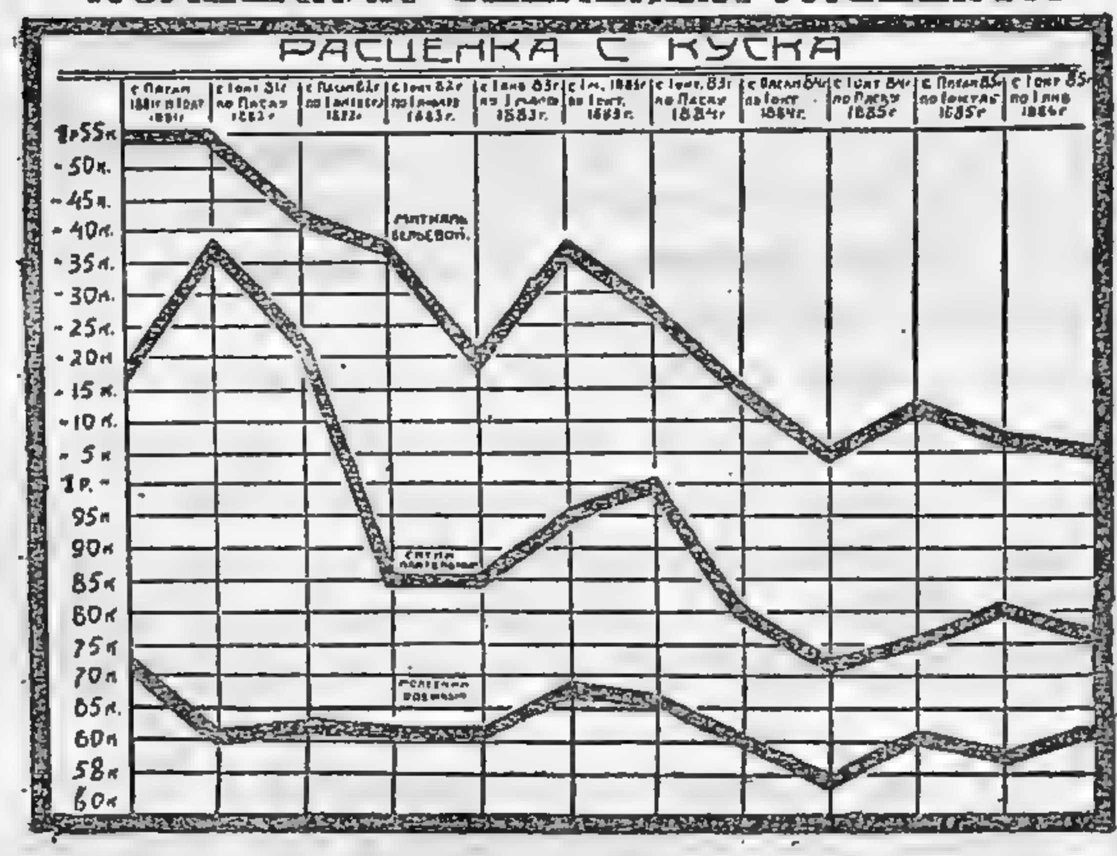


1884



1885

КОЛЕБАНИЯ СДЕЛЬНЫХ РАСЦЕНОК



СТАЧКА ПРОИСХОДИЛА В ЯНВАРЕ 1885 г. НА ФАБРИКЕ т-ва Никольской мануфактуры Саввы Морозова, сына и К-о в Орехове-Зуеве и явилась блестящим примером мужественной борьбы рабочего класса. В стачке участвовало до 8000 рабочих, требовавших уменьшения штрафов, вычетов и т. п.

Чтобы сломить упорство рабочих, пришлось вызывать губернатора, прокурора, войска. Стачкой руководили ткачи: П. А. Моисеенко и В. С. Волков.

Орехово-Зуевская стачка послужила толчком для другой стачки рабочих в Иваново-Вознесенске. Под влиянием этих стачек был издан закон 3-го июня 1886 г. /закон о штрафах/, удовлетворявший требования морозовских ткачей

сала, что «никакого рабочего вопроса у нас, слава богу, нет», что нет у нас также и «антагонизма между хозяином и рабочими». Бывшие же стачки и волнения объясняли «внушением» со стороны и падением нравственности, и лучшим лекарством от стачек, в соответствии с этим диагнозом, считали воскресные духовные беседы на фабриках.

Но пройти теперь мимо такого исторического факта, каким было нарастающее рабочее движение, уже нельзя было. Вот почему Плеханов, оценивая стачку по ее действительному смыслу, писал в 1886 г. во французском социалистическом журнале: «Процесс вызвал к себе огромный интерес в России, где он, несомненно, явится исходным пунктом нового фазиса рабочего движения».

Что же нового было в этой стачке, что давало Плеханову право и возможность так высоко оценивать ее историческое значение? Морозовская стачка как бы обобщила опыт всего предшествовавшего ей десятилетия стачечной борьбы и на основе учета этого опыта сделала значительный шаг вперед.

Стихийность, отличавшая стачки, предшествовавшие морозовской, сменяется большей организованностью. Стачка организованно подготовляется и организованно осуществляется, поскольку это было возможно в условиях полукрестьянской, малоразвитой рабочей массы.

Петербургские стачки 1878—79 г.г. были шагом по пути пробуждения сознания рабочих столицы. Морозовская стачка являлась уже симптомом пробуждения сознания и боеспособности более широкой массы провинциальных рабочих. Но в петербургских стачках активная роль еще принадлежала революционной интеллигенции, а в морозовской стачке руководители вышли из среды той же рабочей массы.

Вот почему такие руководители могли быть поняты массой, могли повести ее за собой и вызвать такую сплоченность и товарищескую солидарность, какие выявились в дружном натиске массы с целью освобождения арестованных.

В требованиях рабочих также находим нечто новое: рабочие не обращаются с жалкими мольбами и прошениями, а требуют регулирования условий найма общегосударственным законом. Под непосредственным влиянием морозовской стачки проходили и другие, за ней последовавшие стачки, где рабочие также пытались предварительно сговариваться и организованно представлять свои требования начальству.

За период 1881—1889 г.г. можно найти указания о 73 более или менее крупных стачках с 62.998 рабочими, в них участвовавшими. На самом деле, количество стачек, очевидно, было зна-

чительно больше. По подсчетам В. И. Невского, за десять лет (1881—89 г.г.) общее число бастовавших равнялось 154.200 чел. Больше всего в 80-х г.г. бастует текстильщиков — имеются указания о 118 стачках с 120 тыс. участников. Металлисты дают 26 стачек с 26 тыс. участников. Почти две трети стачек в 80-х г.г. произошли из-за понижения заработной платы. По результатам стачки 80-х г.г. в большинстве кончаются в пользу предпринимателей, чему способствовал экономический кризис этого периода.

Но сила и значение стачки заключались не в ее экономических результатах. Стачки показали правительству, по правильному выражению Каткова, что «с народными массами шутить опасно». Конкретным результатом всех этих стачек и, особенно, морозовской и явились первые уступки рабочим, в виде хотя бы и урезанных фабричных законов, ограничивающих эксплоатацию рабочих. «Только тогда, — писал Ленин, оценивая морозовскую стачку и ее впечатление на правительство и капиталистов, — правительство испугалось и уступило. Рабочие должны благодарить за облегчение не начальство, а своих товарищей, которые добивались и добились отмены безобразных притеснений».

2. РАБОЧИЙ ВОПРОС И ПРАВИТЕЛЬСТВО

Стачки 80-х годов, таким образом, поставили на очередь так пугавший правительство рабочий вопрос.

Только длительная полоса стачек и, особенно, сигнализировавшая о наступлении широкого рабочего движения морозовская стачка заставили правительство положить начало фабричному законодательству. В 60-е и 70-е годы рабочие, находившиеся в кабальной зависимости от капитала, способные лишь на стихийную оборонительную борьбу, не могли сконцентрировать своих сил на классовой борьбе вокруг рабочего законодательства. Правительство пыталось в 1859 г. установить правила, регламентирующие взаимоотношения между наемными рабочими и предпринимателями, особенно, в вопросе о длительности применения детского труда. Но эта попытка была встречена энергичным протестом фабрикантов, выдвинувших принцип невмешательства государства в экономические отношения. Проект ограничения детского труда, как и другой проект введения фабричной инспекции, вызвал особенную бурю со стороны московских и тверских фабрикантов и меньшую со стороны петербургских.

Это же расхождение повторилось (в гораздо более отчетливых формах) и впоследствии—в 80-х и 90-х годах. За все 60-е годы были проведены только два закона, имевшие отношение к наемным рабочим: закон 1866 г. о врачебной помощи рабочим—

«временная мера», вызванная борьбой с холерой, и закон 1869 г., вводивший для горнозаводских рабочих рабочие книжки и воспрещавший женщинам подземную работу на рудниках и ночную работу.

Семидесятые годы не дали ни одного закона об охране труда, хотя над этим вопросом работали две правительственные комиссии: гр. Игнатьева в 1870 г. и Валуева в 1874 г. Выработанные ими проекты ограничения труда детей и подростков снова были встречены яростной оппозицией фабрикантов и не были утверждены Государственным Советом. Интересно отметить, что на этих проектах отразились интересы помещиков, заинтересованных в регулировании вопроса о найме сельских рабочих: именно в интересах помещиков проект комиссии гр. Игнатьева усиливал кабальные условия найма и невозможность в любое время оставить работу. В валуевской комиссии также победили интересы помещиков, для которых была разработана стройная система борьбы с самовольным уходом. Лишь стачки конца 70-х годов и начала 80-х годов заставили правительство отойти от своего бюрократического творчества в комиссиях, ставших ареною борьбы между помещиками и промышленной буржуазией. 1 июня 1882 г. был издан закон, запрещавший труд детей до 12 лет и устанавливавший 8-часовой рабочий день для подростков в возрасте 12—15 лет с запрещением для них ночного и праздничного труда. Для надзора за работой и обучением малолетних и подростков учреждалась фабричная инспекция. Однако к закону очень скоро стали вноситься «разъяснения» и «добавления», уничтожавшие смысл закона: так, например, фабрикантам предоставлялось право допускать к работе детей с 10-летнего возраста. Фабриканты требовали дальнейших изменений закона в свою пользу: уменьшения охраняемого возраста, допущения ночной работы для детей от 12 лет, отказа от непременного участия предпринимателей в обучении детей. Особенно энергично хлопотали об этом московские и владимирские фабриканты. Петербургские и лодзинские фабриканты выявляли себя более либеральными в отношении ограничения детского труда. Петербургские и лодзинские фабриканты, предприятия которых были технически лучше оборудованы, могли легче отказаться от эксплоатации детского труда и стремились ограничить его применение, московские же и владимирские фабриканты строили свои капиталы на эксплоатации дешевого детского и женского труда.

Фабриканты добились отсрочки проведения закона 1882 г. на два года, рассчитывая за два года если не добиться его отмены, то во всяком случае еще более приспособить его в своих интересах. С усилением промышленного кризиса особенно серьезно

развернулась конкуренция между текстильными районами, главным образом между петербургским и московско-владимирскими и старый спор между ними вокруг законодательства разгорелся с новой силой. Петербургские фабриканты добивались отмены или ограничения ночного труда, надеясь таким образом ограничить источник прибылей московских фабрикантов. В 1884 г. петербургские фабриканты предложили воспретить ночные работы совсем, но благодаря настояниям московских предпринимателей ночные работы в некоторых производствах были запрещены лишь для женщин и подростков до 17 лет.

Только после морозовской стачки правительство подошло к вопросам фабричного законодательства более решительно.

Для выработки нового закона была создана комиссия под председательством директора департамента полиции Плеве, но еще до конца работ комиссии был издан закон 3 июня 1885 г., воспрещавший ночные работы женщин и подростков до 17 лет. Комиссия Плеве представила проект общего фабричного закона, который был издан 3 июня 1886 г. Закон требовал: 1) обязательности расплаты один раз в месяц, 2) запрещения расплаты талонами и товарами и 3) запрещения вычетов для уплаты долгов фабричной конторе. Закон был дополнен правилами, регулирующими штрафы и расширяющими права фабричной инспекции. Одновременно с этим закон усилил наказание за стачки. Всей консервативной прессой этот закон был объявлен «социалистическим» и вызвал упорное сопротивление фабрикантов. Предприниматели упорно добивались его пересмотра и саботировали его проведение в жизнь.

Законодательство 80-х годов было только первой ласточкой грядущей классовой борьбы за ограничение самодержавия капиталиста на фабрике. Лишь ценою новых жертв и в результате новой волны стачек рабочий класс добивался новых его ограничений.

3. ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ МАРКСИЗМА

Переход рабочего движения на социал-демократические позиции мог совершиться только в процессе борьбы, следовательно далеко не сразу. Стихийное экономическое движение сделало в этом направлении только первый шаг. Массы в борьбе с предпринимателями за улучшение условий труда и быта и в борьбе с полицией и правительством за свои элементарнейшие человеческие и гражданские права лишь постепенно научились осознавать окружающие их социально-политические условия и приучились к мысли о необходимости борьбы за их изменение. Вот именно

здесь и необходима была помощь со стороны вышедших из масс отдельных рабочих-революционеров или упорная пропагандистская и агитационная работа революционных рабочих кружков. На почве близких и понятных фактов эксплоатации происходила обработка сознания рабочей массы, но приходила извне, при энергичной помощи профессиональных революционеров, а впоследствии при непосредственном воздействии на нее сильной, принципиально выдержанной и хорошо организованной рабочей социалистической партии. Выработка идеологии массового рабочего движения становилась первоочередной задачей пролетарских революционеров. Такой идеологией мог стать только марксизм, научный социализм, на принципах которого строила свою программу и тактику революционная социал-демократия (в этот период, в частности Германии).

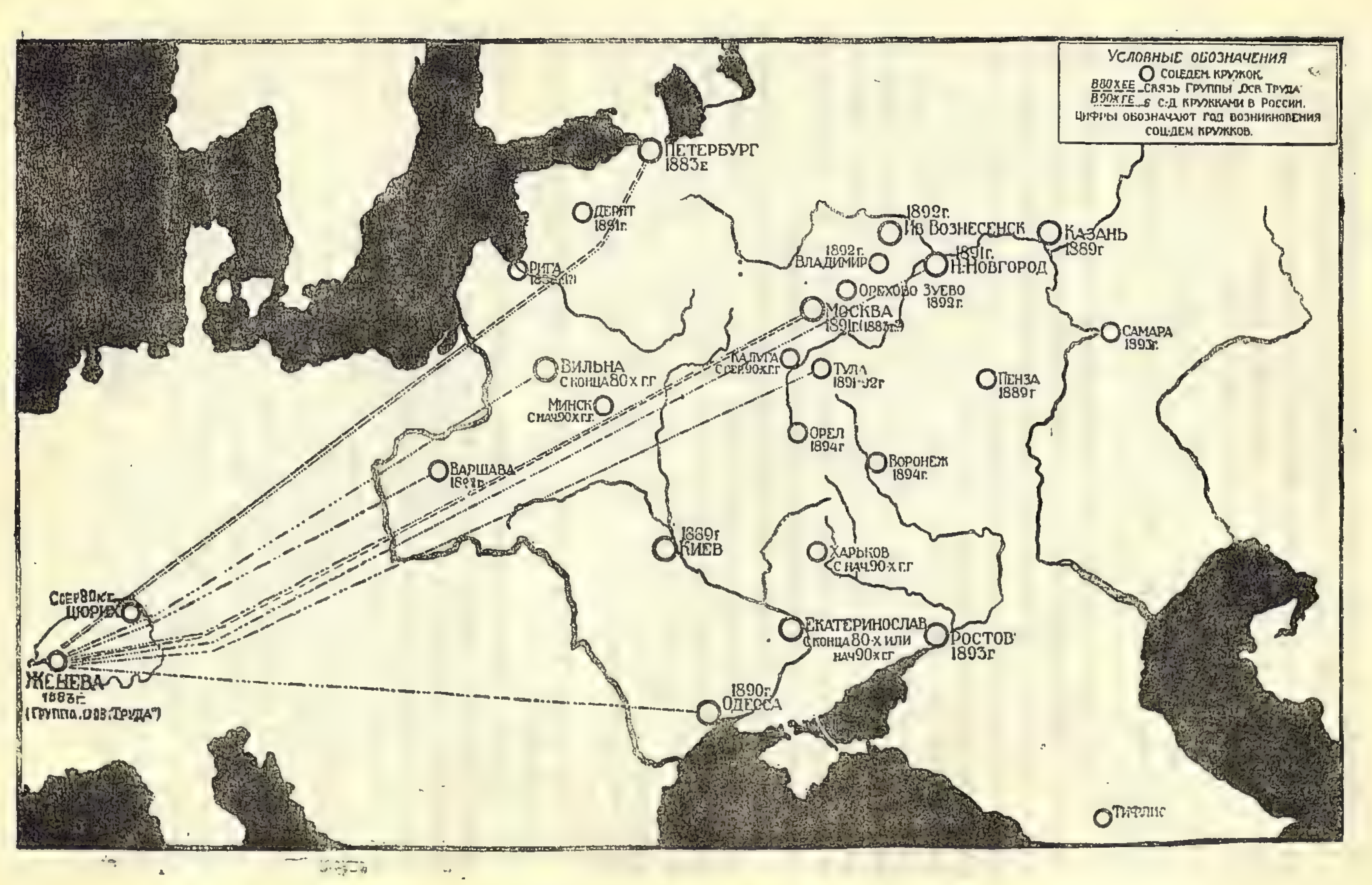
Народничество после разгрома «Народной Воли» в начале 80-х годов уже перестало существовать как революционное боевое движение. Его лучшие силы находились либо в ссылке и изгнании, либо в заточении в равелинах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. Наиболее смелая и беззаветная часть его была казнена. Часть эмигрировала заграницу.

Революционная борьба Г. А. Лопатина, «милитаристов», группы «мартовцев» 1887 г. была только последней и наиболее слабой волной народнического движения.

Группа «чернопередельцев», во главе с Плехановым, обдумывала заграницей опыт только что отзвучавшей борьбы. Познакомившись с практикой западно-европейского рабочего движения, с научным социализмом Маркса и Энгельса, чернопередельцы поняли, что были правы, утверждая в своих спорах с народовольцами, что революционное движение может победить как движение массовое. Но ошибка их заключалась в том, что под массами, творящими революцию, они разумели крестьян, тогда как революционный опыт и теория Маркса доказывали, что ими могут быть только рабочие.

Такой вывод означал для «чернопередельцев» разрыв с народничеством. Эволюция «чернопередельцев» к социал-демократии привела к созданию первой русской марксистской организации заграницей — Группы «Освобождение Труда». Первой социал-демократической организацией в России в то же время явилась так называемая группа Благоева.

Группа «Освобождение Труда» была создана в Швейцарии в 1883 г бывшими «чернопередельцами»: Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, Л. Г. Дейчем, В. И. Засулич и В. Н. Игнатовым. Первым выступлением Группы была брошюра, в которой она так формулирует основную задачу «Освобождения Труда»:



СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ КРУЖКИ 80-х И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 90-х г.г.

«Борьба за политическую свободу, с одной стороны, и подготовка рабочего класса к его будущей самостоятельной роли, с другой — такова, по нашему мнению, постановка партийных задач, единственно возможная в настоящее время».

В 1884 г. Группа выработала программу, которая была переработана русской социал-демократической группой Благоева, в результате чего в 1885 г. появился компромиссный проект, известный под названием «Проект программы русских социал-демократов».

В программе, являющейся громадным шагом вперед по сравнению с народническими взглядами, все же имеется ряд уступок «духу времени». Немарксистскими являются в ней требования прямого народного законодательства и государственной помощи рабочим производительным ассоциациям. Неопределенно формулировались программой аграрные требования. Плеханов объясняет эти отступления, как и самое название Группы «Освобождение Труда», вместо группы русских социал-демократов, желанием не отпугнуть осторожной и уступчивой формулировкой «возможных товарищей», привыкших «в течение долгих лет к анархической хуле на международную социал-демократию».

Но народническая интеллигенция не пошла за Группой, и последняя все больше и решительнее стала от нее отмежевываться. На Парижском Международном социалистическом конгрессе в 1889 г. Плеханов от имени группы заявил: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может».

Эти слова Плеханова стали платформой всей русской социал-демократии.

Группа «Освобождение Труда», давшая общую марксистскую платформу для рабочего движения, не могла его практически организовать. Она оставалась эмигрантской группой революционной интеллигенции, которая своими теоретическими работами, а также переводом сочинений Маркса и Энгельса распространяла свое идейное влияние на революционную интеллигенцию и на передовых рабочих. Группа существовала до создания в России социал-демократической рабочей партии, в которую она и влилась.

Но независимо от Группы «Освобождение Труда» марксистская мысль имела в России распространение. Ряд переходных групп усваивал идеологию пролетариата и распространял идеи научного социализма. Рост рабочего движения не мог не вызвать к жизни марксистские струи в ряде революционных групп и одновременно вызвать к жизни самостоятельные марксистские группы.

Непосредственное влияние на русское рабочее движение оказала первая марксистская организация, основанная в самой России в 1883 г. болгарином Благоевым. Благоевская группа организовала рабочие кружки во всех районах Петербурга, устроила нелегальную типографию, в которой печатала свой орган «Рабочий» (1885 г.).

Благоев был народником, большинство его товарищей по группе примыкали к чернопередельцам петербургского центра. Все они эволюционировали к социал-демократии, уже в 1882 г. создавши первый в России социал-демократический кружок. Теоретическую базу под свою практику кружок подвел позже, заимствуя теорию у германской социал-демократии.

В основе взглядов группы Благоева, по его собственным словам, «лежал общий принцип социал-демократии, а именно, что рабочий класс России должен выделиться в самостоятельную политическую партию, конечная цель которой должна состоять в преобразовании общества на социалистических началах». В передовице первого номера газеты «Рабочий» группа указывала, что рабочие должны бороться за конституционное управление и что политическая свобода является первым необходимым условием для борьбы за социализм. Это уже был полный разрыв с традициями народничества, но это еще не был полный марксизм, так как благоевцы представляли себе социалистический переворот не по Марксу, а по Лассалю: через рабочие производительные ассоциации, субсидируемые государством.

Благоевцы, в отличие от народников, отрицали самобытное развитие России, но в отличие от схематичного «европеизма» Группы «Освобождение Труда» отводили большую роль в борьбе и крестьянству, считая его союзником пролетариата. От лавризма благоевцы заимствовали тактику пропагандизма, хотя пропаганда уже носила характер социал-демократический. Таким образом, взгляды благоевской группы представляли смесь марксизма, лассальянства и лавризма. Но основное направление этих взглядов было марксистское. В 1887 г., после ареста и высылки Благоева, была ликвидирована и вся группа.

Одновременно с благоевской организацией в Петербурге организовались и другие марксистские группы. Особенно известна группа Точисского, развернувшая в 1886 — 88 г.г. ряд рабочих кружков, библиотеку, ссудо-сберегательную кассу и т. п. В конце 80-х годов возникают и кружки, создаваемые самими рабочими; из них наиболее известны кружки Богданова, Афанасьева, Тимофеева и др. Постепенно эти кружки объединились и создали центральную рабочую группу, связанную с марксистской группой Бруснева. Все эти марксистские рабочие кружки,

как в свое время народнические рабочие кружки, медленно и постепенно готовили кадры новых революционеров, но уже на базе новой марксистской идеологии.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАБОЧИЙ КЛАСС И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ ПОДЪЕМА (90-е г.г.)

I. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОД'ЕМ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ РАБОЧЕГО КЛАССА

В экономической жизни России последние полтора десятилетия XIX века характеризуются чрезвычайно интенсивным, а во второй половине 90-х годов даже весьма бурным ростом промышленного капитализма. Круто и резко машинное производство вытесняет отсталые формы промышленности. Капитализм проникает и в сельскохозяйственное производство, организуя хлебные фабрики, работающие с помощью машин. Распространение сельскохозяйственных машин уменьшает потребность в рабочих руках и вызывает кризис «отхожих» сельскохозяйственных промыслов. Голод 1891—92 г.г. и неурожай еще более содействуют капитализации отношений в деревне. Громадная масса деревенских полупролетариев и разоренных крестьян, не находя себе работы в земледелии, устремляется в неземледельческий «отход». В 90-х годах, по вычислениям Ленина, «число рабочих, занятых всякими отхожими промыслами, составляет не менее 5—6 миллионов». После сокращения земледельческого отхода в 1895—96 г.г. обзоры ряда губернских земств отмечают рост отходов, «имеющих характер особой профессии». В процессе формирования рабочего класса эти отходы сыграли большую роль, являясь переходным этапом к полному отрыву от деревни, ломая «прежнюю оторванность одичалого земледельца от остального мира» и поднимая его на новую ступеньку общественного сознания. Эти огромные массы разоряющихся крестьян («отходников», кустарей и т. п.) в 90-х годах поглощались небывало расцветающей фабрично-заводской промышленностью. Прежде всего, небывало возрастает машинизация фабрик. Крупное производство быстро растет. По выплавке чугуна за 1889—99 г.г. увеличение составляет 190%, по числу веретен прирост составлял 76%. Добыча каменного угля возросла на 131% и нефти—на 132%. По подсчетам Ленина, 40% всех имевшихся в 1900 г. предприятий было основано в 90-х годах. Три четверти всех фабрично-заводских и

ІЮЛЬ 1885 г.

РАБОЧІЙ.

ГАЗЕТА ПАРТІИ РУССКИХЪ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТОВЪ.

ЗНАНІЕ И КРИТИКА

Въ первомъ № «Рабочаго» мы говорили о значеніи знанія для рабочихъ. Мы выяснили, что болѣе всего необходимо для рабочаго человѣка знаніе современнаго положенія государства, его устройства и значенія рабочихъ въ обществѣ. Остановимся сегодня еще на нѣкоторыхъ подробностяхъ этого вопроса.

скою способностью Это великая способность человѣческаго ума Вѣдь, чтобы измѣнить что нибудь къ лучшему, надо сперва сознать, что нынѣшнее плохо, надо сознать, что можно измѣнить это плохое, надо указать причины дурныхъ порядковъ, чтобы знать, куда направить свою силу Все это и дѣлаетъ критика.

Можетъ быть, Пугачевъ и невѣрно понялъ причины бѣдственнаго положенія народа, можетъ.

горных рабочих в 1895 г. были сконцентрированы в предприятиях, имевших 100 и более рабочих, и почти половина всех рабочих — на предприятиях, насчитывавших 500 и больше рабочих. Победа крупного производства над мелким, вытеснение машиной ручного, кустарного труда характеризуется возрастанием числа паровых машин и двигателей. С 1878 по 1892 г. количество паровых котлов на фабриках и заводах России возросло с 8.510 до 14.948, число паровых машин — с 6.353 до 13.085 и число лошадиных сил — с 114,987 до 345,209. Среднее число веретен, приходившихся на одну фабрику в Москве и Владимире в 90-е годы было больше, чем в Англии или Германии. Создавался ряд новых промышленных районов, новых городов, строивших фабрики и заводы и привлекавших новые массы рабочих. За десятилетие 1887—1897 г.г. число рабочих на фабриках и заводах увеличилось с 1.318 тыс. до 2.098 тыс., а на железных дорогах с 218 тыс. до 414 тыс., то есть число рабочих возросло за 10 лет на 64%. Усиленное железнодорожное строительство 90-х годов давало новые кадры рабочих. Переход от ручного труда к машинному ослаблял связи рабочих с деревней. Механизированные отрасли промышленности, особенно металло-обрабатывающая и обработка хлопка, давали высокий процент постоянных рабочих.

Таким образом, рост машинного производства и громадная концентрация рабочих на крупнейших фабриках и заводах в 90-е годы позволяет сделать вывод, что к началу XX в. в России имелся вполне оформленный и численно весьма значительный рабочий класс. Теперь уже ни правительству, ни эпигонам народничества не удавалось «отрицать» его существование. Он не только существовал, но и представлял собою новую громадного зна-

чения общественную силу, показавшую себя в небывалой еще по размеру и характеру стачечной борьбе в 90-е годы. Какие же производственные группы вступили в эту борьбу?

Прежде всего рабочие текстильной промышленности. Она была сосредоточена в 3 главных районах: Центральном, во главе с Москвою, Северо-западном, во главе с Петербургом, и Польском, во главе с Лодзью и Варшавой. Всего в конце 90-х годов насчитывалось 621.500 текстильных рабочих, из них обработкой хлопка было занято 372.136 чел., обработкой шерсти — 127.796 чел., обработкой льна — 71.515 чел., шелка — 24.774 и смешанных веществ — 25.320 чел.

Хлопчатобумажное производство, сосредоточенное в 16 губерниях, имело своим центром московский фабричный округ; по ткацкому производству первое место принадлежало Владимирской губ., а по прядильному—Москве. В соответствии с этим шла и концентрация текстильного пролетариата и самое классовое его оформление. Именно эти экономические центры и были центрами борьбы текстильщиков.

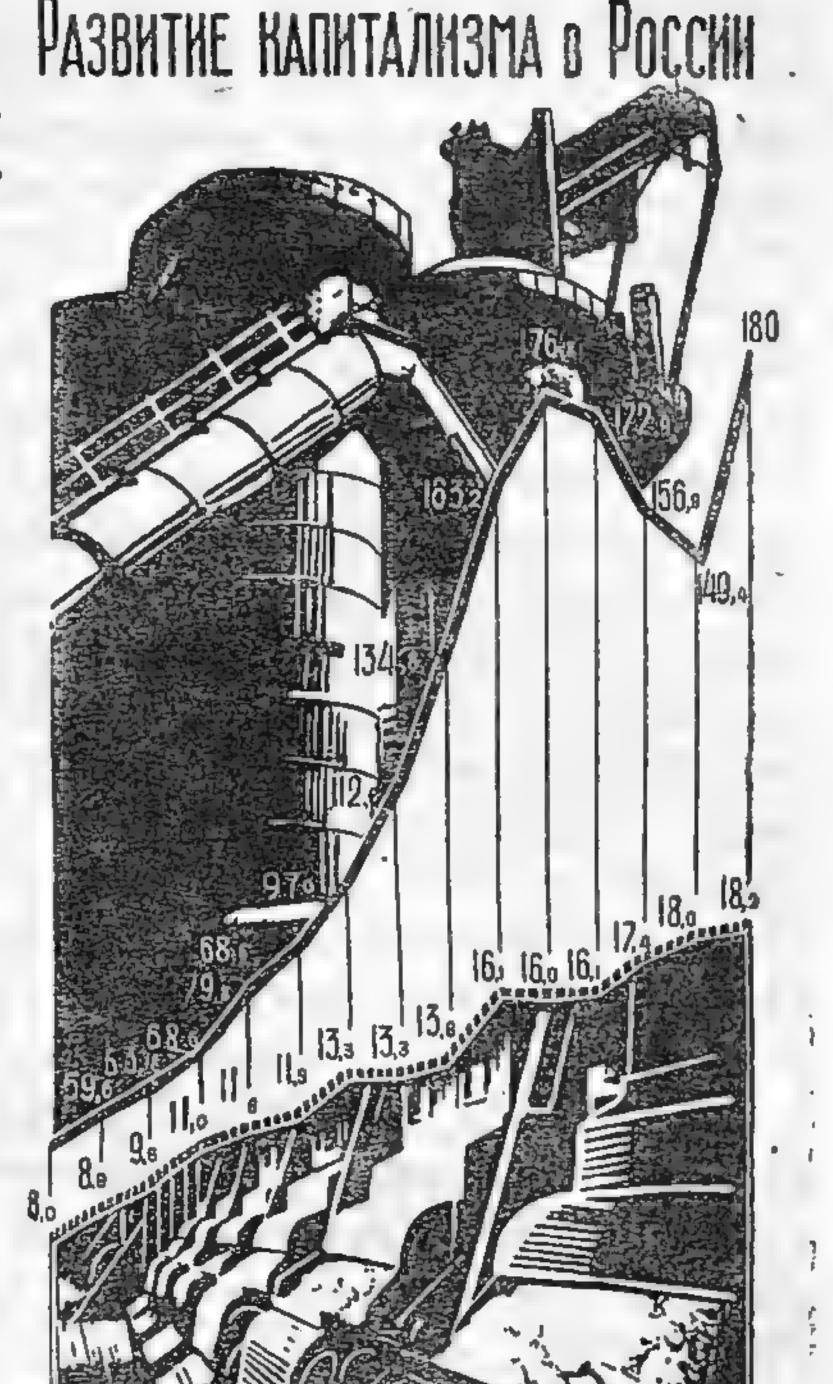
Раннее выступление этой группы рабочего класса на путь борьбы объясняется самым характером и условиями развития текстильной промышленности. Она развивалась в значительной степени самостоятельно без казенных подачек, для нужд внутреннего рынка и с очень ранним применением наемного труда. Состав текстильного пролетариата, на девять десятых из крестьян, наполовину из женщин, давал возможность непомерной его эксплоатации. У текстильщиков был самый длинный рабочий день и самая низкая заработная плата, никаких правил в области гигиены, никакой техники безопасности.

Доведенные до отчаянья нуждой и бесправием, текстильщики рано — нередко со стихийной силой — выражали свой протест и свою волю к борьбе за улучшение своего положения.

Громадная концентрация текстильного пролетариата на фабриках и в рабочих казармах способствовала накоплению и выявлению его боевой энергии Но преобладание в среде текстильщиков полукрестьянских и крестьянских элементов и покорной и забитой, хотя и легко воспламеняющейся, массы женщин и подростков приводило к тому, что невыносимые условия жизни поднимали на борьбу всю массу, не только ее сознательную часть.

«Вот почему, — говорит А. Шаповалов в своей книге воспоминаний «По дороге к марксизму», — именно эта, на первый взгляд такая отсталая, некультурная, забитая масса рабочих-ткачей проснулась раньше, чем масса металлистов, и первая доказала, своей стачкой летом 1896 г. в Петербурге, что в России возможно рабочее движение, подобно западно-европейскому».

Но развитие этого нового типа рабочего движения происходило уже под руководством нового отряда рабочих-металлистов.



В 90-е годы металлическая промышленность была на втором месте. Обработкой металла было занято в 1900 г. 235.785 рабочих. Наибольшего развития она достигла на Украине, в Прибалтийском крае и в некоторых районах Польши, где уже укрепилась горнозаводская промышленность.

Со второй половины 90-х годов в экономическую борьбу вступают металлисты. Борьба металлистов еще не принимает широкого массового характера, но участие их в общепролетарской борьбе придает движению и организованность и глубину. Среди металлистов шла глубокая внутренняя работа по созданию новых кадров сознательной рабочей интеллигенции и проводников в массу новой, марксистской идеологии.

Таким образом, только крупное машинное производство создало базу, необходимую для окончательного формирования рабочего класса, складывавшегося в течение ряда предшествующих десятилетий.

2. СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ 90-х г.г., ЕГО ОСОБЕННОСТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Изменения, происшедшие в последнее десятилетие прошлого века в составе и в положении рабочего класса, оказали свое влияние на формы и характер стачечного движения, особенно со второй половины 90-х годов. Конец 80-х и начало 90-х годов дают еще мало нового.

Промышленность с 1887 г. вступила в период оживления. Безработица сократилась. Рабочая масса несколько успокоилась,

и стачки резко упали в количестве и напряженности. Но с начала 90-х годов промышленность под влиянием неурожая и сократившегося спроса снова вступает в полосу застоя. Как всегда, застой бьет по рабочим, вызывая безработицу и понижение заработной платы. Рабочие отвечают на них стачками и волнениями, усмиряемыми войсками. Такие забастовки в течение 1892—93 г.г. происходят в Петербурге, Харькове, Ростове н/Д. и Юзовке. Лишь в Польше забастовочное движение принимает более широкий и организованный характер благодаря участию и организующей роли польских социалистических рабочих организаций. Очагами движения были крупнейшие промышленные центры: Варшава, Лодзь, Жирардово и другие.

Еще в начале 1882 г. в Польше создалась социалистическая партия «Пролетариат», выступившая с программой классовой борьбы пролетариата. На ней сказалась отчасти бланкистская программа (в вопросе о захвате власти), но все же она представляла собой громадный шаг вперед по пути к социал-демократии. Но террористическая тактика партии «Пролетариат» привела к уходу из организации части ее членов и к созданию наряду с нею в 1889 г. «Рабочего союза», требовавшего в первую очередь организации экономической борьбы рабочих. Влияние этих революционных организаций на польских рабочих сказалось, между прочим, и в том, что в Польше с 1890 г. рабочие стали праздновать 1 мая.

В период 1890—93 г.г. в Польше развернулось громадное стачечное движение, захватившее до 100.000 рабочих. Требованиями стачечников были—сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы. Стачки сопровождались столкновениями с полицией и войсками, избиениями, арестами и высылками рабочих. В Жирардове в 1891 г. несколько человек было убито и 800 рабочих выслано по этапу. Забастовка в Лодзи в 1892 г. стала всеобщей, и рабочие очутились хозяевами города. Тогда из Варшавы последовал приказ генерал-губернатора Гурко: «Патронов не жалеть», в результате которого стянутыми к Лодзи войсками было убито 50 рабочих.

В начале 90-х годов началось массовое стачечное движение и среди еврейских рабочих и ремесленников Латвии, Литвы и Белоруссии. Для руководства экономической борьбой они создавали стачечные кассы. Рабочие требовали 12-часового рабочего дня с 2-часовым перерывом. Стачки проводились дружно и организованно, благодаря руководству ими со стороны рабочих социал-демократических групп. Таким образом, в отличие от коренной России, стачечное движение ее районов—Польши, Латвии, Литвы и Белоруссии — отличалось большей сознательностью и ор-

ганизованностью. В Центральной России новый этап движения начинается позже — в 1894-95 г.г.

С 1893 г. в связи с усилением нового железнодорожного строительства и выгодными заказами казны начинается приток в промышленность русских и иностранных капиталов и постройка новых фабрик и заводов. Однако, несмотря на промышленный подъем, фабриканты продолжали ухудшать положение рабочих. В связи с этим уже с 1894 г. начинается оживление стачечного движения. Забастовки происходят на текстильных фабриках в Сосновицах, в Петербурге, в Твери, а такж среди железнодорожников в Ростове н/Д. В 1895 г. стачечное движение разрастается. Весной и летом вспыхивает ряд стихийных забастовок в Центральном промышленном округе, главным образом на почве снижения расценок и усиления штрафов. Бурно развивается стачка на Ярославской Большой мануфактуре Корзинкина, где произошло столкновение с войсками и было убито 15 рабочих, за что усмирявший полк заслужил царскую благодарность: «Спасибо, молодцы фанагорийцы».

В Иваново-Вознесенске рабочие действовали организованно, запретили стачечникам употребление водки, но все же не избежали столкновения с войсками и полицией. Осенью 1895 г. развернулось широкое движение в Белостоке, где стачки охватили от 15 до 20.000 рабочих, и в Петербурге, где на стачки оказали сильное влияние социал-демократические кружки. Известна, например, стачка на фабрике Торнтона, где в руководстве борьбой принимал участие В. И. Ленин. Социал-демократические прокламации с изложением мотивов забастовки и требований рабочих фабрики Торнтона произвели громадное впечатление и вызвали забастовку на ряде других предприятий. Стачка окончилась успешно.

КЪ РАБОЧИМЪ ВСѢХЪ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ БУМАГОПРЯДИЛЕНЬ.

Долго терпѣли мы, рабочіе петербургскихъ бумагопрядилень, и наконецъ не выдержали. Не въ терпежъ намъ больше работать не по человѣческимъ силамъ, сносить хозяйскія прижимки, видѣть, какъ каждый день насъ обсчитываютъ и обманываютъ, какъ чуть не каждые полгода сбавляютъ расцѣнокъ. А въ послѣдніе дни еще пуще прежняго проявилась жадность хозяевъ: жалко некимъ богачамъ стало даже тѣхъ грошей, что причитались намъ за коронаціонные дни; не захотѣли и отдохнуть-то дать хорошенько отъ работы; такая, молъ, это скотина, что въ отдыхѣ особенно не нуждается. Довольно, сказали мы тогда себѣ, довольно мы молча и безропотно слушались нашихъ хозяевъ. Долго мы ждали отъ нихъ облегченія своего положенія, но ничего не дождались. И рѣшили мы тогда сами добиваться всего. Не хотятъ ОНИ уступать, будемъ МЫ требовать. А нужно намъ требовать прежде всего:

1) Чтобы рабочій день продолжался съ 7 ч. утра до 7 ч. веч. съ получасовымъ перерывомъ на обѣдъ, т. е. всего 10 съ половиною часовъ; чтобы въ субботу вездѣ бросали въ 2 часа.

2) Чтобы расцѣнокъ былъ повышенъ такъ, чтобы заработокъ не уменьшался.

3) Чтобы были уничтожены всѣ несправедливыя и незаконныя прижимки и чтобы было заплачено за коронаціонные дни.

Будемъ СПОКОЙНО выжидать, пока хозяева не согласятся на наши требованія. Не уступятъ они черезъ недѣлю, будемъ ждать вторую; не сдадутся на второй, подождемъ третью; не согласятся и тогда, еще будемъ ждать. Довольно съ нихъ будетъ нашего каторжнаго труда въ теченіе 10 съ половиною часовъ, достаточно они прибыли и безъ того отъ насъ имѣютъ. Товарищи, будемъ помнить, что взоры рабочихъ всего міра обращены теперь на насъ; они съ восторгомъ привѣтствуютъ въ насъ борцовъ за рабочее дѣло. Петербургскіе рабочіе всячески стараются придти намъ на помощь, устраивая по мастерскимъ сборы въ нашу пользу. Покажемъ-же мы, что рабочій народъ умѣетъ добиваться исполненія своихъ требованій. БУДЕМЪ ДѢЙСТВОВАТЬ ДРУЖНО И СПОКОЙНО, БЕЗЪ БУЙСТВА И НАСИЛІЯ, и побѣда навѣрное останется за нами.

1-го Іюня 1896-го года.

СОЮЗЪ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА.

ПРОКЛАМАЦИЯ «К РАБОЧИМ ПЕТЕРБУРГСКИХ БУМАГОПРЯДИЛЕН», НАПИСАННАЯ ЛЕНИНЫМ В 1896 г. В ТЮРЬМЕ

Вскоре Ленин и другие социал-демократы, руководившие забастовками, были арестованы, но руководство массовой борьбой продолжала уцелевшая группа «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В 1896 г. произошла историческая забастовка на петербургских бумагопрядильнях. Отдельные стачки на прядильных и ткацких фабриках Петербурга происходили с начала 1896 г. «Союз борьбы» неизменно руководил стачками, в своих прокламациях призывая рабочих к единодушному сопротивлению и сплоченности. Поводом к летним стачкам текстильщиков послужило нежелание предпринимателей платить за коронационные дни. Причиной же стачек была низкая заработная плата и попрежнему непомерно длинный рабочий день. Первой забастовала 23 мая Калининская «Российская мануфактура». 27 мая к ней присоединились Екатерингофская, затем две м-ры Кенига, Митрофаньевская, Кожевниковская м-ра и др. Всего забастовало 19 текстильных фабрик с 30.000 рабочих. Представители забастовавших, под руководством социал-демократов, выработали общие требования, отпечатанные «Союзом борьбы», распространившим их по всем фабрикам. В июне забастовка перенеслась на остальные текстильные фабрики. Стачка проходила организованно, с большим спокойствием. В мирный ход стачки вмешались войска, полиция и жандармы, арестовывая рабочих и заставляя их приступить к работе. С другой стороны, стачечников в специальном обращении к рабочим «увещевал» сам министр финансов гр. Витте. Стачка закончилась к 18 июня из-за крайней нужды, которую испытывали рабочие. Но действие стачки на массу было чрезвычайно велико и весьма способствовало пробуждению сознания даже среди весьма отсталых текстильщиков. Стачка вызвала ряд откликов и ответных забастовок в провинции, а также денежную помощь со стороны русских и даже иностранных рабочих. Под ее влиянием и правительство заговорило о выработке закона, сокращающего рабочий день. На 7 января 1897 г. была назначена в Петербурге общая забастовка с целью оказать давление на правительство, медлившее с выработкой закона 2 июня 1897 г. был издан закон, устанавливающий 11½-часовой рабочий день. Под влиянием петербургской стачки стачечное движение развернулось и в провинции, особенно в Москве. Московские стачки руководились московским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Его организация охватывала 40 предприятий и насчитывала среди своих членов 2.000 рабочих.

Закон 1897 г. не остановил стачечного движения. В течение 1897—99 г.г. стачечное движение распространяется по всей

России. Большой размах оно приняло в Польше, где отличалось особенной организованностью и единодушием. Да и в других районах движение проходило дружно и организованно. Несмотря на это полиция, а иногда войска продолжали действо-

СТАЧКИ РАБОЧИХ
С-ПЕТЕРБУРГСКИХ БУМАГОПРЯДИЛЬНЫХ И ТКАЦКИХ ФАБРИК В 1896 году

вать против стачечников. Например, на фабрике Максвеля в Петербурге в 1898 г. полиция и казаки, а затем суд жестоко расправились с забастовщиками.

Во второй половине 90-х годов стачки усиливаются во время промышленного подъема и принимают уже более планомерный, организованный и наступательный характер. В этом факте — свидетельство роста рабочего класса и подъема движения на более высокую ступень.

С конца 90-х годов промышленный подъем вновь сменяется полосою упадка, предвещая кризис 900-х годов. Вместе с тем падает и волна рабочего движения, так высоко поднявшаяся во второй половине 90-х годов.

Отличие рабочего движения России пореформенного периода от западно-европейского заключается в том, что условия его развития, в противоположность Западу, необычайно быстро революционизировали массы, придавая всему движению сначала стихийно-боевой, а затем и сознательно-революционный характер, связывая судьбы массового рабочего движения с судьбой революционной социал-демократии, а впоследствии с судьбой большевизма.

Переходя к общим итогам стачечного движения 90-х годов, нужно отметить, что по официальным данным за эти 10 лет произошло 1.765 стачек, в которых участвовало 431.254 рабочих. Больше половины стачек проходило на крупных предприятиях, особенно в текстильной и металлообрабатывающей промышленности (52% всех забастовок и 82% всех стачечников). Участие в стачках текстильщиков выражалось в числе 177.000, а металлистов—107.000.

Общий итог стачечной борьбы за 6 лет будет равен 425.000. Цифры фабричной инспекции почти наполовину меньше, но, во-первых, фабрично-заводская инспекция охватывала не всю промышленность, а во-вторых, и точной статистики у нее не было.

Эти данные свидетельствуют о большом размахе движения. Об его организованности и стойкости мы уже говорили. Этим движение 90-х годов резко отличается от предыдущих десятилетий. Тем более, что условия, в каких протекали стачки, оставались попрежнему трудными; из 1.765 обследованных столкновений половина сопровождалась давлением на забастовщиков: в 269 случаях — призывы войск, в 190—расчет бастующих, в 164—аресты и высылки, в 137—поголовный расчет, в 31—судебные преследования. И почти во всех случаях — выселение из фабричных квартир, прекращение отпуска товаров в кредит и т. п.

Каковы непосредственные результаты стачек?

В отличие от стачек предшествующего периода, стачки 90-х годов носят наступательный характер. Главными требованиями были повышение заработной платы и сокращение рабочего дня: 61%—стачки из-за заработной платы, 21%—из-за рабочего времени и 7%—из-за условий труда и быта. 47% всех стачек окончились успешно для рабочих. Плодотворным результатом следует считать и вырванный у правительства закон 2 июня 1897 г. о сокращении рабочего дня, хотя он и подвергся позднейшим ограничениям.

Однако главные достижения стачечной борьбы не в этих экономических завоеваниях. Стачки 90-х годов и особенно борьба петербургских текстильщиков в 1896—97 г.г. имели другой, гораздо более положительный результат: они призвали к борьбе м а с с у, они в громадной степени содействовали пробуждению классового самосознания рабочих масс. В небывалой степени вырастают и почти сливаются рабочее и социалистическое движение. Растет и укрепляется социал-демократия, помогая оформлению рабочего класса и направляя его движение на с.-д. путь.

3. ПЕРВЫЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РАБОЧИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И РОЛЬ ЛЕНИНА В ОФОРМЛЕНИИ ИДЕОЛОГИИ ДВИЖЕНИЯ 90-х г.г

«Рабочий класс, в среду которого проникла мысль о политической свободе, — это уже с о з н а т е л ь н ы й рабочий класс», писал Плеханов в своей брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России». «Пока он говорит т о л ь к о о политической свободе, его политическое сознание находится еще в неразвитом состоянии, оно еще не стало к л а с с о в ы м его сознанием. На эту высшую ступень политического развития рабочий класс поднимается только тогда, когда научается понимать свои особые классовые интересы, свое отношение к буржуазии, причины своего подчинения эксплоататорам... Тогда он ставит перед собою задачу своего экономического освобождения, в ы с ш у ю ц е л ь, — которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство»...

Какие же этапы этого пути классового оформления прошел русский рабочий класс в 90-е годы?

Мы уже видели, какими долгими и трудными путями шло развитие и подготовка кадров сознательных рабочих.

Самые условия жизни заставляли задумываться над причинами тяжелого положения рабочих и приходить к смутному пока пониманию несправедливости существующих отношений. Иногда рабочий искал выхода в религии, иногда в терроре, мечтая о мести царю и капиталу. Он жадно читал и учился, пытаясь в книгах найти ответы на мучившие его вопросы. Попутно он искал таких знакомств (со «студентами» и «социалистами»), которые могли бы ему помочь разобраться в прочитанном или пережитом.

Этот рабочий попадал в кружок более развитых и передовых рабочих, жадно слушал, много думал и читал. Рос его кругозор, росло сознание. Разочаровавшись в результатах террористической борьбы, не соглашаясь со скромной ролью, какую отводили народовольцы рабочему классу, ищущий рабочий на пороге 90-х годов начинал знакомиться с марксистами и марксизмом. Действие марксистской теории на такого рабочего с пробуждающимся сознанием было громадно.

«Все неясное в ее освещении в глазах рабочего становится ясным, — рассказывает рабочий Шаповалов в своих воспоминаниях, — все неопределенное, бесформенное начинает принимать вполне законченные формы. Горизонты расширяются перед рабочим. Он видит себя идущим по широкой дороге, ведущей к освобождению всех угнетенных, к уничтожению строя, основанного на угнетении человека человеком»...

Такой рабочий от книг переходит к действию. Обсуждение того или иного факта из жизни фабрики, понижение расценок, произвол мастера и т. п. заставляют передового кружкового рабочего вести беседу с другими рабочими. Его высказывания шли обычно дальше простого учета факта, стараясь связать его с более общими экономическими и политическими вопросами.

Сначала рабочая масса относится к его мнению недоверчиво. Но в моменты наибольшего возбуждения или недовольства рабочие обращаются к своему передовому товарищу за помощью, прося его объясниться с администрацией, написать жалобу, сформулировать общие требования, разъяснить тот или иной факт, услышанный или прочитанный в газете. Вокруг него уже группируются другие, активные и жаждущие знаний рабочие.

Так создается новый рабочий кружок.

Каков состав этих первых социал-демократических кружков начала 90-х годов? Это, большею частью, молодые рабочие с большой жаждой знаний и с инстинктивным тяготением к про-

тесту и борьбе за лучшую долю. С. Мицкевич, вспоминая о первых шагах московских рабочих к марксизму, рассказывает:

«В это время среди рабочих было уже много элементов, рвущихся к знанию, стремящихся осознать стихийное брожение рабочей массы, которое проявлялось в те годы в ряде стачек во многих местностях России».

Шаповалов указывает, что передовые рабочие в Петербурге, где он начинал свою борьбу, вербовались преимущественно из металлистов. Многие из кружковых рабочих по начитанности и развитию не уступали рядовым студентам.

Чем занимались кружки первой половины 90-х годов?

Норинский в своих воспоминаниях рассказывает о работе первых петербургских социал-демократических рабочих кружков (в 1889—99 г.г.): «Собирались до десяти и немного более лиц. Прибывший интеллигент большую часть своей лекции вел устно, передавая ее в легкой, доступной для нас форме. Причем первое время темы были следующие: «Происхождение человека» (теория Чарльза Дарвина), «Происхождение семьи, собственности, государства», наконец, переходили к популяризации «Капитала» Карла Маркса. Темы крайне интересные».

Все сознательное движение проходило, главным образом, в таких рабочих с.-д. кружках, наряду с которыми продолжали еще существовать и народовольческие кружки. Оба направления враждовали между собой, и все чаще и чаще, в результате теоретических диспутов, отдельные рабочие-народовольцы переходили к социал-демократам. В Петербурге марксистские с.-д. кружки из рабочих существовали уже с конца 80-х годов, например, кружки, организованные рабочими Богдановым, Тимофеевым, Афанасьевым, Шелгуновым и др.; некоторые из них были распропагандированы первоначально народовольцами. Тогда же был организован и первый кружок из женщин-работниц. Объединившись с упомянутой выше группой Бруснева, петербургские рабочие кружки поднесли адрес больному писателю Шелгунову и организовали демонстрацию во время его похорон. В

ВОЗЗВАНІЕ.

ТОВАРИЩИ РАБОЧІЕ!

Наше положеніе с каждым годом все ухудшается и ухудшается. Желая увеличить свой заработок, мы удлиняли рабочее время, работали ночи и праздники. Но что же из этого выходит? Улучшается ли наше положеніе? Там, гдѣ прежде работало 150 человѣк, при усиленной работѣ хозяин обходится сотнею, остальные 50, лишенные работы, ходят с фабрики на фабрику и волей неволей вынужденные соглашаться работать за самую низкую плату, понижают и наши заработки. Если кто из нас жалуется о низкой платѣ, то хозяин в отвѣт на это указывает на безработных, дескать, не желаешь — на твое мѣсто десяток у ворот.

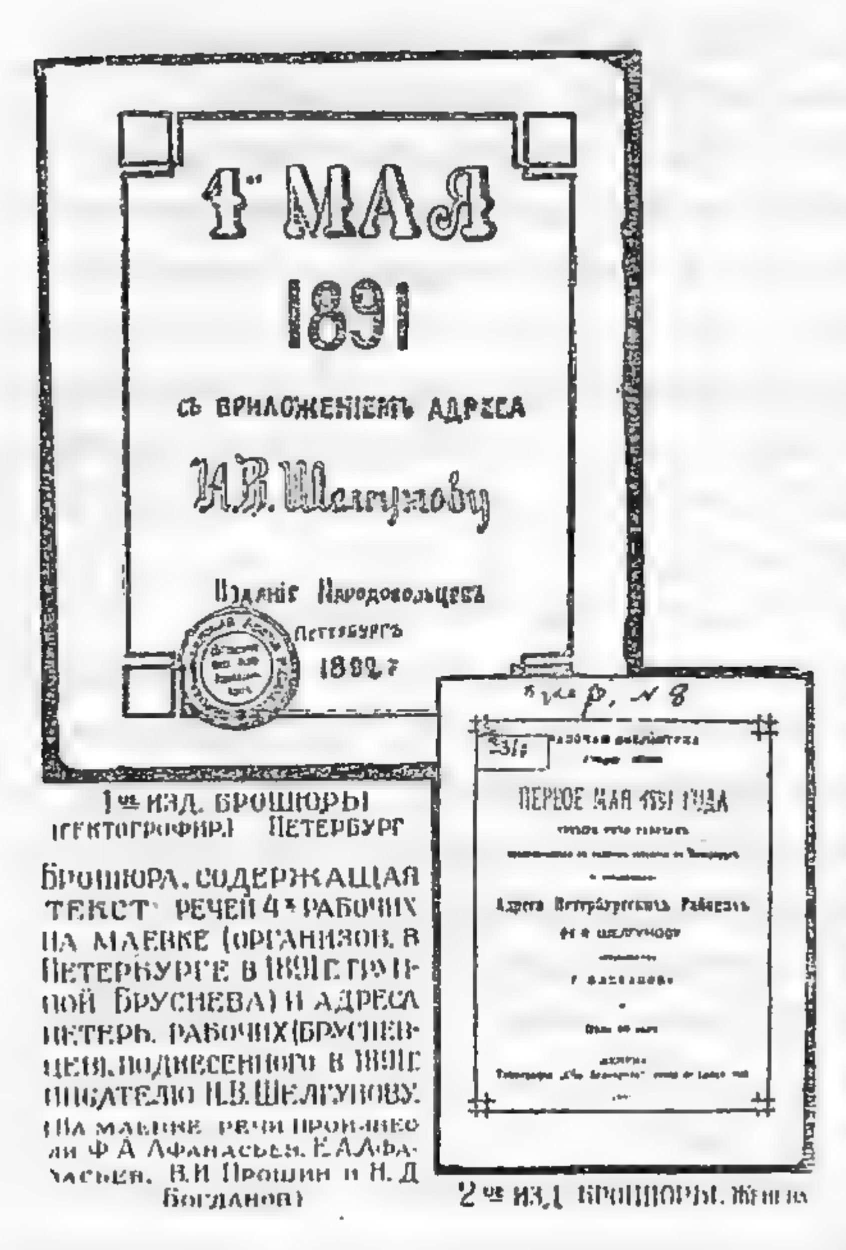
Товарищи, что же нам дѣлать, как нам бороться?

Мы видим, что в-одиночку ничего не подѣлаешь. Еще можно пожалуй вести борьбу цѣлыми фабриками и заводами, но и это крайне трудно и рѣдко кончается успѣхом. Только, когда рабочие всѣх фабрик и заводов соединятся вмѣстѣ, возьмутся сообща за свое рабочее дѣло, только тогда можно быть увѣренным в успѣхѣ.

Поэтому рабочие, понявши необходимость бороться сообща, организовались в „РАБОЧІЙ СОЮЗ" и приглашают рабочих всѣх фабрик и заводов присоединяться к ним для общей борьбы за общее рабочее дѣло.

Соединимся, товарищи, и станем дружно бороться за право свободно собираться для обсужденія своих дѣл, будем бороться до тѣх пор, пока не свергнем ига капиталистов, пока вся земля, всѣ фабрики и заводы не сдѣлаются общественной собственностью.

ПРОКЛАМАЦИЯ МОСКОВСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА 1894—95 г.г.



1-е изд. брошюры (гектографир.) Петербург

Брошюра, содержащая текст речей 4-х рабочих на маевке (организов. в Петербурге в 1891 г. группой Бруснева) и адреса петерб. рабочих (брусневцев), поднесенного в 1891 г. писателю Н. В. Шелгунову. (На маевке речи произнесли Ф. А. Афанасьев, Е. А. Афанасьев, В. И. Прошин и Н. Д. Богданов)

2-е изд. брошюры. Женева

1891 г. состоялось первомайское собрание петербургских рабочих, на котором были произнесены четырьмя рабочими замечательные по тому времени речи о задачах и роли русского рабочего класса. О том, какое значение придавали сами рабочие этим своим первым общественным выступлениям, сказал в своей первомайской речи второй из ораторов: «Вместе с искренним чувством признательности Шелгунову как «к указателю пути к свободе и братству», мы попробовали подачею адреса ему и присутствием с венком на похоронах его привлечь внимание общества к рабочему вопросу и, как слышно успели в этом». Празднование 1 мая после 1891 г. превращалось в ежегодную политическую демонстрацию рабочего класса. Особенно революционные формы принимало оно в Польше и других национально-угнетаемых районах. Социал-демократические рабочие кружки были неизменными инициаторами и организаторами революционных маевок. Большую роль играли и первомайские прокламации и листки, особенно составленная Лениным прокламация в 1896 г., оказавшая большое влияние на развитие петербургских стачек 1896—97 годов.

В конце 80-х годов возникли первые с.-д. кружки и в других городах: Харькове и Ростове н/Д. кружки Ювеналия Мельникова, Перазича и Эйдельмана (1888 — 89 г.г.). Брусневская группа имела свои организации также в Москве, Риге и других городах, но в 1892 г. она была всюду разгромлена.

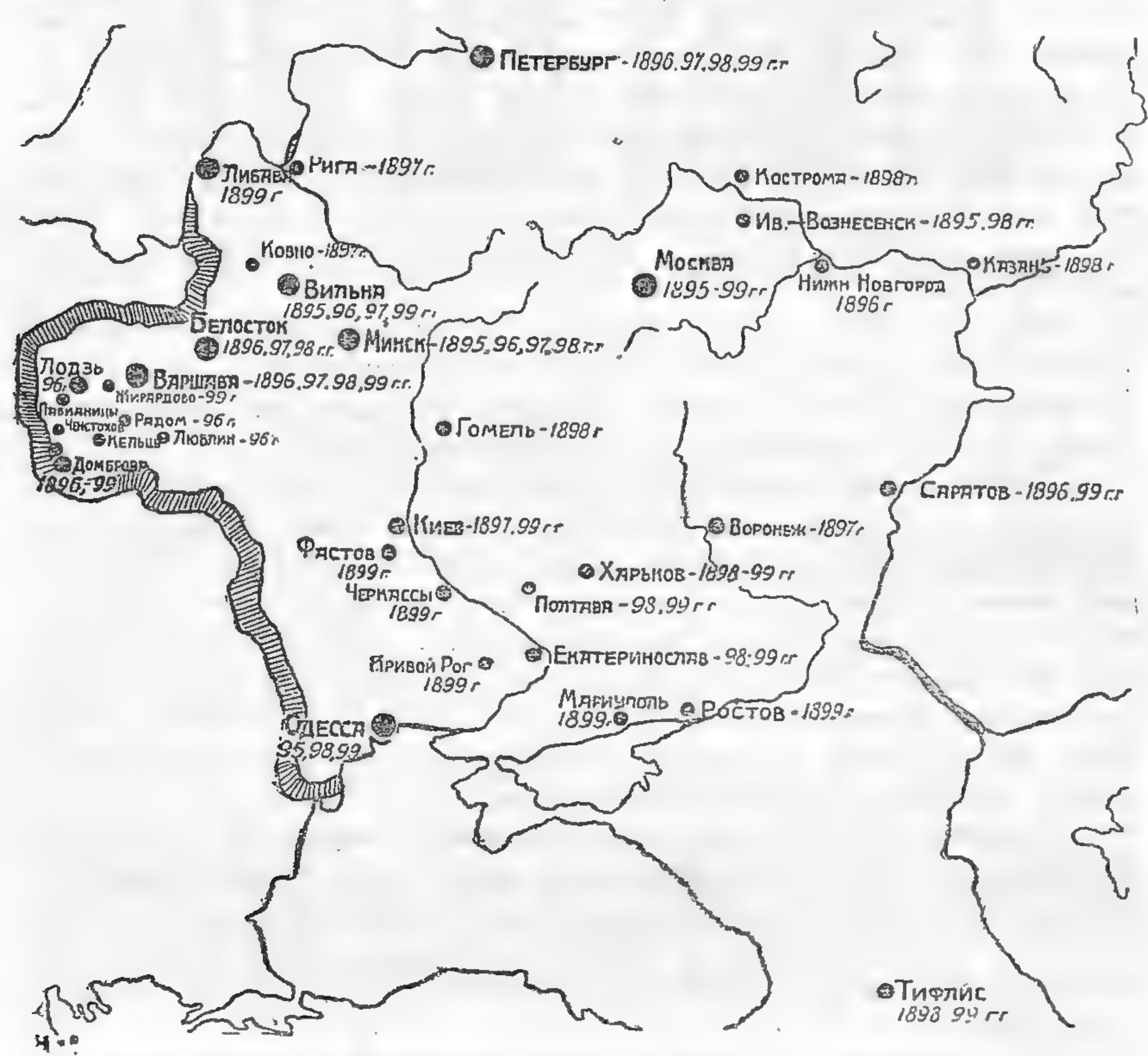
Из разрозненных с.-д. кружков и был создан «Южно-российский союз борьбы за освобождение рабочего класса».

В Центральной России в начале 90-х годов были созданы рабочие кружки в Казани (кружок Федосеева), в Нижнем-Новгороде, Владимире, Туле, Иваново-Вознесенске и др.

Несмотря на аресты, организация кружков за время 1892—94 гг. продолжала развиваться.

Говоря о рабочем движении 90-х г.г. как о *первом* этапе

в развитии сознательно-революционного социал-демократического рабочего класса, необходимо подчеркнуть роль для этого этапа В. И. Ленина. Появившись впервые в Петербурге осенью 1893 г., Ленин сразу понял: на борьбу поднялась новая сила — фабрично-заводский пролетариат. И он быстро стал руководителем и организатором этой новой силы, поднимая и направляя ее борьбу на развитие классового движения пролетариата, как авангарда революции. Владимир Ильич уже зи-



ГОРОДА, В КОТОРЫХ ПРАЗДНОВАЛОСЬ 1 мая в 1895—99 г.г.

мой 1893 г. выступил «смело и решительно, со всем пылом молодости и силой убеждения», как передает в своих воспоминаниях сестра его Анна Ильинична, против учения народников, не оставляя в нем камня на камне. Его речь против маститого писателя-народника Воронцова произвела громадное впечатление и заставила молодежь изучать Маркса.

В 1894 г. Ленин вступил в с.-д. кружок, называвшийся «Центральной группой для руководства рабочим движением». Вместе с рабочими—социал-демократами В. А. Шелгуновым, И. В. Бабушкиным и др. он создал ряд новых социал-демократических кружков в рабочих районах столицы и уже в 1895 г. положил начало на основе этих кружков новой с.-д. организации — «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». В 1894 г. Ленин написал свою первую большую работу: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов». В ней он не только разбил народников, но и впервые с большой четкостью сформулировал классовые задачи пролетариата и роль социал-демократии. В 1895 г. Ление уехал заграницу для установления связи с Плехановым и его группой. Уже тогда заграницей Ленин был оценен как будущий вождь рабочего класса. П. Аксельрод — один из соратников Плеханова и будущий вождь меньшевизма — заявил об этом:

«До сих пор у нас не было в России человека, который соединял бы знание теории Маркса с практическими качествами организатора. Такой человек теперь у нас есть: это — будущий вождь рабочего движения В. И. Ульянов-Ленин».

И 90-е годы полностью подтвердили это пророчество Аксельрода. Вернувшись из заграницы, В. И. Ленин принял непосредственное участие в руководстве стачками 1895 — 96 г.г. Он сам писал для разных заводов листовки, прокламации, вырабатывал требования. Когда же его вместе с другими членами Союза арестовали, В. И. Ленин в тюрьме продолжал бороться и руководить движением. В тюрьме он написал свою книгу «Развитие капитализма в России», ставшую потом настольной книгой целого поколения рабочих-марксистов.

В январе 1897 г. Ленин был выслан в Сибирь на 3 года, где он написал, как бы подытоживая целый этап борьбы, небольшую книжку: «Задачи русских социал-демократов».

Под влиянием «Союза борьбы» и Ленина кружковая стадия деятельности первых социал-демократов сменилась переходом к агитации.

«Кружковщина», как метод с.-д. пропаганды и организации, практиковалась лишь там и до тех пор, где и пока не было стихийного массового движения рабочих,—например, среди ремесленников, или там, где рабочих было мало и где сознание их еще спало. Но в Петербурге или в Москве передовые кружковые рабочие, иногда помимо собственной воли, вынуждены были становиться руководителями стихийного рабочего движения и на почве повседневных рабочих нужд вести среди них социал-демократическую агитацию.

НОЯБРЬ 1897 ГОДА. № 2.

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

РАБОЧІЕ ВСѢХЪ СТРАНЪ СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БЛИЖАЙШІЯ ЗАДАЧИ РУССКАГО РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

Когда говорятъ о рабочемъ движеніи въ Англіи, Германіи, Франціи или другой какой либо заграничной страны, то у всякого передъ глазами встаетъ вполнѣ ясная картина. Тамъ существуютъ громадные рабочія союзы и могущественныя рабочія партіи. Тамъ устраиваются многочисленныя собранія и съѣзды, на которыхъ открыто обсуждаются нужды и задачи рабочихъ. Въ парламентахъ*) засѣдаютъ представители отъ рабочихъ, неустанно защищающіе ихъ интересы и заявляющіе ихъ требованія. Наконецъ тамъ существуетъ рабочая пресса, распространяются въ громадномъ количествѣ газеты, журналы, книги, посвященные рабочему вопросу. Короче, и словомъ и дѣломъ заграничное рабочее движеніе постоянно заявляетъ о себѣ. Его всѣ знаютъ и о немъ всѣ говорятъ. Злѣйшіе враги рабочаго движенія не могутъ отрицать его существованіе и его силу.

Не то у насъ. Подъ гнетомъ царскаго самодержавія рабочее движеніе не можетъ жить открытою жизнью. У насъ запрещены и преслѣдуются рабочіе союзы и собранія; у насъ нѣтъ парламента, нѣтъ представителей отъ рабочихъ, у насъ нѣтъ прессы, которая открыто бы защищала интересы рабочихъ. Во всей странѣ никто не можетъ публично говорить о русскомъ рабочемъ движеніи. И не только наши враги отрицаютъ его существованія, но не мало найдется и рабочихъ, которые не знаютъ что въ Россіи существуетъ рабочее движеніе.

А между тѣмъ русское рабочее движеніе не только существуетъ, но и имѣетъ уже значительную силу. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только стачки и волненія рабочихъ то и дѣло вспыхивающія въ разныхъ концахъ Россіи: объ этомъ свидѣтельствуетъ и множество другихъ фактовъ. Правда, у насъ нѣтъ открытыхъ всѣми признанныхъ, союзовъ. Но у насъ существуютъ тайные союзы и кассы, помогающіе борьбѣ рабочихъ, объединяющіе ихъ и разъясняющіе имъ ихъ положеніе. Намъ запрещаютъ устраивать собранія и публично обсуждать интересующіе насъ вопросы; но это не мѣшаетъ намъ устраивать собранія тайныя. У насъ запрещаютъ книги, въ которыхъ свободно обсуждается рабочій вопросъ. Но мы читаемъ и распространяемъ книги запрещенныя. У насъ не бываетъ открытыхъ и торжественныхъ съѣздовъ представителей рабочихъ, но это не мѣшаетъ имъ съѣзжаться тайно, не мѣшаетъ также русскимъ рабочимъ посылать своихъ представителей на международные рабочіе съѣзды заграницей.*)

Въ Россіи не существуетъ парламента,

---

*) Парламентъ это учрежденіе, издающее законы, устанавливающее подати и налоги и опредѣляющее расходы страны. Парламентъ составляется изъ выборныхъ отъ всѣхъ гражданъ, а слѣдовательно и отъ рабочихъ.

*) На послѣднемъ съѣздѣ въ Лондонѣ было 8 представителей отъ русскихъ рабочихъ.

«Кружок наш почти на первых же шагах своей деятельности решил перейти к агитации в массе», — пишет С. Мицкевич; для этой цели мы через рабочих, занимавшихся в кружках, собирали сведения об условиях работы на фабриках и заводах, о длине рабочего дня, о заработной плате, о деятельности фабричной инспекции, о злоупотреблениях мастеров и т. п. Фактами, полученными таким путем, а также почерпнутыми из литературы о положении рабочего класса в России, мы иллюстрировали наше изложение теории Маркса, чем старались сделать эту теорию возможно более близкой к жизни, связать ее с насущными и ближайшими нуждами рабочих».

Вот почему с развитием массового движения, когда тяжелые условия труда толкали массу на борьбу, социал-демократические рабочие все больше переходили от кружковой пропаганды к массовой агитации. Скоро эта тактика получила и свое теоретическое обоснование в известной брошюре «Об агитации», вышедшей в 1894 году.

Начавшиеся с 1894—95 г.г. массовые стачки были использованы в целях агитации как петербургским, так и московским, иваново-вознесенским и другими «Союзами борьбы».

«Союз борьбы» распространял листки, которые говорили о тяжелых условиях труда и требованиях рабочих на той или иной фабрике. Листки производили сильное впечатление на массы рабочих.

«В стране, где не было политической свободы, посредством листовок, объяснявших классовые интересы рабочих и указывавших, что̀ рабочим нужно требовать в данный момент, — пишет Шаповалов в своих воспоминаниях,—«Союз борьбы» нашел путь к широким массам рабочих... Когда рабочие приходили на работу, они находили на своих машинах, верстаках и т. п. положенные неизвестно кем эти листовки».

Листовки и прокламации петербургского «Союза борьбы» сыграли огромную роль и во время исторических стачек петербургских текстильщиков в 1896-97 г.г., особенно потому, что благодаря им удавалось широко информировать общество о борьбе рабочих-текстильщиков и даже добиваться положительных результатов.

Стачки в небывалой степени революционизировали рабочих и толкали их на путь социал-демократической борьбы.

Петербургские стачки 1896—97 г.г., когда сознательное рабочее движение становилось массовым, свидетельствовали о подъеме рабочего движения на высшую ступень, давая основание говорить о приближении его к западно-европейскому типу рабочего движения.

social-demokracya krolestwa polskiego i litwy [СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО 1893-95 г. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО И ЛИТВЫ с 1900 г.]

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ
Одна из основательниц С.Д.Ц.П. Редактор „Sprawa Robotnicza"

ЮЛИАН МАРХЛЕВСКИЙ
[КАРСКИЙ]
Один из основателей С.Д.Ц.П.

ТЫШКО-ИОГИХЕС.
Убит в 1919 г. в Германии как коммунист.

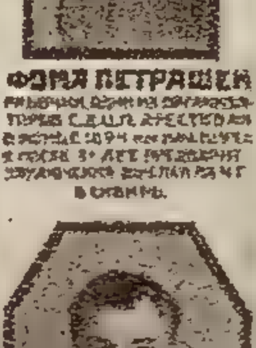
ФОМА ПЕТРАШЕК

SPRAWA ROBOTNICZA

SPRAWA ROBOTNICZA

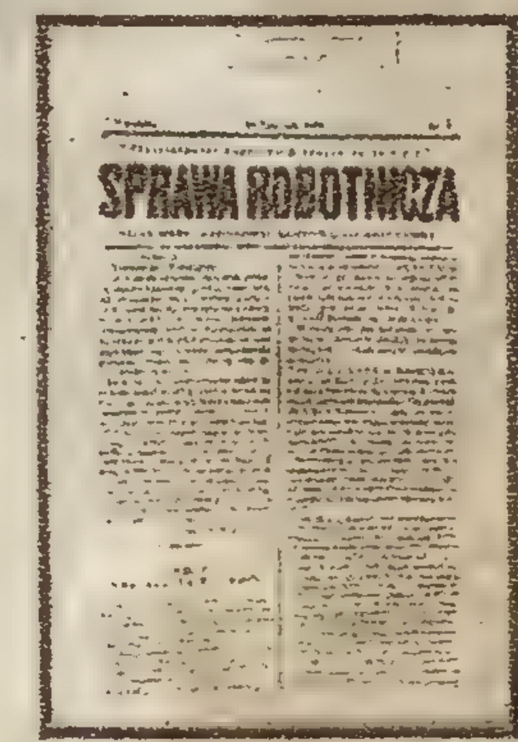
ROBOTNICY, ŚWIĘTUJCIE PIERWSZEGO MAJA!

И.КАСПРЖАК.



Ф.Э.ДЗЕРЖИНСКИЙ

АДОЛЬФ ВАРСКИЙ
[ВАРШАВСКИЙ]



SPRAWA ROBOTNICZA

ЯН РОСОЛ

С.ТРУСЕВИЧ

ВЕСЕЛОВСКИЙ

„SPRAWA ROBOTNICZA"
[РАБОЧЕЕ ДЕЛО]
Центральный орган Социал-демократии Царства Польского издавался заграницей с 1893 г.
Вышло 25 №№.

В 1893 г. была основана „Социал-демократия Царства Польского"

МИТИНГ В РОСТОВЕ В НОЯБРЕ 1902 г.
С картины Н. Д. Скворцова

Но именно это возросшее значение социал-демократии заставило правительство признать в ней врага более опасного, чем народовольцы, которые до сих пор подвергались наибольшим преследованиям и карам.

С конца 1895 г. начинаются массовые аресты среди социал-демократов. Но социал-демократическая пропаганда пустила глубокие корни. Заглушить рабочее движение полицейские репрессии уже не могли.

Начиная с 1895 г. нарастают тенденции к объединению социал-демократических кружков в более прочные широкие организации. «Союзы борьбы» создаются во многих промышленных центрах. В 1897 г. создана крупная социал-демократическая организация в Польше и Литве (Бунд). В том же году создается и заграничный «Союз русских социал-демократов», куда вошла и Группа «Освобождение Труда». Заграницей с 1896 г. Группа «Освобождение Труда» издает популярный журнал «Работник» и «Листок работника», а также выпускает ряд популярных социал-демократических брошюр. Социал-демократическая литература читается нарасхват, но ее нехватает. Потребность в ней все возрастает. Некоторые организации приступают к изданию своих печатных органов: с конца 1896 г. выпускается в Киеве «Рабочая Газета», в 1897 г. в Петербурге — «Рабочая Мысль», в 1897 г. в Варшаве — «Голос Рабочего» (на еврейском языке).

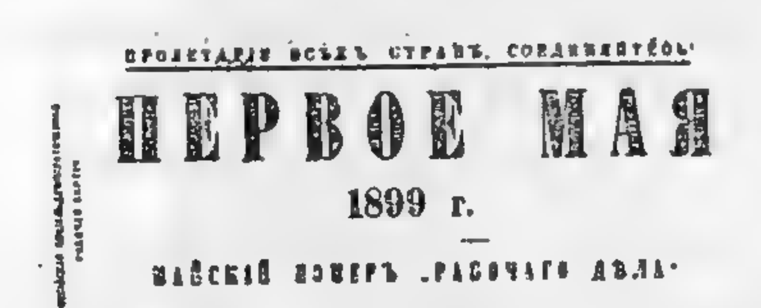
Одновременно в разных социал-демократических организациях возникает мысль о созыве съезда и об объединении в общероссийскую партию. Но так как Петербург и Москва были сильно ослаблены стачечной борьбой и арестами, то наибольшую работу по организации съезда провела киевская группа. Весною 1898 г. состоялся в Минске первый съезд всех крупных социал-демократических организаций, положивший начало партии. Съезд не разработал еще партийной программы, ограничившись опубликованием манифеста. Манифест указывал на развитие в России капитализма и на освободительное движение пролетариата, который «сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большой энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма». Социал-демократия, подчеркивал манифест, «сознательно хочет быть и остается классовым движением организованных рабочих масс». Таким образом, манифест указал на социал-демократию как на

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

№ 8-9

ВПЕРЕДЪ

КІЕВСКАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.


Пролетарии всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ

1899 г.

Майскій номеръ „Рабочаго Дѣла"

Май международнаго пролетаріата.

Десятилетіе Майскаго праздника.

единственную партию рабочего класса в России. Вскоре после съезда почти все участники его и избранный ЦК были арестованы. Организационный разброд и «кустарщина», существовавшие в социал-демократии 90-х годов, не были изжиты до появления «Искры» и ее объединительной работы, завершившейся в 1903 г. вторым съездом партии, окончательно организационно и идейно оформившим Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию, приведшую под руководством большевиков рабочий класс через три революции к победе.

90-е годы вместе с расцветом капитализма принесли и расцвет марксистской мысли.

Выраставшая буржуазия, начинавшая чувствовать гнет самодержавия, стремилась приспособить для своих целей рабочий класс, подчинив его своему влиянию. Для этого необходимо было принизить сознательное к л а с с о в о е движение, ограничить его задачи узко экономической борьбой и не дать ему возможности вырасти в классовое движение. Прикрывая свою апологию капитализма марксистскими фразами, идеологи «легального марксизма» Струве, Булгаков и др. вульгаризировали учение Маркса, отрицая его теорию классовой борьбы и необходимость самостоятельной рабочей партии. Воспитанные на этой «легальной» марксистской литературе, «молодые» социал-демократы внесли в стихийно растущее рабочее движение эти идеи принижения самостоятельных классовых задач пролетариата.

В последние годы старого столетия (1897 — 1900 г.г.) среди русских социал-демократов царил не только организационный, но и идейный разброд. Это были годы перелома и перехода социал-демократии к более зрелому возрасту. Но процесс созревания шел сложными и извилистыми путями. «Кустарщина» среди с.-д. организаций изживалась крайне медленно. В Петербурге существовал ряд самостоятельных социал - демократических групп: «Рабочая Мысль» (с 1897 г.), «Рабочее Знамя» (с 1897 г.), «Самоосвобождение рабочего класса» (1897 г.), «Социалист» (1900 г.).

В то время как одни из них, примыкая к «старым», требовали, чтобы социал-демократы главной целью своей агитации ставили политическую свободу, сочетая борьбу за нее с экономической борьбой рабочих, примыкавшие к «молодым» требовали ограничения одной экономической борьбой, считая, что для политической агитации рабочий класс еще не дорос. Это последнее направление, выразителем которого стала газета «Рабочая Мысль», получило название «экономизма».

Историческая суть «экономизма» заключалась в том, чтобы превратить рабочее движение из социал-демократического, каким оно начинало становиться в середине 90-х годов, в трэд-юнионистское и тем самым подчинить задачи рабочего движения задачам буржуазной политики.

VADEMECUM

ДЛЯ РЕДАКЦІИ „РАБОЧАГО ДѢЛА"

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ИЗДАННЫЙ ГРУППОЙ „ОСВОБОЖДЕНІЕ ТРУДА"

съ предисловіемъ

Г. ПЛЕХАНОВА

О дѣти, какъ опасны ваши лѣта!
Мышенокъ, не видавшій свѣта,
Попалъ было въ бѣду!

цѣна 1 франкъ

Печатано въ Типографіи Группы Старыхъ Народовольцевъ.
Женева. Февраль 1900 года.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

РАБОТНИКЪ

№№ 3 и 4.

НЕПЕРІОДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

Изданіе „Союза русскихъ соціальдемократовъ"

ЖЕНЕВА

Типографія „Союза русскихъ соціальдемократовъ".

1897

Теоретически «экономизм» нашел свои формулировки в знаменитом «Credo» («Верую») — символе веры «экономистов», составленном Прокоповичем, Кусковой и другими.

«Credo» было встречено критикой революционных социал-демократов. По инициативе Ленина 17 ссыльных социал-демократов опубликовали свой протест против «Credo». Авторы «протеста 17-ти», критикуя этот документ экономистов, предостерегали социал-демократов от «грозящего совращения русской социал-демократии от намеченного ею пути, именно: образования самостоятельной

политической рабочей партии, неотделимой от классовой борьбы пролетариата и ставящей своей ближайшей задачей завоевание политической свободы».

За границей против экономистов выступил Плеханов, со своим известным критическим сборником «Vademecum» (путеводитель). Борьбу с «экономизмом» победоносно довершила уже «Искра», которая своей борьбой за чистоту принципов революционного марксизма наиболее полно содействовала окончательному оформлению социал-демократической идеологии массового рабочего движения. Но это была уже задача нового, XX века. И ее удалось осуществить тем успешнее, что «брели розно и шли назад,—по словам Ленина,—только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России, влияя в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и в других слоях населения...»

К началу XX в. роль пролетариата, как единственного вождя и гегемона в грядущей буржуазно-демократической революции, выявилась уже с полной очевидностью.

ГЛАВА ПЯТАЯ[1]

ПРОЛЕТАРИАТ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ В ГОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

1. ПРОЛЕТАРИАТ И ЕГО РОЛЬ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ ЦАРСКОЙ РОССИИ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

В предыдущих главах мы показали в общих чертах процесс формирования пролетариата и его путь из «класса в себе» в «класс для себя» в условиях развивающегося промышленного капитализма. Но этот процесс важно проследить не только в его целом, но и в особенности в отношении отдельных национальных районов, представлявших собою фактические колонии царской России. Пролетариат угнетенных наций проходил в своем развитии в основном те же этапы и пережил тот же процесс социальной диференциации и превращения в са-

[1] Часть материала для этой главы взята, по соглашению с тов. Е. Я. Драбкиной, из подготовляемой ею работы «Пролетариат в национальных районах до 1917 г.»

мостоятельный класс, что и пролетариат господствующей нации. Но в национальных районах этот процесс имел и многие отличительные черты, определявшиеся особенностями развития капитализма в каждом из них и более сложной политической обстановкой, в какой протекала классовая борьба пролетариата в условиях национального гнета.

Развивающийся капитализм, разрушая феодально-крепостнические отношения в различных районах, создавал не только предпосылки для оформления отдельных наций, но и способствовал созданию основных классов капиталистического общества, борющихся за превращение наций в самостоятельные государства. «С развитием торговли, земледелия, промышленности, а с ними и классовой помощи буржуазии, повсюду росло национальное чувство, раздробленные и угнетенные нации требовали объединения и самостоятельности», — писал Энгельс в своей работе «Сила и экономика в образовании Германской империи». Этот же момент подчеркивал и Ленин, аргументируя необходимость на определенном этапе поддержки пролетариатом программы самоопределения наций вплоть до отделения.

В России больше, чем в какой-либо другой стране, угнетение наций было таким же могучим остатком и одной из основ крепостничества, как и неограниченная самодержавная власть и как помещичье землевладение. Весь общественный строй самодержавной царской империи держался, с одной стороны, на крепостнической эксплоатации крестьянства метрополии, с другой стороны — на грабеже и крепостнической эксплоатации крестьянства колоний.

Национально-колониальная политика самодержавия преследовала те же классовые цели — укрепления государства крепостников-помещиков, — что и его внутренняя политика. При помощи завоеваний и колониального грабежа царского самодержавия Россия выросла в огромную империю, занимавшую шестую часть мира, причем 57% населения этой империи составляли угнетенные нации, насильственно присоединенные к самодержавному крепостническому государству.

Особенно большое значение приобрела эксплоатация колоний с тех пор, как в России начал развиваться капитализм. Если до этого времени колониальный грабеж служил лишь для обогащения крепостников-помещиков, то вместе с развитием капитализма он сделался также важнейшим средством для сращивания интересов самодержавия и буржуазии. Внутренний рынок, скованный цепями крепостничества, компенсировался до известной степени для буржуазии завоеванием внешних рынков. На этой почве завоевательной и колониальной политики царизма буржуазия

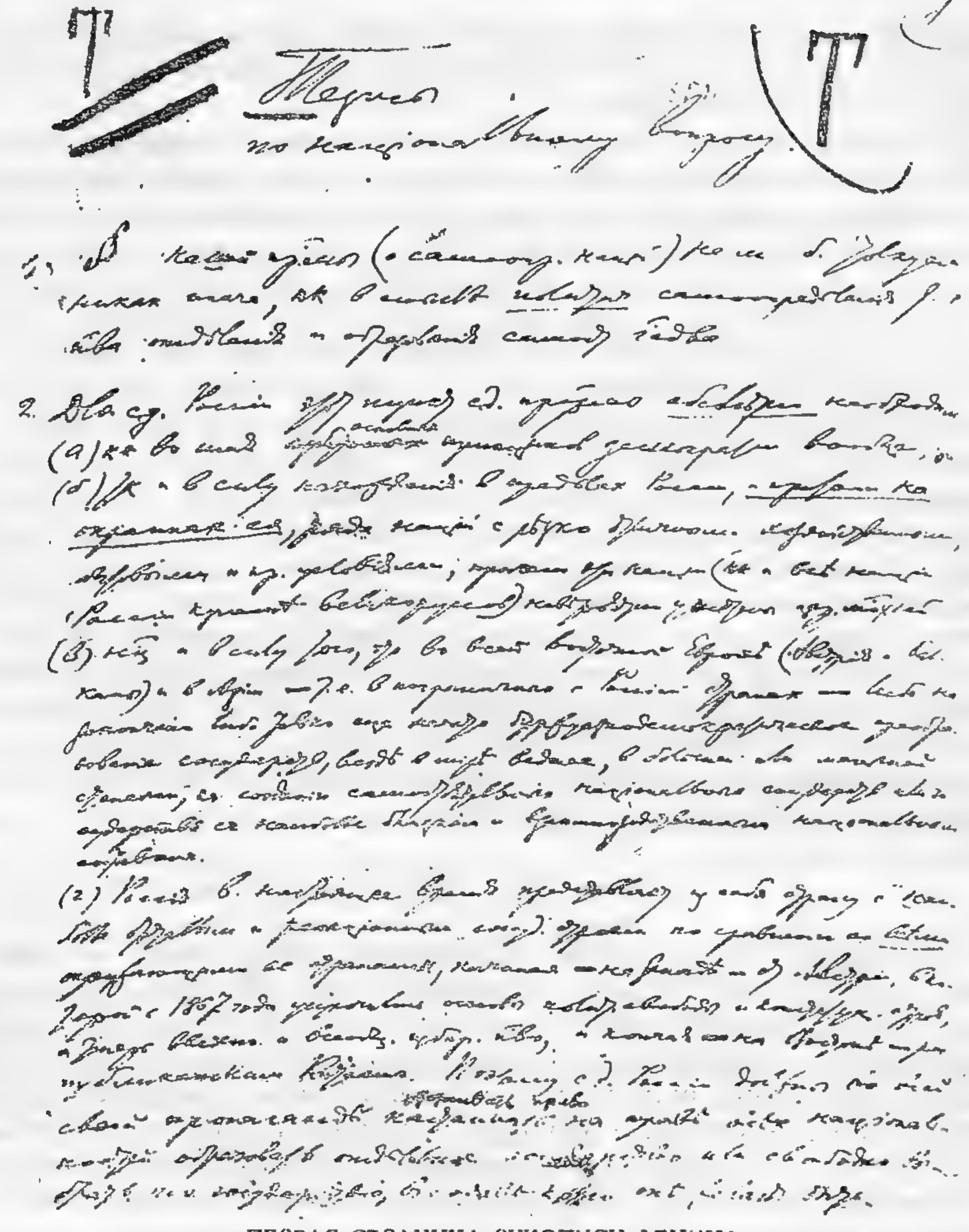
установила блок с самодержавием, предпочитая его революционной борьбе за расчистку путей для капитализма в России. Таким образом, между крепостническим общественным строем и политикой угнетения нации существовала неразрывная связь. Уничтожение национального гнета в царской России было необходимым условием буржуазно-демократической революции в колониях России.

Самодержавие всюду в колониях насаждало и укрепляло крепостнические отношения. Русские войска приносили в колонии на своих штыках поддержку феодализма, азиатчины и деспотизма, устанавливая союз с туземными эксплоататорскими классами и преследуя всякие прогрессивные течения и социальные группы.

Завоевав Польшу, царизм стал проводить в ней политику, соответствовавшую интересам крупных земельных магнатов, а впоследствии установил дружественные отношения с польской буржуазией Завоевав Грузию, он стал опираться на грузинское дворянство и провел ряд законов, усиливавших феодальную зависимость крестьян от помещиков. В Азербайджане он опирался на ханов и беков и, чтобы укрепить власть этого местного дворянства, отобрал у крестьян всю землю и передал ее ханам и бекам. На Северном Кавказе он поддерживал туземную аристократию и вел совместно с ней борьбу против восставших народных масс. В Средней Азии он опирался на баев, соединявших феодальную эксплоатацию с ростовщической. Поддержка туземного дворянства была безусловным принципом колониальной политики царской России. Она отступала от него только в тех случаях, когда само туземное дворянство отказывалось от этого союза. Но и тогда она ограничивалась лишь наказанием непокорных туземных владетелей и продолжала вести политику, насаждавшую феодальное начало.

Поэтому борьба против крепостнических отношений в колониях была неотделима от борьбы против русского владычества. Самодержавная Россия была носителем и национального, и феодального гнета. И пролетариат, который был гегемоном в буржуазно-демократической революции, должен был написать на своем знамени, наряду с другими демократическими требованиями, признание за всеми нациями, завоеванными царской Россией права на свободное отделение от Российской империи.

Для того, чтобы выполнить свою освободительную историческую роль, пролетариат должен был разрушить все формы крепостнического и национального угнетения. «Скинуть всякий феодальный гнет, всякое угнетение наций, всякие привилегии одной из наций или одному из языков — безусловная обязанность


Тезисы
по национальному вопросу.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ ЛЕНИНА
«ТЕЗИСЫ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ»
С подлинника, хранящегося в Институте Ленина

пролетариата, как демократической силы, безусловный интерес пролетарской борьбы, которая затемняется и задерживается национальной грызней», — писал об этой исторической задаче пролетариата Ленин.

Для того чтобы выполнить эту свою задачу в демократической революции, пролетариат угнетающей нации должен был заявить угнетенным нациям, что они имеют безусловное право на сво-

бодное отделение. Пролетариат России был заинтересован в объединении отдельных национальных отрядов рабочего класса в единую пролетарскую армию.

Полный отказ от политики национального угнетения нужен был русскому пролетариату не только для того, чтобы освободить угнетенные нации, но и для того, чтобы освободить самого себя от политического гнета царизма. Так же, как от всех форм угнетения, так и от угнетения национального, крестьянство колоний могло освободиться только под руководством пролетариата. Таким образом, пролетариат и в национальных районах развивался и вырастал, как единственная сила, способная возглавить борьбу против крепостничества, самодержавия и тем самым против национального угнетения. Уничтожение национального гнета необходимо для создания интернационального единства пролетариата, который должен был создать прочный союз рабочих всех наций, направленный против общего врага. Таким образом, борьба за национальное освобождение угнетенных народов и классовая борьба пролетариата против своей туземной буржуазии становилась двуединой задачей пролетариата угнетенных наций. Успешность выполнения этой задачи зависела от степени зрелости пролетариата, от условий его классового роста и от удельного веса его в отдельных районах. Последнее же определялось степенью зрелости и развитости капитализма.

2. ПРОЛЕТАРИАТ В ПОЛЬШЕ

Наиболее капиталистически-развитыми были западные национальные районы: Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия. Промышленный капитализм достиг в них гораздо большей зрелости и сформировался раньше, чем в России. До присоединения к России они жили самостоятельной государственной жизнью. Присоединение Польши к России произошло в конце XVIII в. в результате того распада, к какому привела Польшу дворянская диктатура. Царское самодержавие стремилось сохранить крепостнические привилегии польского дворянства. В свою очередь последнее во время всех разделов (в 1772, 1793, 1795 г.г.) поддерживало интересы царской России.

Польское дворянство уже вскоре после поражения 1863 г. стало на путь соглашения с феодальными элементами и с царизмом. Что же касается буржуазии, то ее позиция была несколько двойственной. На протяжении XIX в. происходит быстрый рост польской промышленности, а с нею и рост рабочего класса. Уровень развития капитализма в Польше был выше, чем в России. Соответственно и пролетариат Польши отличался своим высоким

количественным и качественным составом. За 20 лет, с 1870 по 1890 г., промышленный пролетариат на крупных предприятиях Польши вырос с 77 до 150 тыс. человек. Наиболее мощной была текстильная промышленность, затем — металлопромышленность и горнозаводское дело. В текстильной промышленности, развивавшейся под влиянием конкуренции Германии, процесс концентрации шел особенно интенсивно. За указанные 20 лет число предприятий сократилось с 11.327 мелких до 625 крупных фабрик, на каждую из которых приходилось почти по 100 рабочих. Общее же число текстильщиков в 70—90-х г.г. возросло в три раза (с 28 до 60 тыс.). Это усиленное капиталистическое развитие очень рано поставило польский пролетариат на боевые позиции классовой борьбы.

Польский пролетариат принимал активное участие в восстаниях против России. Но он не выставлял еще своей собственной классовой программы и сражался под знаменами других классов.

Между тем и буржуазия, устрашаемая ростом рабочего класса и все более интенсивной борьбой польских рабочих, начинает итти более решительно на сближение с царизмом, в котором она видит защитника своих интересов на международном рынке. Крупная польская буржуазия идет и на союз с польским дворянством и католическим духовенством, создав совместно с крупными землевладельцами партию «угодовцев», считавших необходимым поддерживать русский царизм, довольствуясь в отношении Польши мелкими реформами.

Что касается средней и мелкой буржуазии, то она создала в 80-х г.г. так называемую «Польскую лигу», требовавшую восстановления независимого польского государства, резко повернув к национализму.

С конца 70-х г.г. превращается в самостоятельную политическую силу и польский пролетариат. В 1878 г. в Польше возникли первые социалистические кружки, а в 1882 г. сложилась первая рабочая партия «Пролетариат». «Пролетариат» просуществовал недолго. В 1884 г. были произведены крупные аресты, арестовано было 190 человек, 29 человек было предано военному суду, из них 6 было приговорено к смертной казни, а остальные к каторжным работам на разные сроки.

Один из наиболее жгучих вопросов, стоявших перед рабочим классом Польши, был вопрос об отношении к национальному движению. Должен ли был польский пролетариат бороться за польскую независимость, или же он должен отстаивать свои собственные классовые интересы?

До восстания 1863 г. Маркс и Энгельс считали, что каждая революционная партия должна поддерживать польское нацио-

нальное движение. Они исходили при этом из того, что освобождение Польши нанесет сильнейший удар самодержавной России — этому жандарму Европы. Но теперь положение резко изменилось. В России и в Германии сложился рабочий класс, ведший революционную борьбу против своих правительств. Поэтому польский пролетариат, вместо того чтобы участвовать в национальном движении и создавать буржуазно-помещичью Польшу, должен был теперь вести классовую борьбу против буржуазии и против помещиков «своей» угнетающей нации и сражаться рука об руку, плечом к плечу с рабочими России, Австрии и Германии.

Впервые программу классового рабочего движения в Польше сформулировала партия «Пролетариат».

В первой же своей прокламации «Пролетариат» подчеркнул необходимость для польского рабочего класса стать на путь классовой борьбы, сочетая ее с задачами национального освобождения.

«Польский пролетариат, — говорит прокламация, — дольше других оставался в состоянии сна. Национальная борьба, которую он вел, не только не пробудила в нем сознания, но, напротив, старалась погрузить его в еще больший мрак неведения... Наши народные восстания, неизбежное и логическое последствие утраты государственной независимости, отвлекали в течение долгого времени внимание рабочего класса от его собственных интересов, и еще теперь оставшаяся от них традиция мешает многим городским рабочим ясно определить свои стремления и приступить к борьбе для защиы своего класса».

Продолжательницей этой классовой линии и традиций «Пролетариата» стала «Социал-демократия Польши и Литвы», вождем которой была Роза Люксембург. Она сформулировала классовые и национальные задачи польского пролетариата с большой четкостью в брошюре «Чего мы хотим?»

...«Восстановление польского государства уже никак не может быть задачей польского пролетариата, — писала Р. Люксембург. — Для восстановления Польши рабочий класс должен был бы сначала достигнуть политического господства в нашем крае. Но когда придет минута политического господства рабочего класса, тогда нашей задачей будет не восстановление польского государства, а введение социалистического строя, который обеспечит полякам, как и всякой другой народности, полную свободу и равенство в кругу других народов».

От этой классовой программы на путь узкого национализма пыталась увлечь польский пролетариат другая партия, претендовавшая на руководство пролетариатом, — П. П. С. (Польская социалистическая партия). Она сформировалась в

1893 г. В основу ее программы и деятельности лег принцип независимости Польши, которому она подчинила всю свою политическую деятельность. В своей националистической программе она находила широкое сочувствие в рядах мелкой буржуазии, составлявшей в сущности, основную базу этой партии.

Rok 1 Maj 1894 r. Nr 1

WALKA KLAS

ORGAN MIĘDZYNARODOWEJ
SOCYJALNO-REWOLUCYJNEJ PARTYI

GENEWA

Откровенно националистической буржуазной партией, пытавшейся оказывать влияние на пролетариат, была также партия «Народовой демократии». В конце 90-х г.г. она пыталась повести агитацию среди рабочих и выступила против руссификаторской политики царизма с лозунгом независимости. Одновременно она выступала против социалистов и евреев. В 1903 г. — из страха перед революцией, — «народовцы» отказались от лозунга независимости и ограничивались лишь требованием большей самостоятельности Польши в рамках царской империи.

П. П. С. и «народовцы» находили отклик, главным образом, среди рабочих мелкой промышленности, ремесленников и кустарей. Среди этих слоев рабочих националистическая мелкобуржуазная программа польской интеллигенции пользовалась большой популярностью. Основные же кадры пролетариата, созданного крупной капиталистической индустрией, ставили лозунги национальные в непосредственную зависимость от общеклассовых задач и интересов не только польского, но и русского рабочего класса.

Польское рабочее движение почти неразрывно переплеталось с русским. Польский пролетариат уже в 90-х г.г. был крупной общественной силой, которая была в состоянии вести активную революционную борьбу и против своей буржуазии, и против национально-политического гнета самодержавия.

3. ПРОЛЕТАРИАТ В ФИНЛЯНДИИ

Роль и борьба пролетариата в Финляндии в конце XIX в. во многом напоминает положение польского пролетариата. Он также уделяет большое место в своей борьбе национально-освободительному движению.

Финляндия была присоединена к России в 1809 г. Видя в ней заслон, защищающий Петербург, царская Россия не вела в Финляндии первое время своей обычной крутой обрусительной крепостнической политики. Финляндия имела даже некоторую автономию. В 70-х г.г. Финляндия переживала полосу крупного экономического подъема. Капиталистическая промышленность успешно развивалась. Оживились торговые отношения с Западом и с Россией. Аграрная Финляндия быстро индустриализировалась.

Развитие капитализма в Финляндии в 70—90-х г.г. привело и к увеличению удельного веса пролетариата. В 1887 г. в Финляндии было 43 тыс. рабочих, в 1898 г. — 91 тыс., т. е. больше, чем вдвое. Кроме того в Финляндии вырос и численно очень большой сельский пролетариат, — в 1895 г. земледельческих рабочих, поденщиков, торпарей и других сельских работников, не имеющих земли и постоянного заработка, насчитывалось до 1 млн. человек. По сравнению с этим миллионным сельским пролетариатом, промышленная армия рабочих, едва достигавшая 100 тыс. человек, представляла незначительную величину, но удельный вес ее в пролетарской борьбе был неизмеримо больше ее численности. Промышленный пролетариат не только возглавил экономическую борьбу сельских рабочих, но и национально-революционное движение в стране. В Финляндии, как и в Польше, национальная и классовая борьба пролетариата тесно переплетались.

С конца XIX в. усилилась борьба финской буржуазии с шведскими помещиками, которые вели свое хозяйство за счет разорения закабаленного крепостническими пережитками крестьянства и мешали свободному капиталистическому развитию, в каком была заинтересована финская буржуазия, вышедшая по преимуществу из крестьянства. Классовые противоречия принимали форму национальной борьбы. Шведские помещики (партия шведоманов) и финская буржуазия (партия финоманов), несмотря на некоторые тактические разногласия, подчеркивали свою лойяльность по отношению к русскому самодержавию и стремились опереться на него в борьбе с противником. В 90-х г.г. финоманы выделили более радикальную часть младофиннов, чисто интеллигентскую по составу группу. Старофинны своей открытой политикой соглашения с царизмом оттолкнули от себя революционно-настроенные элементы страны, требовавшие не пассивного бойкота царских законов, а активного сопротивления царизму. Только с началом массового рабочего движения произошла в стране перегруппировка классовых сил.

Финские рабочие рано поняли связь между национальной и классовой борьбой в Финляндии. Под влиянием социал-демокра-

тов, рабочие Финляндии еще до 1905 г. развернули широкую борьбу не только против русского самодержавия, но и против собственной буржуазии, разоблачая ее половинчатость в борьбе за национальное освобождение и ее реакционность во внутренней политике.

Финская буржуазия вела непримиримую борьбу против классовых требований пролетариата. Как только пролетариат Финляндии выступил на историческую арену, буржуазия начала оказывать ему решительное сопротивление. Сейм упорно не соглашался удовлетворить рабочих в вопросах охраны труда и заработной платы. По просьбе финской буржуазии, русская полиция разгоняла стачечников и репрессиями подавляла забастовки. Чем выше поднималось рабочее движение, тем трусливее и подлее становилась финская буржуазия. Она хотела, чтобы рабочие проливали свою кровь за создание независимой Финляндии, но не выставляли бы при этом никаких классовых требований. Даже в моменты наибольших успехов в борьбе Финляндии против царизма, финская буржуазия предпочитала уступать царизму, но не рабочим. Вот почему столкновения арбочих и буржуазии в Финляндии еще до 1905 г. приняли характер упорной классобой борьбы и требовали от пролетариата большой организованности и сознательности.

В 80-х г.г. прошлого столетия возникли первые профессиональные организации финляндских рабочих, а в 1891 г. было решено созвать всеобщий съезд рабочих представителей для совместного обсуждения мер, могущих поднять экономическое положение пролетариата. Этот съезд, к великому удовольствию финской буржуазии, был запрещен русским генерал-губернатором графом Гейденом. Однако рабочие настояли на своем, и в 1893, 1896 и 1899 г.г. состоялись рабочие съезды. Сначала эти съезды выдвигали только профессионально-экономические требования, но постепенно в них все больше места начали занимать вопросы политической борьбы. Рабочие требовали, чтобы финляндский сейм предоставил рабочим полные избирательные права. На третьем съезде, в 1899 г. рабочие признали себя самостоятельным классом, имеющим особые задачи. Так, в 1903 г. была образована финляндская социал-демократическая партия, выработавшая свою собственную программу, в основе которой лежала «Эрфуртская программа». Финская с.-д. требовала сохранения независимости Финляндии и борьбы против самодержания, как основной силы, угнетающей пролетариат. Одновременно в своей программе финская с.-д. подчеркивала, что «социал-демократическая партия Финляндии во всех политических и экономических вопросах будет всегда стоять на страже классовых интересов про-

летариата и энергично противодействовать всякому затушевыванию классовых противоречий, всякому использованию рабочих для целей буржуазных партий».

Таким образом, еще до революции 1905 г. пролетариат в Финляндии выступил, как самостоятельная сила и как гегемон в национально-революционном движении, составлявшем органическую часть демократической борьбы пролетариата, которую он широко развернул в 1905 году.

4. ПРОЛЕТАРИАТ В ПРИБАЛТИКЕ

В прибалтийских странах, особенно в Литве и Латвии, пролетариат рос в тех же своеобразных условиях двойного гнета — национального и классового. После Польши Литва занимала первое по силе место в национальном освободительном движении.

Прибалтийские страны были присоединены к России в XVIII в. Русские крепостники нашли здесь для себя прочную опору в лице немецкого дворянства, которое закрепостило еще со времен крестовых походов крестьян и превратилось в господствующий феодальный класс. Немецкие бароны сделались пределения и т. п. видные посты русские цари отдавали балтийским полицмейстеров, руководителей, жандармов, начальников III Отделения и т. п. видные посты русские цари отдавали балтийским дворянам. В благодарность за эту верную службу самодержавная Россия помогла немецким баронам в 1819 г. освободить крестьян от земли.

Крестьяне много раз пытались освободиться от помещичьей кабалы. Так, в 1784 г. были массовые восстания крестьян, требовавших освобождения их от барщины. Помещики вызвали к себе на помощь русские войска и учинили кровавую расправу. В 1802, 1818, 1819, 1824, 1841, 1845, 1860 г.г. происходили крестьянские «бунты». Но только тогда, когда во главе крестьянства стал пролетариат, эти разрозненные вспышки стихийных восстаний превратились в организованную революционную борьбу. В Латвии пролетариат составлял половину населения: 1.300 тысяч рабочих; из этого числа 80 тыс. составляли городские рабочие, остальные — сельскохозяйственные.

Рабочее движение в Прибалтике достигло высокого уровня уже в конце XIX в. В 1903 г. образовалась Латышская социал-демократическая рабочая партия, состоявшая почти исключительно из большевиков. Усиленная руссификаторская политика царизма вызвала резкий отпор со стороны пролетариата Литвы, Латвии и Эстонии. Национальная борьба его носила ярко революционный характер и формы. Она выражалась в борьбе за по-

Rigas utschingu fabrikas strahdneekeem un strahdneezem!

Beedri un beedrenes! Mehs strahdajam muhsu fabrika par deenas algu. Bet tam mums [illegible] jà kà prozentu, jo no tà summas [illegible] nostrahdajam wairak par noliktu deenas algu. Otra puse atkal [illegible] fabrikants sawà makà. Fabrikants, kas [illegible] 1½ [illegible] [illegible] muhsu [illegible] ne [illegible] nopelnitàs algas. [illegible] la [illegible] [illegible] Ari [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] prezeti strahdneeki dabon ne prozentus wairak [illegible] [illegible] strahd muhs. Bet fabrikas walde wehl zitadeem [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Laudis [illegible] strahdat [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] strahdneekus [illegible] nostrahdat [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] wairak strahdneeku, tai mums [illegible] [illegible] [illegible] jastrahda! [illegible] zaur to maschinas to zilweku spehks kam [illegible] darba, maschinas [illegible], un mums [illegible] [illegible] algas. [illegible] [illegible] fabrika [illegible] nostrahdat [illegible] [illegible] darbeem, [illegible] [illegible] tikai [illegible]: [illegible] un [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] meistaru [illegible] un samaitat sawu weselibu. [illegible] [illegible] un wentilazijas naw muhsu fabrikà gandrihz neneeku. Zaur to 4 no muhsu darba beedreem [illegible] [illegible], 2 [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] un 2 [illegible] nomirusi. Ja [illegible] muhsu [illegible] beedri [illegible] [illegible] [illegible], tad fabrikas [illegible] naudas [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] taba. [illegible] [illegible] [illegible]! [illegible] [illegible] mums wehl [illegible] [illegible] meistaru un dascheem preekschstrahdneeku [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] meistari Tilgas, Poliskis, Gersdorfs, Bergbinders, Lum[illegible] [illegible] un preekschstrahdneeki Zeilendorfs, Freijs un [illegible] Subiks un Kraftings. Beedri un beedrenes! [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] meistarus un preekschstrahdneekus [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]! [illegible] [illegible] no fabrikas! — Beedri un beedrenes! Mehs strahdajam par [illegible] [illegible] [illegible] 11 stundas deenà un [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] sawu [illegible] weselibu [illegible] un [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] ne [illegible] [illegible] [illegible] un [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], no fabrikas [illegible]? Un tad mums [illegible] [illegible] [illegible], pat [illegible]... [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]? [illegible] [illegible] [illegible] un waldibas [illegible]? Welti! Fabrikanta [illegible] ir [illegible] muhsu [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] muhsu labà [illegible] ne [illegible] [illegible] waldiba mums nekad [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] mums [illegible] gorodowojus, [illegible], saldatus, [illegible] muhsu [illegible] beedrus [illegible]. [illegible] mums [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] un [illegible] [illegible], [illegible] 1) muhsu nopelnità alga [illegible] mums [illegible] [illegible] [illegible] un preekschstrahdneeku no prozenteem tapat daudz, kà mums; 2) lai [illegible] darbs [illegible] [illegible]; 3) lai [illegible] netiktu [illegible] pee [illegible] [illegible] darbeem; 4) lai [illegible] [illegible] [illegible] un wentilazijas; 5) lai [illegible] meistari un preekschstrahdneeki tiktu atlaisti [illegible] [illegible]. Ja fabrikas walde neispildis muhsu prasibas, tad muhsu [illegible] [illegible] [illegible] wehl [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] tikai tad, ja [illegible] [illegible] [illegible]. Beedri [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] un [illegible] sawu [illegible] [illegible] lapinas, proklamazijas un [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] pret kapitalisteem un keisara waldibu. Un [illegible] to ne [illegible] [illegible] laiku, bet [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] sawus [illegible] [illegible] un [illegible]. Tad mums [illegible] [illegible] [illegible] nakotne. Muhsu [illegible] ir [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] un [illegible] waldibai sauzot:

„[illegible] [illegible] muhs [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] —
Mehs [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]!"

Rigà, julijà 1903 g.

Balt. Latw. Soz.-dem. Strahdn. Organisazija.

ВОЗЗВАНИЕ НА ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ РИЖСКОГО С.-Д. КОМИТЕТА

литическое освобождение своей страны, за уничтожение власти баронов, за расширение землепользования крестьян и за улучшение экономического положения рабочих. Застрельщиком борьбы был пролетариат, поддерживаемый бедняцким крестьянством и латышской городской мелкой буржуазией.

Среди пролетариата национально-угнетаемых народов, населявших западные районы, необходимо отметить и роль белорусских и еврейских рабочих.

В Белоруссии капитализм развивался слабее и медленнее, чем в других районах. Страна оставалась по преимуществу крестьянской, с мелкой промышленностью в городах. Пролетариат составлял в массе населения лишь тонкую прослойку. По составу преобладал ремесленный пролетариат. Интенсивная руссификаторская политика самодержавия сказалась на слабом развитии белорусского национального движения. Лишь в 90-х г.г. возникают, по инициативе учащейся молодежи, кружки по изучению Белоруссии и белоруссов, а в 1902 г. — «Белорусская революционная громада», вскоре назвавшаяся социалистической, но по существу остававшаяся мелкобуржуазной организацией с национально-демократической программой. Белорусские рабочие массы в очень слабой степени были вовлечены в этот период в национально-демократическое движение. Но точно так же медленно они просыпались и для классовой борьбы.

Гораздо интенсивнее развивалось еврейское рабочее движение. По своему значению оно занимало после польского рабочего движения первое место. Еврейский пролетариат сосредоточивался в ремесленных предприятиях и мелких производствах, как сапожное, портняжное, щетиночное, щеточное, кожевенное, и т. п. Он был особенно бесправен и угнетаем. Начиная с 80-х г.г., в период господства реакции, издаются одни за другими законодательные ограничения для еврейского населения и особенно для пролетариев-евреев. Черта оседлости, т. е. ограниченности места передвижения, касалась еврейской бедноты, но не буржуазии, которая, как купцы, фабриканты или лица свободных профессий, пользовалась повсюду правожительством. Из воспоминаний Кона, Гурвича, Гожанского и др. видно, что работа революционеров среди еврейских рабочих в 70—80 г.г. шла довольно вяло. Ни революционные народники, ни первые марксисты не надеялись поднять на борьбу эту забитую социальным и национальным гнетом еврейскую рабочую массу. Но уже в 80-х и в 90-х г.г. усиливается забастовочное движение среди еврейского пролетариата, особенно в таких городах, как Белосток, Вильно, Двинск, Минск, Гродно, где еврейский пролетариат был многочисленнее и организованнее. Большую роль в этот период для развития

еврейского рабочего движения сыграла еврейская революционная интеллигенция, знавшая язык народных масс. В еврейском рабочем движении из-за ремесленного состава пролетариата, сильнее, чем среди пролетариата других угнетенных наций, нашли свое отражение националистические тенденции и оформились многочисленные националистические течения и партии.

№ דער וועקער 5.

«ДЕР ВЕКЕР» (ОРГАН БУНДА)

В 1897 г. образовался еврейский рабочий союз «Бунд», который охватывал большой процент еврейских рабочих не только мелкого производства, но и крупной фабричной промышленности Белостока, Лодзи, Варшавы.

«Бунд» в своей программе и в своей деятельности среди рабочих не был последовательно-революционной, классовой пролетарской организацией. Он отражал мелкобуржуазные тенденции в рабочем движении, нашедшие свое наиболее яркое выражение в национализме, который упорно прививался «Бундом» еврейским рабочим и влиял на направление их борьбы. Ленин назвал «Бунд» «непоследовательным сионизмом». Среди еврейских чисто-националистических партий многие из них выступали под флагом социализма и пытались вербовать своих последователей среди еврейских рабочих.

90-е годы были временем интенсивного стачечного движения среди еврейских рабочих западных районов и усиленной экономической борьбы. Именно на этой почве выросла необходимость перехода от кружковой пропаганды к массовой экономической агитации среди пролетариата. Развитие массового рабочего движения и социал-демократического учения создали почву для создания классовой борьбы пролетариата и для более непосредственной увязки национально-освободительных и обще-классовых лозунгов.

А. М. ПАНКРАТОВА

ПРОЛЕТАРИАТ В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 г.г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОЛЕТАРИАТ КАК ГЕГЕМОН РЕВОЛЮЦИИ И РОЛЬ ЛЕНИНА В ОФОРМЛЕНИИ ЭТОЙ ИДЕИ

1. УЧЕНИЕ ЛЕНИНА О ГЕГЕМОНИИ ПРОЛЕТАРИАТА ДО РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

Исторический путь пролетариата с первых лет нового века определяется его активной ролью вождя и руководителя (гегемона) грядущей революции. Это была стоявшая в России на очереди буржуазно-демократическая революция. Задачей близившейся революции была ликвидация феодально-крепостнических отношений в стране и расчистка путей для свободного и быстрого развития капитализма. Ленин постоянно подчеркивал основную задачу новой эпохи — ликвидацию «могучих остатков средневековья», «страшно задерживающих общественное развитие и рост пролетариата». «Эти остатки,—писал Ленин,—абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегия крепостников-помещиков) и подавление национальностей».

Эпоха, в которую вступал пролетариат, была «эпохой начавшейся буржуазно-демократической революции, эпохой пробуждения и обострения национального движения, эпохой возникновения самостоятельной пролетарской партии». Единственной силой, способной наиболее решительно и последовательно разрешить задачи начавшейся революции, являлся пролетариат. Он был подготовлен к этой роли всем предшествующим ходом своего классового созревания. Уже первые этапы пролетарской борьбы в продолжение XIX в. дали право и возможность Плеханову заявить на первом международном конгрессе социалистов (II Интернационала): «Русское революционное движение восторжествует только как революционное движение рабочих».

Но Плеханов и возглавленные им впоследствии меньшевики не делали из этого признания действенных выводов. Только боль-

шевики, под руководством Ленина, признали в пролетариате единственного последовательного и решительного вождя революции. Идея гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции была центральной идеей ленинского учения еще до 1905 г. И в духе этой идеи воспитывались и готовились к революции целые поколения социал-демократических рабочих, составивших основное ядро будущей большевистской партии.

Ленин придавал теории громадное значение.

Революционная социал-демократическая теория создавалась и проверялась посредством тесной связи марксистской теории и рабочего движения. Без этой связи с теорией—одной стихийной силою рабочего движения—пролетариат не мог бы стать во главе революции и разбить после ряда битв в 1917 г. самодержавие.

Наличие революционной теории придавало силу и ускоряло развитие рабочего движения. Но выковывалась такая теория не сразу и не легко. Недаром Ленин подчеркивал: «Марксизм как единственно-правильную революционную теорию Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности, исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».

Ленинская теория в деле большевистского воспитания пролетариата до революции 1905 г. сыграла громадную роль. Ленин в громадной степени содействовал росту классовой зрелости пролетариата и развитию массового рабочего движения в революционном направлении. Он формулировал очередные и общие классовые задачи движения, он руководил стихийно развивающейся борьбой пролетариата, он неуклонно шел по пути организации и сплочения пролетарского авангарда в революционную классовую партию, которая должна была возглавить массовое движение. Как мы уже видели, анализируя рабочее движение 90-х г.г., эта работа была начата Лениным с первых шагов его политической деятельности. Уже в 90-х г.г., в борьбе с народнической идеологией и с различными маскировками буржуазных идеологий под марксизм, Ленин развил основные идеи пролетарского социализма и сформулировал революционные задачи тогда еще молодого рабочего класса. В эти же годы с огромной силой была впервые указана Лениным историческая роль пролетариата, как гегемона революции. В самой ранней работе Ленина «Что такое друзья народа», в ее заключительных строках, содержится пророческое предвидение будущей роли русского рабочего класса:

«Когда, — заканчивает Ленин свою книгу, — передовые представители его (рабочего класса) усвоят идеи научного со-

циализма, идеи об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

В другой его замечательной работе «Что делать» (1902 г.) были еще более широко и конкретно поставлены основные задачи и намечены ближайшие организационные и тактические шаги пролетариата и его авангарда — партии. В этой книге историческая роль пролетариата, как гегемона революции, была показана в плоскости разрешения пролетариатом ближайшей политической задачи — свержения самодержавия.

«История поставила перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции, сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата».

Ход революционных событий в начале нового столетия целиком доказал эти предвидения В. И. Ленина. Ленинская идея о гегемонии пролетариата и роли крестьянства, как его революционного союзника в борьбе против остатков крепостничества, за демократическую революцию, получила свое полное историческое подтверждение на опыте, прежде всего и главным образом, революции 1905—07 г.г.

Ленин уже в 90-х г.г. и много раз позже указывал на наличие в России двух различных и разнородных социальных войн; против крепостничества и против капитализма. При этом он подчеркивал значение для пролетариата его успехов в первой войне — против крепостничества и самодержавия, как важнейшего условия для развертывания борьбы пролетариата за социализм. Пролетариат в революции 1905 г. не ставил себе непосредственно-социалистических задач. Революция 1905 г. по своему экономическому содержанию была буржуазной революцией. Но буржуазия уже не могла играть в ней роли движущей силы, как это было в ранних западно-европейских буржуазных революциях. Связав свои интересы с интересами самодержавия, буржуазия — из страха перед грозным призраком растущего пролетариата — все более

обнаруживала свою неустойчивость, трусость и контр-революционность. В полной и решительной ломке феодально-крепостнических отношений были больше всего заинтересованы пролетариат и крестьянство. Ленин считал главной особенностью русской буржуазной революции 1905 г. именно этот факт заинтересованности в ней крестьянства, как наиболее демократической части буржуазии, при этом неизменно подчеркивая не только руководство пролетариата в демократической революции, но и специфически-пролетарские средства борьбы за революцию (стачка, восстание), против самодержавия. Ленин называл часто революцию 1905 г. буржуазно-крестьянской революцией в том

На классъ рабочихъ и обращаютъ соціалъ-демократы все свое вниманіе и всю свою дѣятельность. Когда передовые представители его усвоятъ идеи научнаго соціализма, идею объ исторической роли русскаго рабочаго, когда эти идеи получатъ широкое распространеніе и среди рабочихъ создадутся прочныя организаціи, преобразующія теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочихъ въ сознательную классовую борьбу, - тогда русскій РАБОЧІЙ, поднявшись во главѣ всѣхъ демократическихъ элементовъ, свалитъ абсолютизмъ и поведетъ РУССКІЙ ПРОЛЕТАРІАТЪ (рядомъ съ Пролетаріатомъ ВСѢХЪ СТРАНЪ) прямой дорогой открытой политической борьбы къ ПОБѢДОНОСНОЙ

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Конецъ,
1894.

ПОСЛЕДНИЕ СТРОКИ ПОДПОЛЬНОГО ГЕКТОГРАФИРОВАННОГО ИЗДАНИЯ РАБОТЫ ЛЕНИНА «ЧТО ТАКОЕ ДРУЗЬЯ НАРОДА», ВЫПУЩЕННОЙ В 1894 ГОДУ

смысле, что содержанием и целью ее было уничтожение помещичьего землевладения и коренное изменение условий жизни крестьянства. Процесс капитализации сельского хозяйства задерживался, прежде всего, наличием крепостнических форм землевладения и сосредоточением всей власти в руках крепостников-помещиков. Доказательством этой задержки развития капитализма в сельском хозяйстве может служить один тот факт, что накануне революции 1905 г. из 53 губерний царской России только в 19 преобладала капиталистическая система сельского хозяйства, в 17 губерниях была смешанная система — капиталистическая и отработочная и в 17—преобладала, главным образом, отработочная. Таким образом, гвоздем революции 1905 г. был аграрно-крестьянский вопрос. От способа его разрешения зависело,

каким путем пойдет дальнейшее капиталистическое развитие России. Оно могло пойти, подобно Пруссии, по пути медленного приспособления феодально-помещичьего землевладения к капитализму и мучительной эксплоатации и разорения крестьянства. Оно могло пойти и другим—американским—путем революционной ломки феодального землевладения и национализации земли, при условии революционно-демократического преобразования политического строя России. Но повести мелкобуржуазное, неустойчивое по своей природе, крестьянство на борьбу за благоприятное для него разрешение аграрного вопроса мог только пролетариат. Только рабочий класс мог обеспечить «плебейскую расправу» со старым порядком, провести национализацию земли, ликвидировать крепостническое самодержавие и установить революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Вот почему уже к началу революции в качестве борющихся сил оформились два блока — пролетариат и крестьянство, с одной стороны, и буржуазно-помещичий блок — с другой. Сила первого — демократического — блока определялась беззаветной решимостью пролетариата бороться до конца и наиболее полно завершить буржуазно-демократическую революцию. Без этого пролетариат не мог успешно вести борьбу за социализм.

Ленин подчеркивал, что именно в годы первой революции пролетариат доказал свое право на гегемонию в общенародной революции:

«Своей геройской борьбой в течение трех лет (1905—07 г.г.) русский пролетариат завоевал себе и русскому народу то, на завоевание чего другие народы потратили десятилетия. Он завоевал освобождение рабочих масс из-под влияния предательского и презренно-бессильного либерализма. Он завоевал себе роль гегемона в борьбе за свободу, за демократию как условие борьбы за социализм».

2. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ ПРОЛЕТАРИАТА КАК ГЕГЕМОНА РЕВОЛЮЦИИ

Конкретно-исторически этот этап созревания пролетариата как гегемона революции начался еще до 1905 г. Он стоит в тесной связи с развитием массового рабочего движения, в котором Ленин намечает три основных перехода. Первый переход — «от «узких пропагандистских кружков к широкой экономической агитации в массе». Разрозненные, в большинстве стихийные, экономические выступления пролетариата 70—80-х г.г. достигают уже такой силы, как стачки петербургских текстильщиков в 1878—79 г.г. или такой организованности, как известная моро-

зовская стачка 1885 г. Именно они подготовили новый этап движения и переход к сознательной пролетарской борьбе 90-х г.г.— к историческим стачкам 1896—97 г.г. Эти стачки были рубежом в массовом рабочем движении. Массовая агитация на почве экономических нужд рабочих увязывал в их сознании экономическую борьбу пролетариата с его политическим положением. Этот переход от стихийного, трэд-юнионистского к сознательному, социал-демократическому движению, в связи с промышленным кризисом 1900-х г.г., обусловил второй этап массового рабочего движения, который Ленин считает переходом «к политической агитации в крупных размерах к открытым уличным демонстрациям».

Этот второй этап, связанный с годами предреволюционного кризиса, привел к третьему переходу — «к настоящей гражданской войне, к восстанию», каким завершилась революционная борьба пролетариата в 1905 г.

«Каждый из этих переходов, — писал Ленин в своей статье «Новые задачи и новые силы»,—подготовлялся, с одной стороны, работой социалистической мысли в одном преимущественно направлении, с другой стороны, глубокими изменениями в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса, пробуждением новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе».

Вовлечение новых слоев пролетариата в политическую борьбу, под руководством партии пролетарского авангарда, расширяло и углубляло буржуазную революцию, ибо только пролетариат мог итти и шел дальше всех других классов в своем стремлении довести революцию до конца. Этим самым закреплялось его руководящее место и его роль вождя в революционной борьбе. Роль пролетариата, как гегемона революции, определялась уже самими историческими условиями, в каких наступала первая буржуазная революция в России. Это была самая поздняя из европейских буржуазных революций. Весь капиталистический мир, а с ним и Россия, уже вступил в эпоху империализма. Революционная роль буржуазии давно отошла в область далекой истории. Пролетариат Европы и Америки вступил уже в борьбу за социалистическую революцию. Но перед пролетариатом России стоял еще этап демократической революции, через который в 1905 г. он не мог перескочить, как этого хотели Парвус и Троцкий, представляя себе задачи революции 1905 г., как задачи социалистические («Без царя, а правительство рабочее»). Ленин поэтому в 1905 г. четко ставил задачу — в случае победы над царизмом— перерастания демократической революции в социалистическую.

В известном документе — «Этапы, направление и перспективы революции», — в котором Ленин дал свою схему перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, он чрезвычайно сжато, конкретно и выпукло нарисовал схему оформления пролетариата в ведущую и руководящую силу революции в годы, предшествующие этой революции.

Ленин писал в первых тезисах этого замечательного документа:

«1) Рабочее движение поднимает пролетариат сразу под руководством РСДРП и будит либеральную буржуазию: 1895—1901/02 г.г.

2) Рабочее движение переходит в открытую политическую борьбу и присоединяет политически проснувшиеся слои либеральной и радикальной буржуазии и мелкой буржуазии 1901/02 — 1905 г.г.

3) Рабочее движение разгорается в прямую революцию, причем либеральная буржуазия уже сплотилась в конституционно-демократическую партию и думает об остановке революции путем соглашения с царизмом, но радикальные элементы буржуазии и мелкой буржуазии (поворачивают) склоняются к союзу с пролетариатом для продолжения революции (1905 г., особенно конец)».

Таковы намеченные Лениным этапы классового созревания пролетариата и таков процесс возрастания его политической роли как вождя и гегемона буржуазно-демократической революции.

Рассмотрим эту ленинскую схему исторического пути пролетариата к революции в свете конкретно-исторических фактов и событий.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС И ПЕРЕХОД ПРОЛЕТАРИАТА К ОТКРЫТОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

1. ОБЩИЙ ОБЛИК ПРОЛЕТАРИАТА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

Что же представлял собою накануне революции 1905 г. рабочий класс, возглавлявший нараставшее революционное движение в стране?

Мы уже указывали, что к началу XX века социальное оформление пролетариата было в основном закончено.

По данным Ленина в 1900—03 г.г. в крупных капиталистических предприятиях 50 губерний Европейской России насчитывалось:

Фабрично-заводских рабочих	1.261.571	чел.
Горных рабочих	477.025	„
Железнодорожных рабочих	468.941	„
Итого	2.207.537	чел.

Вместе с тем продолжалась и усиленная концентрация пролетариата.

В 1903 г. крупные фабрики составляли 17% всех предприятий с 84% всех фабрично-заводских рабочих. В горнозаводской промышленности почти 50% было сконцентрировано в предприятиях, имевших 1.000 и больше рабочих. Такие предприятия собирали вокруг себя наиболее квалифицированных, сознательных, грамотных и передовых рабочих. Но развиваясь в условиях технически и экономически высокой капиталистической системы производства, пролетариат накануне революции еще острее чувствовал политический и классовый гнет феодально-крепостнических отношений, господствовавших в стране и отражавшихся на фабрике. Именно эти условия способствовали такому быстрому и боевому классовому воспитанию пролетариата в бывшей царской империи, какого не знал рабочий класс ни в одной стране. Уже массовое рабочее движение 90-х г.г. показало, что в России возможно рабочее движение, подобное западно-европейскому. Развернувшаяся затем борьба пролетариата в 1900—05 г.г. показала, что это рабочее движение идет дальше западно-европейского, становясь по идеологии революционно-большевистским. Развитие этого нового типа движения, начиная с конца 90-х г.г. и до самой Октябрьской победы пролетариата, шло в теснейшей связи и под неизменным руководством партии пролетарского авангарда (большеви-

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА КОНСПЕКТА ЛЕНИНА «ЭТАПЫ, НАПРАВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕВОЛЮЦИИ».

ков). Базой и опорой партии и рабочего движения были рабочие крупного производства, в первую голову — металлисты. Передовые элементы металлистов были ядром социал-демократических кружков, они становились лучшими с.-д. агитаторами, пропагандистами и организаторами, вносящими организующее и сознательное начало в стихийный ход массового движения. Начиная с 1898 г. металлисты стали принимать активное участие в общепролетарском движении, придавая экономической борьбе оформленный и организованный характер классового движения.

Эта роль металлистов была обусловлена самим производственным положением металлистов. Русская металлургия и машиностроение накануне революции интенсивно развивались. Вместе с тем рос в числе и силе и рабочий класс в металлопромышленности. По характеру производства металлисты крепче оседали на предприятии и быстрее рвали связи с землей, нежели текстильщики. На полевые работы с машиностроительных заводов в среднем уходило всего 2,7% металлистов. У текстильщиков механического производства процент повышался до 3,3%, а у ручных ткачей и красильщиков достигал 72,5%.

Металлисты, как более квалифицированные рабочие, лучше оплачивались и были более сознательными и стойкими в защите своих прав, нежели текстильщики. Численно металлисты стояли на втором месте после текстильщиков: из 2.098 тыс. промышленных рабочих металлистов насчитывалось 370 тыс. и текстильщиков—642.500 чел.

Наряду с металлистами необходимо отметить и активное вступление в борьбу накануне революции 1905 г. железнодорожников. Их появление связано с предшествующими годами интенсивного железнодорожного строительства. Социальный состав железнодорожников отличался чрезвычайной пестротой. Почти третью часть его составляли работники службы пути: рабочие по ремонту, по содержанию и охране путей, сторожа, линейные служащие. Они были разбросаны на огромных пространствах, разрознены, экономически зависимы от дороги и одновременно от земли, которую продолжали обрабатывать, не порывая связи с крестьянством. Второй большой группой железнодорожников были работники службы движения и телеграфа. Здесь выходцев из крестьянской среды было мало. Но и связь их с коренной рабочей массой была незначительна. Большинство движенцев — начальники станций, надсмотрщики и т. п.—составляли представители городской мелкой буржуазии. Еще дальше от пролетариата стояла типично-чиновничья группа работников службы управления. Таким образом, пролетарской по составу была, главным образом, служба тяги: машинисты, кочегары, рабочие мастерских и

депо. В сущности, это были коренные металлисты. К 1905 г. в эту группу входило до 130 тыс. человек, а всего железнодорожников насчитывалось на всех казенных и частных дорогах 702.042 чел. По своему положению и по роли в пролетарской борьбе рабочие мастерских и депо были застрельщиками революционного движения на дорогах, участвуя совместно с металлистами во всех крупнейших классовых боях 1900—04 г.г. Там же, где металлистов не было, эта группа железнодорожных рабочих возглавляла рабочее движение.

В годы, предшествующие революции, втягиваются в борьбу и рабочие новых капиталистических районов. Из них в первую очередь необходимо отметить все возрастающую революционную роль рабочих Донецкого бассейна и нефтеносного Баку.

Приток иностранного капитала и интенсивное железнодорожное строительство способствовали необыкновенно быстрому расцвету этих новых районов.

Каменноугольный Донецкий бассейн воспринял западно-европейские методы эксплоатации земных недр и сохранял феодально-крепостнические методы эксплоатации рабочей силы. Самый состав горнопромышленного пролетариата был еще недостаточно пролетаризирован и состоял на четыре пятых из выходцев из деревни. Текучесть рабочей силы в Донбассе была, вследствие тяжелых условий труда, очень велика. Кадры постоянных горнорабочих в Донецком бассейне оседали медленно. Подобно Донецкому бассейну в стадии накопления рабочих кадров в начале XX в. находился и другой промышленный центр — Баку. Местное население не могло обеспечить рабочей силой быстро растущий новый район. Он питался, главным образом, пришлой рабочей силой. Это были либо выходцы из Персии, Армении и даже Турции, либо крестьяне и рабочие из внутренних губерний России, особенно казанские татары и крестьяне Поволжья.

В результате здесь сформировался пестрый по составу, многонациональный пролетариат, в котором местные рабочие-тюрки составляли не слишком значительную часть, как показывает следующая таблица:

Национальный состав бакинских нефтерабочих:

Русских	20,8%
Армян	22,5%
Местных турок	11,3%
Казанских татар	5,9%
Персов	13,6%
Лезгин	20,3%
Остальных национальностей	5,6%
Итого	100%

Таким образом, огромный процент рабочих нефтяного дела составляли представители различных национальностей, которых вынудили уйти на производство тяжелая нужда, неурожаи и острый политический и национальный гнет. Они исполняли, главным образом, неквалифицированные работы, плохо оплачивались и до революции очень медленно и туго раскачивались на борьбу.

Национальная и колониальная политика господствующего помещичьего класса тяжело ложилась на плечи рабочего класса царских колоний, прибавляя горючий материал и в без того уже возбужденную рабочую массу. В бывшей царской Российской империи положение нерусских рабочих и крестьян было еще хуже, чем русских. На востоке — на Кавказе и в средней Азии рабочие-националы находились в состоянии полного бесправия. Здесь господствовало неприкрытое насилие. В более национально-культурных районах — Украине, Польше, Латвии, Эстонии — притеснение шло, главным образом, по линии политической и культурной. В польских, украинских и латышских школах был запрещен родной язык, рабочие усиленно руссифицировались.

В среду же русских рабочих искусственно и искусно вносилась национальная рознь. Среди отсталых слоев рабочего класса царскими агентами, с целью отвлечения от внутренних непорядков на фабрике и в стране, нередко велась открытая погромная агитация на национальной почве. На Кавказе часто происходили стычки между тюрками и армянами, в Польше—между польскими, русскими и еврейскими рабочими, на Украине — между украинскими, русскими и особенно еврейскими. Антисемитизм являлся одним из распространенных средств отвлечения мало развитой части рабочих от их классовых задач.

Именно такие условия двойного гнета — экономического и национально-политического — создавали из национального пролетариата перед 1905 г. одну из весьма активных сил революции.

Царский гнет помогал туземной буржуазии эксплоатировать национальный пролетариат, и туземная буржуазия становилась, таким образом, участницей колониального грабежа самодержавия, объединяясь с ним в борьбе против рабочего класса. Ту же политику царизм проводил в отношении пролетариата и буржуазии и в других национальных областях. Таким образом, не буржуазия, а пролетариат становился движущей силой начинавшейся национально-освободительной борьбы. Именно эту особенность контр-революционной тактики буржуазии в отношении национально-угнетенных масс рабочих и крестьян подчеркивал В. И. Ленин в своей полемике по национальному вопросу с вождем польских рабочих — Розой Люксембург.

«Россия есть тюрьма народов, — писал Ленин, — не только в силу военно-феодального характера царизма, не только потому, что буржуазия великорусская поддерживает царизм, но и потому, что буржуазия польская и т. д. в интересах капиталистической эксплоатации принесла в жертву свободу нации, как и демократизм вообще».

Таким образом, ко времени революции 1905 г. основные кадры класса-бойца уже почти полностью сформировались. Но процесс политического созревания пролетариата шел очень извилистыми и сложными путями. Неоднородность пролетариата и различная степень его классовой зрелости обусловили и различную степень, разные формы и разные темпы вовлечения рабочих в революцию.

Но уже в самом начале XX в. движение явно стало оформляться не только как движение массовое, но и как движение ярко-политическое. Толчок к этому новому этапу рабочего движения дал промышленный кризис 900-х годов.

2. ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРИЗИС И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА ДО 1905 г.

Начало нового века в России сопровождалось сильнейшим экономическим кризисом. Значение его далеко перерастало рамки обычного кризиса капиталистического перепроизводства. Кризис со всей силой обнаружил серьезнейшие противоречия в развитии русского капитализма. Самым серьезным и самым опасным было противоречие между быстро растущим капитализмом в промышленности и слишком медленно изживающим себя крепостничеством в деревне. Сначала кризис поразил текстильную промышленность с такими центрами, как Москва, Иваново-Вознесенск, Лодзь, Варшава. Но уже к 1901 г. обострился кризис в металлургии, в топливной и особенно в нефтяной промышленности. Неурожай на Украине и в Поволжье явились как бы встречным планом безработицы и разорения, вызванных кризисом. С большой силой он ударил по новым капиталистическим районам, особенно по Донбассу и вообще Украине и по Баку. Массовое увольнение и резкое понижение жизненного уровня рабочих было естественным результатом кризиса.

Русско-японская война, на которую буржуазия возлагала много надежд, этих надежд не оправдала. Наоборот, война еще более дезорганизовала народное хозяйство. Только в тех отраслях, которые работали на военные потребности, на первых порах началось некоторое оживление. Это относится, главным образом, к петербургским и крупным украинским заводам, имевшим воен-

ные и железнодорожные заказы. В 1904 г. кризис стала ощущать вся металлургия в целом. Особенно катастрофическим стало положение в 1904 г. в текстильной промышленности, за исключением немногих предприятий, работавших на оборону.

В металлургии за время кризиса было рассчитано 53% рабочих. Предприятия закрывались. Рабочие партиями увольнялись. Заработная плата сокращалась. Предприниматели стремились заменить сознательных и революционных рабочих «покорными сермягами» из деревни.

Та же картина и в текстильной и в других отраслях промышленности. В Москве и губернии в 1904 г. было совсем закрыто 50 фабрик, из них 43 текстильных. Сократили производство 48 фабрик. Более 25 тыс. рабочих были выброшены на улицу. В Польше перед революцией положение было еще хуже. В одной Лодзи насчитывалось 10 тыс. безработных. Из 350 текстильных предприятий 25% работали по 3 дня в неделю. Годы кризиса приостановили общий численный рост рабочего класса и сократили промышленную армию не менее, чем на 15%.

Кризис оказал громадное влияние не только на условия труда и жизни, но и на революционизирование сознания рабочего класса.

Рабкор «Искры» рисует в № 16 такую картину:

«Теперь сама почва заколебалась под ногами. Мучительно долго тянутся часы, когда приходится стоять перед пустыми тисками. Отойти нельзя, присесть невозможно, — мастер пользуется всяким предлогом, чтобы потянуть к расчету. Рабочий чувствует себя так, как будто он провинился в чем перед мастером. Он не смотрит в глаза мастеру, он знает, что он не нужен более, что он бессилен, что мастер может, как ему угодно, издеваться над ним».

Промышленный кризис быстро разрушал последние остатки иллюзий, связанных с надеждами добиться насущных требований путем экономической борьбы. Каждый день приносил новые доказательства тесной смычки капиталистов и правительства, прямо в глаза били факты их совместного выступления против рабочих. Перед рабочим классом встает вопрос: «Что делать»?

«Бледные, нервные, с блестящими глазами, идут рабочие из вонючих казарм на пыльную фабрику и обратно. Тысячи мыслей сверлят мозг, и нет им ответа. В казармах уже не обращают внимания на сторожей и шпионов: сбиваются в кучи, громко разговаривают, прорываются дикие ругательства. «Что же теперь? Неужели так здесь и околевать придется?» И глухая злоба скопляется в груди. Эти люди на все пойдут, все могут, потому что все смеют»...

Но классовая ненависть не может быть бесплодной и бездейственной. Политическое самосознание в рабочем классе росло и искало выхода в действии, в борьбе. Рабочие охотнее, чем раньше, шли в рабочие кружки. Они искали там ответа на мучительные вопросы и жадно читали революционные листки и брошюры.

«И чем горячее они написаны, чем шире захватывают вопрос о том, что делать, чем определеннее отношение их к столпам существующего беспорядка (к капиталу и к царю), тем больше получает он удовлетворения», — так описывает тот же корреспондент «Искры» этот процесс политического пробуждения массовика-рабочего: «Он действительно родился для новой жизни. Он готов итти на борьбу, ему действительно ненавистен старый строй»...

Участились рабочие стычки с фабрикантами, властями и полицией. Стачки все более входят в обиход русской политической жизни.

Массовое рабочее движение в этот период приобретает ярко-политическую окраску.

Если в период с 1895 по 1900 г. по политическим и вообще вне-экономическим причинам бастовало 3,8% общего числа забастовщиков, то в течение 1901—04 г. г. этот процент повышается до 13,2%.

В 1901 г. впервые массой поднимаются железнодорожники, особенно на южных дорогах. Там рабочие-железнодорожники активное участие принимали в первомайских демонстрациях. В те же годы впервые вступают в борьбу горнозаводские рабочие. В 1899 г. вспыхнула известная стачка на Юзовском руднике. В результате 700 стачечников было выслано на родину без права получения паспортов в течение 3 лет. За Юзовской последовали стачки в Макеевском и Прохоровском рудниках в 1900 г., в Горловке в 1901 г. и др.

Политическое недовольство в рабочем классе усиливало и политическое брожение в других классах. Росли оппозиционные настроения либеральной буржуазии и буржуазной интеллигенции. Радикальная мелкобуржуазная молодежь, — главным образом, студенчество, — стала выходить на улицы. В студенческих демонстрациях 1900—01 г.г. стали принимать участие рабочие, придавая движению размах и упорство, до того невиданное. Исторической стала первомайская демонстрация 1900 г. в Харькове, кончившаяся столкновением с полицией и арестами. В 1901 г. происходили целые битвы рабочих и студентов во время первомайских демонстраций в Москве, Петербурге, Харькове, Екатеринославе и Тифлисе. В связи с демонстрациями происходили и демонстративно-политические стачки на некоторых предприя-

тиях. Особенно значительной была так называемая «Обуховская оборона». Рабочие Обуховского завода в предместьи Петербурга показали образец героической борьбы пролетариата на первых в России уличных баррикадах.

Эта борьба и царский суд после нее над ее участниками — рабочими-обуховцами — произвели громадное впечатление на рабочий класс и еще более усилили рост оппозиционных настроений в стране.

Движение вступило в новую и высшую фазу. В. И. Ленин в своей брошюре «Первые уроки» дал сжатую, но очень яркую «новейшую историю нашего рабочего движения» и особенно ее политического этапа, связанного с демонстрациями 1900-х г.г.

«Почти 20 лет тому назад, в 1885 г.—писал В. И. Ленин в этой статье, написанной в феврале 1905 г., — произошли первые крупные рабочие стачки в центральном промышленном районе, у Морозова и других. Тогда Катков писал о показавшемся на Руси рабочем вопросе... И с какой же быстротой развивался пролетариат, переходя от экономической борьбы к политическим демонстрациям, от демонстрации к революционному натиску!»

Припоминая главнейшие вехи пройденного пути,—морозовскую стачку 1885 г., участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова в 1891 г., петербургскую маевку, стачки 1896—97 г.г. — Ленин делает вывод:

«Стачечному движению во всей России положено прочное основание. Революционная интеллигенция повально становится социал-демократической. Основывается социал-демократическая партия. 1901 год: рабочий идет на помощь студенту. Начинается демонстрационное движение. Пролетариат выносит на улицу свой клич: «Долой самодержавие!»

Политическое пробуждение рабочего класса продолжалось и в 1902 г. Он организует и толкает на борьбу с самодержавием все оппозиционные элементы.

Созданная в этот период Лениным газета «Искра», объединившая вокруг себя всех сторонников революционного марксизма, четко и решительно поставила вопрос о самостоятельной роли пролетариата в революции. Весной 1902 г. разгорелись бурные аграрные волнения в деревне. На очередь становилась крестьянская революция. Организовать и возглавить ее мог только рабочий класс.

Крестьянское движение было особенно сильно на Украине — в Харьковской и Полтавской губерниях. В 1900 г. в России было 56 крестьянских волнений, в 1901 г.—100 и в 1902 г.—680. Крестьянское движение даже по времени совпадало с ростом рабочего движения.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРИЗИС 1900—1902 г.

ТАБЛИЦА РАЗВИТИЯ АКЦИОНЕРНОГО ДЕЛА В РОССИИ.

СОКРАЩАЕТСЯ ЧИСЛО ВНОВЬ ОТКРЫВАЕМЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ И ОБЩИЙ ПРИРОСТ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА НАШИХ АКЦИОНЕРН. ОБЩЕСТВ.

КРИЗИС В КАМЕННОУГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

ЦЕНА НА РЯДОВОЙ УГОЛЬ:

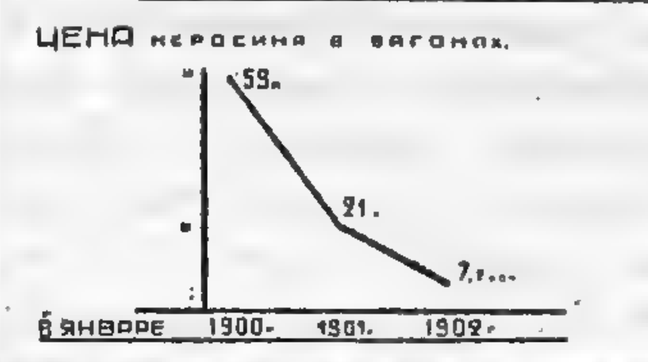
1900 г. — 9[illegible] к. за пуд

1902 г. — 6[illegible]7 к.

С 1896 г. по 1900 г. В СРЕДНЕМ ДОБЫЧА УГЛЯ В ГОД УВЕЛИЧИЛАСЬ НА 99 милн пудов
В 1901 г. УВЕЛИЧ. ВСЕГО НА 5,8 млн. п.
В 1902 г. ПАЛА НА 10,6 млн. п.

КРИЗИС В НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ПАДЕНИЕ ЦЕН НА КЕРОСИН

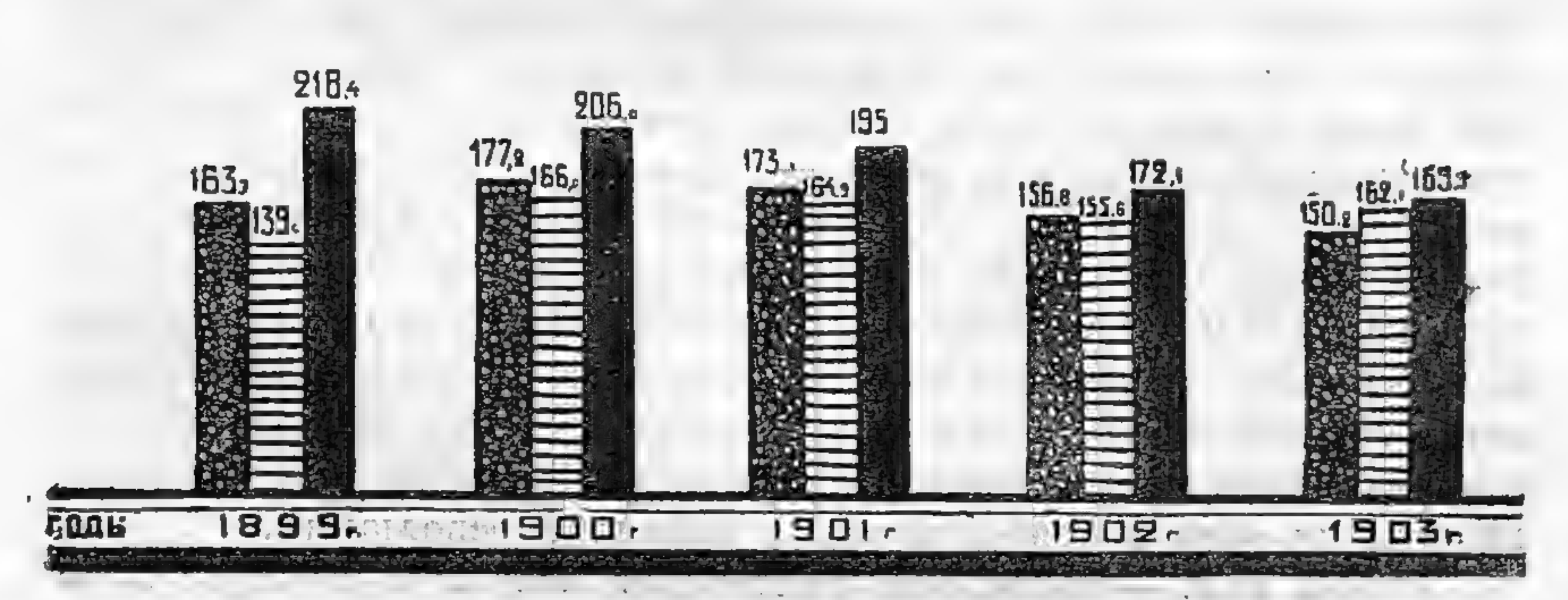


КРИЗИС В МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

ЖЕЛЕЗНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ПРОИЗВОДСТВО
ЖЕЛЕЗО
ЧУГУН — В МИЛЛИОН. ПУДОВ.

ВИДИМОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ ЧУГУНА.



В 1902 г. произошли значительные майские демонстрации в Баку, Харькове, Сормове, Саратове, Тифлисе, в Польше, Белоруссии и др. Но самым важным событием 1902 г. была забастовка в Ростове-на-Дону. В ней приняли участие 30 тыс. рабочих не только Ростова, но и Екатеринодара, Ставрополя, станции Тихорецкой, Батайской и др. Возглавляли стачку металлисты и железнодорожники. Стачка проходила под непосредственным руководством социал-демократии и превратилась в мощную политическую демонстрацию.

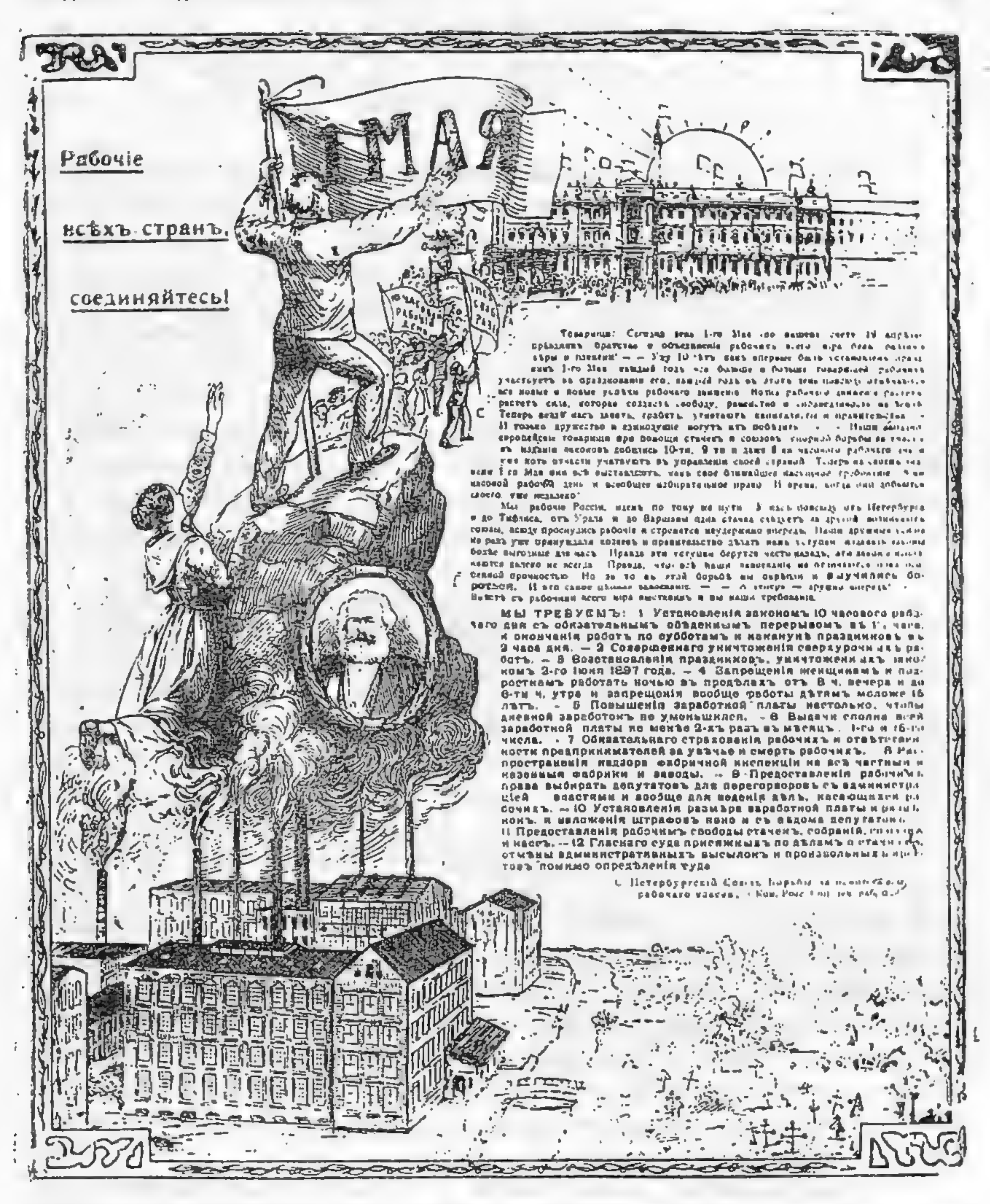
Ростовская стачка была историческим рубежом нового этапа в рабочем движении. Ею как бы завершался демонстрационный период и начинался третий период, как его характеризовал Ленин,—с переходом «от политической агитации и уличных демонстраций к массовой организованной борьбе»,—«к настоящей гражданской войне, к восстанию».

Этот этап закончился массовой революционной стачкой, перешедшей в вооруженное восстание в декабре 1905 г.

Особенно выдающимся событием на этом новом этапе была всеобщая стачка в летние месяцы 1903 г. Она охватила всю Украину, Кавказ и Крым. Это была первая массовая стачка, когда от изолированных выступлений отдельных отрядов пролетариат стал переходить к массовой общенациональной борьбе.

Движение началось в Баку и Одессе и скоро распространилось по всему югу бывшей царской империи. В стачке участвовало не менее 200 тыс. рабочих. Застрельщиками были также металлисты и железнодорожники. Бастовавшие рабочие пытались поднять и окрестных крестьян. В деревню посылались агитаторы и представители от рабочих. Отчет Екатеринославского комитета РСДРП отмечает, что в ряде селений крестьяне обещали поддержать рабочих и присоединиться к ним после уборки урожая. Под влиянием стачек развернулись новые политические демонстрации, в которых оппозиционно-настроенные элементы общества выражали свое сочувствие рабочим. Руководство борьбой сразу перешло в руки социал-демократии. Ее политическая программа стала программой всего движения. В требованиях повсюду повторялись: 8-часовой рабочий день и политические свободы (свобода собраний, стачек, слова, печати и т. п.). «Искра», оценивая значение всеобщей стачки 1903 г., указывала, что она была «новым и чрезвычайно сильным ударом по царизму». Ленин в упоминавшейся уже нами статье: «Первые уроки»» также отмечал политическое значение стачек 1902—03 г. и особенно оттенял их роль в приближении и развитии революции:

«1902 год: — громадная ростовская стачка превращается в выдающуюся демонстрацию. Политическое движение пролета-



МЫ ТРЕБУЕМЪ: 1 Установленія закономъ 10 часового рабочаго дня съ обязательнымъ обѣденнымъ перерывомъ въ 1½ часа, и окончанія работъ по субботамъ и наканунѣ праздниковъ въ 2 часа дня. — 2 Совершеннаго уничтоженія сверхурочныхъ работъ. — 3 Возстановленія праздниковъ, уничтоженныхъ закономъ 2-го іюня 1897 года. — 4 Запрещенія женщинамъ и подросткамъ работать ночью въ продѣлахъ отъ 8 ч. вечера и до 6-ти ч. утра и запрещенія вообще работы дѣтямъ моложе 16 лѣтъ. — 5 Повышенія заработной платы настолько, чтобы дневной заработокъ не уменьшился. — 6 Выдачи сполна всей заработной платы не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ, 1-го и 16-го числа. — 7 Обязательнаго страхованія рабочихъ и отвѣтственности предпринимателей за увѣчье и смерть рабочихъ. — 8 Распространенія надзора фабричной инспекціи на всѣ частныя и казенныя фабрики и заводы. — 9 Предоставленія рабочимъ права выбирать депутатовъ для переговоровъ съ администраціей, властями и вообще для веденія дѣлъ, касающихся рабочихъ. — 10 Установленія размѣра заработной платы и расцѣнокъ, и наложенія штрафовъ явно и съ вѣдома депутатовъ. 11 Предоставленія рабочимъ свободы стачекъ, собраній, союзовъ и кассъ. — 12 Гласнаго суда присяжныхъ по дѣламъ о стачкахъ, отмѣны административныхъ высылокъ и произвольныхъ арестовъ помимо опредѣленія суда.

С.-Петербургскій Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

риата не примыкает уже к интеллигентскому студенческому движению, а само вырастает непосредственно из стачки. Участие организованной революционной социал-демократии еще более активное. Пролетариат завоевывает для себя и для революционных социал-демократов **своего** комитета свободу массовых уличных собраний. **Пролетариат впервые противопоставляет себя как класс всем остальным классам и царскому правительству**»...

В отношении стачек 1903 г. Ленин не только подчеркивал эту же их политическую роль на более широком базисе, но и новые формы стачечной борьбы — перерастание стачки в восстание:

«1903 год: опять стачки сливаются с политической демонстрацией, но на еще более широком базисе. Стачки охватывают район, в них участвуют более сотни тысяч рабочих, массовые политические собрания повторяются во время стачек в целом ряде городов, чувствуется, что мы накануне баррикад»...

И в конце статьи Ленин делает вывод: «В общем и целом. стачечное и демонстрационное движение соединялось одно с другим в различных формах и по различным поводам, росло вширь и вглубь, становясь все революционнее, подходя все ближе и ближе на практике к всенародному вооруженному восстанию, о котором давно говорила революционная социал-демократия».

Рост рабочего движения ставил под угрозу существование самодержавия.

Начавшаяся в 1904 г. русско-японская война еще более усилила революционное движение рабочих и крестьян, отражаясь на состоянии и на настроениях армии. Война мобилизовала недовольство широких рабочих, крестьянских и солдатских масс и ускоряла революцию. Пролетариат даже в самом начале войны не был настроен «патриотически». В ходе же войны он еще более понял, что война несет ему только дальнейшее ухудшение его экономического положения и еще большее политическое бесправие. Война убедила его, что поражение армии — это поражение царизма и путь к свободе. Вот почему два лозунга: «Долой войну!» и «Долой самодержавие!» слились для рабочего класса в одну программу, вокруг которой он мобилизовал не только свои силы, но и массы крестьян и солдат.

Рост демонстраций против войны со стороны рабочего класса с ноября 1904 г. принимает внушительные размеры. Распространение мобилизации на промышленные районы усиливает приток рабочих в армию и рост в ней антивоенных и пораженческих настроений и выступлений.

Таким образом, сознательные и активные выступления пролетариата разбудили от общественной спячки самые широкие слои общества. Даже среди либеральной буржуазии стали раздаваться робкие требования «конституции». Началась правительственная «весна». На банкетах и собраниях левых земцев и других представителей либеральной буржуазии выносились петиции к царю с просьбами о даровании «свободы». Меньшевики поддерживали земцев и требовали участия рабочих в банкетной земской кампании. Большевики резко возражали против этого и

Россійская
Соціалдемократическая
Рабочая Партія

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя"
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Предпринимая изданіе политической газеты — „Искра", мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, къ чему мы стремимся и какъ понимаемъ свои задачи.

Мы переживаемъ крайне важный моментъ въ исторіи русскаго рабочаго движенія и русской соціалдемократіи. Послѣдніе годы характеризуются поразительно быстрымъ распространеніемъ соціалдемократическихъ идей среди нашей интеллигенціи, а на встрѣчу этому теченію общественной мысли идетъ самостоятельно возникшее движеніе промышленнаго пролетаріата, который начинаетъ объединяться и бороться противъ своихъ угнетателей, начинаетъ съ жадностью стремиться къ соціализму. Кружки рабочихъ и соціалдемократовъ интеллигентовъ появляются повсюду, распространяются мѣстные агитаціонные листки, растетъ спросъ на соціалдемократическую литературу, далеко обгоняя предложеніе, а усиленныя правительственныя преслѣдованія не въ силахъ удержать этого движенія. Биткомъ набиты тюрьмы, переполнены мѣста ссылки, чуть не каждый мѣсяцъ слышно о „провалахъ" во всѣхъ концахъ Россіи, о поимкѣ транспортовъ, о конфискаціи литературы и типографій, но движеніе все растетъ, захватываетъ все большій районъ, все глубже проникаетъ въ рабочій классъ, все больше привлекаетъ общественное вниманіе. И все экономическое развитіе Россіи, вся исторія русской общественной мысли и русскаго революціоннаго движенія ручаются за то, что соціалдемократическое рабочее движеніе будетъ расти несмотря на всѣ препятствія и въ концѣ концовъ — преодолѣетъ ихъ.

Но, съ другой стороны, главная черта нашего движенія, которая особенно бросается въ глаза въ послѣднее время, — его раздробленность, его, такъ сказать, кустарный характеръ: мѣстные кружки возникаютъ и дѣйствуютъ независимо другъ отъ друга и даже (что особенно важно) независимо отъ кружковъ, дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ въ тѣхъ же центрахъ; не устанавливается традиціи, нѣтъ преемственности, и мѣстная литература всецѣло отражаетъ раздробленность и отсутствіе связи съ тѣмъ, что уже создано русской соціалдемократіей.

Несоотвѣтствіе этой раздробленности съ запросами, вызываемыми силою и широтой движенія, создаетъ, по нашему мнѣнію, критическій моментъ въ его развитіи. Въ самомъ движеніи съ неудержимой силой сказывается потребность упрочиться, выработать опредѣленную физіономію и организацію, а между тѣмъ въ средѣ практически дѣйствующихъ соціалдемократовъ необходимость такого перехода къ высшей формѣ движенія сознается далеко не вездѣ. Въ довольно широкихъ кругахъ наблюдается, наоборотъ, шатаніе мысли, увлеченіе модной „критикой марксизма" и „бернштейніадой", распространеніе взглядовъ такъ называемаго „экономическаго" направленія и въ неразрывной связи съ этимъ — стремленіе задержать движеніе на его низшей стадіи, стремленіе отодвинуть на второй планъ задачу образованія революціонной партіи, ведущей борьбу во главѣ всего народа. Что подобнаго рода шатаніе мысли наблюдается среди русскихъ соціалдемократовъ, что узкій практицизмъ, оторванный отъ теоретическаго освѣщенія движенія въ его цѣломъ, грозитъ совратить движеніе на ложную дорогу, это фактъ; въ этомъ не могутъ усомниться люди, непосредственно знакомые съ положеніемъ дѣлъ въ большинствѣ нашихъ организацій. Да есть и литературныя произведенія, подтверждающія это: стоитъ назвать хотя бы „Credo", вызвавшее уже вполнѣ законный протестъ, „Отдѣльное приложеніе къ Рабочей Мысли (сент. 1899)", столь рельефно выразившее тенденцію, проникающую всю газету „Рабочая Мысль", или наконецъ — воззваніе петербургской „Группы Самоосвобожденія Рабочаго Класса", составленное въ духѣ того же „экономизма". И совершенно невѣрно утвержденіе „Рабочаго Дѣла", что „Credo" представляетъ собою не больше какъ мнѣніе единичныхъ лицъ, что направленіе „Рабочей Мысли" выражаетъ лишь сумбурность и безтактность ея редакціи, а не особое направленіе въ самомъ ходѣ русскаго рабочаго движенія.

А рядомъ съ этимъ въ произведеніяхъ писателей, которыхъ читающая публика, съ большимъ или меньшимъ основаніемъ, считала до сихъ поръ видными представителями „легальнаго" марксизма, все болѣе и болѣе обнаруживается поворотъ къ воззрѣніямъ, сближающимся съ буржуазной апологетикой. Результатомъ всего этого и является тотъ разбродъ и та анархія, благодаря которымъ эксъ-марксистъ или вѣрнѣе эксъ-соціалистъ Бернштейнъ, перечисляя свои успѣхи, могъ печатно заявить, не встрѣчая возраженій, будто большинство дѣйствующихъ въ Россіи соціалдемократовъ состоитъ изъ его послѣдователей.

Мы не хотимъ преувеличивать опасность положенія, но закрывать на нее глаза было бы неизмѣримо вреднѣе; вотъ почему мы отъ всей души привѣтствуемъ рѣшеніе „Группы Освобожденія Труда" возобновить ея литературную дѣятельность и начать систематическую борьбу противъ попытокъ извращенія и опошленія соціалдемократизма.

Практическій выводъ изъ всего этого такой: мы, русскіе соціалдемократы, должны сплотиться и направить всѣ усилія на образованіе крѣпкой партіи, борющейся подъ единымъ знаменемъ революціонной соціалдемократіи. Именно эта задача была намѣчена уже Съѣздомъ 1898 года, образовавшимъ Россійскую Соціалдемократическую Рабочую Партію и опубликовавшимъ ея Манифестъ.

Мы признаемъ себя членами этой партіи, вполнѣ раздѣляемъ основныя идеи „Манифеста" и придаемъ ему важное значеніе, какъ открытому заявленію ея цѣлей. Поэтому для насъ, какъ членовъ партіи, вопросъ о ближайшей и непосредственной нашей задачѣ ставится такимъ образомъ: какой планъ дѣятельности должны мы принять, чтобы достигнуть возможно болѣе прочнаго возобновленія партіи?

Обычный отвѣтъ на этотъ вопросъ состоитъ въ томъ, что необходимо снова выбрать центральное учрежденіе и поручить ему возобновить органъ партіи. Но въ переживаемый нами періодъ разброда такой простой путь едва-ли былъ бы цѣлесообразенъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ «ИСКРА», НАПИСАННОЕ ЛЕНИНЫМ И ВЫПУЩЕННОЕ ОТДЕЛЬНЫМ ЛИСТКОМ В 1900 ГОДУ

требовали самостоятельной борьбы пролетариата против самодержавия. Большевики стояли за самостоятельную организацию рабочего класса и за союз с крестьянством в борьбе против помещиков и царя. Во главе этой политической борьбы пролетариата стоял Ленин и созданная им в заграничной эмиграции в конце 1900 г. первая обще-русская социал-демократическая га-

зета «Искра». Значение «Искры» для оформления революционной идеологии рабочего движения было огромно. «Искра» поставила перед революционными социал-демократами задачу завоевания и революционного воспитания рабочих масс. Ленин так формулировал эту задачу: «Внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную со стихийным рабочим движением».

«Искра» неуклонно боролась за осуществление этой задачи. Она открыла самую решительную борьбу против «экономизма» и неустанно доказывала неразрывную связь экономической и политической борьбы пролетариата. Под влиянием «Искры» трэд-юнионистские настроения в рабочих массах стали изживаться. Этому содействовал и развернувшийся промышленный кризис. Окончательный же удар экономизму в его теоретической и программно-тактической части нанесла брошюра Ленина «Что делать», имевшая громадное значение для оформления идеологии пролетариата.

Рост революционно-политических настроений в пролетариате внес беспокойство в буржуазно-помещичьи круги. Забило тревогу и правительство. Наиболее дальновидные агенты самодержавия поставили вопрос о средствах изъятия масс из-под влияния революционных партий. Одним из таких средств была зубатовщина, известная также под именем «полицейского социализма». Это был своеобразный правительственный «экономизм». Начальник московского охранного отделения Зубатов, спекулируя на экономических нуждах рабочих масс, ставил своей целью «сообразовать» цели рабочих «с целями русского самодержавия». Его расчет строился на неизжитых в отсталых слоях рабочих иллюзиях и надеждах на царя и его милость. Правительство, говорил Зубатов, должно взять на себя инициативу «в деле улучшения бытовой жизни рабочего».

«От добра добра не ищут: получая удовлетворение из рук правительства, зачем массе итти против него и слушать говорунов? Смысла нет. Итак, побольше веры в массу, она не выдаст. Будем ее прикармливать, и она — наша», так рассуждал Зубатов в своей докладной записке начальству в сентябре 1900 г. Свою программу он попытался проводить особенно в трех центрах: в Москве, Минске и Одессе. Но расчет был построен без хозяина. Рабочие массы требовали действий, и зубатовские организации логикой вещей вынуждены были не только вмешиваться в конфликты с предпринимателями, но и организовывать стачки. «Мир в промышленности», какого добивались зубатовцы одновременно с «охраной порядка» и подкреплением самодержавия,

был нарушен. Превратить рабочие союзы в ячейки охранки не удалось. «Царистская рабочая партия», как называли иногда зубатовские организации, потерпела полный крах. Вершиной ее успеха была патриотическая манифестация 19 февраля 1902 г.,

для организации которой охранка затратила на подкуп отсталых рабочих и на покупку венка до 100 тыс. рублей. Все же среди 50 тыс. участников манифестации были и монархически-настроенные рабочие.

Нужен был такой серьезный «предметный урок», как кровавое девятое января, чтобы подорвать надежды на царя и его «милосердие» даже в самых отсталых рабочих массах. Вскоре борьба против самодержавия стала всеобщей политической программой пролетариата. Ленин писал об этом в прокламации 1 мая 1904 г. «Прошли те времена, когда рабочий покорно гнул спину, не видя выхода из своего подъяремного житья, не видя света в своей каторжной жизни... Рабочие поняли, какой злой и темной силой является царское самодержавие... Клич «долой самодержавие!» пронесся по всей России»...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОЛЕТАРИАТ ВО ГЛАВЕ ОБЩЕНАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. СОБЫТИЯ 9 ЯНВАРЯ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

9 января положило начало революции.

В этот день были расстреляны не только многие иллюзии, связанные с надеждой на царя, в рабочих массах, но стало ясно и полное крушение экономизма: другого пути, кроме политической борьбы с самодержавием, у пролетариата не оставалось в его стремлении к улучшению своего экономического положения.

Об этом еще до 9 января говорил и опыт крупнейших стачек накануне революции, особенно бакинской (в декабре 1904 г.) и путиловской (первые дни января 1905 г.). Декабрьская стачка в Баку, вспыхнувшая на почве безработицы, показала невозможность экономической борьбы в условиях смычки царизма и буржуазии и превратилась во всеобщую политическую стачку. 30 тыс. дружно забастовавших рабочих, под руководством социал-демократии. в своей борьбе выработали такую программу действий, в которой уже был учтен боевой опыт пролетарского авангарда и которая стала политической платформой движения после 9 января

Екатер.
Февр.
18-II-03

Екатерин. ком. просит поместить в „И." след. заявление

„Всего 2 года прошло со времени появления „И.", и за этот сравнительно короткий промежуток времени ею сделано не мало.

(Ожесточенная борьба с экономизмом и свойствен. ему шатаньем в области револ. мысли и практики, яркая критика других несоциалистич. течений, борьба с националистич. увлечениями в нашей партии, ~~будирование~~ будить мысль революционера, призыв к широкому размаху револ. работы, вот славная и вместе с тем сложная и трудная работа, выполнявшаяся все время И.

(И если теперь мы можем

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ РАБОЧИХ В «ИСКРУ»
С оригиналов, сохранившихся в архиве «Искры»

Из Донецкого бассейна

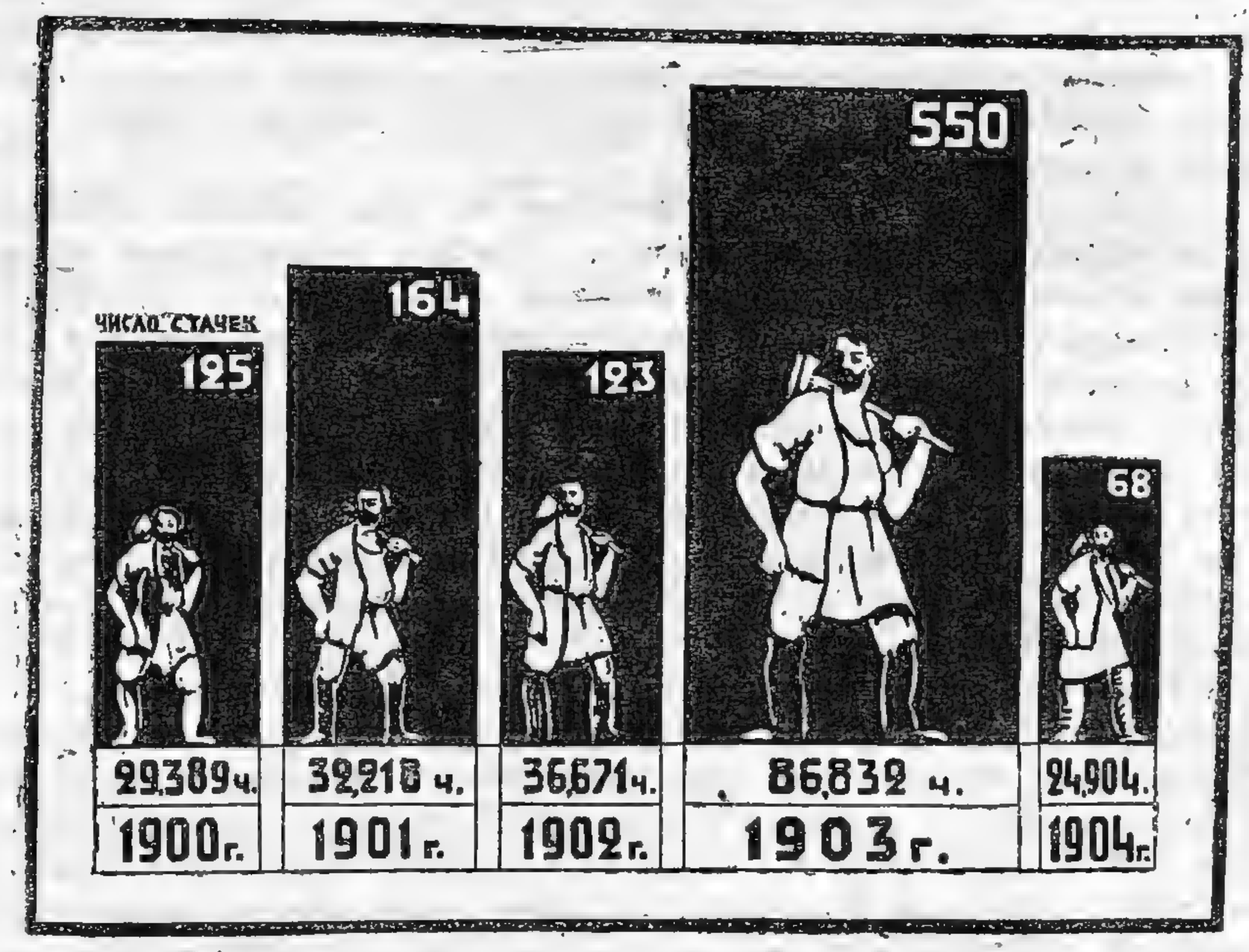
Речь произнес на сходке стачечник [illegible] перед конторой завода [illegible]

Пол. [illegible] на № 10

Братья! Настал великий момент в нашей жизни. Еще вчера мы безропотно гнули свои спины, покорно сносили издевательства и гнет нашей заводской администрации; еще вчера нас-рабочих приравнивали к вьючным животным, которым дано [illegible] всего мало [illegible] не давать даже сопротивляться. Наконец-же мы вот, как один человек, бросили работу больше не хотим подставлять спины под бич наших кровопийцев и злых мастеров. Мы требуем лучшей жизни! Когда мы работали еще по старым расценкам, то уже тогда мы должны были „гнать" работу из всех сил, не хватало даже на обед, а тут еще стали [illegible] на [illegible] и прогуливали свой скудный обед. Мы сплотились... Каждый потерянный час, минута грозит нашему жалкому заработку, грозит голодом нашим

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ РАБОЧИХ В «ИСКРУ»
С оригиналов, сохранившихся в архиве «Искры»

Стачка на Путиловском заводе началась 3 января 1905 г. тоже с предъявления экономических требований. Но она же была и стачкой солидарности. Путиловцы требовали возврата уволенных рабочих, принадлежавших в гапоновской организации и своими выступлениями на заводе обеспокоивших администрацию. Требование путиловцев было поддержано рабочими большинства петербургских фабрик и заводов. В течение двух дней общее чи-



ОБЩЕЕ ЧИСЛО СТАЧЕК И ОХВАЧЕННЫХ ИМИ РАБОЧИХ С 1900 ПО 1904 Г.

сло забастовщиков достигло огромной цифры в 140 тыс. чел. Рабочие требовали борьбы с фабрикантами и надеялись на заступничество царя. Эту доверчивую веру в царя и хотели использовать руководители «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» и направить движение рабочих на путь мирной экономической борьбы. Но движение быстро переросло положенные ему гапоновской организацией рамки и превратилось в событие огромной политической важности, положив начало первой русской революции.

Гапон хотел продолжать дело Зубатова. Он и лично был с ним связан и получил от него связи с высшими слоями царских чиновников, когда Зубатов был отставлен. Ряса священника была его защитным цветом и делала его более неуязвимым в глазах

простодушно-доверчивой и настрадавшейся рабочей массы, чем откровенный чиновничий мундир агента государственной полиции. Свою задачу развития зубатовских идей Гапон формулировал в записке в департамент полиции осенью 1904 г. довольно полно и выразительно:

«Сущность основной идеи,—писал Гапон,—заключается в стремлении свить среди фабрично-заводского люда гнезда, где бы Русью, настоящим русским духом пахло, откуда бы вылетали здоровые и самоотверженные птенцы на разумную защиту своего царя, своей родины и на действительную помощь своим братьям-рабочим»...

Организации Гапона раскинулись по всем районам столицы и насчитывали до 10 тыс. рабочих. Ячейки гапоновского общества находились во всех крупнейших предприятиях. Слабость социал-демократии, ее внутрипартийная борьба, отвлекавшая силы революционных социал-демократов, не мало содействовала росту гапоновской организации. Из революционных партий Гапон был связан с эсерами и отчасти с меньшевиками. Большевики же пользовались малейшей возможностью для разоблачения очередной полицейской провокации. Но массы пока безгранично верили Гапону и нередко гнали социал-демократов, являвшихся на собрания.

Однако политическая атмосфера все более раскалялась. Рабочие требовали действий. Гапон пытался оттянуть момент выступления и придать ему возможно более умеренный характер. 5 января 1905 г. в разгар путиловской стачки Гапон вынужден был, при участии рабочих социал-демократов, выработать проект петиции, с которой 9 января рабочие двинулись на дворцовую площадь. Петиция состояла из трех частей: 1) меры против невежества и бесправия русского народа, 2) меры против нищеты народной и 3) меры против гнета капитала над трудом.

Петиция начиналась обращением к царю:

«Государь! Мы, рабочие и жители г. С.-Петербурга, разных сословий, наши жены и дети и беспомощные старцы родители пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать»...

Описывая бесправное положение рабочих, петиция подчеркивала цель своего обращения к царю, как к последнему спасению:

«Тут мы ищем последнего спасения, не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось

с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобою».

Конец петиции звучал глухой угрозой:

«Не отзовешься на нашу мольбу,—мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше итти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или — в могилу»...

Однако нельзя изображать эту петицию как мирное прошение царю. Уже в этой петиции, как и в самом факте массовой уличной манифестации, имевшей целью добиться от царя прав

Разборъ шифрованной телеграммы изъ Златоуста
отъ Начальника Жандарм. Управл.
на имя Г. Директора

за № 193

подана „13„ сего } мар 1903 г. „4„ ч. „30„ м. по полудни ~~по полуночи~~
получена „14„ сего 1903 г. „2„ ч. „20„ м. ~~по полудни~~ по полуночи

Безпорядки Златоустѣ приняли серьезный оборотъ, толпа требовала освобожденія трехъ арестованныхъ, осаждала полицейское управленіе, квартиру Ротмистра Долгова, горнаго начальника, у котораго выбила стекла, ломала двери. Войска стрѣляли, убито 28, ранено более 50ти изъ толпы легко ранили помощника исправника и жандарма Изергина.

Полковникъ Шатовъ

РАЗБОР ШИФРОВАННОЙ ТЕЛЕГРАММЫ НАЧАЛЬНИКА ЗЛАТОУСТИНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ОТ 13 МАРТА 1903 Г.

для рабочих и улучшения их экономического положения, был огромный революционный смысл.

Недаром так грозно и единодушно масса на вопрос: «А что, если царь окажется не за нас?» отвечала: «Тогда у нас нет царя!»

Расстрел 9 января, произведенный по всем правилам военного искусства, расстрел не случайный, а организованный и подготовленный, должен был убедить даже самые искренно монархически настроенные массы, что — царь, действительно, не с рабочими, а с фабрикантами — против рабочих. Предметный урок обошелся дорого: многие сотни жертв (число пострадавших исчисляется от 800 до 1.000 чел.) покрыли царскую площадь своими телами, но в ответ уже вечером 9 января рабочие покрыли баррикадами рабочие кварталы. Вместо наивной веры выросла пролетарская ненависть. Если бы в руках рабочих было оружие, пролетарский Петербург был бы свидетелем революционного скачка — от шествия с иконами и молитвами утром к царю — к вооруженному восстанию вечером против царя.

Оружия не было. Оставался один ответ: всеобщая стачка. 9 января бастовало в Петербурге 111 тыс. рабочих, 10-го — 125 тыс. Только в дни декабрьского вооруженного восстания в Москве наблюдалась более полная всеобщая забастовка.

События 9 января пробудили к революционной борьбе и политической активности самые глухие углы бывшей империи. Революционный подъем в стране достиг сразу небывалой высоты. Никогда рабочее движение не принимало такого бурного и яркополитического характера, как в январские дни.

11 января забастовка из Петербурга и Москвы перенеслась в провинцию, захватила Центральный промышленный район, перекинулась в рабочие массы Поволжья, огнем протеста зажгла рабочий класс национально-угнетаемых районов — Кавказа, Украины, Прибалтики, Польши.

Наибольшую активность в январском движении проявляли металлисты и железнодорожники. На втором месте стояли текстильщики. Громадного размаха достигло движение в Польше. Здесь стачки принимали характер восстания. Движение в Польше, в Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии, на Украине, в Грузии принимало все более и более политический характер. Социал-демократическая партия росла вместе с рабочим классом, превращаясь в массовую боевую организацию. Уже январские бои ставили вопрос о переходе к высшим формам борьбы, к всеобщей политической стачке и вооруженному восстанию. Об этом свидетельствовала и напряженность стачечной борьбы, и столкновения с войсками и полицией, и первые баррикады в Петербурге, в

ЧТЕНИЕ ПЕТИЦИИ ГАПОНОМ В «ОТДЕЛЕ Ф.-З. РАБОЧИХ» ЗА НЕВСКОЙ ЗАСТАВОЙ

Польше, на Кавказе. Всего в январские дни бастовало по империи 440 тыс. человек. Один месяц революции дал в 10 раз больше забастовщиков, чем год борьбы за предшествующее десятилетие (1895—04 г.г.), когда в год в среднем бастовало по 43 тыс. человек. Революция наступала, царизм дрогнул.

2. СТАЧЕЧНАЯ БОРЬБА ПРОЛЕТАРИАТА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ХОД РЕВОЛЮЦИИ В ДЕРЕВНЕ И АРМИИ

События 9 января были прологом гражданской войны в России. Оценивая их значение, Ленин писал:

«Рабочий класс получил великий урок гражданской войны. Революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг геройского петербургского пролетариата: «Смерть или свобода!» эхом перекатывается по всей России. События развиваются с поразительной быстротой... Революция разрастается»...

Орудием этой нараставшей революции была с т а ч к а.

В революции 1905 г. пролетариат обнаружил небывало мощную стачечную энергию. Стачка захватила и подняла на борьбу не только самые отсталые слои рабочих, но и широкие

массы крестьян, солдат, матросов, мелкобуржуазной городской интеллигенции, особенно учащейся молодежи и широких слоев трудящихся в национально-угнетаемых районах царской империи. Таким образом пролетариат стал во главе развернувшейся общенациональной революции. Приливы и отливы революционного напора в стране совпадали с подъемом и спадом стачечной борьбы пролетариата, который вел на штурм самодержавия все другие классы. Стачечная же борьба пролетариата развивалась неравномерно и шла как бы волнами, характеризовавшими степень обострения политической борьбы в стране.

Ленин в статье «О статистике стачек в России» писал о закономерности такого совпадения: «Если подъем стачечной волны—указывал он — не означает общего социально-политического подъема, то при ближайшем рассмотрении оказывается, что не было и стачечной волны, а была одиночная стачка-демонстрация».

В отношении 1905 г. можно сказать, что стачка-демонстрация дореволюционного периода быстро превращалась в массовую революционную стачку. В ней сочеталась вся совокупность экономических и политических стачек, охвативших все районы страны и все отрасли промышленности. Стачечная борьба разлилась четырьмя неравномерными волнами. Первая волна захватила январь-апрель и дала 659,4 тыс. стачечников. Она была вызвана событиями 9 января и являлась их непосредственным политическим результатом.

Вторая волна падала на весенние и летние месяцы и дала почти вдвое меньшее количество стачечников — 362,6 тыс. Весеннее движение характерно втягиванием в борьбу наиболее медленно пробуждавшегося к политической жизни пролетарского отряда — текстильщиков. Выдающимся событием этого периода является вознесенская стачка, превратившаяся почти в общую стачку текстильщиков Центрального промышленного района.

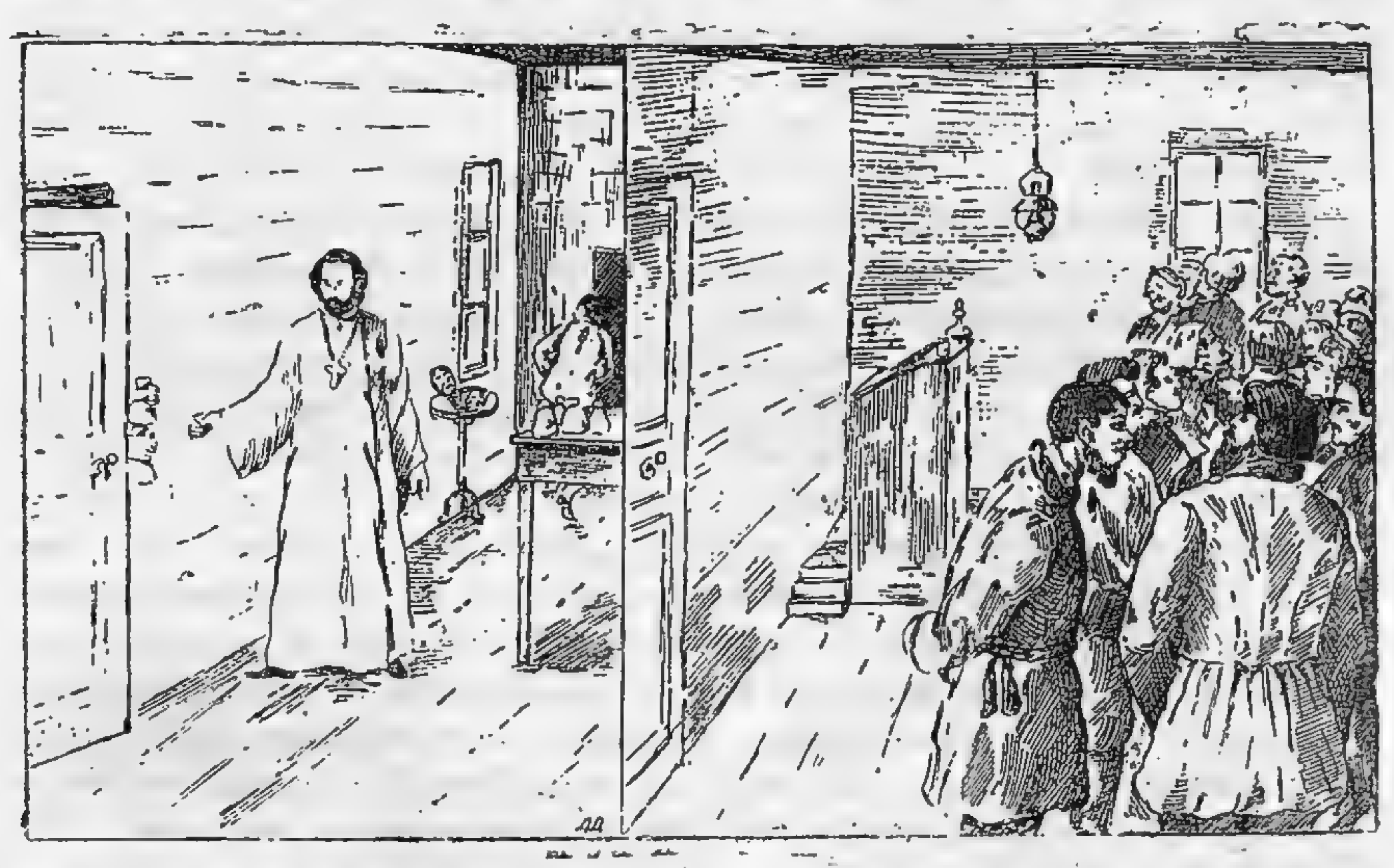
Третья волна была значительно слабее по силе, размаху и напряженности. Она приходится на июль-сентябрь и дает 264,8 т. стачечников. Революция копила силы и развернула их новым подъемом волны. Эта была четвертая и самая могучая волна, характеризовавшаяся громадным политическим подъемом в стране, всеобщей политической стачкой и первым пролетарским восстанием с уличной баррикадной борьбой. В ней наметилось два подъема: октябрьский с 519 тыс. стачечников (из них 328 тыс. политических) и декабрьский — с 433 тыс. стачечников (из них 372 тыс. политических).

Сила и размах стачечных волн 1905 г. были очень велики. Об этом говорят и цифры. За предшествующее десятилетие

1895 — 04 г.г. бастовало в среднем в год 43 тыс. рабочих. В 1905 г. за год в среднем бастовало 2.863 тыс., а за месяц — в среднем 238,5 тыс. Это значит, в 1905 г. на месяц пришлось в 5 раз больше стачечников, чем на год в предшествующие 10 лет. Общее количество бастовавших рабочих в 1905 г. достигло 3 млн., т. е. число стачечников в два раза превышало число фабричных рабочих. Таким образом, каждый рабочий бастовал не менее двух раз в течение года.

Размах стачечной волны в 1905 г. широко захватил и провинцию. Но ведущей силой и застрельщиком был пролетариат столичных и крупных промышленных городов. Наибольшая стачечная волна захватила петербургский, московский, польский и прибалтийский районы. В районах с угнетенными национальностями, как Польша, Литва, Латвия, Белоруссия, Украина, Кавказ, стачки превращались в широкое политическое движение, захватывавшее все оппозиционные элементы.

Из производственных отрядов пролетариата наибольшую стачечную энергию развивали металлисты, текстильщики и железнодорожники. Под их влиянием в революционную борьбу втягивались и остальные группы рабочих. Стачечное движение в 1905 г. отличается преимущественно наступательным характером. Общая революционная атмосфера в стране чрезвычайно облегчала переход экономической стачки в политическую.



«ПАСТЫРЬ И СТАДО»

Карикатура на Гапона, получающего деньги в охранке, помещенная в 1905 году в сатирическом журнале «Секира»

В 1905 г. — как указывал Ленин — «политическая стачка покоится на прочной и солидной базе экономической стачки». Стачки весны и лета 1905 г. показали, как быстро экономическая борьба превратилась в политическую. Весна дала ряд больших революционных выступлений. Наиболее значительным было майское движение. Оно дало очень крупную цифру—220 тысяч стачечников.

Празднование 1 мая произошло не в один день. Большая часть рабочих праздновала по новому стилю, меньшая — по старому. Рабочие бастовали и демонстрировали в 177 городах и промышленных пунктах. В 82 пунктах произошли забастовки 18 апреля ст. ст. и в 35 из них, кроме того, были и демонстрации.

День 1 мая превратился в грандиозную демонстрацию против самодержавия. Впереди, как и в январские дни, шли Польша, Прибалтика и Украина. В Варшаве, Риге, Ревеле демонстрации кончались столкновением с войсками и полицией. Центр России отставал от окраин. Первомайская стачка проходила под лозунгами ликвидации самодержавия и борьбы за 8-часовой рабочий день. Первомайская стачка дала толчок новому политическому оживлению в стране. Возросли влияние и деятельность социалдемократов. Массовки привлекали большое количество рабочих, политическая активность которых все возрастала. Борьба вокруг царских комиссий Шидловского и Коковцева, пытавшихся затянуть или отложить основные вопросы рабочего законодательства, показала рабочим, что не реформа, а революция является единственным выходом из их нищеты и бесправия. Поражение армии и разгром русского флота на Дальнем Востоке революционизировали и накаляли общую политическую атмосферу. В этой обостренной атмосфере началась грандиозная стачка текстильщиков в Иваново-Вознесенске, продолжавшаяся полтора месяца. Она охватила огромную 44-тысячную армию текстильщиков, подняв на борьбу наиболее серые и отсталые слои рабочих. Для руководства стачкой был избран первый Совет рабочих депутатов, который стал выразителем воли и классового единства всей текстильной армии. Стачка проходила под непосредственным руководящим воздействием большевиков. Ежедневно в долине реки Талки происходили митинги и собрания рабочих. Здесь вырабатывались рабочие требования, в ответ на требования фабрикантов, намечались планы и перспективы борьбы, здесь же читались лекции, обсуждались текущие политические вопросы. «На Талке под открытым небом,—доносил осведомитель охранки,— читается народу курс «социологии», и по жадному вниманию толпы видно, что темному люду нужно «живое слово».

Требованія Рабочихъ.

Мы рабочие и наши жены, дѣти и безпомощные старцы родители, пришли къ тебѣ, государь, искать права и защиты. Мы обнищали, насъ угнетаютъ, обременяютъ непосильнымъ трудомъ, надъ нами надругаются, въ насъ не признаютъ людей, къ намъ относятся, какъ къ рабамъ, которые должны терпѣть свою горькую участь и молчать. Мы и терпѣли, но насъ толкаютъ все дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества. Насъ душитъ деспотизмъ и произволъ, и мы задыхаемся. Нѣтъ больше силъ, государь. Настал предѣлъ терпѣнію. Для насъ пришелъ тотъ страшный моментъ, когда лучше смерть, чѣмъ продолженіе невыносимыхъ мукъ. И вотъ мы бросили работу и заявили нашимъ хозяевамъ, что не начнемъ работать, пока они не исполнятъ нашихъ требованій. Мы немного просили. Мы желали только того, безъ чего не жизнь, а каторга, вѣчная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вмѣстѣ съ нами обсудили наши нужды. Но и въ этомъ намъ отказали, намъ отказали въ правѣ говорить о нашихъ нуждахъ, находя, что такого права за нами не признаетъ законъ.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПЕТИЦИИ, С КОТОРОЙ РАБОЧИЕ НАПРАВИЛИСЬ 9 ЯНВАРЯ К ЗИМНЕМУ ДВОРЦУ.

Иваново-Вознесенская стачка началась 12 мая.

19 мая к ней присоединились текстильщики Шуи, Кохмы, Тейкова, Орехово-Зуева и других районов. К забастовке текстильщиков примкнули также и все остальное рабочее население. На митингах были выработаны 27 общих требований, из них главными были 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы, уничтожение фабричной полиции и тюрем при фабриках и ряд других. Резолюции, принимаемые на р. Талке, требовали свободы собраний, слова и печати. Губернатор, испуганный размахом движения, 2 июля запретил собрания и 3 июля организовал кровавую расправу с собравшимися на Талке рабочими. Рабочие в порыве отчаяния и мести ответили разгромом фабрик и поджогами дач, домов и лавок фабрикантов. Но средства и силы бастующих истощались. Стачка почти безрезультатно закончилась 1 июля. Надо было собрать новые силы и бросить их в решительный бой. Влияние этой исторической стачки на процесс политического пробуждения рабочих было огромно.

«Стачка нас многому научила, — писалось в прокламации Иваново-Вознесенского комитета большевиков. — Она показала, что рабочий класс —сила, если действует дружно, сплоченно и организованно. Забастовка показала, что нельзя добиться экономических улучшений без политических свобод, а последних не добиться без вооруженного восстания и захвата власти»...

В связи с иваново-вознесенской стачкой и под ее влиянием в течение мая, июня и июля происходила оживленная стачечная борьба среди текстильщиков московского промышленного района. По официальным данным, за это время произошло 18 стачек с 17.500 стачечниками. Еще более сознательно-политический характер носила борьба рабочих Лодзи. Она началась почти в это же время и перешла в политическую демонстрацию и в настоящее вооруженное восстание 10 июня. Вслед за Лодзью началась всеобщая забастовка в Одессе. Она была тесно связана с событиями на броненосце «Потемкин» и также закончилась расстрелом рабочих. Под влиянием одесских событий, волной прокатились стачки в Донбассе, в Николаеве, Харькове, Екатеринославе, Минске, Либаве и др. городах. В июне же началась и всеобщая забастовка на Кавказе. Из Тифлиса она перекинулась в Кутаис, Батум и другие города, Всюду происходили столкновения с полицией и войсками. Рабочие организовывали рабочую милицию и разоружали черносотенцев. Рабочие учились в ходе борьбы понимать политический смысл событий и сочетать экономические и политические лозунги. Стачка все более и более превращалась в орудие политической борьбы с самодержавием. Тем самым, буржуазно-демократическая

НОЧНАЯ УБОРКА УБИТЫХ И РАНЕНЫХ У ЗИМНЕГО ДВОРЦА В ДЕНЬ 9 ЯНВАРЯ
Рисунок Сварога

по социальному содержанию революция по средствам борьбы, как говорил Ленин, становилась пролетарской в зародыше. Стачка пробуждала, раскачивала и организовывала для борьбы громадные массы новых рабочих и ремесленников. Но в то же время она отраженным эхом отдавалась в деревне, пробуждая крестьянство. Она захватывала своим влиянием армию и флот, поднимая на борьбу с самодержавием солдат и матросов. Она несла революционное сознание в мастерские кустарей и ремесленников, в аудитории университетов, в различные общественные учреждения и организации мелкобуржуазной интеллигенции. Пролетариат становился во главе борьбы всех демократических элементов в стране. Стачка уже весной 1905 г. подняла деревню. Размеры и темпы крестьянского движения во многом совпадают с рабочими стачками. В 1902—04 г.г. крестьянские волнения отмечались в 42 губерниях. Самый бурный 1902 г. дал 340 крестьянских выступлений. В 1905 г. их было уже 3.228 выступлений, т. е. в 10 раз больше. Три четверти выступлений были направлены против помещиков как главного врага крестьянства. Перевести эту крестьянскую борьбу на высшую ступень—на борьбу с пемещичьим самодержавием — могло только рабочее движение, оказавшее громадное влияние на крестьянство. Первыми очагами

крестьянской борьбы были центральные земледельческие губернии, затем Поволжье и Украина. В Польше, Белоруссии, во всей Прибалтике весной и летом прокатилась волна сельскохозяйственных забастовок. Батрацкое движение в 1905 г. не сливалось с крестьянским аграрным движением. Но связь между ними была несомненная. Стачки сельскохозяйственных рабочих активизировали и расширяли крестьянскую борьбу за земли. Стачечное движение сельскохозяйственных рабочих возникало и увеличивалось под влиянием нараставшего революционного и особенно рабочего движения в городах. По подсчету департамента полиции, стачками сельскохозяйственных рабочих в 1905 — 07 г.г. было охвачено 336 уездов с общей цифрой до 2 млн. стачечников. В некоторых губерниях, как Полтавская и Черниговская, стачками были охвачены все уезды. Такой же массовый характер носили стачки сельскохозяйственных рабочих в Польше, Прибалтике, Белоруссии и Литве.

В этих районах, с наиболее развитыми капиталистическими формами хозяйства, батраки были застрельщиками совместной с крестьянами борьбы против помещиков. Здесь движение чаще шло под политическими лозунгами — смены властей, неплатежа налогов и т. п. В Прибалтике крестьянское движение наиболее органически сливалось с рабочим и шло совместно с ним. Также значительным было крестьянское движение на Кавказе, особенно в Гурии. Там оно носило характер настоящих восстаний.

Под влиянием рабочего и крестьянского движения стала втягиваться в революцию и армия. «Сочетание рабочего и крестьянского движения, — отмечал эту связь Ленин, — привело к подъему на борьбу и последнюю опору царизма—армию». Первая брешь, однако, появилась во флоте. Процент рабочих здесь был больше, чем в сухопутной армии. В сухопутной армии рабочие составляли от 2½ до 8½%. Во флоте этот процент повышался до 14 и в отдельных случаях до 25%. Но в основной массе и флот оставался крестьянским, хотя ведущую роль в нем играло пролетарское ядро: машинисты, минеры, артиллеристы и т. п. Благодаря этому ядру, во флот свободнее и шире проникала социал-демократическая пропаганда. Флот легче общался с революционными рабочими и быстрее вовлекался в атмосферу общего революционного подъема. Самым выдающимся восстанием во флоте в 1905 г. было восстание на броненосце «Потемкин». Восстание здесь вспыхнуло стихийно, раньше намечавшегося срока. Команда состояла в большей мере из мобилизованного крестьянского молодняка. Пролетарское и партийное руководство на броненосце было слабым. Эти обстоятельства сыграли не малую роль в неудаче восстания и обусловили его поражение.

Героическая борьба красного броненосца, несмотря на неудачу, показала, что войско переходит на сторону революции.

«Громадное значение последних одесских событий,—писал по этому поводу Ленин, — состоит именно в том, что здесь впервые крупная часть военной силы царизма—целый броненосец, — перешла открыто на сторону революции». Революционное движение в войсках продолжало расти. Рабочие и под их влиянием солдаты требовали прекращения войны. Все чаще раздавались требования свержения самодержавия и созыва учредительного собрания. Манифестации и митинги рабочих против войны и против мобилизаций переносились в армию. Устраивались военные массовки, на которых присутствовали не только матросы, запасные и солдаты специальных частей, но нередко и кадровые солдаты. Особенно быстро революционизировались солдаты, охранявшие фабрики и заводы.

«Позорная роль палачей свободы,—писал Ленин,—роль прислужников полиции не могла не открыть постепенно глаза и самой царской армии. Армия стала колебаться. Сначала отдельные случаи неповиновения, вспышки запасных, протесты против офицеров, агитация среди солдат, отказ отдельных рот или полков стрелять в братьев-рабочих».

«В С.-ПЕТЕРБУРГЕ, ПОБЕДА 9 ЯНВАРЯ»
— ПЕРЕОДЕТЬ ВСЕХ ЭТИХ МОЛОДЦОВ ЯПОНЦАМИ!
— И ДЕТЕЙ, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО?
Карикатура Германа Поля, помещенная в феврале 1905 г. в журнале «Le Rire»

В течение 1905 г. было 89 выступлений различных воинских частей. Из них особенно выдающимся было новое восстание матросов черноморского флота в Севастополе. Затем восстание матросов в октябре в Кронштадте, восстание сапер в Киеве, волнения среди запасных в Минске, Смоленске, Риге и др., вооруженное восстание 2-го Ростовского гренадерского полка в Москве в начале декабря и, наконец, революционное брожение среди частей в Сибири, особенно вблизи района военных действий. Массы демобилизованных из армии присоединялись к революционным рабочим, главным образом к железнодорожникам или разносили семена революционной пропаганды в деревню.

Стихийное движение солдат заставило социал-демократов-большевиков поставить вопрос о создании военных революционных организаций, которые должны были сблизить солдат с рабочими, показать тесную связь их с общей революционной борьбой и подготовить силы для совместного выступления солдат и рабочих против самодержавия.

Объединяя и организуя общедемократический фронт борьбы против самодержавия, пролетариат и его революционная партия шаг за шагом разоблачали контр-революционную роль буржуазии в революции. Еще накануне 9 января вождь буржуазного либерализма Струве пытался доказывать, что «в России нет революционного народа». Январское движение заставило либеральную буржуазию внести в это представление существенную поправку. Опираясь на общий революционный подъем в стране, либералы переменили фронт, стали требовать конституции, т. е. уступок и политических реформ «сверху», не добиваясь свержения царизма. Они приветствовали комиссию Шидловского и все другие царские комиссии, пока пролетариат новой волной стачек не снял о них вовсе вопроса. Основанный буржуазными либералами «Союз освобождения», организовавший широкие круги профессиональной интеллигенции, под влиянием рабочих стачек, заговорил летом о стачке и даже о революции. Лозунг учредительного собрания стал часто фигурировать в резолюциях буржуазной интеллигенции. Но когда был издан 6 августа манифест о создании Государственной Думы, получившей название— по имени министра Булыгина — «Булыгинской Думы», либеральная буржуазия сочла себя удовлетворенной. Лозунг учредительного собрания был снят. И только пролетариат неизменно оставался во главе общедемократической борьбы, разоблачая и бойкотируя «Булыгинскую Думу», мобилизуя массы на борьбу против самодержавия и буржуазии, призывая к организации дружин, отрядов революционной армии и к переходу от стачки к вооруженному восстанию.

СОВЕТЫ И ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА В 1905 г.

1. ВСЕОБЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА И ПРОЦЕСС ЕЕ ПЕРЕРАСТАНИЯ В ВОССТАНИЕ

Восстания на «Потемкине» и в Лодзи не были случайным и изолированным фактом. К оружию рвались все большие и большие массы, но оружия не было. Необходимость же вооруженного восстания становилась все более ясной. К этому выводу приводило все развитие массовой политической стачки. Большевики отчетливо ставили перед рабочим классом вопрос о всеобщей политической стачке, как одной из ступеней вооруженного восстания. Об этом же говорила и резолюция III съезда партии, созванного большевиками в Лондоне. Большевистский съезд, в противоположность меньшевистской конференции, поставил вопрос о вооруженном восстании в центре своих решений. Именно отношение к этому вопросу наиболее отчетливо и решительно определило все углублявшийся водораздел между меньшевиками и большевиками.

Ленин и большевики ставили вопрос о вооруженном восстании пролетариата в его борьбе против самодержавия и против буржуазии как о единственной возможности довести буржуазную революцию до конца.

В статье «Начало революции», написанной в связи с январскими событиями, Ленин писал: «Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация вооруженных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений — вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры».

Меньшевики, ориентируясь на буржуазию, как движущую силу революции, давали в это же время пролетариату совет — «вооружить народ одним незаменимым оружием — **жгучей потребностью** напасть на самодержавие».

Россійская Соціаль-Демократ Рабочая Партія

Пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь!

КО ВСѢМ РАБОЧИМ

Вы шли к царю добиваться прав своих, — и он встрѣтил вас ружейными и пушечными залпами, у…ми пик и отточенных сабель своих свирѣпых опричников…

Вы просили у него хлѣба и работы, — и он угостил вас раскаленным свинцом..

Не мы ли, соціальдемократы, говорили вам, что у кровопійцы-царя вы ничего не добьетесь, что он не друг, а враг народа и что не пользу народную он блюдет, а пользу любовниц и прис… своих.

НАЧАЛО ПРОКЛАМАЦИИ РСДРП(б) ПО ПОВОДУ ЯНВАРСКОГО РАССТРЕЛА

Это были две тактики, вытекавшие из двух различных линий революции. Ход революционных боев пролетариата в течение всего 1905 г. подтвердил целиком правильность большевистской стратегии и тактики и буржуазную подоснову меньшевистской установки. Большевики, ведя за собой передовые и сознательные элементы пролетариата, боролись за неустанную подготовку всеобщей политической стачки, как ступени к вооруженному восстанию. Августовские и сентябрьские события поставили вопрос об организующем штабе нараставшего движения. В этот период центр революционной борьбы начинает перемещаться в Москву. В августе здесь—под руководством своей профессиональной организации «Союза типографских рабочих» — забастовали печатники. Забастовка печатников широко развернулась в сентябре и приняла политический и боевой характер.

Большие размеры приняла и августовская стачка булочников и пекарей. Особенной организованностью отличалась стачка ленточников, руководимая своим профессиональным центром — собранием депутатов. Массовое движение текстильщиков, в силу обострившегося кризиса, развития в этот период не получило. Между тем, атмосфера всеобщего возбуждения все более накалялась. Реакция готовилась перейти в решительное наступление. Объявляется военное положение, организуются боевые дружины черной сотни, учащаются погромы и нападения на рабочих и на революционную интеллигенцию, интенсивно работают военные суды и выносят смертные приговоры. Но и революция собирала силы, готовясь к отпору. Огромные собрания рабочих и студентов, митинги и демонстрации, революционные резолюции и лозунги, столкновения с полицией, отряды самообороны, стачки протеста — все это свидетельства бурного роста событий.

Сентябрьские стачки, начинаясь с экономических конфликтов, быстро перерастают в политические. Их основные требования — 8-часовой рабочий день и учредительное собрание. В сентябре забастовки охватывают все типографии Москвы. 3 октября в знак солидарности объявляется всеобщая стачка типографов Петербурга. К типографам в обеих столицах присоединяются рабочие других предприятий. Но только с присоединением железнодорожников стачка превращается во всеобщую. 7 октября бастует Московско-Казанская железная дорога. 8 и 9-го к ней примкнули и другие дороги. Стачка переносится по всем основным линиям. Делегатский съезд, заседавший в это время в Петербурге, выработал программу требований, ставшую политической платформой бастующих железнодорожников.

10 октября в забастовку вступили Николаевская и Московско-Виндавская дороги. 10 октября началась всеобщая политиче-

Всероссійскій Союз желѣзнодорожныхъ служащихъ

Просьбы служащихъ объ удовлетвореніи ихъ насущнѣйшихъ нуждъ Министерствомъ Путей Сообщенія и начальствомъ дорогъ отклонены. На многихъ дорогахъ начальство прибѣгло къ насильственнымъ мѣрамъ, и, вмѣсто улучшеній, положеніе служащихъ ухудшилось и сдѣлалось совершенно невыносимымъ.

Союзъ признаетъ, что пора отъ просьбъ перейти къ дѣйствіямъ, такъ какъ добровольно начальство не сдѣлаетъ для служащихъ ничего хорошаго. Вѣрное и единственное средство добиться исполненія всѣхъ требованій служащихъ и рабочихъ это—ВСЕОБЩАЯ ЖЕЛЬЗНОДОРОЖНАЯ СТАЧКА.

Но и стачки на отдѣльныхъ дорогахъ, возникающія подъ вліяніемъ своихъ, чисто мѣстныхъ, причинъ столь же необходимы и желательны, какъ и всеобщая.

Признавая, поэтому, необходимость и мѣстныхъ стачекъ, Союзъ требуетъ, чтобы служащіе и рабочіе всѣхъ дорогъ поддерживали своихъ товарищей-участниковъ стачки не только деньгами, но и обязательнымъ отказомъ ѣхать на забастовавшую дорогу для замѣщенія на ней прекратившихъ работу служащихъ.

Въ настоящее время Союзомъ получены свѣдѣнія, что на нѣкоторыхъ дорогахъ терпѣніе служащихъ истощилось и со дня на день готова начаться забастовка.

Долгъ каждаго служащаго-помочь товарищамъ и со всею силою негодованія обрушиться на тѣхъ изъ служащихъ или рабочихъ, которые, забывъ свои обязанности, осмѣлятся поѣхать замѣнить забастовавшихъ.

15 іюня 1905 г.

Центральный Комитет Союза

ская стачка в Харькове. 13 октября, по приказу Петербургского совета рабочих депутатов, всеобщая политическая стачка распространяется по всей России. 13 октября к забастовке присоединяются наиболее отдаленные дороги: Сибирская, Забайкальская, Ташкентская и все остальные. 14 октября всеобщая забастовка начинается в Ревеле, 15 и 16 октября — в Риге, Вильно, в Одессе и др. Под влиянием рабочих стачек усиливается волна крестьянских восстаний. В течение октября поджоги, погромы, захваты произошли больше чем в 250 уездах. Возрастает и революционное брожение в армии, особенно в связи с событиями на Дальнем Востоке.

Так начался — по определению буржуазной печати — пролог к революции. Московский комитет большевиков в прокламации от 25 сентября призывал к развертыванию борьбы и подчеркивал, что «забастовка есть начало, есть первый выход рабочего движения на борьбу с ненавистным врагом рабочих — самодержавным правительством».

В этот период М. К. большевиков не имел еще достаточно сил для охвата и непосредственного руководства развертывающейся политической стачкой и ее переходом в вооруженное восстание. Но политическая директива была дана в той же сентябрьской прокламации:

«От спячки—к стачке, от стачки — к вооруженному восстанию, от восстания — к победе. Таков наш путь, путь рабочего класса. Но ни Петербургский, ни Московский комитеты не поставили в эти дни лозунг перехода стачки в вооруженное восстание на практическую почву. С 19 сентября стачка в Петербурге пошла на убыль. 21 октября Совет объявил о прекращении стачки. Стачка вырвала у правительства в виде уступки манифест 17 октября. Но он был только маневром со стороны самодержавия, чтобы оттянуть время и внести разнобой и разногласия в лагерь революции. Манифест шел на известные уступки буржуазии, но сохранял незыблемыми основы самодержавия. Он имел своей задачей попытаться направить революционное движение на путь урезанной легальности и повести рабочих снова на поводу самодержавия. Буржуазия и буржуазная интеллигенция сочли себя вполне удовлетворенными царской уступкой и окончательно сбросили себя со счетов революции, еще теснее укрепив союз буржуазии с самодержавием. Буржуазия окончательно и целиком стала на путь контр-революции и перешла в наступление против пролетариата. Меньшевики не оценили этого поворота буржуазии и продолжали призывать к поддержке ее и к использованию «свобод», обещанных манифестом 17 октября. Только большевики во главе с Лениным резко критиковали ма-

нифест и призывали рабочих готовиться к вооруженному восстанию. Был дан лозунг: «Добывай оружие прежде всего». Но прямого призыва к восстанию не было. Вооруженных дружин и рабочих отрядов было мало. Их едва хватало для организации самообороны против черной сотни и для борьбы с еврейскими погромами, кровавой цепью которых царизм отметил свой манифест о «свободах».

Петербургский комитет предлагал рабочим организоваться и вооружаться: «Только вооруженное восстание и временное революционное правительство, только народная революционная армия избавит нас от всей гнусной шайки»,—гласила прокламация и призывала: «А теперь, товарищи, оружия, оружия, прежде всего».

Ленин также отмечал рост восстания и подготовку к нему пролетариата: «Пролетариат во всей России пробивает себе дорогу героическими усилиями»,—писал Ленин в статье «Политическая стачка и уличная борьба в Москве», намечая то здесь, то там, в каком направлении может развиваться и будет развиваться вооруженное восстание... Гражданская война приняла форму упорной и повсеместной партизанской войны. В статье же «Всероссийская политическая стачка» Ленин прямо подчеркивал, что восстание близится, что оно растет на глазах из всероссийской политической стачки, и призывал партию и рабочих к нему серьезно готовиться.

2. СОВЕТЫ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ И ИХ РОЛЬ В ПОДГОТОВКЕ ВОССТАНИЯ

Таким образом, октябрьская всеобщая стачка началась как открытая классовая война. Она не только охватила фабрично-заводский и железнодорожный пролетариат, но и пробудила к борьбе новые слои рабочих и примыкающих к ним трудящихся. Всего с учащимися в октябрьской стачке участвовало не менее 2 млн. человек.

Количественно и качественно октябрьская волна была самой высокой. Она дала 20% всех стачек и 17,7% всех стачечников за 1905 г. Октябрьская стачка показала пролетариат на практике осуществляющим свое руководящее положение в революции. Поэтому в период октябрьской стачки был остро поставлен вопрос о самоорганизации пролетариата, начиная от различных форм фабрично-заводского представительства и кончая созданием Советов рабочих депутатов. Именно последним предстояло в ходе революции стать органами революционного восстания. Почти все

рожденные октябрьской забастовкой организации рабочего представительства, под влиянием большевиков, превращаются в Советы, как органы подготовки восстания. Меньшевики же придавали Советам роль «органов революционного самоуправления». Октябрьская забастовка особенно выдвинула значение Советов как центра революционной борьбы пролетариата на пути его к восстанию. Большинство Советов и было создано в процессе перехода политической стачки в вооруженное восстание. Только Иваново-Вознесенский совет возник в мае 1905 г. в результате всеобщей стачки, начатой ивановскими текстильщиками. Основной деятельностью Иваново-Вознесенского Совета было руководство всеобщей стачкой. С прекращением стачки перестал действовать и Совет как постоянный орган рабочих депутатов. Петербургский Совет рабочих депутатов также вырос в ходе нарастания всеобщей политической стачки. На первом заседании 13 октября 1905 г. присутствовало 40 депутатов, на третьем—226 депутатов и максимальной цифры достигло в январе—568 депутатов. В Совете были представлены 147 фабрик и заводов, 34 мастерских и 16 профсоюзов. В Совет входили, кроме социал-демократов, эсеры и беспартийные. Петербургский Совет, вопреки намерению меньшевиков, стал боевой, революционной организацией. Значение Петербургского Совета шло гораздо дальше территориальных границ одного города, прежде всего потому, что Петербург издавна был крепостью революции.

Петербургский Совет сразу стал во главе всеобщей политической стачки. Он выступал как настоящий орган власти. 18 октября Совет объявил в Петербурге свободу печати и уничтожил цензуру. Совет потребовал от Городской Думы денег на вооружение рабочих и запретил продовольственным лавкам и столовым давать продовольствие полиции и казакам даже за деньги. Он захватывал насильственно типографии и печатал в них свою газету «Известия Совета рабочих депутатов». Основной состав Совета был из металлистов, которых насчитывалось 351 депутат из общего количества 508 депутатов. Но во главе Совета стояли меньшевики или близкие к ним. Большевики, под влиянием Богданова, на первое заседание Совета вовсе не явились. Ленина в Петербурге не было. Так случилось, что председателем Совета был избран беспартийный адвокат Хрусталев-Носарь, вступивший потом во фракцию меньшевиков. Но фактическим председателем и руководителем Совета был Троцкий (под именем Яновского), который особенно умело сочетал революционную фразу с оппортунистической политикой. Исходя из очень революционной на словах теории перманентной революции, Троцкий делал ставку на социализм, перепрыгивая через буржуазно-

СОСТАВ ПЕТЕРБУРГСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ 1905 года

демократический этап ее. В то время, когда Ленин и большевики говорили о свержении самодержавия и демократической республике, как наиболее выгодной политической форме для борьбы пролетариата за социализм, у Троцкого падение самодержавия означало начало социалистической революции (отсюда его формула: «без царя, а правительство рабочее»). Этим самым Троцкий совершенно игнорировал такую ощутительную на чашке весов революции величину, как стомиллионное крестьянство, в котором Троцкий видел не союзника пролетариата в революции, а главную силу контр-революции. Именно этот вывод и был основным положением меньшевизма. Между тем, боевое настроение петербургских пролетариев все возрастало. Пользуясь им, Совет объявлял одну стачку за другой, но ни одна забастовка не доводилась до конца. Троцкий считал и доказывал депутатам, что политическая стачка «имеет характер демонстративный», что ее целью не является немедленное свержение самодержавия: «Наши выступления,—говорил он,—это ряд поступательных битв. Цель их — дезорганизация правительства, приобретение симпатий новых групп, в том числе, армий». В то время, когда большевики требовали организационно-технической и политической подготовки вооруженного восстания, с целью свержения самодержавия и установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, Троцкий считал необходимым «растя-

нуть этот период подготовки масс на месяц-два, чтобы затем выступить возможно более сплоченной и организованной силой». В дни подготовки восстания, когда промедление смерти подобно, Троцкий предлагал месяц-два заниматься агитацией и организацией масс на почве «завоеванных свобод».

Таким образом, Троцкий не понимал роли Советов как органов революционной власти и не вел организационной подготовки восстания, ограничиваясь пышными декларациями. Троцкий, как и все меньшевики, отрицал самую необходимость организации восстания. Он говорил по этому поводу на царском суде над депутатами: «Как ни важно оружие, но не в оружии, господа судьи, главная сила. Нет, не в оружии. Не способность массы убивать, а ее великая готовность умирать — вот что, господа судьи, с нашей точки зрения, обеспечивает в конечном счете победу народному восстанию».

Баррикады, по Троцкому, играют только моральную роль. Во всех этих рассуждениях Троцкий не шел дальше общих меньшевистских рассуждений о том, что надо заботиться не о добывании оружия для вооружения масс, а вооружать их «жгучей потребностью самовооружения» и «великой готовностью умирать».

Эта меньшевистская тактика руководителей Совета делала его неспособным организовать рвущиеся в бой массы. Тактика руководства Совета привела к тому, что орган рабочей власти был слабее всего там, где сильнее всего была старая власть. Полтора месяца существовали рядом две власти: Совет рабочих депутатов и правительство Витте. Совет имел громадное агитационное влияние на массы. Естественно, что при малейшем ослаблении революции, царизм поспешил его ликвидировать. 21 ноября был арестован председатель Хрусталев-Носарь. Совет не был в состоянии ответить на этот первый акт расправы с Советом. И тогда 3 декабря ст. ст. был арестован весь исполком во главе с Троцким. Совет продержался до 2 января 1906 г., когда был арестован второй исполком. В это время неудача восстания в Москве и других городах предрешила и исход революции. Кроме Петербургского, в 1905 г. было создано до 30 Советов. Из них наиболее значительными были Московский, Екатеринославский, Новороссийский и Красноярский. В Красноярске был создан Объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов. Самым значительным по своей роли после Петербургского был Московский Совет. Он руководился большевиками и стал во главе нараставшего вооруженного восстания рабочих. В Совете было представлено 204 депутата от 134 предприятий. Московский Совет существовал недолго: он был создан 22 ноября и кончил свое существование вместе с поражением московского вооружен-

9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА
С картины Коссака

БАРРИКАДЫ НА УЛИЦАХ МОСКВЫ В ДЕКАБРЬСКИЕ ДНИ 1905 г.

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ 1905 г. В ВАРШАВЕ

ГРУППА ВОССТАВШИХ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ВОЛОМАРСКОГО УЕЗДА ЛИФЛЯНД. ГУБ., 13 ДЕКАБРЯ 1905 г. ОБЕЗОРУЖИВШАЯ ПОЛИЦИЮ И ЖАНДАРМЕРИЮ

ного восстания. Уже в 1905 г. осуществляли Советы рабочих депутатов власть рабочих и крестьян Ленин, оценивая роль советов в революции 1905 г., писал: «Да, это были несомненно зародыши нового, народного или, если хотите, революционного правительства. По своему социально-политическому характеру это была в зачатке диктатура революционных элементов народа».

Таким образом, Советы были органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Они являлись прямыми предшественниками Советов 1917 г.

3. ДЕКАБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

Всеобщая политическая стачка подготовила вооруженное восстание. Рабочие на опыте убедились, что стачкой без вооруженной борьбы они не могут добиться свободы. Всеобщая стачка дезорганизовала правительственный аппарат, но его надо было разрушить.

«Чего не даст стачка, то будет добыто вооруженным восстанием»—писал Петербургский комитет в своем воззвании.

Стачка была как бы артиллерийской подготовкой для расчистки почвы восстанию. Число стачечников в громадной степени возрастало. Если в январе было 13 тыс. политических стачечников, в октябре — 330 тыс., то в декабре это число возросло до 370 тыс. политических стачечников. «Три последних месяца этого года—октябрь, ноябрь и декабрь,—писал Ленин об этом новом этапе революции,—были периодом замечательно сильной, широкой, массовой революционной борьбы,—массовой политической стачки и вооруженного восстания».

Опыт всеобщей политической стачки в октябре показал, а опыт второй всеобщей ноябрьской стачки подтвердил, что без восстания победа пролетариата невозможна.

Ноябрьская стачка была объявлена Петербургским Советом 1 ноября под лозунгом «долой полевые суды и смертную казнь!» Пролетариат протестовал против расправы над кронштадтскими революционными матросами и против введения осадного положения в Польше. Но петербургская стачка не была поддержана новой политической стачкой в Москве и провинции. В этот период революционная волна достигла уже наиболее отдаленных промышленных районов и наиболее отсталых слоев, поднимавшихся пока на экономическую борьбу. Революционная атмосфера сказывалась. Стачки экономические быстро перерастали в политические. Так было с ноябрьской стачкой в Орехово-Зуеве, со все-

общей стачкой в Костроме, в Ярославле на Корзинкинской мануфактуре. Последняя считалась еще в начале революции 1905 г. оплотом консерватизма и покорности. Октябрьская стачка переродила эту 15-тысячную массу отсталых текстильщиков. Забастовку на фабрике Корзинкина начали 15 ноября женщины. В этот период пробуждение женщины-работницы шло особенно интенсивно. На фабрике Саввы Морозова был созван специально женский митинг 2 ноября, на котором работницы вынесли резолюцию о том, чтобы поддержать «всеми средствами борьбу всех рабочих за свое политическое и экономическое положение». Такие же резолюции выносили работницы и других текстильных предприятий. Забастовавшие в числе других требований неизменно выставляли требование вежливого обращения с женщинами. Политическое и классовое воспитание самых отсталых рабочих и работниц в процессе революции давало свои результаты.

«Могучий раскат рабочего движения докатился и до нашей глуши и разбудил нас от долгого сна»,—пишут в своем письме 35 депутатов отдаленной Покровской мануфактуры. «С ужасом оглянулись мы вокруг себя и увидели, в какой омерзительной обстановке мы томимся, какой невыносимый гнет терпели».

Массы рвались в бой. Рабочие пытались запастись оружием. Металлисты ковали кинжалы и другое холодное оружие в кузницах и мастерских. На фабриках и заводах создавались боевые дружины, вооруженные револьверами, самодельными бомбами, ружьями и т. п. Рабочие обучались стрельбе. Во главе боевых дружин стояли боевые организации партии. Они добывали оружие и деньги, устраивали мастерские с производством взрывчатых снарядов,—вели военно-техническую подготовку к восстанию, подчиняя свою деятельность общим задачам партии и рабочего класса. Боевые дружины стали основной вооруженной силой восставших рабочих в Москве.

Декабрьское вооруженное восстание выросло непосредственно из всеобщей стачки и было наивысшим пунктом развития революции. Ему предшествовало преждевременное и не связанное с общим выступлением рабочих восстание солдат 2-го Ростовского полка.

Организация вооруженного восстания была заранее намечена по определенному плану и подготовка его шла под руководством большевиков. Московский Совет и партия большевиков объявили 7 декабря с 12 час. дня всеобщую политическую стачку с расчетом перевести ее в вооруженное восстание. Рабочий класс с небывалым единодушием ответил на призыв Совета и партии. В первый день забастовало 100 тыс. чел. Стали железные дороги. Рабочие вооружались. Москва замерла в панической

Извѣстія Московскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ.

№ 5 11 декабря 1905 года. № 5

Московскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, Комитетъ и Группа Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи и Комитетъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ ПОСТАНОВИЛИ: объявить въ Москвѣ со среды, 7 декабря, съ 12 час. дня всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее въ вооруженное возстаніе.

Постановленія исполнительнаго комитета московскаго совѣта рабочихъ депутатовъ из засѣданіи 10-го декабря не опубликовываются по конспиративнымъ условіямъ.

БОРЬБА РАЗГОРѢЛАСЬ.

Бой разгорѣлся во всю. На улицахъ Москвы идетъ въ теченіе многихъ часовъ рядъ кровавыхъ сраженій возставшаго народа съ царскими войсками. Быстро воздвигаются баррикады. Непрерывно трещатъ ружейные залпы. Идетъ пальба изъ пушекъ по собирающимся толпамъ рабочихъ. Покрывающій уличныя мостовыя снѣгъ обильно политъ свѣжей горячей кровью борцовъ за свободу. Перевязочные пункты лихорадочно работаютъ, принимаютъ раненыхъ и изувѣченыхъ. Убитыхъ и раненыхъ много десятковъ.

И все-же это лишь начало великаго рѣшительнаго боя возставшаго пролетаріата про[illegible] насильничанія надъ 140-милліоннымъ народомъ.

Мало того: эта открытая уличная борьба совершается на глазахъ у массы обывателей, еще не пробудившихся отъ политической спячки. Извозчикъ и швейцаръ, мелкій лавочникъ и кухарка—всѣ они съ ужасомъ созерцаютъ картину того, какъ опозорившія себя въ Манджуріи царскія опричники храбро разстрѣливаютъ сыновъ своей же родины, какъ льются рѣки народной крови. Ужасъ и омерзѣніе скоро переходятъ въ жгучую злобу и жажду мести. Съ каждымъ часомъ открытой уличной борьбы въ головахъ простыхъ обывателей все глубже укрѣпляется пониманіе, что здѣсь два врага: съ одной стороны царская шайка насильниковъ, съ другой—весь русскій народъ. Каждый часъ этой борьбы неизмѣримо увеличиваетъ численность опасныхъ, дѣятельныхъ враговъ самодержавія.

Еще важнѣе то, какъ уличный бой народ- [illegible], въ ручьяхъ народной крови рушится обветшалый строй произвола и угнетенія. Этого хочетъ жестокая безпощадная исторія. Она хочетъ, чтобъ въ мукахъ и страданіяхъ народныхъ борцовъ родилась великая, святая, такъ давно жданная свобода русскаго народа.

Намъ остается подчиниться ея властному велѣнію. Намъ остается напряженіемъ всѣхъ силъ, сознательностью планомѣрностью борьбы сократить число жертвъ, ускорить наступленіе великаго часа освобожденія всего народа.

Общее собраніе рабочихъ [illegible] цѣха.

9-го декабря, постановили во всѣхъ пролетаріатскихъ выступленіяхъ руководствоваться указаніями С. Р. Д. и такъ же рѣшило требовать отъ хозяевъ плату за время политической забастовки, о каждомъ же отказѣ со стороны хозяевъ доводить до свѣдѣнія комитета.

тревоге и ожидании событий. На Пресне, сыгравшей огромную роль в восстании, шли митинги и демонстрации. Вечером 9 декабря, в ответ на разгром митинга в Фидлеровском училище, Москва покрылась первыми баррикадами. Баррикады строили не только рабочие, но и широкие массы сочувствующего населения.

Боевая организация при МК РСДРП(б) давала указания, как действовать во время восстания. Баррикадами покрылись Замоскворечье, Арбат и особенно Пресня. Стрельба не умолкала ни на минуту. Улицы и дома, прилегающие к баррикадам, служили местами нападения на солдат. Это была партизанская война небольших групп дружинников с войсками. Отдельных солдат и полицейских рабочие разоружали, иногда брали в плен, но скоро отпускали их — после агитационной обработки. Полиция боялась встречи с рабочими и пряталась от них.

11 декабря восстанием была охвачена вся Пресня. Главный штаб восставших помещался в большой кухне Прохоровской

Трехгорной мануфактуры. Охрану баррикад несли дружинники. Все рабочее население Пресни активно помогало восставшим. Разведочную службу несли подростки. Женщины кормили дружинников. 13 декабря начался обстрел Пресни артиллерией. 16 декабря Пресня была вся в огне. Совет решил закончить восстание. После ожесточенных боев 18 декабря дружинники покинули Пресню.

Началась расправа с революцией. Пресня была разрушена. Семеновцы расстреливали рабочих по первому подозрению. По отношению к участникам восстания действовал приказ полковника Мина:—«арестованных не иметь, действовать беспощадно!» Карательные экспедиции были посланы для расправы и по линиям железных дорог. Тюрьмы были переполнены. По этапу потянулись вереницы высылаемых.

Петербургские рабочие стремились поддержать восставшую Москву. Но силы революционного авангарда были на данном этапе исчерпаны. Буржуазия на ноябрьские стачки и на борьбу за 8-часовой рабочий день ответила локаутами и полным закрытием предприятий. Угроза голода нависла над рабочими, продолжавшими упорно отстаивать свои человеческие права. Совет был арестован. Рабочее движение разгромлено. И всеобщая стачка в Петербурге, объявленная 9 декабря для поддержки Москвы, не захватила всей массы рабочих. Тем самым была решена и судьба восстания в Москве. Одна Москва не могла обеспечить победу революции. Решающую роль мог сыграть только центр царизма — Петербург, бывший в то же время и пролетарской цитаделью.

Восстание, поднятое Москвой, было подхвачено — разрозненными и изолированными эпизодами—рядом других городов. Но движение нигде не достигало такой силы, как в Москве. К 20 декабря вооруженное восстание было подавлено во всей России.

Рабочий класс поднимал знамя восстания всюду, где он чувствовал себя хоть сколько-нибудь в силах оказать противодействие наступающей реакции. Полоса еврейских погромов, которыми пытался царизм отвлечь от революции рабочих, разгул черной сотни, полевые суды и казни—все это говорило о наступлении контр-революции уже после манифеста 17 октября. Пролетариат поднялся против этой опасности и ждал помощи и руководства от партии.

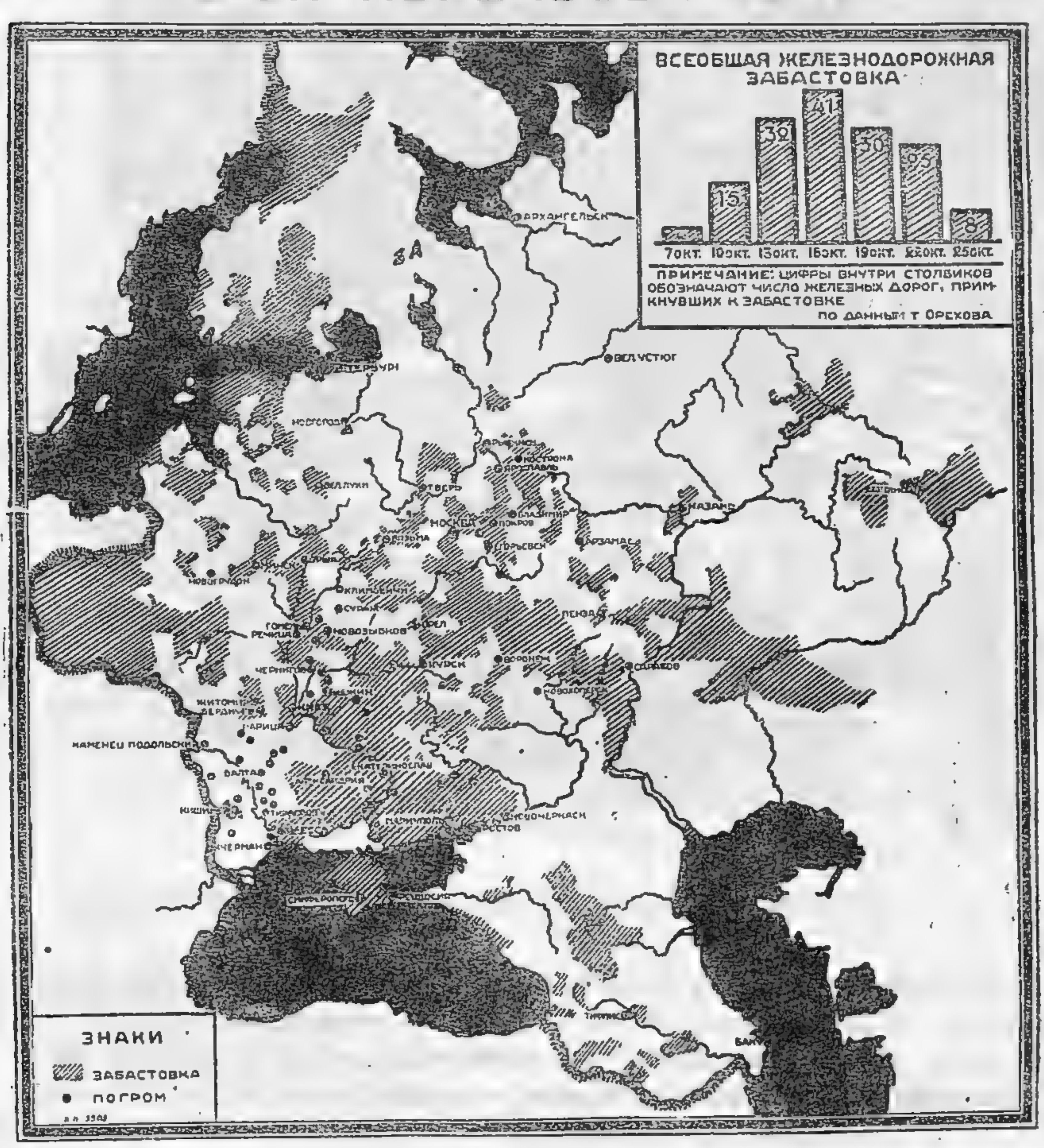
«Перемену в объективных условиях борьбы,—писал Ленин, оценивая урок московского восстания, — требовавшую перехода от стачки к восстанию, пролетариат почувствовал раньше, чем его руководители. Мирная стачка и демонстрация сразу переста-

ли удовлетворять рабочих, спрашивавших: «Что же делать дальше?»

«Организация отстала от роста и размаха движения»,—делает далее вывод В. И. Ленин и видит в этом основную причину слабости и неуспеха октябрьского восстания.

Опыт десятидневной уличной борьбы в Москве, баррикадных боев в Сормове, Перми, Твери, на Урале, в Донецком бас-

ВСЕОБЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА В ОКТЯБРЕ 1905 ГОДА



сейне, на Екатерининской жел. дороге и другие факты декабрьского восстания полностью подтвердили этот ленинский вывод. Но даже неудачное, разгромленное восстание имело громадное значение для пролетариата Все рабочее движение декабрьским

РИСУНОК Н. ШЕСТОПАЛОВА ИЗ САТИРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ВЕЛИКАЯ МОСКВА» (1905 г.)

восстанием было поднято на высшую ступень. Декабрь подтвердил не только историческую роль пролетариата, как класса, до конца идущего на борьбу с самодержавием, но и показал, что единственный путь этой борьбы — переход в наступление — от стачки к вооруженному восстанию.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА ПРОЛЕТАРИАТА В 1905 г. В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ

1. ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА В 1905 г. В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ

Восстание в декабре 1905 г. далеко выходило за рамки Москвы. Оно охватило не только многие пролетарские центры, но и почти все национальные районы и отчасти крестьянство царской империи. Но в основном это было восстание пролетариата. В Ярославле, Сормове, Екатеринославе, Новороссийске, в Донбассе, в Риге, Ревеле, Красноярске, Чите и других городах восставали прежде всего рабочие. Под их влиянием присоединялись к восстанию крестьяне, солдаты, широкие массы трудящегося национально-угнетаемого населения Поднимая массы на революцию, пролетариат в национальных районах возглавлял также и национальное движение. Но и здесь основной характер выступлений пролетариата был не национальный, а классовый.

Революция в этих районах была направлена на борьбу против царизма и за национальное освобождение от его гнета. Национальное освобождение могла принести только победа революции. Пролетариат под руководством большевиков требовал права наций на самоопределение. И единственной силой, способной за него последовательно бороться, был пролетариат.

Буржуазия даже угнетенных национальностей из страха перед пролетариатом шла на уступки и компромиссы с самодержавием, а последнее отвечало такими же уступками национальной буржуазии и этим путем добивалось подавления национального движения масс.

К общему политическому бесправию у нерусского рабочего и крестьянина прибавлялся еще и тяжелый национальный гнет. Но именно это обстоятельство увеличивало силу революционного взрыва на окраинах, а пролетариат в них делало застрельщиком национально-освободительной борьбы.

Наиболее активным в революционной и освободительной борьбе 1905 г. был пролетариат Польши. Ко времени революции польская буржуазия в революционном и национальном движении не была и не могла уже быть застрельщиком борьбы. Наоборот, она была за «органическое слияние с Россией» и против национального самоопределения Польши. Мелкобуржуазная польская

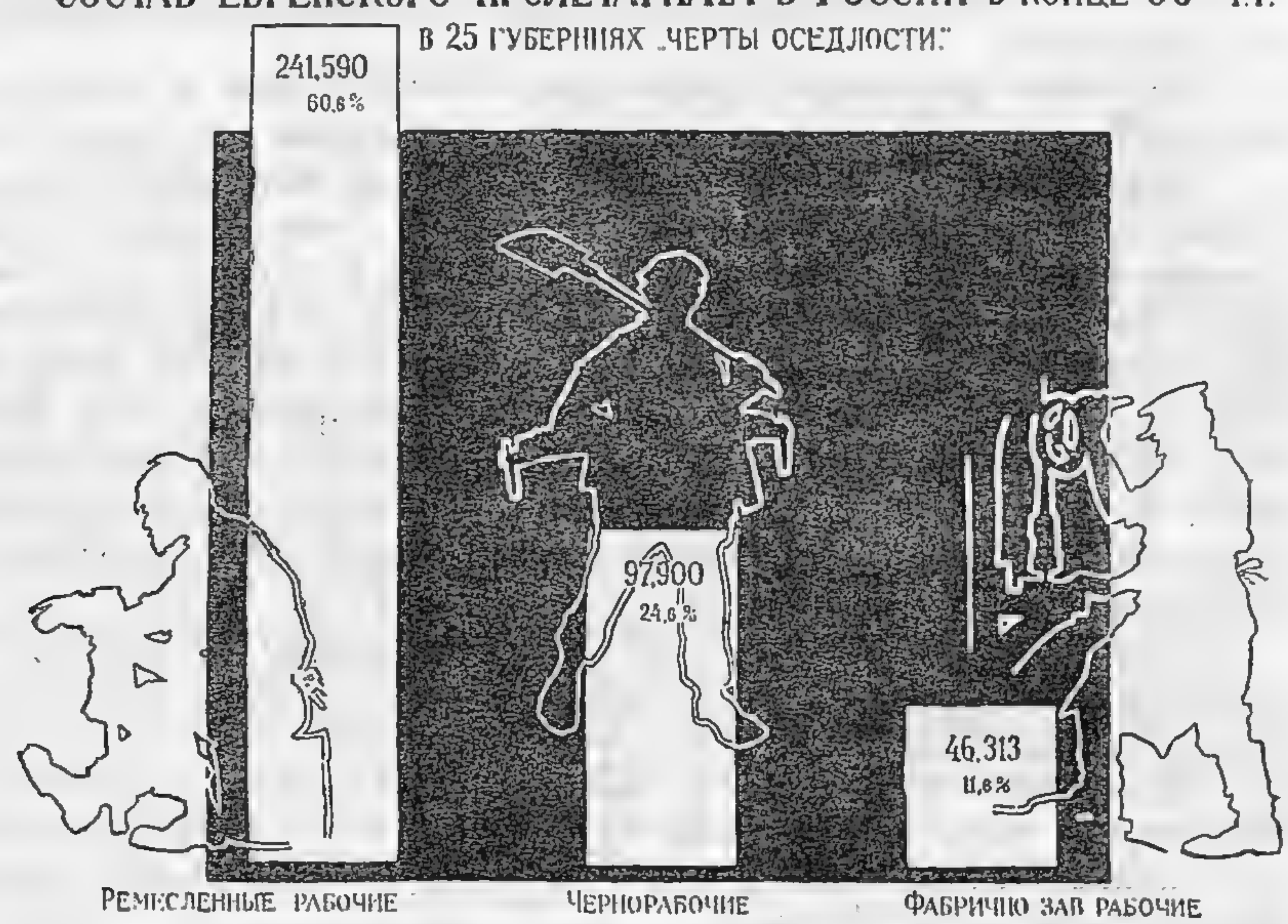
социалистическая партия выставляла лозунг независимой демократической республики. Социал-демократическая партия Польши и Литвы, находившаяся под идейным влиянием Розы Люксембург, выступала в национальном вопросе против большевиков и выдвигала тезис о неосуществимости лозунга независимости Польши и о борьбе с этим лозунгом как с реакционной утопией.

Почти во всех крупнейших городах Польши наиболее активное участие в революционных боях с царизмом принимал пролетариат. Его первомайские стачки каждый год становились все более и более боевыми и отчетливо политическими. Всеобщая политическая стачка в ответ на события 9 января была естественным результатом всего предшествующего развития пролетарской борьбы в Польше. Небывало-единодушная январская стачка в Варшаве, поднявшая в знак солидарности с петербургским пролетариатом не только промышленный, но и ремесленный рабочий класс Варшавы, стала исходным пунктом революции в Польше. Стачка кончилась массовым избиением рабочих и свирепой расправой с ними войск, наполнивших город. Почти в те же дни и с теми же результатами происходила политическая стачка в Лодзи Отсюда она перенеслась во все районы Польши. Движение возглавляли металлисты. Забастовка промышленных рабочих вызывала забастовки служащих, ремесленников и учащейся молодежи. Из городов движение перебрасывалось в деревню и поднимало на борьбу крестьянство и особенно сельскохозяйственных рабочих. Таким образом, общее революционное движение в Польше шло под гегемонией пролетариата.

Борьба с самодержавием в Польше после январских событий не затихала ни на минуту. Демонстрации, забастовки, избиение полиции и шпионов, волнения в деревне, порубки лесов, столкновения с полицией и войсками—так, в различной степени и форме, разливалось революционное движение в стране. Празднование 1 мая 1905 г. в этих условиях превратилось во всеобщий боевой смотр сил революции. В первомайском движении принимали участие не только все города но и деревня Первомайские демонстрации кончались столкновениями с войсками и новыми жертвами, на которые рабочий класс Варшавы снова ответил всеобщей забастовкой. В майские дни пролетариат Польши находился на вершине революционного движения, разлившегося по всей стране.

В Польше же произошло и первое вооруженное восстание пролетариата. Лодзинское восстание в июне было прямым результатом развернувшейся в мае классовой борьбы. Оно выросло со стихийной силой из забастовок и манифестаций протеста, ко-

торыми ответил лодзинский пролетариат на убийства и бесчинства полиции и казаков. Баррикадные бои рабочих с войсками в течение 23-го и 24 июня отличались необыкновенными упорством и ожесточением. Они были как бы репетицией московского восстания.



Ленин, оценивая значение этой первой попытки вооруженного восстания пролетариата, указывал, что самые отсталые рабочие России, «просвещенные царским правительством», должны будут учесть опыт борьбы лодзинских рабочих и учиться на их опыте. В августе и сентябре в Польше резвернулись упорные экономические бои. Но правительственные репрессии все усиливались. Белостокский погром 12 августа вызвал всеобщую стачку протеста в Варшаве, Лодзи и частичные забастовки в других городах.

Августовская забастовка была лишь прологом Октябрьской. Эта последняя началась с приостановки движения на привислинских железных дорогах. 25 октября стоял уже весь Варшавский узел. К 1 ноября всеобщей забастовкой были охвачены все промышленные центры Польши. Это была самая крупная и самая

полная всеобщая стачка в Польше. Она имела все шансы перерасти в восстание. Но 12 ноября Польша была объявлена на военном положении, и 17 ноября всеобщая забастовка была прекращена.

В декабрьские дни пролетариат Польши уже не имел сил и не мог поддержать происходившее в Москве восстание, хотя и откликнулся на него новыми стачками. После разгрома восстания и ликвидации стачки рабочие попали под огонь жесточайших репрессий.

Не менее активным в революции 1905 г. был и пролетариат на Кавказе. Опорными пунктами революции там были Баку, Тифлис, Батум, Грозный, Поти. Январское движение в этих городах носило ярко-политический характер. Экономические требования в стачках, явившихся ответом на 9 января, почти не фигурировали. Летнее движение также нашло свой отклик среди пролетариата различных национальностей Кавказа. 20 июня в Тифлисе началась всеобщая забастовка, перекинувшаяся в Кутаис, Батум, Поти и другие города. Под влиянием рабочего движения в этих же районах началось и крестьянское движение. Наиболее активным в революционной борьбе был бакинский пролетариат.

На протяжении 1904 — 1906 г.г. бакинским большевикам пришлось провести напряженнейшую борьбу против меньшевиков, которые хотели ограничить бакинское рабочее движение чисто экономическими задачами. Из среды меньшевиков выросла зубатовская организация—«шендриковщина», которая проводила в бакинском рабочем движении те же идеи, что Гапон и Зубатов в Петербурге и Москве.

Обеспокоенное развитием бакинского рабочего движения. правительство решило с целью его подавления прибегнуть к разжиганию межнациональной борьбы. Натравливание одной нации на другую было излюбленным принципом его политики. Оно очень умело пользовалось конкуренцией между армянской и тюркской буржуазией и взаимной ненавистью армянской буржуазии и грузинских помещиков для того, чтобы «разделяя — властвовать». Правительство решило использовать межнациональную грызню, созданную конкуренцией буржуазии для того, чтобы раздавить рабочее движение.

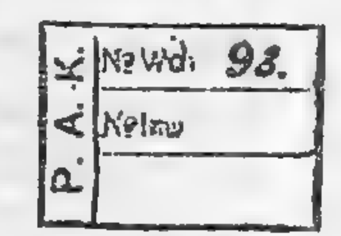
Первые попытки этого рода были сделаны еще в 1903—1904 г.г., но кончились неудачно. После того как в ответ на события 9 января 1905 г. в бакинском рабочем движении начинается новый подъем, правительство вызывает армяно-тюркскую резню, которая продолжается с 6 по 9 февраля. Рабочие, под руководством социал-демократии, организуют отряды, обе-

Cena 5 kop.

Rok II. Warszawa, 16 lipca 1912 r. Nr. 15—16.

GAZETA ROBOTNICZA

ORGAN KOMITETU WARSZAWSKIEGO
SOCJALDEMOKRACJI KRÓLESTWA POLSKIEGO I LITWY



Towarzysze Robotnicy!

Wykonując uchwałę międzydzielnicowej konferencji wznawiamy wydawnictwo Gazety Robotniczej.

Sześć lat przeszło od czasu, gdy organizacja Warszawska osłabiona ciosami kapitału i caratu przerwała wydawnictwo naszego pisma Sześć lat cierpień, sześć lat mąk, sześć lat bezsilnego szamotania się proletarjatu, a trjumfu burżuazji. Podczas gdy burżuazyjna Warszawka hulała, jak nigdy, obchodziła bezustanku zapusty, w domach robotniczych zagościła nędza, przewyższająca swemi rozmiarami wszystko, cośmy dotychczas przeżyli. Fabrykanci zamykali fabryki, obcinali płacę tak, że niestarczyło w domu chleba dla dzieci. Z głodnych zaś, szukających jak zmiłowania pracy urągali pachołkowie kapitału, urągali majsterkowie, urągały pismaki burżuazyjne, pastwili się nad niemi po więzieniach sługusy caratu. W tych latach czarnej niedoli osłabła klasa robotnicza w Warszawie i jej przednia straż, socjaldemokratyczni robotnicy tak, że nie wstanie byli dawać zorganizowanego oporu, prowadzić szerszej walki, że mogli tylko ratować ośrodki organizacji, by rozpocząć robotę na nowo, gdy się tylko trochę polepszą warunki.

Chwila ta towarzysze nadeszła. W całym państwie zapanowało w ruchu robotniczym znaczne ożywienie. Odbywają się wiece, protestujące przeciw nowym kajdanom, które rząd nam nakłada pod maską ubezpieczenia robotniczego, wiece przeciw trzymaniu w więzieniu niewinnie skazanych posłów robotniczych, strejki protestu przeciw mordowi dokonanemu przez siepaczy carskich na robotnikach leńskich W całym państwie podnosi robotnik swe skute dłonie i potrząsa kajdanami; gotuje podkopy w katordze w jaką carat zamienił życie proletarjatu. Szeroka fala strejków ekonomicznych wylewa się znowu z warsztatów i fabryk. Proletarjat polski choć był bardziej aniżeli rosyjski przyciśnięty i zgnębiony, nie pozostaje w tyle za robotnikami rosyjskiemi, z któremi walczył ramię przy ramieniu przez cały okres rewolucji. Strejki, święto majowe, strejk leński były tylko pierwszemi oznakami budzącego się nowego życia, nowej żądzy walki w proletarjacie Warszawy. Niechce on dłużej cierpieć bezczynnie i biadać, rozpoczął walkę na nowo.

Organizacje partyjne wzrosły za ostatnie pół roku znacznie w siły, ale nie mogą podołać nawałowi pracy. Strejki wymagają kierownictwa, koła uświadomionych kierowników, wiece agitatorów. Ale podczas gdy przed rewolucją szła z pomocą klasie robotniczej znaczna ilość inteligiencji, dziś mogą robotnicy liczyć tylko na siebie. W takich warunkach niezbędnym okazało się stworzenie osobnego organu dla spełnienia choć w części tej wielkiej ilości zadań, które stawia przed organizacją socjaldemokratyczną szeroki rozwój ruchu robotniczego w Warszawie.

Gazeta Robotnicza będzie odzwierciedleniem walki ekonomicznej warszawskich robotników. Przez sprawozdania z tej walki, przez pokazanie światu w jakich warunkach pracuje robotnik warszawski chce ona budzić do walki tych, co jeszcze nie wierzą w rosnącą moc ludu roboczego. Przez oświetlenie, wyjaśnienie istoty walki ekonomicznej, form organizacji zawodowej chce ona pomóc warszawskim robotnikom, by po najkrótszej drodze szli do celu, omijając manowce.

Gazeta Robotnicza będzie organem walki, którą proletarjat warszawski prowadzi ze swym zaklętym wrogiem rządem carskim. Będzie stawiała pod pręgierzem krwawe czyny carskich siepaczy, wykazywała ich bezsilność w walce z ludem roboczym, niezdolność do zduszenia budzących się wciąż na nowo sił rewolucji, będzie siłom tym wskazywała drogę walki o stare nasze cele, republikę i autonomję, wyzwolenie z pęt kapitalizmu. Po stronie rządu carskiego stoi burżuazja polska, i ta, co się na naród, i ta co się na postęp, i ta nareszcie co się na religję zaklina. Przedstawiciele jej głosują w Dumie za wzmocnieniem sił caratu, a cała burżuazyjna prasa Królestwa im przyklaskuje. Walka bezwzględna z polityką burżuazji, chłostanie sztuczek, zapomocą których usiłuje ona werbować zwolenników w klasie robotniczej, będzie należeć do najważniejszych zadań pisma naszego. Mając wytyczną linję w zasadach, które Socjaldemokracja od lat dwudziestu broni, nie będzie jednak Gazeta Robotnicza narzucała z góry robotnikom gotowego rozwiązania wszystkich spornych kwestji, które wysuwa ruch. Odwrotnie, wypowiadając zdanie Komitetu Warszawskiego, oświetlając inne w partji wypowiadane poglądy, będzie ona budziła samokrytykę w kołach towarzyszy, dawała im możliwość wypowiedzenia się, aby myśl partji w rzeczywistości wyrastała z łona samej partji i w niej krzepła.

Robotnicy Socjaldemokracji! Dajemy wam w ręce oręż do walki, do uświadamiania szerokich mas, organizowania ich, oręż wypróbowany już w bojach, które na zawsze pozostaną chlubną kartą w dziejach walczącego proletarjatu Dajemy Wam organ, w którym znajdą odzwierciedlenie i ból Wasz i radość Wasza, chęć Wasza do boju i zwycięstwa Rozwijamy stary sztandar, który widział tyle zwycięstw Socjaldemokracji. Chwyćcie go w krzepkie dłonie, podnieście wysoko, niech zagrzewa do walki, ukazuje drogę do wyzwolenia.

Komitet Warszawski
Socjaldemokracji Królestwa Polskiego i Litwy

зоруживающие погромщиков. Однако эта резня наносит величайший удар развертыванию рабочего движения.

Только в апреле бакинский пролетариат оправляется от последствий этого удара. Проводится забастовка железнодорожников, 30 апреля начинается первомайская забастовка, закончившаяся только 14 мая. В ответ на это правительство и армянская и татарская буржуазия начинают открыто готовиться к новой резне, которая началась в августе и закончилась только к октябрю. События 17 октября вызывают новый подъем движения. В ноябре создается Совет рабочих депутатов. Он был вскоре разогнан правительством.

В результате политического опыта, приобретенного бакинским рабочим классом, меньшевики теряют почти все свое влияние и руководящая роль целиком переходит к большевикам.

Движение на Кавказе наибольшей силы достигло в октябре-декабре 1905 г. Восставшие рабочие и крестьяне захватили Кутаис и Поти Была организована рабочая милиция. Все дела решались выборными представителями революционного народа. Для подавления революции на Кавказе понадобились специальные карательные экспедиции, которые огнем и мечом устанавливали «порядок».

В Литве, Латвии, Эстонии и Белоруссии рабочее движение в значительной степени сочеталось с крестьянским. Особенно высокой революционностью отличались рабочие Латвии, страдавшие не только от русского царизма, но и от собственной буржуазии. Латышские же крестьяне терпели, кроме того, гнет немецких баронов-помещиков, в руках которых были сосредоточены основные земельные фонды. В Латвии и Эстонии в революционном движении большую роль играл сельскохозяйственный пролетариат. Политическая борьба рабочих в Риге, Митаве, Либаве, Ревеле и др. городах смыкалась с борьбой пролетариев и полупролетариев деревни. В процессе борьбы — под влиянием рабочих — в селах даже создавались органы революционной власти — Советы и комитеты.

На протяжении 1905 г. латышская социал-демократия вела усиленную работу, пропагандируя свои идеи, вооружая и организуя рабочий класс и крестьянство. Благодаря исключительной остроте и обнаженности классовых противоречий, ей удалось повести за собой огромную массу батраков, безземельных и деревенской бедноты. В начале марта произошли забастовки батраков. В ряде имений 1 мая 1905 г., по призыву большевиков была объявлена всеобщая забастовка, причем к городским рабочим примкнул и деревенский пролетариат. С каждым днем движение становилось шире и глубже. Латышская большевистская партия

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

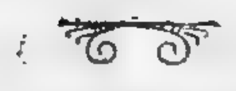
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ПРОЕКТЪ ПРОГРАММЫ

СОЮЗА

Кавказскихъ Соціалдемократическихъ Рабочихъ

ОРГАНИЗАЦІИ



ЖЕНЕВА

Типографія Союза.

1903.

призвала массы к восстанию: «Конгресс Латышской социал-демократической рабочей партии рекомендует неуклонно подготавливать пролетариат к открытому вооруженному восстанию, давая отпор каждому акту насилия самодержавия и превращая стычки со слугами царской власти в неумолчную национальную борьбу».

Вооруженное восстание охватило латвийскую деревню. Латвия достигла таких высоких ступеней революционной борьбы в деревне, которых не достигала ни одна часть России. В течение нескольких месяцев рабочие и крестьяне Латвии вели вооруженную борьбу с баронами и самодержавием.

В ноябре в Риге была объявлена всеобщая забастовка. В сочетании с крестьянским движением она имела все основания для перехода в вооруженное восстание. Для восстановления «порядка» во всем тогдашнем Прибалтийском крае понадобилось также снарядить карательную экспедицию, путь которой был отмечен, как всегда, расстрелами, виселицами и пожарищами.

В Финляндии в национальном движении, усилившемся во время революции, участвовала, хотя и с присущей ей непоследова-

რუსეთის სოციალდემოკრატიული მუშათა პარტია

პროლეტარებო ყველა ქვეყნისა შეერთდით!

ბრძოლა №№ 2-3

შურის ძიება

(მოთხრობა)

ГРУЗИНСКАЯ С.-Д. ГАЗЕТА «КВАЛИ»

ЗАГОЛОВОК ЮБИЛЕЙНОГО НОМЕРА ЖУРНАЛА С.-Д. ЛАТВИИ «Zihna»; В ЭТОМ ЖУРНАЛЕ СОТРУДНИЧАЛ ЛЕНИН

тельностью и нерешительностью также и буржуазия. Но и здесь гегемоном движения был пролетариат, которому приходилось вести борьбу и против самодержавия, и против буржуазии. Наибольшего размаха революционная борьба пролетариата в Финляндии достигла в октябре — декабре. Под влиянием всеобщей забастовки в России поднялись промышленные рабочие, ремесленники, крестьяне с требованием политических прав и экономических реформ. В этой борьбе активную роль играли железнодорожники Финляндской железной дороги. Поражение всеобщей забастовки заставило рабочих Финляндии готовиться к вооруженному восстанию. В Гельсингфорсе была создана рабочая Красная гвардия, которая потом приняла участие в Свеаборгском восстании. Рабочие и красногвардейцы сражались вместе с солдатами и матросами против буржуазии и правительства После подавления восстания в Свеаборге Красная гвардия была распущена, часть ее участников расстреляна, остальные пошли на каторгу и в ссылку.

Пролетариат на Украине в годы первой революции развернул широкое массовое движение, в основном проходя те же этапы классовой борьбы, что и пролетариат России. Январские стачки, экономические стачки летом 1905 г., восстание на «Потемкине», всеобщая октябрьская стачка, организация Советов рабочих депутатов в Киеве, Одессе, Екатеринославе, Таганроге, Луганске, Юзовке и др., ноябрьское восстание киевских саперов и ноябрьские стачки, декабрьское вооруженное восстание в Донбассе, Харькове, Екатеринославе, волна крестьянского движения сначала в 1905 г. и затем в 1906 г., новый подъем движения летом 1906 г. и новое поражение в 1907 г. — таковы этапы революции 1905—1907 гг., составлявшей часть общероссийской революции.

Пролетариат и на Украине был гегемоном революции, возглавив массовое общенародное движение всех демократических элементов. Подъем стачечной волны вызывал и подъем крестьянского движения, рост национально-освободительной борьбы, которая для пролетариата была частью его классовой борьбы в революции. В 1905 г. всего бастовало 220 тыс. чел., в 1906 г.—100 тыс. и в 1907 г.—63 тыс. чел. В авангарде движения шли металлисты, составлявшие свыше 40% всех бастовавших рабочих.

Большевики на Украине развернули большую работу в массах по организации сил революции, за осуществление гегемонии пролетариата и за проведение вооруженного восстания. Районами влияния большевиков были крупные городские промышленные центры. Буржуазия и мелкобуржуазная демократическая интеллигенция Украины были политически гораздо активнее, чем в центральной России. В этом движении мелкой буржуазии еще до революции наметились два течения: правое, возникшее из либерального народничества «Старой Громады» 60-х г.г., и левое—радикально-демократическое, представленное раньше драгомановщиной и в 1900 г. оформившееся в виде отдельной «Революционной Украинской партии (РУП). В декабре 1905 г. РУП на своем съезде приняла Эрфуртскую программу и переименовалась в УСДРП, но не изменила своих мелкобуржуазных установок, особенно в национальном вопросе, где

УКРАІНСЬКА СОЦІАЛ. ДЕМ. РОБ. ПАРТІЯ.

Пролітарі всіх країн еднайтеся,

Товариші. Сьогодня перше мая.

Свято соціалізму та революції.

Свято завзятої організованної боротьби праці з капіталом, пригноблених з гнобителями, працьовників з дармоїдами. Свято боротьби тих, хто виробляє всі продукти для істнування всієї людскости з тими, хто не працюючи нахабно користується всіми ими богатствами; боротьби всеї людскости проти купки капіталістів та іхніх слуг: царів-катів, попів та правительства.

Сьогодня органiзоване робітництво всього світа покидає роботу, виходить з темних сумних стін фабрик, заводів, шахт та майстерень на вулицю і мітінгами та демонстраціями показують свойму заклятому ворогові кровососу-капіталу, як росте і численно

НАЧАЛО ПЕРВОМАЙСКОЙ ПРОКЛАМАЦИИ УКРАИНСКОЙ С.-Д. ПАРТИИ

УСДРП определенно выдвигала шовинистические лозунги. Выделившаяся же из нее «Спилка» стала меньшевистской организацией, в национальной программе скатившись к «национальному нигилизму», т.-е. фактически к великорусскому шовинизму.

Национальная украинская буржуазия во время революции также выступила на сцену создав свою «Украинскую народную партию», с ярко «самостийнической» программой.

Поражение революции пролетариата привело к разгрому и упадку и национального движения. Нажим великодержавного шовинизма подавил радикальные течения в национальном движении, украинская буржуазия пошла на примирение с царизмом. Стали быстро расти черносотенные организации, прославившие себя на Украине полосой самых чудовищных погромов. Революционное движение, с поражением пролетариата, было подавлено во всех национальных районах. Трудящиеся национально-угнетаемые массы могли на опыте убедиться, что единственной силой, способной бороться за действительное национальное освобождение, был революционный пролетариат, и что достигнуть его можно было только путем свержения самодержавия, путем доведения до конца буржуазно - демократической революции.

Россійская Соціяль-Демократическая Рабочая Партія
Соціаль-Демократычна Робітныча Партія Росії

ПРОЛЕТАРІ ВСІХ КРАЇН — ЄДНАЙТЕСЬ!

ІВАН ГЫЛЬКА

Економія

(З № 3 „Правды“)

ЦІНА 2 КОП.

1909 г.
ВЫДАННЯ
Волынського та Подольського Районніх Комітетів Українскої Спілки Р. С. Д Р. П.

Додаток до 3 ч. „Правды“

Працавитая беаната усих краеу, злучайся!

Братке гаспадаре!

Незадоуго зноу будзем выбираць выбаршчикоу, а тые членоу у Государственную Думу. Другую Думу збираюць Першая не падабалася панам и правицельства яе разагнала. Бо правицельство цануло за паноу да за багатых, аб их патребах памятавало, а аб працавитой беднаце галава яго николи не балела, Тольки и ведало яно, што выдзираць з мужикоу падатки на плацiн вселякин чиноуникоу, каторые служаць усе тым-же панам, а беднноци з их, як с „казла—ни шерсци ни малака“. Доуго и шмат просты народ цярпеу, изучау и не ведау чаго дзеля чаго яму так цяжко жывецца. А причина гэта была

НАЧАЛО БЕЛОРУССКОЙ С.-Д ПРОКЛАМАЦИИ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРОФСОЮЗЫ В ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ИТОГИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

1. НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ И БОРЬБА ПРОЛЕТАРИАТА В 1906—07 г.г.

Поражение декабрьского вооруженного восстания дало возможность царизму перейти в наступление. Но революция еще продолжалась, хотя она не могла уже достигнуть прежней высоты. Весь 1906 г. и начало 1907 г. продолжаются арьергардные бои пролетариата. В то же время происходит настоящая партизанская война крестьянства и развертывается ряд крупных вооруженных восстаний во флоте и армии: свеаборгское и кронштадтское в 1906 г. и восстание матросов, солдат и рабочих во Владивостоке в 1907 г. Таким образом, это была вторая волна революции.

Но сил для ее победы было уже недостаточно. С другой стороны, еще не было достаточно сил и у реакции для полной ликвидации революции. Несмотря на репрессии, революционное движение с начала 1906 г. снова возрастает. В 1906 г. в стачках участвовало 1.118 тыс. стачечников, в 1907 г.—740 тыс. человек. При этом наибольшую активность в борьбе в 1906 г. проявляли рабочие тех производств и районов, которые еще мало участвовали в революции 1905 г. Это были поздние подтягивающиеся к авангарду резервы революции. Ленин оценивал этот период «как период накопления революционной энергии, усвоения политического опыта пройденных стадий, вовлечения новых слоев народа в движение».

Партия большевиков предлагала собирать силы рабочего класса и готовиться к новому восстанию. Меньшевики же расценивали поражение декабрьского восстания как бессилие пролетариата в его борьбе с самодержавием и заявляли, «что не нужно было браться за оружие». Меньшевики призывали к сосредоточению только на использовании легальных возможностей и к отказу от подготовки новой революции. Главной из таких возможностей меньшевики считали Государственную Думу.

В марте 1906 г. было объявлено о созыве I Думы. По составу она оказалась довольно демократической: в нее входили

до 40% крестьянских депутатов. Рабочая группа был весьма незначительна и сравнительно мало влиятельна. Огромное большинство пролетариата под влиянием большевиков совершенно бойкотировало выборы в Думу. Бойкот вытекал из расчета на близкую революцию. В Думе пролетариат видел средство — сговора самодержавия и буржуазии с целью удушения революции. Дума просуществовала недолго: 9 июля она была распущена. В это время произошли восстания матросов и солдат в Свеаборге и Кронштадте и восстание на крейсере «Память Азова». Летом и осенью 1906 г. усилилось движение среди крестьянства. Летом движение охватило 240 уездов. Осенью крестьянами проводился бойкот рекрутчины.

В ноябре 1906 г. был издан первый указ Столыпина о выходе из общины, а 3 июня 1907 г. была разогнана II Дума. Рабочий класс отступал с боями. У него уже не было сил и средств для нового восстания. И партия уже при выборах во II Думу отменила тактику бойкота. Во II Думе было 60 социал-демократов. В III Думе рабочим было дано только 6 мест. 1907 год был годом очевидного поражения революции. Наиболее крупным боевым выступлением пролетариата в 1907 г. была летняя московская областная стачка текстильщиков. Остальные стачки носили характер более изолированный и случайный. Экономические и политические результаты их были невелики. Реакция наступала, и перед рабочим классом стояла задача — отступить с наименьшими потерями.

«Революционные партии должны доучиваться,—писал Ленин. — Они учились наступать. Теперь приходится понять, что эту науку необходимо дополнить наукой, как правильнее отступать».

Политическая реакция в стране приносила восстановление старых порядков и на фабрике. Капитал продолжал создавать свои боевые организации с целью отнять у пролетариата его последние завоевания. Например, предпринимательский «Союз московских фабрикантов и заводчиков» (преимущественно текстильных) категорически высказывался против свободы рабочих союзов и стачек. «В промышленности,—писали фабриканты в своей записке,—нельзя безнаказанно нарушать основной экономический закон спроса и предложения». Они решительно отказывались повышать заработную плату, «ибо всякая прибавка фабричному рабочему ложится всею тяжестью на внутреннего потребителя». Съезд фабрикантов и заводчиков Москвы выработал после октябрьской стачки 1905 г. общие меры борьбы со стачками. Основной мерой был и оставался локаут. Его «мораль-

ным» подкреплением оставался полицейский застенок и административная высылка.

В этих условиях перед пролетариатом больше чем когда бы то ни было стояла задача организованного сопротивления и сочетания форм и методов борьбы легальной и нелегальной организации. Именно в этот период после декабрьского поражения приобретают громадное значение массовые боевые организации пролетариата—профсоюзы.

Ко всем рабочим и работницам города
Петербурга и окрестностей.

Товарищи рабочие! Организованные сознательные рабочие всей Петербургской организации Российской Социал-демократической Рабочей Партии вынесли свое окончательное, обязательное для всей партии и всех местных организаций решение по вопросу о выборах в Государственную Думу. Несмотря на все полицейские препятствия рабочие устроили около 120 собраний с подробным обсуждением вопроса при участии ораторов, защищавших обе тактики, конкурирующие в нашей партии. Свыше 2000 ..., высказались по вопросу

ПРОКЛАМАЦИЯ, НАПИСАННАЯ ЛЕНИНЫМ 24 ФЕВРАЛЯ 1906 г. ПО ВОПРОСУ О ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

2. СОЗДАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И ИХ РОЛЬ В РЕВОЛЮЦИИ 1905—07 г.г.

Колыбелью российского профдвижения была революция. Рабочие массы до революции были почти совершенно неорганизованы. Единственной опорой их в экономической борьбе была социал-демократическая партия. Но нелегальные условия ее существования не могли способствовать распространению ее непосредственного воздействия на широкие рабочие массы. Потребность в массовой пролетарской организованности для борьбы с организующимся в свои классовые объединения капиталом все более возрастала. Пролетариат за время революции с небывалыми темпами и размахом проходил все фазы массовой революционной стачки. В процессе борьбы он создавал свои боевые органы. Но это были пока не профсоюзы, а Советы, в предприятиях же это были первые зародыши фабрично-заводских комитетов.

Профессиональное строительство отставало в темпах и в организационном оформлении. Только ремесленный пролетариат, менее вовлеченный в политическую борьбу, ощущал необходимость спешно организовать свои силы для развертывающейся экономической борьбы. Важнейшие профсоюзы, как и их межсоюзные объединения, создаются лишь после спада политической борьбы,—после ноября-декабря 1905 г. Ряд союзов был создан в октябре — «в дни свобод». Но основная масса профессиональных союзов была организована за время 1906—07 г.г.

30 апреля 1906 г. состоялось учредительное собрание союза металлистов. По сравнению с другими профессиями металлисты запоздали с организацией своего классового союза. На предприятии борьба велась под руководством заводских комитетов, делегатских собраний и т. п. Но создавшись, союз металлистов сразу оформился как боевой классовый союз. Весной 1906 г. началась энергичная подготовка всероссийской конференции союза, которая — под видом Московской областной конференции — открылась в Москве в феврале 1907 г. На ней присутствовали представители 11 союзов. Реакция помешала созвать всероссийский съезд и создать всероссийское объединение металлистов. Его удалось создать только после октябрьской революции в 1918 г.

Другой крупный отряд — текстильщики — также вступил в революцию неорганизованным. В ходе стачек на всех текстильных фабриках выбирались депутаты, в других районах, как в Иваново-Вознесенске, были созданы даже Советы рабочих депутатов, руководившие стачками.

Объединенный союз текстильщиков в Москве был организован в ноябре 1905 г., в Петербурге — в декабре, после неудачи

восстания. Фактически союзы текстильщиков стали существовать с осени 1906 г. Правительство издало закон 4 марта 1906 г., которым преследовало цель обезвредить, обезопасить экономические рабочие организации и уложить их деятельность во вполне «благонамеренные» рамки. Однако на практике союзы, вынужденные использовать этот закон для легализации, развивали революционную работу и боевое руководство массовым экономическим движением.

На январь-февраль 1907 г., по Европейской России, без Сибири, Прибалтики, Финляндии, Польши и Кавказа, — насчитывалось 652 союза с 245.335 членами союзов. Это составляло 3,5% организованных ко всему числу занятых в производстве.

На первом месте по организованности шли печатники—48% организованных, на втором — металлисты—8,6%. В остальных союзах процент организованных был значительно меньше. Среди горняков этот процент падал до 1,1%. По производствам величина союзов была очень различна. Централизованные союзы — металлисты, текстильщики, печатники — стояли на первом месте:

У металлистов—81 союз—48.173 члена.

У текстильщиков—25 союзов—37.214 членов.

У торгово-промышленных служащих—101 союз—32.475 членов.

У печатников—71 союз—28.654 члена.

За этот же период 1905—07 г.г. в 46 крупных промышленных центрах были созданы межсоюзные центры — центральные бюро союзов. Волна локаутов, направленная против революционных рабочих, голод и безработица, которой думал капитал задушить революцию, попытки отнять у рабочих их завоевания за годы борьбы, особенно в области продолжительности рабочего времени и сокращения заработной платы, — вот что определяло круг деятельности профсоюзов в эти годы спада революции. Это был период ожесточенных боев с капиталом и самодержавием. Профсоюзы возникли и развивались в атмосфере этих боев и именно эта атмосфера революции наложила свой отпечаток на политическую программу и тактику и на выработку идеологии профессионального движения. Идеологически выдержанная классовая политика большинства профсоюзов в 1906—07 г.г. являлась, прежде всего, результатом того, что у колыбели профдвижения стояла революционная социал-демократия. Недавний опыт зубатовских и гапоновских союзов, отвлекавших рабочих от классовой борьбы, заставляет рабочие профессиональные организации стремиться к самому тесному сотрудничеству с РСДРП.

Громадное влияние на оформление революционно-классовой идеологии профессионального движения в России имели больше-

вики и Ленин. Уже в своей работе «Что делать», написанной в 1902 г., Ленин сформулировал основные взгляды на профессиональную борьбу, на организационные принципы и взаимоотношения партии и союзов. Эти взгляды получили свое окончательное завершение в решениях Лондонского съезда партии, который признал необходимым установить идейное руководство профсоюзами со стороны партии пролетарского авангарда. Подчеркивая организующую и руководящую роль партии в профсоюзах, большевики и Ленин дали твердые идейные установки, на основе которых и за которые в течение всего 1905—07 гг. происходила борьба большевиков с меньшевиками в профессиональном движении.

В противоположность меньшевистской теории равноправия партии и союзов и так называемой «нейтральности» профсоюзов, большевики требовали признания руководства социал-демократии в профдвижении и тесной, органической связи между партией и профсоюзами. Буржуазные и мелкобуржуазные партии требовали признания нейтральности профсоюзов для того, чтобы отвлечь их от пролетарских классовых задач и повернуть пролетариат на путь буржуазной политики.

Таким образом, спор между большевиками и меньшевиками о нейтральности союзов был в своей первооснове спором между трэд-юнионистской и революционной, марксистской тенденциями, развернувшимися и оформившимися впоследствии, уже в годы реакции и усиления ликвидаторства, к которому скатывался меньшевизм после 1905 г.

Меньшевики и Троцкий упрекали Ленина в 1905—07 г.г. за то, что он якобы смешивает два понятия — вооруженное восстание и профессиональную борьбу и, отдавая предпочтение восстанию, игнорирует профсоюзы. Ленин очень резко возражал против такого смешения. Как он ставил вопрос? Вооруженное восстание, говорил он, есть средство для свержения самодержавия. А профессиональная борьба — одна из постоянных пролетарских задач. Если профсоюзы твердо усваивают социал-демократические идеи, они становятся базой для воспитания масс и подготовки их к восстанию. «Профессиональные союзы,—пишет Ленин,—могли бы расширить ту базу, из которой мы почерпаем силы для восстания, так что еще раз скажу: противополагать одно другому ошибочно. Вооруженное восстание есть высший способ борьбы пролетариата».

В ходе борьбы большевизма и меньшевизма в профдвижении 1905 — 07 г.г. окрепли и отстоялись основные принципы большевизма в профдвижении, которые сложились еще до рево-

люции и которые помогли организовать революционное профдвижение, целиком ставшее под знаменем ленинизма.

Подведем теперь краткие итоги революционной борьбы пролетариата в первой русской революции, где он с такой решительностью выступает в качестве вождя и руководителя общедемократического фронта борьбы с самодержавием.

Для сравнения возьмем две характерных даты: десятилетие (1895—1904 г.г.), предшествующее революции, и один год революции.

Получается следующая картина результатов стачечной борьбы:

	1895—1904 г.г. (10 лет)		1905 год	
	Количество стачек	Количество стачечников (в тыс.)	Количество стачек	Количество стачечников (в тыс.)
В пользу рабочих . .	498	116,6	1.949	377,7
Компромиссные . . .	384	84,0	2.479	671,4
В пользу предпринимателей	802	222,6	1.254	421,2

Революционный год дает преобладание успешных стачек. После 1905 г. произошло повышение заработной платы, особенно на крупных предприятиях, где сила натиска была значительнее, чем на мелких. На крупных предприятиях рабочие добились 20% повышения, на средних—12% и на мелких—8%. В отношении рабочего времени на ряде предприятий Москвы и Петербурга рабочие добились 8-часового рабочего дня, потом замененного 9-часовым.

1905—07 г.г. дали не только значительное количество профсоюзов, но и профессиональную печать.

Но эти экономические завоевания 1905 г., значительная часть которых была отнята в последующие годы реакции, не столь важны для пролетариата, как итоги революции в области политического и классового воспитания пролетариата.

«Только борьба воспитывает эксплоатируемый класс,—писал по этому поводу Ленин,—только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способность, проясняет его ум, выковывает его волю»...

Пролетариат в процессе революции, действительно, обнаружил такие силы и такую боевую энергию, какие может обнаружить только революционный класс, который может бороться за великие цели и бороться, действительно, революционно.

Весь ход революции и весь ее опыт доказал значение пролетариата—«бесконечно более высокое, чем его доля в населении»—

вождя и гегемона общенародной революции. Ленин, говоря об итогах революции 1905 г., в статье «Об оценке текущего момента», особенно настойчиво подчеркивает именно этот основной итог:

«Руководящая роль пролетарских масс во всей революции и на всех поприщах борьбы, начиная от демонстраций, продолжая восстанием и кончая (в хронологическом порядке) «парламентской» деятельностью, выступила наружу воочию перед всеми за этот период, взятый в его целом».

Вместе с тем, Ленин настаивал на обязательности полной классовой самостоятельности партии пролетариата в общедемократическом движении и предостерегал от опасности растворения пролетариата в буржуазной революции.

«Для пролетариата борьба за политическую свободу и демократическую республику в буржуазном обществе есть лишь один из необходимых этапов в борьбе за социальную революцию, ниспровергающую буржуазные порядки» — учил он.

Итак, борьба за политическую свободу, борьба за свержение самодержавия — лишь «один из необходимых этапов», вслед за которым немедленно начинается развернутая борьба за свержение буржуазии.

В революции 1905 г. Ленин с предельной четкостью и полнотой поставил перед партией и рабочим классом задачу перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В ст. «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» (сентябрь 1905 г.), Ленин писал: «От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути. Если мы не обещаем сейчас же и немедленно всяких «социализаций», то именно потому, что мы знаем действительные условия этой задачи и не затушевываем, а разоблачаем зреющую новую классовую борьбу в недрах крестьянства.

Мы сначала поддерживаем до конца, всеми мерами, до конфискации, — крестьянина вообще против помещика, а потом (и даже не потом, а в то же самое время) мы поддерживаем пролетариат против крестьянина вообще. Усчитать сейчас комбинацию сил внутри крестьянства на «другой день» после революции (демократической) — пустая утопия. Не впадая в авантюризм, не изменяя своей научной совести, не гоняясь за дешевенькой популярностью, мы можем сказать и говорим лишь одно: мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, чтобы тем легче было нам, партии пролетариа-

та, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче — революции социалистической. Мы не обещаем никакой гармонии, никакой уравнительности, никакой «социализации» из победы теперешнего крестьянского восстания,—напротив, мы «обещаем» новую борьбу, новое неравенство, новую революцию, к которой мы и стремимся».

Ленинская теория перерастания тем и отличается от меньшевистско-троцкистской теории перманентной революции, что она не перепрыгивает через этапы, что она построена на учете реальной конкретной обстановки. «Ленин предлагал «исчерпать» революционные способности крестьянства и использовать до дна его революционную энергию для полной ликвидации царизма, для перехода к пролетарской революции, между тем как сторонники «перманентной революции» не понимали серьезной роли крестьянства в русской революции, недооценивали силу революционной энергии крестьянства, недооценивали силу и способность русского пролетариата повести за собою крестьянство и затрудняли, таким образом, дело высвобождения крестьянства из-под влияния буржуазии, дело сплочения крестьянства вокруг пролетариата» (Сталин. Вопросы ленинизма).

В 1905 г. пролетариат в полном объеме выявил свою историческую роль не только как гегемона буржуазно-демократической революции в России, но и как движущей силы перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, но и как застрельщика мировой революции.

В 1905 г. пролетариат и трудящиеся массы на опыте проверили две тактики и два понимания революции и на опыте убедились в том, что только единая, сплоченная большевистская партия, проводящая беспощадную борьбу на два фронта, разоблачающая меньшевизм и троцкизм — агентуру буржуазии в рабочем классе, преодолевающая правые и «левые» шатания в своих рядах, что только наша партия может повести пролетариат на борьбу за диктатуру пролетариата и за построение социализма.

Б. Б. ГРАВЕ

РАБОЧИЙ КЛАСС И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ РЕАКЦИИ И ПОДЪЕМА

ВВЕДЕНИЕ

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА (1908—14 г.г.)

Период 1907—14 г.г. характеризуется дальнейшим нарастанием тех основных противоречий, которые составили предпосылки двух этапов нашей революции: первого — демократического и второго — социалистического, причем первого непосредственно перераставшего во второй.

Вопреки клеветническим утверждениям Троцкого и троцкистских контрабандистов, будто Ленин не понимал необходимости перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, будто Ленин понял необходимость такого перерастания лишь после войны, после того, как он «перевооружился» при помощи Троцкого, Ленин еще в 1905 г. подчеркивал необходимость борьбы за немедленное перерастание демократической революции в социалистическую, указывая, что «мы не остановимся на полпути», что «от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и, как раз в меру нашей силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции». Еще в 1905 г. Ленин указывал, что в России происходили «две различных и разнородных социальных войны» — «общенародная борьба за свободу, за демократию» и «классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества».

Это показывает, насколько ложны троцкистские идеи о том, будто «вся история России с 1861 г. по 1917 г. есть история борьбы «двух путей» развития капитализма в России», что только «условия войны вплотную поставили перед пролетариатом борьбу за социализм» (Ванаг). Эти идейки в корне противоречат ленинскому учению о перерастании демократической революции в социалистическую.

Развитие финансового капитала в рамках диктатуры крепостников, нарастания в России «величайшей народной революции»,

во главе которой стоял революционнейший в мире пролетариат, имевший в своем распоряжении такого союзника, как революционное крестьянство России, при наличии объективных условий революции во всей системе мирового империалистического хозяйства, — создавало «благоприятные условия для прямого штурма твердынь капитализма» (Сталин), создавало предпосылки для быстрого перерастания первого, демократического этапа революции во второй, социалистический, для превращения Октябрьской революции в начало мировой социалистической революции и успешного построения социализма в нашей стране.

В условиях борьбы за первый, демократический этап революции перед Россией открывались два возможных пути развития капитализма. Первый путь по аналогии с Пруссией Ленин называл «прусским путем». Это был путь реформ сверху, проводимых крепостниками при поддержке буржуазии, при сохранении диктатуры в руках крепостников. Этот путь заключался в постепенном, медленном реформировании крепостнических отношений в деревне, в постепенной переделке помещичьих крепостнических хозяйств в юнкерские капиталистические, в выделении в деревне небольшой кучки кулаков при разорении и пролетаризации основных масс крестьянства.

Второй, «американский» путь развития — путь революции, совершаемой пролетариатом в союзе с руководимым им крестьянством, должен был привести к революционной ломке старых феодально-крепостнических отношений, к установлению революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, к борьбе за немедленное перерастание демократической революции в социалистическую.

Борьба за два возможных пути капиталистического развития ясно наметилась еще в XIX в., но с наибольшей остротой она развернулась в революции 1905 г.

Революция 1905 г. потерпела поражение. Революция была подавлена. Однако революция наглядно показала крепостникам-помещикам, что без создания новых классовых опор удержаться им у власти нельзя. В борьбе с революцией правительство пытается создать себе союзника в лице деревенского кулака.

Своеобразие межреволюционного периода заключалось в том, что сами крепостники путем проведения так называемой столыпинской реформы пытались разрешить по-помещичьему, «по-прусски» это противоречие.

«И Столыпин, и черносотенные помещики, и октябристы,— писал Ленин, — понимают, что «без ломки старых отношений», «без создания новых классовых опор» удержаться им у власти нельзя».

«Великий «сдвиг», уже бесповоротно совершенный революцией, — писал Ленин в «Политических заметках» в 1908 г. — состоит в том, что черносотенное самодержавие раньше могло опираться на средневековые формы землевладения, а теперь вынуждено, всецело и бесповоротно вынуждено с лихорадочной быстротой работать над их разрушением. Ибо оно поняло, что без ломки старых земельных порядков не может быть выхода из того противоречия, которое глубже всего объясняет русскую революцию: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм».

Правительство пытается предупредить революцию и разрешить назревшие в деревне противоречия в рамках прусского пути проведением так называемой столыпинской реформы. Правительство проводит целый ряд мер, которые содействуют переходу помещичьих хозяйств от крепостнической системы хозяйства к капиталистической. Правительство всячески помогает развитию кулацких хозяйств за счет ограбления основной бедняцко-середняцкой массы деревни. В целях разрушения общины и укрепления земли в частную собственность был издан указ 9 ноября 1906 г., который после утверждения III Государственной Думой, Государственным Советом и, наконец, царем, стал законом 14 июня 1910 г.

Согласно указу 9 ноября 1906 г., каждому домохозяину, владевшему надельной землей на общинном праве, было предоставлено право во всякое время требовать укрепления за собой в собственность причитавшейся ему части надельной земли. Согласно же закону 14 июня 1910 г. устанавливалась обязательность перехода к личной подворной земельной собственности всех тех общин, в которых не было передела в течение 24 лет.

Для того чтобы поощрить выдел из общины, царская администрация предоставляла выделенцам целый ряд льгот за счет остального крестьянства. Она не останавливалась даже перед мерами прямого принуждения.

Для того же, чтобы крепостники могли с наибольшей выгодой для себя по наиболее высоким ценам продавать кулакам свои земли, был создан еще в 80-х годах XIX в. специальный Крестьянский банк.

В годы столыпинщины полукрепостное землевладение несколько сократилось. Часть земельных владений крепостников перешла в руки новой быстро развивающейся земельной буржуазии из среды купцов, мещан, кулачества и т. п. Только за 1906—10 г.г. дворянство потеряло 6.536,3 тыс. дес., купечество приобрело 1.043,4 тыс. дес., а сельское кулачество — 5.617,2 тыс. дес.

Однако, несмотря на все эти мероприятия, полукрепостное землевладение сохранилось до самой Октябрьской революции, сохранились и связанные с ним различные формы кабальной эксплоатации крестьян. Хотя царское самодержавие в этот период сделало еще шаг в сторону буржуазной монархии, однако оно осталось еще старым крепостническим. Правительству не удалось создать себе в деревне сколько-нибудь прочной опоры в лице развивавшегося кулачества. Площадь хуторов и отрубов составляла не более 10 % всей земельной площади крестьянства. Хутора и отруба были каплями в море крестьянского разорения и нищеты. Большинство крестьян, несмотря на эти «прогрессы», осталось, по словам Ленина, в «крепостническом рабстве».

Столыпинщина не привела к созданию сколько-нибудь устойчивых буржуазных отношений в деревне. Самый процесс проведения реформы, наглое покровительство правительства кулакам, которые расхищали общинные земли, господство в деревне ничем не ограниченного полицейского произвола, — все это не только не ослабило классовой борьбы в деревне, но создало предпосылки для еще большего ее обострения.

Столыпинщина не только не уничтожила предпосылок общекрестьянской борьбы против помещиков, но еще более обострила ее и в то же время усилила борьбу внутри деревни между деревенской беднотой и сельской буржуазией. Именно она подготовила то движение бедноты, которое с особой силой развернулась в 1917-18 г.г.

Таким образом, в условиях столыпинской реформы перед пролетариатом и его партией целиком сохранялась задача борьбы за доведение до конца демократической революции, задача борьбы за революционный путь уничтожения крепостнических пережитков.

Особенностью России являлось то, что капитализм в ней достиг своей высшей стадии империализма в то время, когда в ней господствовала диктатура крепостников. Развитие финансового капитала и империализма при наличии диктатуры крепостников создавало особые черты русского «военно-феодального империализма».

«В России всесилье капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов... Царская Россия была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме»[1]. Таковы были основные черты русского «военно-феодального империализма».

---

[1] Сталин. Об основах ленинизма. Гиз. 1931 г., стр. 14.

Быстрое развитие капитализма в России было результатом общего закона неравномерности капиталистического развития. Капитализм в России развивался на основе всех достижений европейской организации и техники.

Известно, что по концентрации промышленности Россия занимала одно из первых мест в мире, несмотря на отсталость своей экономики. Концентрация промышленности значительно усилилась в годы кризиса начала XX в., а также в годы депрессии 1907-09 г.г., когда закрывались и гибли слабые предприятия и в то же время укреплялись предприятия крупные. Высокой концентрацией отличалась особенно русская металлургическая промышленность, в частности металлургия Донбасса.

Высокой концентрации достигли и банки, в которых главную роль играли петербургские банки. С 1900 по 1914 г. основной капитал всех банков увеличился в три раза.

В годы депрессии, на основе роста национального накопления и притока иностранных капиталов, произошла массовая реорганизация русских промышленных предприятий, многие из которых от единоличных владельцев перешли в собственность акционерных компаний, непосредственно подчиненных банковскому капиталу.

В области металлургии банковский капитал распоряжался акционерными обществами, основной капитал которых составлял 87,9% всех капиталов, вложенных в русскую металлургию. В машиностроении, вагоностроении, механическом производстве банковский капитал командовал 100% вложенных в них капиталов; в каменноугольной промышленности—75%, нефтяная промышленность почти целиком была подчинена банковскому капиталу. Наименьшим было подчинение банкам в области текстильной промышленности, однако в годы промышленного подъема оно значительно усилилось.

Громадная концентрация производства, сращивание промышленного капитала с банковским и образование финансового капитала дали толчок к быстрому синдицированию русской промышленности. Накануне войны почти все важнейшие отрасли промышленности были охвачены синдикатами. Наиболее крупные синдикаты были в области металлургии. Создание монопольных организаций приводило к загниванию капитала. Создавшиеся в области промышленности монопольные объединения начали искусственно сокращать производства и вздувать цены.

Являясь более слабым звеном империалистической цепи, Россия однако выступала в качестве крупнейшей империалистической державы, владевшей колониями, стремившейся к тому, чтобы завоевать своими товарами восточные рынки, в частности турец-

кий, персидский, афганский и т. д. В союзе с Францией и Англией Россия участвовала в борьбе за передел мира. Вопреки утверждениям Троцкого и троцкистских контрабандистов, не дооценивающих роли России, как одного из активных участников в борьбе за передел мира, царская Россия выступала в качестве «вернейшего союзника империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д.». «Кому не известно, — пишет т. Сталин, — что империалистическая война велась царизмом в союзе с империалистами Антанты, что Россия являлась существенным элементом этой войны», что «интересы царизма и западного империализма сплетались между собой в единый клубок» [1].

Таким образом царская Россия выступала в качестве «узлового пункта противоречий империализма». И поскольку Россия «была беременна революцией более чем какая-либо другая страна, только она была в состоянии разрешить эти противоречия революционным путем» [2].

Теперь рассмотрим, каково было положение пролетариата и как развертывалась его борьба в годы реакции и затем в годы подъема.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ РЕАКЦИИ

1. ПРОМЫШЛЕННАЯ ДЕПРЕССИЯ И УПАДОК РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Годы реакции были исключительно тяжелы для рабочего класса. Разгром революции, неслыханный террор, промышленная депрессия, массовая безработица и т. д. — все это отрицательно действовало на пролетариат.

Послевоенный кризис хозяйства особенной остроты достиг в России во второй половине 1905 г. и в начале 1906 г. К концу 1906 г. начали обнаруживаться некоторые признаки нового оживления хозяйства. Однако это оживление было прервано очередным капиталистическим кризисом, который, начавшись в Америке, в 1907—09 г.г. охватил почти весь капиталистический мир.

К влиянию мирового промышленного кризиса присоединялись и общие условия полукрепостного строя, которые замедляли

[1] Сталин. Вопросы ленинизма. Гиз, 1931 г., стр. 14-15.
[2] Там же.

восстановление хозяйства, задерживая развитие внутреннего рынка. В результате в России в период 1907—09 г.г. создалась затяжная депрессия. Сократилось число действующих металлургических заводов. Значительно сократилось число действовавших доменных печей и упала выплавка чугуна. Хотя производство железа и стали резко не сократилось, однако оно почти остановилось в своем росте, что было типично для периода депрессии.

Наиболее тяжелой депрессия была в области металлургии. Это можно видеть из следующей таблицы:

Годы	Число действ. завод.	Число рабоч. (в тыс)	Число действ. и наход. в рем. дом. печ.	Произв. чугуна (в млн. пуд.)	Производст. жел. и стали (в млн. пуд.)
1904 . . .	197	295	218	180,4	162,9
1905 . . .	188	279	197	165,8	143,1
1906 . . .	188	281	187	163,8	138,4
1907 . . .	186	273	187	172,0	146,6
1908 . . .	174	268	168	171,0	145,4
1909 . . .	171	230	154	175,3	160,0
1910 . . .	173	226	156	185,6	184,2

Почти аналогично было положение и в топливной промышленности:

Годы	Добыча камен. угля (в млн. пуд.)	Добыча нефти (в млн. пуд.)
1904	1.197	656,4
1905	1.141	455,9
1906	1.332	491,3
1907	1.508	523,7
1908	1.609	528,6
1909	1.591	563,3
1910	1.522	588,4

Значительно слабее была депрессия в хлопчатобумажной промышленности.

Но благодаря общей депрессии и легкая промышленность переживала на себе результаты общего депрессивного состояния. Застойность сказывалась и в области кредитных сделок, торговли и пр.

После поражения декабрьского восстания 1905 г. стачечное движение резко пошло на убыль, оно уже значительно сократилось в 1906 г. и еще больше снизилось в 1908-09 г.г. Крестьянское движение также сокращается, но менее значительно, чем рабочее движение.

РАССТРЕЛ РАБОЧИХ НА ЛЕНСКИХ ЗОЛОТЫХ ПРИИСКАХ 4 АПРЕЛЯ 1912 г.

С картины А. В. Моравова

ОБЫСК В ПРОФСОЮЗЕ

С картины Лебедева

Годы	Число рабочих, участвовавших в стачках (в тыс.)	Число крестьянских революционных выступлений
1904	95	91
1905	2.079	3.228
1906	1.108	2.600
1907	740	1.337
1908	176	855
1909	64	819
1910	46	828

Упадок рабочего движения сказался в резком снижении абсолютного и относительного количества политических стачек. В предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, в период реакции, по сравнению с периодом революции 1905-06 г.г., количество политических стачек и участников в них по официальным данным было следующее:

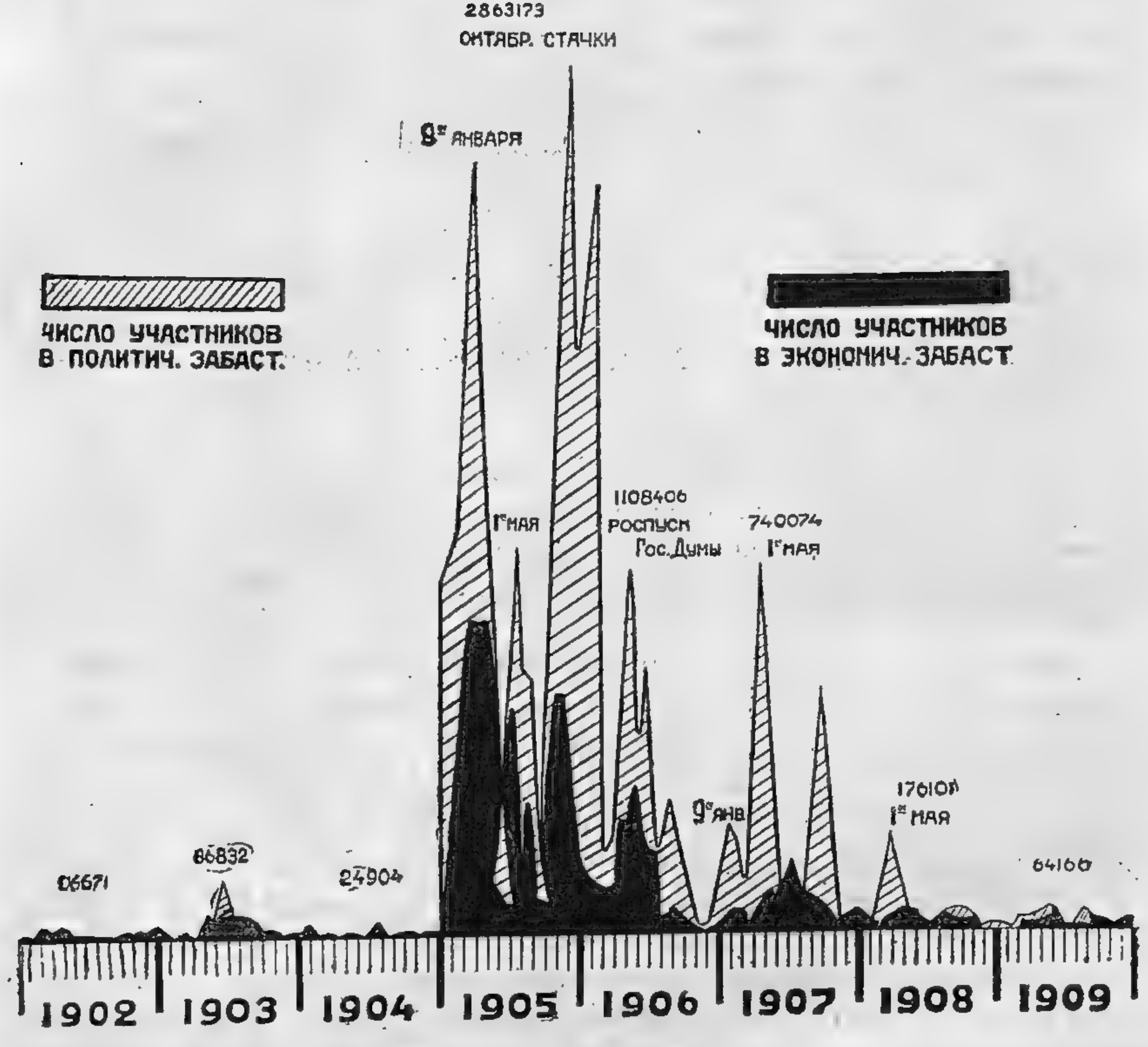
Годы	Полит. стачек	Участников	%-е отношение политич. стачек к числу всех стачек
1905	8.209	1.842.541	64
1906	3.569	650.683	58
1907	2.600	540.070	72
1908	464	92.694	52
1909	50	8.363	13
1910	4	3.777	8

Как видим, при общем резком сокращении абсолютного количества политических стачек и числа участвовавших в них стачечников значительно падает и их удельный вес: с 64% в 1905 г. процент политических стачек снижается до 13 в 1909 г. и до 8 в 1910 г.

Снижается процент рабочих, участвующих в стачечном движении. Если в 1907 г. в стачках участвовало 740.074 рабочих (или 41,9% всего их числа), то в 1908 г. это число пало до 176.100 (или 9,7%), в 1909 г.—до 64.166 (или 3,5%) и в 1910 г.—до 46.623 (или 2,4%). К 1909 г. по сравнению с 1907 г. число участников стачек уменьшилось более чем в 10 раз, а в 1910 г. оно приблизилось к скромным цифрам 1895 г., когда бастовало всего 31.195 рабочих (или 2,01% всего их числа).

Последним крупным выступлением пролетариата в 1907 г. было выступление в Петербурге 22 ноября, в день суда над членами с.-д. фракции II Думы. По официальным данным, тогда бастовало 60.389 рабочих. Девятого января — в ближайшую годовщину кровавого воскресенья — петербургский пролетариат не бастовал. На протяжении 1908—10 г.г. рабочие не откликнулись сколько-нибудь заметно ни на день 9 января, ни на день

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАБАСТОВКИ В 1902–1909 г.г. /в тыс. участ./ /по месяцам/



1 мая. Сильнее всего упадок движения сказался среди рабочих металлообрабатывающей промышленности. За два года (1908 и 1909 г.г.) петербургский союз металлистов зарегистрировал всего 14 стачек и 3.941 участника, т. е. по 7 стачек на год с едва 2.000 участников. Центр стачечного движения перемещается из

петербургского района, который всегда шел впереди в годы подъема движения, в текстильный центральный район (Московская, Владимирская и Костромская губ.). Стачечное движение текстильных рабочих продолжалось в 1907 г. почти с неослабевающей силой. Это, кстати сказать, является наглядным опровержением теории оппортунистов, будто бы в период кризисов и депрессий вообще невозможно стачечное движение.

Первая областная конференция союзов рабочих по обработке волокнистых веществ московского района, состоявшаяся в феврале 1907 г., в принятой резолюции признала «главным и наиболее действительным средством для поднятия экономического положения текстильных рабочих района областную забастовку», предложив в то же время удерживать массы от частичных забастовок. Областное бюро назначило общую стачку на 2 июля.

Забастовкой были охвачены крупнейшие предприятия Центрально-промышленного района. Областная стачка охватила 60—65 тыс. рабочих. Главным требованием забастовщиков было повышение зарплаты в связи с ростом дороговизны и также требование о выдаче премий, наградных и квартирных денег.

Движение было настолько сильным, что промышленники в ряде мест пошли на уступки и удовлетворение части требований по линии повышения зарплаты, выдачи квартирных, наградных и также сокращения рабочего дня. На протяжении 1908—10 г.г. текстильщики разворачивают оборонительную борьбу против наступления капитала.

В начале февраля 1908 г. забастовали 2.550 рабочих ткацкой фабрики Баранова (Владим. губ.). 16 июля забастовали 2.540 рабочих бумагопрядильной фабрики т-ва Дербенева (Владим. губ). В обоих случаях рабочие протестовали против понижения заработка, достигшего 7%.

В сентябре 1908 г. на фабрике Щербаковых (Моск. губ.) было сокращено число праздников и изменено рабочее время, так что в результате заработок рабочих понизился. В ответ на это забастовали 2.000 рабочих, потребовав сохранения прежнего порядка работ или прибавки по 1 руб. 30 коп. в месяц. В 1909 г. в особенности выделилась крупная забастовка на фабриках Викулы Морозова в Орехово-Зуеве, где бастовало 11 тыс. рабочих в ответ на объявление об уменьшении наградных с 7½ до 5%. На той же почве понижения наградных произошла в августе 1909 г. забастовка на Прохоровской мануфактуре, где вместо обычной выдачи наградных в размере 10-дневного заработка было объявлено о выдаче 9-дневного заработка. В августе 1909 г. забастовали 4 тыс. рабочих Раменской мануфактуры (Моск.

губ.), где расценки были понижены на 10% с одновременным увеличением рабочих часов.

В ряде случаев рабочие прибегают к новым формам забастовки, применяя так называемый «частичный способ работы», пуская станки на короткое время, чтобы избежать применявшегося фабрикантами, в случае 3-дневной неявки на работу, увольнения.

Однако движение текстильщиков в значительной мере было распыленным и разрозненным. Стачки, за редким исключением, не отличались упорством, были краткосрочны и часто заканчивались поражением рабочих. В значительном числе случаев стачки оканчивались в пользу предпринимателей.

Результаты стачек были следующие:

	За 10 лет /1895—1904/	1905	1906	1907	1908
В пользу рабочих	27,1	23,7	35,5	16,2	14,1
Взаимные уступки	19,5	46,9	31,1	26,1	17,0
В пользу предпринимателей	51,6	29,4	33,5	57,6	68,8

Если в 1905 г. в пользу предпринимателей кончилось только 29,4% стачек, то в 1908—68,8%, а в 1909 г. процент стачек в пользу предпринимателей возрос до 80. Приводя эти цифры, «Социал-демократ» приходил к выводу, что «рабочие оказывались не в силах не только наступать, но и обороняться».

2. НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ

Декабрьским вооруженным восстанием 1905 г. закончилась широкая наступательная борьба пролетариата в первой революции. Разгромив революцию, реакция переходит в наступление. 3 июня 1907 г. вместе с разгоном II Думы царское правительство издало новый избирательный закон для выборов в III Думу.

Согласно новому избирательному закону 3 июня 1907 г. были сильно урезаны избирательные права рабочих и крестьян. Новый избирательный закон обеспечил в Думе подавляющее преобладание представителей помещиков и буржуазии. Из 5.252 выборщиков по 53 губерниям от землевладельцев избиралось 2.594 выборщика, т. е. почти половина (49.39%) общего числа выборщиков, а от рабочих лишь 112 выборщиков, т. е. 2,13% общего числа выборщиков. Помещики посылали одного выборщика от 213 чел., крестьяне — одного от 60 тыс., а рабочие одного от 125 тыс.

Таким образом, избирательный закон 3 июня предопределил угодное правительству большинство III Думы, которая даже

по отзыву некоторых представителей царской бюрократии была «не выбранной, а подобранной».

При таком составе Думы, как писал Ленин, «представительство черносотенного дворянства и крупной буржуазии сделало громадный шаг вперед». Проводя буржуазную аграрную политику в деревне, создав единый представительный орган для помещиков-крепостников и верхов торгово-промышленной буржуазии, царское самодержавие тем самым делало новые шаги в сторону буржуазной монархии. Хотя самодержавие оставалось старым крепостническим, однако своеобразие послереволюционного периода заключалось в том, что «диктатура крепостника-помещика не была направлена при Столыпине против всего народа, включая сюда и все «третье сословие», всю буржуазию. Нет, эта диктатура была поставлена в лучшие для нее условия, когда октябристская буржуазия служила ей не за страх, а за совесть, когда помещики и буржуазия имели представительное учреждение, в котором было обеспечено большинство их блоку, и была оформлена возможность переговоров и сговоров с короной» (Ленин).

Открытый переход либеральной буржуазии на контр-революционные позиции нашел яркое отражение в выпущенном ею в разгар столыпинской реакции в 1909 г. контр-революционном сборнике «Вехи».

В этом сборнике, названном Лениным «энциклопедией либерального ренегатства», буржуазная интеллигенция обливала по-

«ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ТЮРЬМЫ»
Рисунок Н. Шестопалова в журнале «Зритель» 1906 г.

моями освободительное движение и открыто провозглашала о своих лакейских чувствах по отношению к столыпинской монархии.

Империалистические вожделения буржуазии, идея укрепления русской государственности, идея «Великой России» и буржуазного национализма, нашла яркое выражение и в другом сборнике вехистов «Великая Россия», проникнутом духом воинствующего милитаризма.

Сборник «Великая Россия», выпущенный в издательстве крупнейшего капиталиста Рябушинского, откровенно намечал очередные задачи русского империализма в борьбе за ближневосточные рынки.

Имея за собой поддержку империалистической буржуазии, царское правительство перешло в еще более решительное наступление на рабочий класс.

Одной из главных задач третьеиюньской монархии было удушение революции. Правительственный террор свирепствовал как никогда. Если в 1905 г. среднее число заключенных было 85 тыс., то, например, в 1909 г., когда революционное движение резко снизилось, число заключенных повысилось до 170 тыс., т. е. в два раза.

По весьма неполным данным, за период с 1907 по 1909 г. было осуждено судами по политическим делам 26.281 чел., из них было отправлено: на арестантские работы — 15.590 чел., на каторгу—6.517 чел., в ссылку — 1.009 чел., к смертной казни было приговорено — 5.086 чел., в том числе казнено 2.073 чел.

По годам эти цифры царского террора дают такую картину:

Годы	Смертных приговоров	Казнено
1907	1.692	748
1908	1.959	782
1909	1.435	543
	5.086	2.073

Против кого был направлен этот террор? Об этом говорят данные хотя бы по 1907 г. В этом году пострадало 11.066 чел. Из них крестьян было 4.404, рабочих — 1.603, солдат — 2.130, мещан — 599, разных—171. Всего лиц «низших» сословий и профессий 8.907 или 80,6%.

Нещадный террор и издевательство царили в этот мрачный период и в царских тюрьмах. Вся социал-демократическая печать за годы реакции пестрила сообщениями о массовых избиениях и издевательствах над заключенными, о чисто инквизиторских пытках, когда заключенных били до беспамятства, сажали на це-

лые месяцы в железные клетки, запарывали на смерть, доводили до сумасшествия и самоубийства.

Правительство обрушилось всей тяжестью репрессий на рабочее движение и рабочие организации. Оно систематически громило рабочие организации и прежде всего профессиональные союзы. Деятельность и развитие уже резрешенных профессиональных обществ рабочих были крайне затруднены из-за преследований полиции, систематических высылок их членов, преследования собраний, союзов и органов профессиональной печати.

Особенно усилились эти преследования вслед за циркуляром департамента полиции (от 10 мая 1907 г.), в котором рекомендовалось «местным властям обратить на состав и деятельность профессиональных союзов самое пристальное и серьезное внимание, допускать их легализацию лишь при наличности несомненных данных об отсутствии их связей с социал-демократическими группами, а при первых попытках со стороны означенных организаций к отступлению от установленных пределов деятельности—закрывать их». Собрания профессиональных союзов проводились в присутствии полиции, которая придиралась к каждому слову ораторов.

«На собраниях, — писали в «Пролетарий» из Москвы, — придираются к каждому слову, делают оратору предупреждения за произнесенное слово «штрейкбрехер» на том основании, что это «пахнет забастовкой», а устраивать забастовки союзы «не имеют права». Запрещают употреблять слова «рабочий класс», «буржуазия», «славные прошлые годы» и даже просто «прошлые годы».

Петербургский градоначальник отдал распоряжение о том, чтобы не только общие собрания, но и заседания правления союзов происходили в присутствии полиции.

«Даже те союзы, — пишет «Социал-демократ», которым позволяют дышать, поставлены в такие условия, что главной своей функции — руководства стачечной борьбой — они выполнить не могут».

Для того чтобы профессиональные союзы могли существовать, правительство ставило определенные условия. Оно добивалось уничтожения боевого духа профсоюзов, уничтожения каких бы то ни было связей их с партией.

Всячески стесняя деятельность союзов, правительство борется с ними и более энергичными мерами, отказывая в регистрации, закрывая их по самым разнообразным и неожиданным поводам, начиная от обвинения в руководстве стачками, вплоть до того, что в помещении союза «полиция застала не членов союза».

По весьма неполным данным, в 1907 г. полиция закрыла 159 союзов, в 1908 г.—101 союз, в 1909 г.—96 и в 1910—88. По данным газеты «Социал-демократ», за 5 лет с марта 1906 г. было закрыто 497 профессиональных союзов, отказано в разрешении 604 союзам.

Все это привело к сильному упадку профдвижения. По подсчету профсоюзных органов, в начале 1907 г. по всей России насчитывалось 652 союза с 245.555 членами, между тем уже к концу 1908 г., по подсчетам Совета съездов представителей торговли и промышленности, число членов профессиональных союзов по всей России равнялось только 40.000, а к концу 1909 г. всего 13.300 чел.

В Москве в начале 1907 г. 46 союзов насчитывали 48.000 членов, к 1 июля 1909 г. в 21 союзе было всего лишь 7.000 членов, т. е. за два года число членов уменьшилось в семь раз.

В Петербурге в начале 1907 г. в 44 союзах было 51.782 члена, к 1 июля 1908 г. в 28 союзах осталось 22.300 членов, причем в 8 крупнейших союзах, насчитывавших 17.200 членов, было платящих взносы членов 7.418, а к 1 июля 1909 г. их осталось всего 5.418.

В провинции положение было еще хуже. В Киеве в мае 1908 г. в союзе портных на 600 членов приходилось 70 платящих, в союзе булочников из 250 членов платили взносы 6, в союзе деревообделочников из 526—4. В Екатеринославе в 1909 г. в союзе металлистов из 2.000 членов осталось около 200, в Донбассе союзы, имевшиеся в Луганске, Ростове н/Д. и Мариуполе, также были значительно ослаблены. В Нижнем-Новгороде профессиональная работа была почти целиком ликвидирована, в Иваново-Вознесенске союзы влачили жалкое существование, объединяя ничтожные группки текстильщиков.

Преследуя профессиональные союзы, правительство вело решительную борьбу и с рабочей печатью.

По сообщению «Торгово-Промышленной Газеты», на 1 января 1908 г. было закрыто до 100 профессиональных изданий.

В течение 1908—09 г.г. разгром профессиональной печати продолжался.

В исключительно тяжелых условиях развивались рабочие клубы, общества самообразования и прочие просветительные организации.

Закрытие союзов и органов рабочей печати обычно сопровождалось репрессиями по отношению к активу рабочих организаций. В Петербурге, например, по сообщению «Пролетария», систематически высылались председатели и секретари союзов и редакторы органов профпечати. За период 1906—16 г.г. было арестовано

1.712 профессиональных работников. Разрушая революционные профсоюзы, правительство пыталось создать вновь нечто вроде зубатовских организаций. С 1908 г. начала выходить даже особая «Рабочая Газета» Ушакова, главной задачей который было отвлечь рабочих от политической борьбы, оторвать от партийного большевистского влияния.

В условиях массовой безработицы правительство пытается использовать тяжелое положение рабочих, чтобы внести дезорганизацию и разложение в их среду, посылая охранников на фабрики и заводы, делая попытки привлечь отдельных рабочих, особенно из попавшихся в «политике», к работе в охранке.

В ряде районов правительство при участии шпиков и провокаторов пытается создать свои «рабочие общества».

Борясь с революционными организациями, правительство широко применяет среди рабочих черносотенную агитацию. Такой, например, «работой» прославился одесский градоначальник Толмачев.

По его инициативе устраивались рабочие артели, руководимые черносотенцами. В порту Толмачев устроил черносотенный «Рабочий союз» и поставил дело так, что на работу принимались только члены «Союза русского народа».

В области социального законодательства политика третьеиюньского блока заключалась в содействии наступлению капитала на рабочий класс. Когда в III Думу был внесен даже явно реакционный антирабочий правительственный законопроект о страховании от несчастных случаев и потери трудоспособности рабочих и служащих на казенных предприятиях, октябристское большинство Думы настояло на снятии его с обсуждения. Промышленники опасались, что принятие этого законопроекта повлечет за собою введение страхования на частных предприятиях. «Рабочая комиссия» III Думы, под председательством барона Тизенгаузена, отклонила этот проект, указав в своем докладе, что проект этот находится в противоречии с имеющимся рабочим законодательством. Особенно враждебно встретило правительственное большинство III Думы также явно реакционный, враждебный рабочему классу законопроект о врачебной помощи рабочим и о поддержании рабочих предпринимателями во время болезни. Центр и правые настаивали на том, чтобы значительная часть расходов по врачебной помощи была снята с предпринимателей и возложена на больничные кассы. Фабриканты упрекали черносотенное правительство в излишней будто бы «снисходительности к рабочим». В результате законопроект, выработанный министерством финансов, после 4 лет странствований по всем закоулкам Думы, стараниями правых и октябристов был укорочен

почти наполовину; из него было совершенно исключено страхование от профессиональных заболеваний; была сильно сокращена больничная помощь и пенсия. То, чего не доделала Дума, довершил Государственный Совет. Плодом этого «попечения» о рабочих и явился закон 23 июня 1912 г. о страховании, изданный правительством в разгар революционного движения. Однако издание этого закона не только не внесло успокоения в рабочий класс, на что рассчитывало правительство, но дало толчок массовому движению рабочих, вылившемуся в так называемой «страховой кампании».

Не лучше обстояло дело и с принятым III Думой законопроектом об отдыхе торговых служащих. Правительственный законопроект об отдыхе торгово-промышленных служащих в целом ряде случаев ухудшал положение приказчиков. Проект санкционировал 12-часовой рабочий день торговых служащих, допуская в течение 40 дней в году 14-часовой рабочий день, разрешая также «для неотложных, необходимых работ» продолжение рабочего дня на 2 часа в сутки. Проект допускал торговлю по воскресным дням и в годовые праздники. Социал-демократическая фракция отвергла этот проект в корне, считая, что для действительно нормального отдыха торговых служащих нужно установить 8-часовой рабочий день и обязательный еженедельный 42-часовой отдых. Конечно, октябристы и черносотенное большинство III Думы отклонило все требования социал-демократической фракции, а также и все поправки других фракций к отдельным статьям проекта (о сокращении рабочего дня торговых служащих до 10 час., о предоставлении разрешения националам не работать в свои праздники, о недопущении к работе детей до 14-летнего возраста и др.). Характерно, что при обсуждении законопроекта о нормальном отдыхе торговых служащих, некоторые из купцов-октябристов выступили вообще против всякого законодательного вмешательства во взаимоотношения между хозяевами и служащими. — «Сорок лет назад, — говорил старозаветный купец-октябрист Корякин,— не считались ни с каким временем... только требовали дела, а теперь говорят о какой-то борьбе между хозяевами и служащими» — возмущался он. — «Хозяева и служащие, это — своего рода семья», — поучал патриархальный купчина.

Государственный Совет увеличил продолжительность торговли до 15 часов. Принятый 17 декабря 1910 г. законопроект «об отдыхе торговых служащих», в действительности с полным правом можно было назвать законопроектом о лишении отдыха торговых служащих. Таковы были жалкие итоги в области рабочего законодательства за этот период.

3. НАСТУПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

Разгром революции 1905 г. и наступившую реакцию капитал использовал для развернутого наступления на рабочий класс.

«Реакция перенеслась на фабрики и заводы, — писал петербургский комитет партии в одном из своих воззваний. — Шаг за шагом и там восстанавливается старина. Капитал наступает по всей линии». Увеличивается рабочий день, сокращается заработная плата, с фабрик изгоняются наиболее передовые рабочие, запрещается всякое заводское представительство рабочих, запрещаются собрания, не допускается никаких сборов и, наконец, вводятся в ужасающих размерах сверхурочные работы.

«Теперь настало наше время, и хозяевами положения являемся мы»,—говорили фабриканты.

Пролетариату в его тяжелой борьбе приходилось иметь дело уже не только с отдельными капиталистами, но и с их организациями, которые совершенно бойкотировали профсоюзы и рабочие организации, отказываясь признавать их и иметь с ними дело.

В 1906 и 1907 г.г. оформляются два крупных боевых союза предпринимателей: Петербургское общество заводчиков и фабрикантов и Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района. Предприниматели подводят под свое объединение солидную материальную базу путем создания особых стачечных фондов с целью страхования убытков предпринимателей от забастовок.

В связи с промышленной депрессией капиталисты массами выбрасывали рабочих на улицу, увеличивая армию безработных.

Со всех концов России шли сообщения о массовых сокращениях рабочих. Те же, которым посчастливилось остаться, работали неполную неделю. На целом ряде предприятий, в том числе на крупнейших заводах Петербурга, за неимением работы работали 3—4 дня в неделю.

«Во всех отраслях производства, — пишет «Социал-демократ», — небывалый кризис и безработица». Работа на многих фабриках и заводах производится в неделю только 4 дня.

«Кадры безработных, — писали в августе 1909 г. в органе металлистов «Невская Звезда», — все время увеличиваются. Голод растет не по дням, а по часам. Никто не уверен в завтрашнем дне. Дамоклов меч висит над всеми заводами». Другой корреспондент (Семянниковского завода) писал о «дикой картине расчетов», о голодных заработках и диком произволе администрации. Аналогичные сведения поступали из разных уголков России.

Пользуясь застойным положением в промышленности, капиталисты энергично взялись за чистку рабочих, изгоняя с предприятий наиболее революционных и стремясь с помощью черных списков и регистрации гарантировать себя от «беспокойного» и «неблагонадежного» элемента.

В 1909 г. регистрация была начата Петербургским о-вом фабрикантов и заводчиков, причем предприниматели широко использовали помощь «справочного отдела», в котором хранились черные списки и были сосредоточены сведения о всех рассчитанных, либо вообще провинившихся перед фабрикантом рабочих, которым не следовало давать работы. Такой же отдел был организован при Московском обществе заводчиков и фабрикантов. Оба отдела поддерживали между собой тесную связь. С этой же целью фильтрации промышленники прибегают к найму рабочих на короткие сроки.

В условиях депрессии без особого ущерба для себя капиталисты вводят в систему локауты.

В целях чистки рабочих и давления на них промышленниками широко практиковался частичный расчет рабочих без всякой связи с забастовками. Изгоняя с фабрик и обрекая на безработицу наилучшие революционные элементы пролетариата, промышленники широким фронтом переходят в наступление на зарплату и на условия труда рабочих.

В результате своей героической борьбы в 1905 г. рабочим удалось добиться увеличения своего заработка по сравнению с 1904 г. в среднем на 20%. После поражения революции, пользуясь промышленной депрессией, предприниматели переходят в открытое наступление на заработную плату. Корреспондент органа металлистов «Рабочий по металлу» осенью 1907 г. сообщал с Невского завода о том, что в отдельных цехах понижение достигло 40%.

«Со всех концов России, — писал в марте 1908 г. орган металлистов «Кузнец», — идут вести о понижении расценок на металлургических заводах. Пользуясь ростом безработицы и общим утомлением рабочих, хозяева уменьшают зарплату». Это снижение зарплаты происходит в условиях общего роста дороговизны.

В годы реакции, особенно в связи с политикой цен монополистического капитала, наблюдался общий рост дороговизны. По сравнению с 1890—99 г.г. в 1907 г. цены поднялись на хлебные продукты на 42,3%, на животные продукты — 48%, прядильные материалы — 47,1%, бакалейные товары—30,8%.

Если средняя дневная плата металлисту на 1 января 1908 г. составляла 1 руб. 67 коп., то к первому полугодию 1909 г. она упала до 1 руб. 55 коп. Заработная плата в 1908, 1909 и 1910

г.г. пала как номинально, так и реально. Номинально заработная плата в среднем в год давала в 1907 г. — 254,71 руб.; в 1908 г. она упала до 244,66 руб., в 1909 г. — до 238,55 руб.

Эта зарплата еще более снижалась широко применяемой фабрикантами системой штрафов, которые за период 1906—10 г.г. увеличились в 2 раза.

Тот ничтожный заработок, который получал рабочий, был для него недостаточен, и поэтому, как писал «Пролетарий», замечалось поголовное увлечение сверхурочными работами, что поощрялось предпринимателями, которым было выгодно иметь дело с меньшим количеством рабочих. В то же время фабриканты весьма значительно увеличивали фактическое рабочее время, уменьшения которого рабочие добились в годы революции.

Сильно била рабочих и та рационализация, которую проводили капиталисты, и вводимая на ряде фабрик и заводов система Тейлора.

В годы реакции последним словом эксплоатации являлась «американская система» (премия на скорость). «Рабочие, — пишет про эту рационализацию «Пролетарий», — лезут из кожи вон, чтобы выработать возможно больше».

Путем такой рационализации капиталисты добивались уплотнения рабочего дня и повышения нормы выработки, а вместе с тем и снижения расценок. «Понижение расценков, удлинение рабочего дня, крайнее ухудшение условий «внутреннего распорядка»—все это, — писал «Пролетарий», — наиболее общие факты фабрично-заводской жизни. Эта реакция на фабриках следует шаг за шагом за реакцией политической; беспощадность и наглость первой возрастает параллельно растущей свирепости и самоуверенности второй».

4. БОРЬБА ЗА ПАРТИЮ

Упадок рабочего движения, наступление реакции, частичная дезорганизация в результате поражения революции создавали крайне тяжелые условия для партийной работы.

«Люди снова превратились в жалких, запуганных, безропотных автоматов» — сообщала корреспонденция в «Социал-демократе». Слово «товарищ» раздается все реже и звучит уже робко и как бы насмешливо-предательски».

В годы реакции пышным цветом расцвела провокация. В ЦК партии и в боевой организации эсеров сидел провокатор Азеф. Охранка имела своих агентов почти во всех важнейших партийных организациях. Провокация прочно укрепилась и заграницей.

Полиция была осведомлена почти о каждом шаге партийных организаций.

Провокаторам удалось даже проникнуть в руководящие партийные центры. Достаточно, например, указать, что в большевистскую фракцию проник провокатор Малиновский, в руководящие органы большевиков проникли провокаторы Лобов, Романов и др. Неизбежность в этих условиях постоянных провалов, нервная настороженность членов организации, провокация сильно дезорганизовали работу. Провокация приводила к массовым провалам партийных организаций и работников.

Даже в крупнейших пролетарских организациях из-за непрерывных провалов работа велась с постоянными перебоями. Не успевала организация оправиться от разгромов, как ее вновь ожидал провал. Например в питерской организации, в которой еще в 1907 г. удавалось вести интенсивную работу, в 1908 г. работа ослабевает.

Резко упало число членов партийных организаций. В 1905 г. московская окружная организация насчитывала 2.000 членов. К концу 1908 г. число членов московской окружной организации снизилось до 500, к июлю 1909 г. в ней осталось 260; к началу 1910 г. число членов упало до 152, а в 1910 г. еще более снизилось. Такая организация, как, например, Иваново-вознесенская, за период от Лондонского съезда до весны 1908 г. потеряла больше двух третей своих членов.

Реакция сильно подорвала партийную работу на Украине. Сильно пострадали партийные организации Донбасса. Связи с рядом рудников были порваны.

К началу 1908 г. Екатеринославская организация, которая еще в 1907 г. насчитывала несколько тысяч человек, сильно ослабела. Сильный упадок имел место в Харьковской организации. Из украинских организаций в лучшем положении были партийные организации в Киеве и Николаеве.

Очень тяжелым было состояние партийных организаций Белоруссии.

В тяжелом положении находились и остальные организации — в Азербайджане (Баку), на Урале и т. д. Связь между организациями почти прервалась. Одновременно с упадком работы на местах ослаблялись и нередко совершенно рвались партийные связи с ЦК. В лучшем же случае эта связь в более крупных организациях поддерживалась только путем периодических объездов их членами ЦК.

Наиболее прочно держались пролетарские организации, в которых работа велась самими рабочими и на которых уход интеллигенции мало отразился. Так, например, в Центрально-про-

ЦѢНА 25 САНТ.

Суббота 31|13 Ноября 1909 г. № 9.

РОССІЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧ. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ. ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

LE SOCIAL-DÉMOCRATE

Organe Central du Parti Social-Démocrate Ouvrier en Russie

Царь противъ финскаго народа.

Черносотенные бандиты Зимняго дворца и октябристскіе шулера III-ей Думы начали новый походъ противъ Финляндіи. Уничтоженіе конституціи, которою защищены права финляндцевъ отъ произвола русскихъ самодержцевъ, уравненіе Финляндіи съ прочей Россіей въ безправіи исключительныхъ положеній — вотъ цѣль этого похода, начало которому положено царскимъ указомъ о рѣшеніи вопроса о финской воинской повинности помимо сейма и назначеніемъ новыхъ сенаторовъ изъ числа русскихъ чиновниковъ. Праздным было бы останавливаться на разборѣ тѣхъ доводовъ, которыми разбойники и шулера пытаются доказать законность и справедливость требованій, предъявленныхъ Финляндіи подъ угрозой милліона штыковъ. Суть дѣла не въ этихъ доводахъ, а въ цѣли, которая преслѣдуется. Въ лицѣ демократической и свободной Финляндіи царское правительство и его сподвижники хотятъ уничтожить послѣдній слѣдъ народныхъ завоеваній 1905 года. А потому — о дѣлѣ всего русскаго народа идетъ рѣчь въ эти дни, когда казачьи полки и артиллерійскія баттареи спѣшно занимаютъ городскіе центры Финляндіи.

Русская революція, поддержанная финляндцами, заставила царя разжать пальцы, которыми онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сжималъ горло финляндскаго народа. Царь, желавшій распространить свое самодержавіе на Финляндію, конституцію которой клялись его предки и онъ самъ, долженъ былъ признать не только изгнаніе съ финляндской земли палачей бобриковыхъ и отмѣну всѣхъ своихъ незаконныхъ указовъ, но и введеніе въ Финляндіи всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Подавивъ русскую революцію, царь принимается за старое, но съ той разницей, что теперь онъ чувствуетъ за собою поддержку не только старой гвардіи, своихъ военныхъ, шпіоновъ и казнокрадовъ, но и той своры имущихъ, которая вмѣстѣ съ Крупенскими и Гучковыми, совмѣстно выступаетъ въ III-ей Думѣ отъ имени русскаго народа.

Все благопріятствуетъ разбойничьему предпріятію. Революціонное движеніе въ Россіи страшно ослаблено и забота о немъ не отвлечетъ коронованнаго изверга отъ облюбованной добычи. Западно-европейская буржуазія, нѣкогда посылавшая царю адреса съ просьбой оставить въ покоѣ Финляндію, не шевельнетъ пальцемъ о палецъ, чтобы остановить бандитовъ. Вѣдь ей только-что поручились за честность и конституціонность намѣреній царя тѣ люди, которые въ тѣ времена призывали Европу осудить царскую политику въ Финляндіи. Именующіе себя «представителями русской интеллигенціи» и «представителями русскаго народа», кадетскіе вожди торжественно заверяли европейскую буржуазію, что они, а вмѣстѣ съ ними и народъ русскій, — солидарны съ царемъ. Русскіе либералы приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы Европа также безучастно отнеслась къ новымъ набѣгамъ двуглаваго хищника на Финляндію, какъ она отнеслась къ его экскурсіямъ противъ свободной Персіи.

Свободная Персія собственными усиліями дала отпоръ царизму. Финляндскій народъ — и впереди его финляндскій пролетаріатъ — готовитъ твердый отпоръ наслѣдникамъ Бобрикова.

Финляндскій пролетаріатъ сознаетъ, что ему придется вести борьбу въ крайне тяжелыхъ условіяхъ. Онъ знаетъ, что западноевропейская буржуазія, кокетничающая съ самодержавіемъ, не станетъ вмѣшиваться; что русское имущее общество, частью подкупленное столыпинской политикой, частью развращенное кадетской ложью, не окажетъ Финляндіи той нравственной поддержки, которую она имѣла до 1905 года; что наглость русскаго правительства необычайно возросла съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось нанести ударъ революціонной арміи въ самой Россіи.

Но финляндскій пролетаріатъ также знаетъ, что политическая борьба не рѣшается однимъ сраженіемъ, что она подчасъ требуетъ долголѣтнихъ упорныхъ усилій и что побѣждаетъ, въ концѣ концовъ, тотъ, за кого сила историческаго развитія. Свобода Финляндіи восторжествуетъ, потому что безъ нея невозможна свобода Россіи, а безъ торжества дѣла свободы въ Россіи немыслимо экономическое развитіе послѣдней.

Финляндскій пролетаріатъ знаетъ также, по славному опыту, какъ вести долгую, упорную революціонную борьбу за свободу, разсчитанную на то, чтобы утомить, дезорганизовать, опозорить гнуснаго врага, когда обстоятельства позволятъ нанести ему рѣшительный ударъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, пролетаріатъ Финляндіи знаетъ, что съ первыхъ же шаговъ своей новой борьбы онъ будетъ имѣть на своей сторонѣ соціалистическій пролетаріатъ всей Россіи, готовый, каковы бы ни были тяжелыя условія современнаго момента, выполнить свой долгъ, какъ свое дѣло.

Соц.-дем. фракція въ дни похода двоутаціи къ с.-д. фракціи III Думы, чтобы сообща обсудить планъ борьбы съ насильниками. Съ высоты думской трибуны наши депутаты возвысятъ свой голосъ, какъ уже сдѣлали въ прошломъ году, чтобы заклеймить царское правительство и сорвать маску съ его лицемѣрныхъ союзниковъ въ Думѣ. Пусть же всѣ с.-д. организаціи и всѣ рабочіе приложатъ всѣ усилія, чтобы голосъ нашихъ депутатовъ въ Таврич. дворцѣ не звучалъ одиноко, чтобы враги русской и финляндской свободы видѣли, что весь русскій пролетаріатъ солидаренъ съ финляндскимъ народомъ. Долгъ товарищей на мѣстахъ использовать всѣ представляющіяся возможности, чтобы манифестировать отношеніе россійскаго пролетаріата къ финляндскому вопросу. Начиная съ обращеній къ русской и финской с.-дем. фракціямъ и проложивая болѣе активными формами протеста, партія найдетъ достаточно способовъ нарушить то позорное молчаніе, среди котораго русская контръ-революція терзаетъ тѣло финскаго народа.

За дѣло всероссійской свободы ведется борьба въ Финляндіи. Какія бы горькія минуты новая борьба ни несла столь мужественному финляндскому пролетаріату, новыми узами солидарности свяжетъ она рабочій классъ Финляндіи и Россіи, приготовляя его къ тому моменту, когда онъ будетъ въ силахъ доделать то, что онъ началъ въ октябрьскіе дни 1905 г. и что пытался продолжать въ славные дни Кронштадта и Свеаборга.

Осенняя избирательная кампанія.

Частичные выборы въ Госуд. Думу, происшедшіе въ 4 избирательныхъ округахъ, принесли [illegible] либераламъ 2 мѣста: одно отняли они въ бою у октябристовъ, другое — взято безъ боя у соціалъ-демократовъ. Объ этой второй «побѣдѣ» — въ донскомъ губернскомъ собраніи, гдѣ мѣсто исключеннаго изъ Думы рабочаго-соціалъ-демократа [illegible] было передано прогрессисту-конституціоналисту Харитонову [illegible] [illegible]

Два другихъ мѣста — петербургское и одесское — партія «народной свободы» сохранила за собой. [illegible]

Кадетская пресса не обманулась въ смыслѣ побѣды, одержанной въ 1-ой курии г. Москвы. [illegible]

[illegible]

Передовая статья — «Царь против финского народа» — принадлежит Ленину

мышленном районе, в Сормове, в парторганизациях Урала, несмотря на правительственный террор, удалось сохранить основной костяк партийной организации. Наиболее стойко держались заводские организации на Урале.

Усиление правительственного террора при упадке революционного движения вызывает массовый отход от революции тех временных попутчиков, которые примкнули к ней в условиях подъема революции и в надежде на ее скорую победу.

Корреспонденция из Петербурга в «Пролетарий» сообщала, что «студенчество поголовно дезертировало» из петербургской организации. К средине июня 1908 г. корреспондент насчитывал во всей петербургской организации всего 12 интеллигентов... столько же, сколько 9 месяцев назад бывало в одном подрайоне.

Обращение МК к членам партии от 16/29 октября 1908 г. указывало на «повальное бегство» интеллигенции из партии.

Бегство интеллигенции вместе с тем было чисткой партии от неустойчивых, небольшевистских элементов. Результатом этой чистки было укрепление пролетарского ядра партийных организаций. Несмотря на эти трудности, партии удалось сохранить основной костяк пролетарских организаций. Партия сумела правильно отступить, перестроить свои ряды, продолжая вести дальнейшую борьбу за революцию. В период жесточайшей реакции, приспособляясь к новым условиям борьбы, партия большевиков сумела отступить в наибольшем порядке... с наименьшей деморализацией, с наибольшей способностью возобновить работу» (Ленин). Правильно соединяя нелегальную работу с легальной, партия большевиков сумела правильно отступить и подготовиться к новым боям только потому, что она вела беспощадную борьбу против центральной опасности для того периода — против правого оппортунизма, в лице правого ликвидаторства, а также против «левого» оппортунизма, в лице бойкотистов, отзовистов и ультиматистов, объединившихся в 1909 г. в группу «Вперед», и против примиренческого отношения к ним, против центризма, главным представителем которого в России выступал Троцкий, примыкавший к ликвидаторам. Правые ликвидаторы призывали к уничтожению подполья и приспособлению к условиям столыпинщины, тогда как большевики вели борьбу за сохранение революционного подполья, за сохранение нелегальной организации. Ликвидаторы слева не понимали своеобразия переживаемого периода, не понимали задач использования легальных возможностей, в частности использования думской трибуны для революционной агитации, для организации масс.

Ведя линию на раскол с оппортунистами в РСДРП, большевики продолжали вести непримиримую борьбу против оппор-

тунизма и центризма на международной арене, линию на раскол с оппортунистами во II Интернационале. Поддерживая левых с.-д., в частности Р. Люксембург, в их борьбе с оппортунистами во II Интернационале, большевики в то же время вели решительную борьбу против их меньшевистских теорий, разделявших левых с большевизмом по важнейшим вопросам теории и практики пролетарской революции, разоблачали колебания левых с.-д., «опутанных гнусной сетью» «каутскианского лицемерия, педантства, дружелюбия к оппортунистам» (Ленин).

«Буржуазия не может прямо влиять на рабочих в современной России, — писал Ленин. — 1905 г. сделал то, что рабочие издеваются над буржуазией и ее либерализмом, слово «кадет» стало у них бранным словом. И вот роль буржуазии среди рабочих исполняют ликвидаторы». Ликвидаторы и были проводниками всех этих буржуазных либеральных идей в среду пролетариата.

Считая, что столыпинская реформа разрешила аграрный вопрос и осуществила задачи революции 1905 г., отрицая руководящую роль пролетариата в революции, ликвидаторы, продолжая общеменьшевистскую линию отказа от революции, целиком стали на путь приспособления к столыпинской реакции.

Взамен большевистских неурезанных лозунгов ликвидаторы выдвигали урезанную программу реформистских частичных требований.

Вместо тогдашнего основного требования революционной социал-демократии на первом этапе революции — свержения самодержавия и революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства (которая должна была непосредственно перерасти в диктатуру пролетариата)—ликвидаторы выставляли в качестве своего «первого и основного требования» всеобщее избирательное право, «полновластное представительство» (Думы) и «неограниченную свободу организаций» — «свободу коалиций».

Ликвидаторы отказывались от одного из основных лозунгов социал-демократической программы на первом этапе революции — от конфискации помещичьих земель. Ликвидаторы высказывались лишь в общей форме за «изъятие помещичьей земли из рук ее нынешних владельцев и за передачу ее народу», ограничиваясь требованием «пересмотра закона 9 ноября и законов о землеустройстве на основе сохранения прав крестьянских обществ». Таким образом ликвидаторы открыто становились на почву столыпинского аграрного законодательства. Ликвидаторы призывали пролетариат вместо борьбы за революцию к реформистской борьбе за «частичные требования» и к защите сво-

их «повседневных» интересов в рамках третьеиюньской монархии. Они предлагали бороться за «свободу коалиций», т. е. за свободу рабочих организаций, за признание законом существования профсоюзов, ненаказуемость стачек и т. д. Ликвидаторы предлагали пролетариату добиваться осуществления этих частичных требований путем подачи петиций (прошений) с рабочими подписями черносотенному большинству Думы.

Ликвидаторы противопоставляли задачам пролетариата, как гегемона революции, «чисто рабочие требования», «чисто рабочее движение», проповедуя политическое «самооскопление» пролетариата, передавали руководство движением в руки буржуазии.

Ликвидаторы заменили революционную программу жалким реформизмом. Из их тактики врастания в столыпинский режим вытекал и отказ их от подпольной партийной организации. В союзе со столыпинской реакцией ликвидаторы начали свой поход против партии, требуя ее уничтожения, доказывая, что рабочее движение уже переросло узкие рамки нелегальной партии, и выдвинув лозунг «долой партию с ее нелегальностью».

Вместе с правыми ликвидаторами дезорганизаторскую работу против партии вели и отколовшиеся от большевиков так называемые «левые» большевики, которых Ленин называл «ликвидаторами наизнанку».

В годы реакции мелкобуржуазные настроения проникали и в отдельные прослойки рабочего класса и даже партии большевиков, захватив отдельные неустойчивые элементы среди них. Эти настроения сказывались в увлечении богостроительством, в поисках «новой религии», в пропаганде идеалистической антимарксистской философии, прокладывающей дорогу реакции и поповщине. Мелкобуржуазные влияния среди большевиков нашли свое выражение и в бойкотизме, а затем в отзовизме и ультиматизме, представители которого совершенно не понимали новых задач, стоявших перед партией в условиях наступившей реакции. Отказываясь от использования легальных возможностей, в частности от участия в третьеиюньской Думе, они тем самым дезорганизовали пролетариат и ликвидировали его революционную работу. Решительно критикуя в условиях реакции лозунг бойкота Думы, отзыва из нее депутатов и предъявления им ультиматума, партия считала необходимым использовать черносотенно-октябристскую Думу, как трибуну для агитации, для пропаганды идей революции и организации масс. На протяжении 1909—10 г.г. «ликвидаторство слева» оформляется в самостоятельное антипартийное течение, враждебное РСДРП, противопоставляющее себя партии по основным программным и тактическим вопросам. Представители отзовизма с началом работ думской фракции стали активно вы-

ступать, требуя отзыва думской фракции и сложения социал-демократическими депутатами своих полномочий. Вся деятельность отзовистов на протяжении конца 1908 г. и особенно 1909 г. сводилась к подрыву и торможению партийной работы. Именно с весны 1909 г. отзовисты-ультиматисты во всей широте развернули свою фракционную деятельность по срыву массовой работы партии и использованию легальных возможностей, выступая против решений декабрьской конференции 1908 г., агитируя против участия на легальных съездах. Весной 1909 г. отзовисты-ультиматисты оформились как самостоятельная партийная группа («Вперед») со своей собственной платформой и фракционным центром. Борясь с ликвидаторством справа и слева, большевики одновременно вели энергичную борьбу с центризмом как в России, так и на международной арене. Политику центризма как «идеологии подчинения пролетарских интересов интересам мелкой буржуазии в составе одной общей партии» тов. Сталин характеризует, как попытку «подкрасить левыми фразами оппортунизм правых» и подчинить левых правым... «Главной и основной группой, насаждавшей в России центризм и создавшей для этого специальную организацию как очаг центризма в виде Августовского блока», был троцкизм, являющийся в настоящий момент передовым отрядом контр-революционной буржуазии. Разоблачению центризма Троцкого Ленин уделял в этот период огромное внимание, доказывая, что центризм, как «прикрытый оппортунизм», даже опаснее для рабочих, чем откровенное ликвидаторство. «Троцкий и подобные ему троцкисты и соглашатели,— писал Ленин,— вреднее всякого ликвидаторства, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды и рабочим легко разобраться в их ошибках. Господа Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение его. Всякий, кто поддерживает политику Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства». Общеизвестные факты борьбы Ленина с центризмом во всем II Интернационале лишний раз разоблачают троцкистских фальсификаторов партийной истории, которые пытаются приписать большевизму недооценку центризма.

Наиболее отчетливо разброд среди мелкобуржуазной интеллигенции выявился в развале мелкобуржуазной партии эсеров.

Боевая террористическая деятельность эсеров уже к началу революции 1905 г. вылилась в чистейший авантюризм. В годы реакции вскрылась провокация Азефа, которая показала всю гнилость, весь авантюризм эсеровского терроризма. Партия эсеров распалась на ряд групп, выделив откровенную оппортунистическую ликвидаторскую группу энесов, шедшую в блоке с ка-

детами и эволюционировавшую в сторону либерализма, и анархиствующую группу «максималистов».

Упадочнические настроения, ренегатство буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции отразились и на всей художественной литературе этого периода.

Единственной партией, которая сумела сохранить в порядке свои ряды, была партия большевиков-ленинцев. Именно это и обеспечило ей успех в рабочих массах в годы подъема и последующие годы революционной борьбы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАБОЧИЙ КЛАСС И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ ПОДЪЕМА

1. НАЧАЛО ПОДЪЕМА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Новый революционный подъем происходит на фоне нового промышленного подъема, предпосылки для которого были созданы в предшествующие годы кризиса и депрессии.

С первой половины 1910 г. уже начинают наблюдаться первые признаки промышленного оживления. Постепенно начинает расширяться производство, увеличивается число рабочих, которые по мере концентрации промышленности сосредоточиваются в относительно большей степени на предприятиях-гигантах. Безработица несколько сокращается, особенно среди квалифицированных рабочих.

Наиболее сильный подъем имел место в тяжелой индустрии. На перелом в конъюнктуре металлообрабатывающей промышленности наряду с оживлением строительства оказало влияние возобновившееся после некоторого перерыва военное судостроение и железнодорожное строительство.

Что же касается текстильной промышленности, то если в период общей депрессии в 1907—08 г.г. в текстильной, в частности хлопчатобумажной, промышленности наблюдалось некоторое оживление, то в 1909—10 г.г., а также в 1911—12 г.г. на рынке наблюдался застой и даже крахи отдельных предприятий. В годы подъема происходит капиталистическая реконструкция промышленности.

Помимо роста производства по важнейшим отраслям происходит рост новых отраслей, как, например, электротехнической промышленности. Если в 1905 г. количество киловаттчасов, из-

...ссiйская Соцiальдемократическая Рабочая Партiя. Пролетарiи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

JOURNAL OUVRIER

№ 2. 18|31 декабря 1910 г. Цѣна 10 коп.

Начало демонстрацiй

Какъ бороться?

Народнаго оглупленiя ради

«РАБОЧАЯ ГАЗЕТА»—ПОПУЛЯРНЫЙ ОРГАН БОЛЬШЕВИКОВ

Передовая статья — «Начало демонстраций» — принадлежит Ленину

расходованных на технические цели, составляло около 240 млн., то в 1913 г. — 1.283 млн.

Начало развиваться в России и машиностроение. Общая ценность производства русских машиностроительных заводов в 1910 г. определялась в 101,9 млн. руб., а к 1914 г. уже в 200 млн. руб., т. е. увеличилась почти что вдвое.

На фоне экономического подъема конца 1910 г. начинается оживление рабочего движения.

Революционное движение в России в известной мере отражало революционный подъем и в других странах. Как раз в начале 1912 г. начались забастовки углекопов в Англии под лозунгом восстановления минимальной заработной платы. Трехнедельная забастовка английских углекопов дала толчок к выступлениям рабочих в Германии, Бельгии, Австрии, Франции, а также в САСШ. В это же время развернулась и китайская революция 1911 г.

Представление о нарастании революционного рабочего движения дает следующая таблица:

Годы	Число рабочих, участвовавших в стачках (в тыс.)	Число крестьянских революционных выступлений
1910	46	928
1911	105	507
1912	725	307
1913	887	128
1914	1.337	—

Для периода подъема революционного движения чрезвычайно характерно, что политические стачки значительно преобладают над экономическими.

Соотношение политических и экономических стачек по преуменьшенным данным министерства торговли и промышленности было следующим:

Годы	Число забастовок		Число забастовщиков (в тысячах)	
	Политических	Экономических	Политических	Экономических
1910	8	214	3,7	43
1911	24	442	8	97
1912	1.300	732	550	176
1913 (8 месяцев)	761	910	379	299

Как видим, в 1910—11 г.г. экономические стачки еще преобладали над политическими. Политические стачки играли ничтожную роль. Зато в 1912—1913—1914 г.г. политические стачки занимают первое место. Вместе с тем в условиях непрерывно нараставшего революционного подъема широко развертывается

экономическая борьба пролетариата. В связи с ростом политической активности и сознательности рабочего класса, в связи с увеличением его организованности, а главное ростом влияния социал-демократии, значительно возрастает организованность и упорство стачек.

По сравнению с годами реакции значительно возрастает и успешность стачек. Больший процент стачек кончается в пользу рабочих. Если, например, в 1907 г. в пользу рабочих окончились 29,5% стачек, то в 1912 г.— 41,6%. Экономические стачки периода подъема носят ярко выраженный наступательный характер.

Начало рабочего движения дало толчок и общереволюционному, в частности — студенческому движению. Впервые в годы реакции произошли демонстрации. Первая из них имела место 15 октября 1910 г. в связи со смертью председателя I Государственной Думы Муромцева и затем 11 ноября в связи со смертью Льва Толстого. Эти демонстрации являлись признаком начинавшегося политического оживления.

Еще более обострил положение голод 1911 г. «Неурожай 1911 г., —писал Ленин, — является новым напоминанием о смерти для всего нынешнего строя, для всей третьеиюньской монархии». 1911 год был годом явного перелома. Стачки уже успели поднять на ноги десятки тысяч рабочих. Голод в деревне снова выводил на сцену грозный аграрный вопрос. Приближение революционных боев становилось очевидным. «То, что мы переживаем сейчас, напоминает то, что происходило в 1904 г.», писали по поводу стачек 1911 г. даже реакционные газеты.

Рабочее движение значительно усилилось с начала 1912 года.

В годы подъема резко изменяется характер рабочего движения. Прежде всего изменяется соотношение в стачечном движении рабочих различных отраслей. В первые ряды борцов снова вступают металлисты. Уже в начале 1910 г. борьбу начинают металлисты Коломенского завода, предъявив требования о переходе от сдельной к поденной работе. На протяжении 1911 г. забастовки охватывают рабочих крупнейших петербургских заводов (Балтийский, Невский судостроительный, Лангезиппена и др.). В ряде случаев забастовки металлистов носят уже наступательный характер.

В условиях промышленного подъема изменяется и характер движения текстильщиков. Еще в начале 1910 г. движение текстильщиков носило оборонительный характер и в большинстве случаев заканчивалось неудачей, но уже с весны активность рабочих направлена на борьбу за повышение заработка. В начале

апреля на нескольких фабриках Центрального промышленного района (т-во шелковой мануфактуры Хишина, т-во Вознесенской мануфактуры) рабочие после кратковременных стачек добиваются частичных прибавок. Всего в июле бастовало в Московской губ. до 15 тыс. рабочих. Почти во всех случаях стачки носили наступательный характер, сопровождаясь требованием повышения заработной платы на 10—20%, выдачи квартирных денег и т. д. Если в 1910 г. бастовало всего 25 тыс. текстильщиков, то в 1911 г. число их возрастает до 63 тыс. Для организованности наступательного движения периода подъема характерно распространение коллективных забастовок и предъявление рабочими разных фабрик однородных по содержанию требований.

2. ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ И СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ 1912 г.

Непосредственным толчком к массовому революционному подъему 1912 г. послужил ленский расстрел. Конечно, было бы ошибкой искать причину революционного подъема только в ленском расстреле. Для ликвидаторов революционный подъем 1912 г. явился, по их собственному признанию, неожиданностью и застал их «врасплох». Большевики же подчеркивали, что подъем этот вовсе не явился неожиданным. «Подъем этот — писал Ленин — вовсе не явился, как снег на голову. Нет, он подготовлялся всеми условиями русской жизни уже давно, и массовые стачки в связи с ленским расстрелом и с 1-м мая лишь окончательно определили его наступление». Ленские прииски принадлежали богатейшему Ленскому золотопромышленному товариществу, в распоряжении которого был почти весь край — 423 прииска с общей поверхностью свыше 38.600 десятин. Крупнейшими акционерами этого общества являлись и иностранные капиталисты, и русский государственный банк. В состав петербургского комитета «Лена-Гольдфильдс» входили крупнейшие государственные чиновники, члены Государственного Совета, министры; с этой фирмой были связаны, повидимому, и члены царской семьи. Так, «герой» расстрела, жандармский ротмистр Трещенков говорил, что «акционерами Ленского товарищества состояли граф Витте, министр Тимашов и даже государыня императрица Мария Федоровна».

На ленских приисках имело место непосредственное сращивание капитала с помещичьей властью. Здесь все чиновники, вся полиция были на содержании у администрации приисков.

Рабочие находились в полной власти у приисковой администрации. Ленский район не был соединен железной дорогой с сибирской магистралью. Самая ближайшая железнодорожная

станция — Иркутск — отстояла от города Бодайбо (административного центра края) на 1.700 верст. В весеннюю и осеннюю распутицу всякое сообщение ленских приисков с остальным миром, кроме телеграфного, прерывалось на 2-3 месяца. Рабочие, попавшие на прииски, как бы находились в ловушке. Так как район принадлежал одному Ленскому товариществу, то рабочий, если бы даже хотел, никуда не мог уйти от владельцев приисков. Условия труда были самые кабальные.

Согласно договору работать обязаны были не только рабочие, но также их жены и дети, которым разрешалось приезжать с рабочим на прииски, причем к женам администрация обращалась с предложениями самого гнусного характера. Товарищество систематически задерживало заработную плату рабочих. Незадолго до расстрела, компания понизила заработную плату в среднем на 20—25%. Зверская эксплоатация рабочих была основой неслыханных барышей этой акционерной компании. Например, в 1910 г. компания получила прибыль в 6.812.925 руб. Из нее было выдано в дивиденд 4.233.000 руб. и 2.512.000 руб. было отчислено в запасный капитал.

Поводом к началу стачки 1912 г. послужила выдача рабочим на Андреевских приисках негодного для еды конского мяса. Известие об этом было той искрой, которая произвела взрыв.

Начавшись 29 февраля, стачка к 14 и 15 марта уже охватила все даже самые дальние прииски. Стачка сделалась всеобщей. В ней приняло участие 6.258 рабочих мужчин, не считая женщин и подростков. Рабочие выбирали своих выборных для переговоров. Из них и составились те рабочие комитеты, которые руководили стачкой в каждом прииске.

Движение отличалось чисто экономическим и стихийным характером. Однако иллюзии чисто экономической борьбы были разбиты одним взмахом — расстрелом безоружных рабочих. Вскоре после начала забастовки по непосредственному распоряжению из Петербурга на прииски была послана рота солдат под командой жандармского ротмистра — испытанного провокатора Трещенкова, который, по его собственным словам, был участником расстрела 9 января 1905 г., а также имел уже «стаж» в разгроме стачек и в провокации.

Трещенков решил расстрелом рабочих прекратить движение. В ночь на 4 апреля явно с провокационными целями были произведены аресты выборных. Когда 4 апреля толпа направилась к управлению для подачи ходатайства об освобождении арестованных, по ней открыли стрельбу.

Всего было убито 270 и ранено 250 человек. Расстрел про-

изводился не только с ведома, но и при прямом участии местной администрации. Согласно показаниям рабочих, во время стрельбы за цепью солдат стояли ротмистр Трещенков, мировой судья Хитун и тов. прокурора Преображенский.

Трещенков был щедро вознагражден за расстрел. Были вознаграждены и солдаты.

Действия Трещенкова и местной администрации были целиком одобрены правительством. Министр внутренних дел Макаров, дававший объяснения в заседании Гос. Думы по запросу о ленском расстреле, под возмущенные крики с.-д. депутатов («Кровопийцы!») и под рукоплескания правых произнес свою «знаменитую» фразу: «Так было и так будет впредь».

Ленский расстрел лишний раз доказал, что в России господствовала неограниченная военная диктатура крепостников.

Сведения о ленском расстреле были получены в Петербурге 7 апреля.

В газету «Звезда» и в социал-демократическую фракцию Думы начали массами поступать протесты рабочих против зверского расстрела. В ответ на него начались массовые стачки.

Первыми забастовали 9 апреля Николаевские заводы и верфи. Почти одновременно—9—12 апреля—началось забастовочное движение в Киеве. Забастовочное движение быстро охватывает Украину: 10 апреля Харьковскую губ., 11-12 Херсонскую, 11-14 Екатеринославскую и вслед за ними другие южные губернии.

В Петербурге стачка началась 14 апреля и с большой силой, охватывая предприятие за предприятием, продолжалась до 19 апреля. 18 апреля в движение включается Москва, где движение достигает кульминационного пункта 25 апреля, продолжается вплоть до 1 мая и затем непосредственно переходит в первомайскую забастовку.

Стачечное движение охватывает Центральный промышленный район, Прибалтийский край и другие промышленные центры.

В 20-х числах апреля стачки временно прекратились, чтобы с новой силой вспыхнуть 1 мая. Эта стачка была первой крупной первомайской стачкой после целого ряда лет реакции. На этот раз инициатива движения уже принадлежала Петербургу.

По подсчетам «Социал-демократа», в апрельских стачках, послуживших непосредственным ответом царской шайке на ленскую бойню, участвовало не меньше 300 тыс. рабочих. В забастовке 1 мая участвовало до 500 тыс. рабочих и работниц.

Особым упорством отличается в этот период (1912 г.) борьба питерских металлистов. 3 месяца бастовали рабочие завода Сименс и Гальске, 5 недель завод Розенкранц.

Рабочие Путиловского завода пытались явочным порядком установить окончание по субботам работы в 2 часа дня. Авиационный отдел Балтийского завода бастовал три месяца, добиваясь повышения расценок на 10—30%.

Вслед за петербургскими металлистами начали настойчиво выступать и металлические заводы провинции.

В мае 1912 г. забастовки вновь перекинулись на Украину,— в Донбасс, в Харьков и Нижнеднепровск. Майско-ленское движение охватывает самые отдаленные уголки России. Наряду с пролетариатом крупных промышленных центров, в движении участвует ряд мелких городов.

Характерной чертой рабочего движения после ленского расстрела было вовлечение в движение самых отсталых слоев рабочих, что, по словам Ленина, подчеркивало «общенародный характер движения». Вместе с рабочими крупнейших заводов забастовка охватила строительных рабочих (плотников, каменотесов, каменщиков, кровельщиков и др.) на всех постройках, булочников (до 10 тыс.), шоферов таксомоторов, рабочих многих ремесленных предприятий. Движение носит ярко выраженный революционный пролетарский характер, принимая форму стачек и демонстраций, в которых пролетариат выступает в подавляющем большинстве случаев под четкими большевистскими лозунгами. Рабочие в своих резолюциях выставляют основные большевистские лозунги этого периода, выдвинутые Пражской конференцией и большевистской печатью: «свержение самодержавия и демократическая республика, конфискация всех помещичьих земель, 8-часовой рабочий день». Борьба за завершение задач демократической революции должна была непосредственно перерасти в борьбу за социалистическую революцию. «Да здравствует социализм!» — является заключительным лозунгом большинства этих резолюций. Вслед за большевистской печатью резолюции рабочих подчеркивают, что «виновниками расстрела являются не только отдельные представители администрации и капитала», но весь третьеиюньский режим, вся третьеиюньская Дума в целом». Майско-ленское движение носит характер протеста против всего третьеиюньского режима, характер борьбы за новую революцию.

Этот революционный характер движения, который всячески старались затушевать ликвидаторы и Троцкий, пытаясь изобразить ленско-майское движение как борьбу рабочих за отдельные «права», «за свободу коалиций», был результатом руководящего организующего влияния большевистской партии и большевистской печати, — сначала «Звезды», а затем «Правды». В подавляющем большинстве мест, особенно в крупнейших проле-

тарских центрах стачкам и демонстрациям предшествовала революционная агитация, распространение листовок и прокламаций. Это-то большевистское руководство и предопределило революционный и организованный характер ленско-майского движения.

В ответ на массовые первомайские забастовки Петербургское общество фабрикантов перешло в наступление и провело оштрафование рабочих за прогул. Штрафы были объявлены на фабрике «Скороход» и Резиновой мануфактуре, на заводах Сименс и Гальске, Коппель, Тюдор, Кабельном, Северном механическом, рабочим трамвайных парков и т. д. Это послужило поводом к возникновению ряда новых забастовок. Особенно упорны были стачки на заводе Сименс и Гальске. Несмотря на закрытие завода, несмотря на массовые аресты и высылки, рабочие продержались 91 день, требуя отмены штрафов и включения дня 1 мая в число праздников.

Весь ход революционного движения целиком подтверждал правильность оценки момента большевиками и правильность большевистской тактики. Начало революционного подъема выявило полный крах политики третьеиюньского режима и полнейшую неспособность третьеиюньской монархии разрешить задачи буржуазного развития, о чем большевики предупреждали еще в резолюции декабрьской конференции 1908 г. Ярко выраженный политический характер движения свидетельствовал о том, что рабочие выступают в борьбу не за отдельные «права», не за «частичные требования», к чему их призывали ликвидаторы, а против всего третьеиюньского режима в целом. Это целиком подтвердило как ленско-майское движение, так и последующие забастовки, наиболее крупными этапами которых был протест против военно-морского суда над севастопольскими матросами (объединивший 250 тыс. человек); так называемая «избирательная» стачка в октябре 1912 г. в связи с отменой в Петербурге выборов уполномоченных на 33 крупных предприятиях, которая продолжалась 10 дней и охватила 75 тыс. рабочих: забастовка, которой пролетариат ответил на открытие IV Думы (участвовало 50 тыс. человек) и, наконец, целая серия так называемых «страховых стачек», в которых участвовало около 60 тыс. человек. Все они с очевидностью свидетельствовали о том, что рабочий класс поднимается на борьбу не за отдельные «частичные» требования, а на борьбу против самодержавия, против всего третьеиюньского режима в целом, что рабочий класс поднимается на новую революцию, которая, завершая демократические задачи, должна была непосредственно перерасти в социалистическую.

В ответ на растущее движение с конца 1912 г. организованный капитал переходит в наступление. В специальном сборнике, выпущенном в 1912 г. в издательстве крупнейшего купца П. Рябушинского, Общество фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района, констатируя нарастание рабочего движения, намечало «в интересах отечественного производства» ряд «суровых мер», в виде штрафов, локаутов и пр., для того, чтобы «поднять фабрично-заводскую дисциплину на ту высоту, на которой она находится в западно-европейских странах».

Уже в начале 1911 г. в ответ на забастовку на заводе Пинтши Петербургское общество фабрикантов и заводчиков постановило разослать списки бастующих рабочих завода Пинтши и «просить заводы временно никого из забастовщиков на службу не принимать».

Система черных списков еще более совершенствуется. Например, в ноябре завод Лангензиппена обратился к Обществу с жалобой на то, что казенный Балтийский завод принял нескольких рабочих, участвовавших в забастовке.

В отношении первомайской забастовки Петербургским обществом фабрикантов и заводчиков было принято решение «остаться при прежней системе штрафов и за забастовки как 1 мая, так и иные, неуклонно штрафовать». Аналогичное решение было вынесено Обществом фабрикантов и заводчиков московского района. В особом циркуляре Общество фабрикантов ставило на вид своим членам, не оштрафовавшим рабочих за 1 мая, что они «нарушили соглашение», что «такое нарушение соглашения не имеет себе оправдания». Общество фабрикантов требовало гарантии выполнения принятых решений. Однако мощный подъем движения заставляет промышленников отказаться от системы штрафования за стачки. Уже 13 мая 1912 г. при обсуждении вопроса, как быть, если 15 мая (в сороковой день ленского расстрела) забастовки повторятся, предложение о штрафе было отвергнуто и принято постановление предоставить заводам право «применять или не применять штрафы по своему усмотрению». Журнал «Металлист» писал в 1913 г., что промышленники «почти не применяют штрафы за забастовки, не желая вызвать еще большего протеста и тем нарушить нормальный ход производства».

Вместе с тем в ответ на нарастающее движение фабриканты вырабатывают ряд новых мер для борьбы с ним.

Летом 1912 г. была выработана целая конвенция (соглашение), намечающая тактику объединенного капитала в его контратаке на рабочий класс.

Боевой характер этого соглашения подчеркивался целой системой взаимных гарантий и штрафов в случае невыполнения отдельных пунктов соглашения.

На всем протяжении периода подъема не было положительно ни одной сколько-нибудь значительной стачки, которая не сопровождалась бы массовым расчетом рабочих. Обыкновенно с первых же дней забастовки рабочим объявляли расчет с немедленным же или очень скорым объявлением нового их набора. Целью этих расчетов была фильтрация рабочих, увольнение неблагонадежных.

Однако наступление капитала не только не остановило движения, наоборот, оно еще более его усилило.

3. НАРАСТАНИЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В 1913—14 г.г.

В 1913 г. впервые после годов реакции с необычайным подъемом прошла стачка в годовщину событий 9 января. Число стачечников 9 января почти сравнялось со стачками в связи с ленским растрелом и маевкой 1912 г., достигнув 180.000, причем на долю одного Петербурга приходилось 80.000 стачечников. Большой силы политическое движение достигло в день годовщины ленского расстрела, 4 апреля, когда бастовало 140.000 чел., и, наконец, 1 мая, когда по официальным отчетам бастовало 420.000 чел., а по сведениям рабочей печати более 500.000 человек.

После майских дней происходит ряд политических стачек: летом — в связи с приговором над балтийскими матросами, в связи с преследованием рабочей печати и т. д., осенью — в связи со страховой кампанией.

По удельному весу политических стачек 1913 г. уже значительно приблизился к 1905 г. и далеко обогнал 1906 г. В первых рядах борцов выступают металлисты. Для петербургских металлистов рабочая печать насчитывала только за пять месяцев (февраль—июнь) 1913 г. до 150 стачек, причем 75% всех бастовавших в Петербурге в эти месяцы металлистов бастовали в предприятиях, выполнявших заказы военного и морского ведомства.

Забастовочное движение металлистов носит исключительно упорный характер. Так, арматурно-электрический завод бастовал три с половиною месяца, завод Новый Лесснер—102 дня, мастерские Международного общества спальных вагонов—82 дня, Старый Лесснер—68 дней, завод Озолинга—60 дней, Айваз — 52 дня, Пинтши—49 дней, Зигель—37 дней, Лангензиппен — 31 день.

В начале 1913 г. в связи с депрессивным состоянием на мануфактурном рынке фабриканты-мануфактуристы резко сокращают производство, производя массовые расчеты и локауты, охватившие до 5.000 рабочих. Летом движение текстильных рабочих снова усиливается и охватывает крупнейшие фабрики Центрально-промышленного района.

Летом 1913 г. в борьбу вступают свыше 40.000 рабочих нефтяных промыслов в Баку и Грозном. Движение, особенно в Баку, отличается исключительно организованным характером. Начав с предъявления требований по отдельным предприятиям, 26 июля 1913 г. Совет уполномоченных рабочих нефтяных промыслов предъявляет Совету Съездов нефтепромышленников общие требования.

В 1913 г. еще в большей мере, чем в 1912 г., в движение вовлекаются новые слои рабочих. Учащаются случаи коллективных забастовок, свидетельствующие о росте классовой солидарности рабочих.

В ряде городов происходят забастовки трамвайных рабочих. К движению примыкают ремесленники. В связи с общим удорожанием жизни, в апреле—мае 1913 г. происходят забастовки портных, золотосеребреников, пекарей.

В ответ на массовое движение 1913 г. летом петербургский градоначальник издал обязательное постановление о привлечении «подстрекателей» забастовок, помимо административной, также к судебной ответственности. Это постановление встретило полное сочувствие со стороны объединенного капитала. Летом 1913 г. по постановлению Совета министров было созвано специальное Совещание о мерах борьбы с забастовочным движением под председательством министра торговли и промышленности. Это Совещание в качестве одной из главных мер борьбы с забастовками признало необходимым усиление уголовных репрессий за подстрекательство к забастовкам, приравняв политические стачки к государственным преступлениям. Этим же Совещанием был выработан проект закона о профсоюзах, которым профсоюзы фактически упразднялись.

В 1914 г. открытая революционная борьба масс еще более усиливается.

Январская стачка 1914 г. превзошла стачку 1912 г. Если в 1912 г. бастовало 160.000 чел., то в январе 1914 г. свыше 250.000 чел. Стачки сопровождались политическими митингами, вынесением резолюций против гонений на рабочую печать и на профессиональные союзы. Рабочие требовали введения 8-часового рабочего дня, всеобщего государственного страхования и т. д.

Бастовало 4 іюля 90.000 чел.
5 іюля 70.000 чел.

7-го іюля бастовало въ СПБ (30 тыс. чел.)

Металлистовъ	61.345	ч.
Текстильщиковъ	21.100	"
Кожевниковъ	9.454	"
Печатниковъ	5.168	"
Табачниковъ	2.800	"
Деревообдѣлочники	2.659	"
Конфетчиковъ	1.260	"
Бронзовщиковъ	1.484	"
Транспортн. рабоч.	1.600	"
Строительн. рабоч.	600	"
Химическ. произв.	300	"
Въ разн. предп.	490	"
Всего	109.160	ч.

Изъ многихъ заводовъ и мастерскихъ свѣдѣнія не доставлены, т.-ч. число бастующихъ достигаетъ 130.000.

У металлистовъ.

Невскій судостр. зав.—5.000 ч.
Зав. Сименсъ-Шуккертъ—1.200 ч.
Зав. А. Кенцель—800 ч.
Зав. Бродеръ—80 ч.
Зав. Петерстрандъ—80 ч.
Вагоностроительн. зав. Рябкина—2.000 ч.
Металлич. зав. Энгель (б. Тот)—700 ч.
Московскій трамвайный паркъ—200 ч.
Международное о-во спальныхъ вагоновъ—250 ч.
Путиловскій зав.—22.000 ч.
Зав. Титанъ—60 ч.
Метал. зав. Вистлеръ—250 ч.
Зав. Шаубе—150 ч.
Зав. Нов. Айвазъ—1.800 ч.
Зав. б. Розенкранца—3.000 ч.
Зав. Н. Лесснеръ—1.000 ч.
Зав. Ст. Лесснеръ—800 ч.
Механ. зав. Польте—100 ч.
Сѣточная маст. Сидорова—18 ч.
Механ. зав. инж. Вальмонскаго—45 чел.
Обуховскій зав.—6.000 ч.
Зав. Барановскаго—1.000 ч.
Минный зав. Парвіайнена—900 ч.
Снар. зав. Парвіайнена—800 ч.
Зав. Озолинъ—300 ч.
Лит. зав. Айвазъ—80 ч.
Зав. Форебомъ—20 ч.
Спб. Металл. зав.—4.000 ч.
Ф-ка Соколова—40 ч.
Кабельный заводъ—1.300 ч.
Плавучая маст. № 2 спб. металл. завода—450 ч.
Слесарная и кузнечная мастер. Орѣшкина—50 ч.

СООБЩЕНИЕ О ХОДЕ ЗАБАСТОВОК В ГАЗЕТЕ «ТРУДОВАЯ ПРАВДА» 1914 г.

В Петербурге, Варшаве, Риге, Николаеве и ряде других городов были устроены большие демонстрации. В январе-феврале происходили также многочисленные экономические стачки, отличавшиеся большим упорством.

В марте 1914 г. развернулось стачечное движение в Петербурге, на почве протеста против массовых отравлений на заводе «Треугольник» и затем на целом ряде других фабрик и заводов (Лаферм, Богданова, Шапошникова). Эти отравления послужили толчком к новым массовым стачкам. Первыми забастовали Путиловский и Балтийский заводы. В целом ряде рабочих районов произошли демонстрации.

На массовые стачки предприниматели ответили локаутом. Был закрыт ряд наиболее крупных заводов во главе с Путиловским. Было локаутировано до 70.000 рабочих. Совет Общества фабрикантов и заводчиков постановил: за один день забастовки закрывать завод на две недели и в случае повторения — на 1 месяц. Несмотря на локауты рабочее движение продолжало развиваться. Наибольшего подъема движение достигло в конце июня и в начале июля. В июне развернулась грандиозная стачка на бакинских промыслах. Здесь борьба носила исключительно организованный и напряженный характер. Забастовкою с первых же дней руководил стачечный комитет, тесно связанный с бакинской большевистской партийной организацией.

Нефтепромышленники заняли боевую позицию. На требования рабочих они ответили категорическим отказом. Были произведены массовые аресты, которым (по данным на 11 июля) было подвергнуто 892 чел., по этапу были высланы свыше 100 чел., свыше 1.500 чел. были выселены из квартир. В начале июня на промыслах в Сабунчах у рабочих были отняты кровати, на промыслах Бакинского нефтяного общества в квартирах рабочих были сломаны печи, прекращена подача топлива, наложены пломбы на водопроводные краны, на промыслах Шибаева

МАНИФЕСТАЦИЯ 18 ИЮНЯ 1917 г.

В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ 1917 г. НА УЛИЦАХ ПЕТРОГРАДА

КРАСНОГВАРДЕЙЦЫ У ЗИМНЕГО ДВОРЦА

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ
Июль 1917 г.

и Леонтьева рабочих лишили электрического освещения и керосина и т. д.

Стачки на Урале, на Украине (в Донбассе), в московском текстильном районе и в Азербайджане (Баку) умножали ряды революционной пролетарской армии и укрепляли ее силу.

В первой половине июня в Петербурге начались по фабрикам и заводам сборы в пользу бакинцев, перешедшие в митинги и забастовки сочувствия. К июлю движение нарастает: 1 и 2 июля в одном Петербурге бастовало 5.000, а 3 июля—12.000. 3 июля, когда путиловцы собрались на митинг, чтобы обсудить вопрос о поддержке бакинцев, во двор завода ворвалась полиция и начала разгонять толпу, открыв стрельбу по рабочим. По предварительным данным, было убито 2 и 50 ранено. Весть о расстреле путиловцев быстро разнеслась по заводам и дала толчок волне массовых протестов. 4 июля началась всеобщая забастовка протеста, объявленная на 3 дня Петербургским комитетом РСДРП (б.) Эти дни прошли в демонстрациях, столкновениях с войсками и попытках перехода к баррикадному бою. 7 июля срок трехдневной забастовки истек, однако движение продолжало расти и шириться, все более приобретая массовый революционный характер.

Стачка окончилась только перед самым объявлением войны.

Стачечное движение, развернувшееся в России в 1912—14 г. г. свидетельствовало о «начале революционного подъема, который был неизмеримо выше теперь, чем был перед первой революцией» (Ленин).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПАРТИЯ В ГОДЫ ПОДЪЕМА И БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ МАСС

1. РОЛЬ ПАРТИИ В МАССОВОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ В ГОДЫ ПОДЪЕМА

Громадную роль в развертывании революционного движения в годы подъема сыграла большевистская партия под руководством Ленина. В результате ожесточенной борьбы за партию на два фронта, с правым и «левым» ликвидаторством и с центризмом, большевики в январе 1912 г. созвали партийную конференцию в Праге, которая исключила из партии ликвидаторов и закрепила самостоятельное организационное существование пар-

тии большевиков, которая, как известно, существует с 1903 г. «Большевизм,—писал Ленин,—существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 г.».

Пражская конференция наметила задачи пролетариата в условиях начинавшегося подъема, дав четкую установку к предстоящей предвыборной кампании, страховой кампании и т. д. Огромное значение Пражской конференции заключалось в том, что после целого ряда лет, в течение которых, благодаря дезорганизаторской антипартийной работе ликвидаторов, ЦК фактически не существовало, она создала организационный центр партии, избрав большевистский ЦК.

Пражской конференции предшествовала большая работа по воссозданию местных организаций, сильно пострадавших в годы реакции. Если в 1910 г. еще продолжался застой и упадок в работе, если лишь наиболее сильные организации, несмотря на жесточайшие репрессии, продолжали работу, то в 1911 г., в особенности во второй половине 1911 г., партийные организации значительно укрепляются, усиливают руководство борьбой пролетариата, обновляют свой состав, приспособляют свою работу к новым условиям. Замечается прилив новых членов в организации.

Оживляется работа петербургской и московской организации. Развертывается работа в Центрально-промышленном районе, на Украине, в Азербайджане и Грузии, на Урале и т. д. Громадную роль в развитии партийной работы и в руководстве революционной борьбой сыграла большевистская печать.

Исключительно важное значение в большевистском воспитании рабочих сыграла большевистская «Звезда», а затем «Правда», сплотившая под ленинским знаменем тысячи передовых рабочих, создавшая целые поколения большевиков-правдистов.

В условиях подъема партия на деле доказала, как надо руководить революционным движением.

Подъем рабочего движения, начавшийся в 1912 г., свидетельствовал со всей очевидностью о приближении новой революции, в борьбе за которую строили свою технику большевики. Резолюция краковского совещания характеризовала подъем рабочего движения 1912-13 г. г., как начало вступления России в «полосу открытой революционной борьбы масс».

Большевики рассматривали подъем рабочего движения как начало новой революции, как «проявление нарастающего революционного настроения масс против режима 3 июня».

Задачей большевиков в годы подъема было «стихийно растущую революционную стачку поддержать, усилить, развить, ук-

репить сознательно для подготовки к восстанию крестьян и войска».

Одной из главных задач в руководстве стачечным движением большевики считали политическое воспитание масс. Пражская конференция, происходившая в самом начале массового подъема, указывала на «необходимость постановки и расширения систематической политической агитации и всесторонней поддержки начинающегося движения масс и расширения его под знаменем полностью проводимых лозунгов партии».

Партия и большевистская печать приветствовали переход рабочего движения за узкие рамки экономической борьбы, ее переплетение с политической борьбой.

Пролетариат выступал в качестве гегемона общедемократического движения, в качестве руководителя крестьянских масс в борьбе за демократическую революцию, которая непосредственно должна была перерасти в социалистическую. На это указывал Ленин в своем отчете: «Развитие революционной стачки и уличных демонстраций». «Революционная стачка русских рабочих в 1912 г., — писал он, — носит, в полном смысле слова, общенародный характер. Общенародно то движение, которое выражает объективные нужды всей страны, направляя свои тяжелые удары против центральных сил врага, мешающего развитию страны. Общенародно то движение, которое поддерживается сочувствием огромного большинства населения».

В противоположность большевикам, совершенно четко поставившим вопрос о руководстве рабочим движением еще на Пражской конференции, а также на Краковском совещании, выдвинувшем в качестве очередной задачи «устройство уличных революционных демонстраций», ликвидаторы выступали в качестве резких противников массового революционного подъема. Ликвидаторы стремились задержать размах стачечного движения, принизить его задачи, свести мощный подъем движения рабочего класса как гегемона революции, выступавшего в тот период во главе общенародного движения, к узко-профессиональной трэдюнионистской борьбе за отдельные реформы, за вырывание частичных требований и отдельных «прав» у черносотенной Думы и царского правительства.

Ликвидаторская печать вместо поддержки стачечного движения открыла целую кампанию против него. «Забастовка,—писал «Луч», — орудие тонкое, от частого употребления оно изнашивается, тупеет... И если от частого ее применения одни *перестанут ей сочувствовать*, другие перестанут ее замечать, — она постепенно будет терять свое общественно-политичес-

кое значение. Петербургские рабочие подошли к этой грани. Дальше начинается уже не борьба, а стачечный азарт».

Поскольку задержать массовое движение ликвидаторы были не в силах, они стремились направить рабочее движение в «мирное» русло.

Отрицая значение выступлений пролетариата как гегемона революции, ликвидаторская газета «Луч» квалифицировала забастовки этого периода как совершенно бесплодные.

Вместо забастовок, как «проторенных» и «не всегда действительных» методов борьбы, «Луч» рекомендовал «массовые заявления в законодательные учреждения», то есть подачу петиций в Думу, и замену классовой борьбы бумажными прошениями, адресованными черносотенному большинству Думы.

Протестуя против политических требований рабочих, ликвидаторы стремились придать движению «узко профессиональный», «чисто экономический» характер.

Ликвидаторы стремились принизить задачи пролетариата как гегемона революции, доказывая, что рабочий класс не созрел, чтобы итти дальше лозунгов «свободы коалиций» и чисто экономической борьбы.

То, что все массовое движение развивалось независимо и вопреки ликвидаторству, свидетельствовало о полном политическом поражении ликвидаторов. Попытки противопоставить «европейские», «парламентские» формы борьбы «стачечному азарту» привели ликвидаторов к полной потере ими всякого влияния в массах.

Партия же большевиков на деле руководила стачечным движением. Это руководство осуществлялось через рабочую печать и через партийные организации.

Особенно велико было руководящее влияние в массовом рабочем движении большевистской «Правды». В то время, когда в разгар рабочего движения ликвидаторский «Луч» провозгласил борьбу «с стачечным азартом»,—«Правда» была той газетой, которая на деле руководила рабочим движением.

«Правда» так хорошо сумела связаться с пролетариатом всей России, что малейшее движение рабочих в самом глухом уголке сейчас же получало свое отражение на страницах газеты.

Как мы читаем в одних воспоминаниях о партийной работе на Украине, «Правда» являлась для харьковских рабочих и прокламацией, и пропагандистским листком и вообще являлась большим организующим цементом». Это было не только в Харькове, но и по всей России.

2. СТРАХОВАЯ КАМПАНИЯ

Громадную роль сыграли большевики в руководстве так называемой «страховой кампанией», явившейся ответом рабочих на изданный царским правительством, под влиянием мощного подъема рабочего движения, закон 23 июня 1912 г. о страховании от болезней и несчастных случаев.

Закон этот не только не внес «успокоения» в рабочую среду, на что рассчитывало правительство, но дал толчок революционному движению, выразившемуся в так называемой страховой кампании.

По закону 23 июня 1912 г. страхованию подлежали не все рабочие, а только рабочие фабрично-заводской промышленности, т. е. менее одной пятой всего пролетариата. Страхование не распространялось на рабочих казенных предприятий, на сельскохозяйственный пролетариат, на торгово-промышленных служащих, а также на всех рабочих, работающих в мелких мастерских.

Закон совершенно не предусматривал страхования от инвалидности, старости и безработности. Дело медицинской помощи рабочих целиком оставалось по закону в руках предпринимателей. Закон только давал право рабочим с согласия предпринимателя брать дело медицинской помощи в руки больничной кассы. Право назначать своих представителей в общие собрания и правления больничных касс также получали предприниматели. Закон устанавливал нищенские размеры пособий и пенсий. Урезывая до крайности права рабочих в деле страхования, закон 23 июня главную тяжесть сборов по страхованию взваливал на рабочих. Рабочая печать не без основания характеризовала правительственный закон о страховании как закон страхования промышленников от рабочих.

Правительство и буржуазия приняли все меры к тому, чтобы отстранить рабочих от выборов в страховые органы и не дать возможности революционному рабочему классу сплотиться во время страховой кампании. Стараясь всеми способами избежать этой самой неприятной для себя стороны страхового закона, правительство совсем запрещало предвыборные собрания рабочих и обсуждение вопросов страхования, стремясь сделать выборы «немыми» и провести в страховые органы своих назначенцев. Рабочим с вечера выдавались бюллетени, которые к утру они должны были заполнить. Правительство установило очередность в открытии больничных касс с таким расчетом, чтобы распылить страховую кампанию, провести послушных предпринимателям представителей

в больничные кассы, оставив по возможности дальше в стороне наиболее передовые слои пролетариата, в частности металлистов.

Чтобы избежать общих собраний, эти «немые выборы» производились по отделам, причем каждый отдел должен был выбирать уполномоченных непременно из своей среды. Попытки рабочих организовать лекции для ознакомления со страховым законом подвергались жестоким репрессиям. Правительство попросту не допускало или разгоняло их... Уже с осени 1912 г. началась борьба рабочих за «право» (!) знакомиться со страховыми законами путем собраний и лекций, за действительное, а не мнимое представительство в страховом совете и присутствиях.

В ответ на попытки правительства распылить рабочих в страховой кампании, не дать им возможности использовать ее для своей организации, в Петербурге в ноябре 1913 г. образовался страховой центр от 58 петербургских заводов и фабрик, который в открытом письме О-ву заводчиков и фабрикантов выставил рабочие страховые лозунги, в частности лозунг общегородской больничной кассы. Таким образом, в Петербурге царское правительство и капиталисты оказались лицом к лицу с организованным пролетариатом.

То же самое имело место и в Варшаве.

Рабочие, борясь в страховой кампании, противопоставляли царскому закону свою развернутую страховую программу, требуя расширения круга страхуемых, обеспечения на случай болезни рабочих и служащих всех городских предприятий и учреждений, а равно и членов их семейств, передачи организации врачебной помощи из рук капиталиста в руки кассы, и др. В таком духе выносят резолюции рабочие ряда профессиональных союзов, предприятий и районов.

Органы большевистской печати «Правда» и «Вопросы страхования» со всей решительностью выступили против идей бойкота страховых законов (кое-где встречавших еще некоторых сторонников), что не мешало ликвидаторам обвинять большевиков в бойкоте страховой кампании.

«Как ни плохи законы 23 июня 1912 года, — писал большевистский журнал «Вопросы страхования», — как ни слабы рабочие перед лицом объединенного капитала, все же энергичным участием в страховой кампании рабочие кое-чего добьются, а бойкотом даже повредят самим себе. В ходе страховой кампании рабочие сплотятся, приучатся к общей деятельности, и их организация улучшится». «Действительное государственное страхование рабочих, — писала «Правда», — достигнуто будет не в результате бойкота (словесного) нынешних законов, а в результате борьбы всего рабочего класса за старые, неурезанные требования

его». «Правда» призывала рабочих использовать даже частичные улучшения и реформы, «не останавливаться на полдороге и использовать все, всякую точку опоры для дальнейшей борьбы». Большевики выдвигали в страховой кампании и проводили в своей страховой программе максимальные страховые требования, выдвигая требование общегородских больничных касс, как объединяющих наибольшие массы рабочих, и требуя единого страхового закона, который включал бы в себя все рабочие требования по страхованию в целях избежания распыленной борьбы рабочих отдельных предприятий против объединенного капитала.

В отличие от ликвидаторов, боровшихся только за улучшение царского страхового закона, только за поправки к нему, лозунги большевиков в страховой кампании были лозунгами борьбы за «новую победоносную революцию».

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ РАБОЧІЙ ЖУРНАЛЪ

Вопросы Страхованія

№ 5. 23 Ноября. 1913.

Фабричная инспекція.

Ликвидаторы выступали против единого страхового закона, выдвигаемого большевиками, противопоставляя ему крохоборческую борьбу за частичные требования.

Ликвидаторы вместе с народниками боролись против партийного представительства в страховые учреждения, доказывая, что «страховая кампания, по существу своему, кампания беспартийная». Большевики энергично боролись с этой проповедью беспартийности, доказывая, что она «губительна и вредна». «Не рыхлой и бесформенной «беспартийности» должны учить мы рабочих, — писала «Правда». — Мы должны их закалять в оформленной политической деятельности. Иначе рабочий класс постоянно будет становиться жертвой буржуазных надувательств».

Несмотря на репрессии правительства, арестовавшего как раз накануне выборов группу (20 ч.) уполномоченных, главным образом большевиков — работников союза металлистов, оказывавших организационную помощь большевикам, — выборы в страховые органы окончились полной победой большевиков. В этом отношении почва была подготовлена всей предыдущей работой большевиков. Подавляющее большинство союзов, в том числе даже печат-

ники, где ликвидаторы имели сравнительно более прочные корни, на своем собрании 14 ноября 1913 г. выступило с поддержкой большевистского лозунга всеобщей больничной кассы. Блестящую победу одержали большевики при выборах в страховой совет. На собрании, происходившем 15 (2) марта, подавляющим большинством голосов был принят за основу большевистский наказ, напечатанный в «Пути Правды». При выборах огромным большинством голосов (35 против 12) прошел список кандидатов, опубликованный в «Пути Правды».

Победа большевиков в страховой кампании в Петербурге была закреплена выборами в столичное страховое присутствие, происходившими 12 апреля 1914 года.

Ленин указывал, что: «Вся рабочая группа всероссийского страхового учреждения состояла из правдистов, то есть из рабочих, осудивших и отвергнувших ликвидаторство».

Несмотря на то, что рабочим в результате всей их ожесточенной борьбы не удалось добиться осуществления своих требований, страховое движение имело громадное значение, так как охватило большие массы рабочих, объединенных в больничные кассы. Уже к сентябрю 1913 г. в стадии организации насчитывалось 1.594 больничных кассы с 1.177 тыс. участников.

Благодаря умелой тактике большевиков страховой закон не только не способствовал умиротворению рабочих, на что надеялось правительство, но, наоборот, дал новый толчок развитию массового рабочего движения. Эта борьба шла не по линии отдельных поправочек с целью улучшения царского страхового закона, не по линии «частичных» требований, к чему призывали ликвидаторы, а под революционными большевистскими лозунгами. В страховой кампании рабочие боролись за неурезанную большевистскую программу, за свержение самодержавия, за революцию.

3. БОРЬБА ЗА ПРОФСОЮЗЫ

Перейдем теперь к рассмотрению руководства большевиков профессиональным движением и к рассмотрению той ожесточенной борьбы за профсоюзы, которую большевики вели против ликвидаторов.

Годы подъема рабочего движения были вместе с тем годами укрепления рабочих организаций, в частности профсоюзов; это укрепление происходило одновременно с их большевизацией. По данным рабочей печати, в начале 1912 г. в России насчитывалось 63 союза, объединявших, примерно, около 15.000 членов. К концу 1912 г. насчитывалось 88 союзов, причем в 57 из них

было 13.570 членов. К концу 1913 г., по сведениям рабочей печати, число союзов достигало 118, из них в 73 было 34.800 членов. Общее же число членов к этому времени можно принять за 40—45.000 человек, то есть в 3 раза больше, чем к началу 1912 г. Конечно, эти данные очень преуменьшены: рабочая печать регистрировала только более крупные союзы и в крупных промышленных центрах. Возрождение профсоюзов легче всего проследить по крупнейшим пролетарским центрам. Так, например, в Москве к началу 1912 г. существовали лишь 4 союза (деревообделочников, портных, мануфактуристов и кожевников). К лету 1913 г. их было уже 14 (металлистов, печатников, водопроводчиков, портных, деревообделочников, мануфактуристов, кожевников, булочников, парикмахеров, официантов, торговых служащих, поваров, рабочих по развеске чая и сапожников). В Петербурге к началу 1913 г. были зарегистрированы союзы металлистов, приказчиков-съестников, картонажников, служащих трактирного промысла. До того существовали союзы печатников, архитектурно-строительных рабочих, кожевников, булочников, портных и др. К 1 января 1914 г. в Петербурге насчитывалось 20 союзов. В провинции по подсчету «Новой Рабочей Газеты», в 1913 г. действовало 70 союзов, на них 14 союзов печатников, 13—приказчиков, 9—металлистов. За первые пять месяцев 1914 г. в провинции возникли 12—15 новых союзов; одних союзов торговых служащих насчитывалось по России в 1914 г. около 60 с десятками тысяч членов, в Петербурге было пять таких союзов с 4.000 членов.

О росте числа членов в союзах можно судить по следующим данным. В Петербурге союз текстильщиков насчитывал в начале 1913 г. 645 членов, в начале 1914 г. — 888; союз кожевников насчитывал в 1913 г. 600 членов, в начале 1914 г. — 1.027, московский союз портных летом 1913 г. — 1.576, в начале 1914 г. — 2.642 и т. д. Особенно быстро нарастало число членов в союзе металлистов после смены его ликвидаторского руководства. Петербургский союз металлистов насчитывал в июле 1913 г. 3.353 члена, к 1 января 1914 г.—10.273, к закрытию в 1914 г. он уже имел до 12.000. Петербургский союз печатников к началу 1913 г. насчитывал 2.168 членов, в начале 1914 г.— 5.000. Число членов московского союза печатников увеличилось с 1.000 летом 1913 г. до 3.500 в начале 1914 г. Московский союз металлистов «Рабочая солидарность» за 3 месяца своего существования собрал 1.947 членов, преемник его «Единство» к весне 1914 г. имел 1.300 членов.

Большевикам пришлось все время вести ожесточенную борьбу с ликвидаторами в профсоюзах, и в этой борьбе победа была

на стороне большевиков. Эта победа была особенно трудной, так как в годы реакции здесь прочно засели ликвидаторы. Ликвидаторы считали профсоюзы своей неприступной крепостью. Именно сюда бросились они из «узких рамок подполья», чтобы отсюда вербовать элементы своей «новой, широкой, рабочей партии».— «Арену легального рабочего движения, — писала большевистская «Правда», — ликвидаторы считали своей особой неприступной крепостью». — «Но история подлинного русского рабочего движения жестоко насмеялась над этими надеждами людей, бежавших из подполья». Ликвидаторское руководство профсоюзов обанкротилось. В условиях подъема один из наиболее крупных союзов Петербурга — союз металлистов — не только не укрепился, но,наоборот, выход из него принял катастрофический характер. Да это и понятно. В условиях подъема ликвидаторская верхушка союза металлистов оказалась неспособной не только к руководству движением, но даже к поддержке стачечников. Достаточно указать, что с 1 июля 1907 г. по1 января 1912 г. союзом было израсходовано на пособие стачечникам всего лишь 7% всех поступлений, в то время как на организационные расходы он затрачивал 48% поступлений, а на культурно-просветительные нужды — 26,8%. Революционный подъем 1912 — 13 гг. еще более разоблачил ликвидаторов, обнаружив полный отрыв ликвидаторской верхушки союза металлистов от рабочих масс, и поставил перед рабочими во всей остроте вопрос о смене ликвидаторского руководства союза. На учредительном собрании вновь открытого союза металлистов 21 апреля 1913 г. при выборах временного правления союза, металлисты провели первую чистку своего союза от оппортунистов, отдав большинство голосов большевикам.

Обновленное большевиками правление союза с первых шагов своей деятельности оздоровило работу союза, увязав ее с партией и поставив под непосредственное большевистское партийное руководство. Новое большевистское правление центр тяжести всей своей работы сосредоточило на руководстве движением по проведению ряда стачек на заводах Лангензиппена, Круга, Айваза, Балтийском судостроительном и на целом ряде новых машиностроительных заводов — Лесснера, Нобеля, Айваза, Эриксона и др.

Большевистское правление союза направляло всю работу союза по линии укрепления в нем партийного руководства. В этот период союз металлистов действительно стал приводным ремнем между партией большевиков и рабочими массами. Союз металлистов тесно связался с большевистской фракцией Думы, снабжая ее материалами из рабочей жизни. Большевики-депутаты че-

1914. Годъ изданія 4-й 1914.

МЕТАЛЛИСТЪ

№ 6 (43) С.-Петербургъ, 22 Апрѣля. № 6 (43)

Контора и редакція: Загородный, д. 17, кв. 17. Пріемъ по средамъ и субботамъ отъ 7 до 9 час. веч. по воскресеньямъ отъ 12 до 2 ч. д. Телеф. № 188—67.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Сегодня день рабочей печати!

Товарищи-металлисты, распространяйте марксистскую прессу, ваш журналъ, вербуйте подписчиковъ, обезпечьте марксистской печати долгое существованіе.

рез журнал металлистов держали связь с рабочими-металлистами. Металлисты под руководством союза принимали активное участие в поддержке большевистской печати. Под руководством большевистского правления металлисты, вначале очень вяло откликнувшиеся на страховую кампанию, активно проводили выборы уполномоченных в больничные кассы.

Четкое революционное руководство настолько подняло авторитет большевиков в глазах широких масс металлистов, что обеспечило им блестящую победу на перевыборах правления 25 августа 1913 г. Подавляющее большинство собрания в 3.000 чел. почти единодушно отдало свои голоса большевикам. День выборов был историческим днем для питерских рабочих. Победа большевиков на собрании металлистов лишний раз показала подлинную волю авангарда пролетариата всей России.

Большевистское правление сосредоточило главные силы на руководстве стачечным движением. В 1913—14 г.г. металлисты уже перешли от обороны к нападению. Так, например, зимняя стачка лесснеровцев, требовавших удаления мастера, длилась 110 дней. Сименсцы, отстаивая свое право на празднование 1 мая, бастовали 91 день, стачка на Металлическом заводе и на заводе Розенкранца продолжалась более пяти недель. Нобелевцы, требуя повышения зарплаты, бастовали свыше трех месяцев и т. д.

Отсутствие средств в кассе союза не являлось препятствием для поддержки им забастовок. Союз обратился к чувству классовой солидарности питерских рабочих. Рабочие горячо откликнулись на призыв союза. За два месяца на одну лишь поддержку бастовавших сименсцев и лесснеровцев было собрано по подписным листам 12.000 руб. Под руководством своего союза питерские металлисты приняли участие и шли во главе целого ряда политических комиссий. Они активно участвовали и в той борьбе, которая развернулась между «Правдой» и «Лучем», поддерживая огромным большинством большевистскую печать. Металлисты приняли участие в страховой кампании, в борьбе за поддержку депутатов-большевиков в Думе и т. д.

К началу 1914 г. большевистскому руководству союза удалось сплотить вокруг себя новые тысячи рабочих. Союз металлистов под большевистским руководством действительно превратился в авангард рабочего класса, в действительную опору партии. Правительство и охранка, прекрасно понимая революционизирующее влияние союза металлистов, приняли все меры к его ликвидации. Придравшись к посылке союзом металлистов делегации в Германию в августе 1913 г., правительство закрыло союз.

К 1914 г. большевикам удалось охватить своим влиянием подавляющее большинство питерских союзов. Об этом можно судить по сборам на рабочую печать. Деревообделочники в 1914 г. дали большевистской газете 1.400 руб., тогда как ликвидаторской всего лишь 38 руб. Большевизм вытеснил ликвидаторов даже из профсоюзов рабочих мелкой кустарной промышленности, из рядов портных, кожевников и др. Большевизм вы-

ПРАВДА

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА. Выходитъ ежедневно кромѣ понедѣльниковъ.

СЕГОДНЯ ВЪ НОМЕРѢ:
ГОС. ДУМА:
СТАТЬИ:
СТАЧКИ:
ЗА РУБЕЖОМЪ:
РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ:
ПО РОССІИ:

№ 137 (341) Воскресенье, 16 іюня 1913 г. ЦѢНА 2 коп.

СѢВЕРНАЯ ПРАВДА

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА выходитъ ежедневно кромѣ понедѣльниковъ

Годъ изданія первый.

СОДЕРЖАНІЕ №-ра:
7-ая конфискація «Нашего Пути».
СТАТЬИ:
ФЕЛЬЕТОНЫ:
ЗА РУБЕЖОМЪ:
СТРАХОВАНІЕ:
Привѣтствія «Сѣверной Правдѣ».
СТАЧКИ: въ Петербургѣ и провинціи.

№ 28. Среда, 4 сентября 1913 г. ЦѢНА 2 коп.

ПРАВДА ТРУДА.

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА выходитъ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ.

Годъ изданія первый.

СОДЕРЖАНІЕ №-ра:
Третья конфискація „Правды Труда".
СТАТЬИ:
ФЕЛЬЕТОНЪ:
ЗА РУБЕЖОМЪ:
СТРАХОВАНІЕ:
Рабочее движеніе. — Рабочая жизнь.
Крестьянская жизнь.

№ 4. Суббота, 14 сентября 1913 г. ЦѢНА 2 коп.

ПУТЬ ПРАВДЫ

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА выходитъ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ.

Годъ изданія первый.

СЕГОДНЯ ВЪ № 31:
Конфискація газ. „Путь Правды".
СТАТЬИ:
ФЕЛЬЕТОНЪ:
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА:
СТРАХОВАЯ КАМПАНІЯ:
Движеніе рабочихъ. — Изъ жизни разн. чинъ. — Городскіе служащіе. — У приказчиковъ. — У печатниковъ. — На желѣзныхъ дорогахъ. — По Россіи.

№ 31 Суббота 8 Марта 1914 г. ЦѢНА 2 коп.

ТРУДОВАЯ ПРАВДА

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА выходитъ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ.

Годъ изданія первый.

СОДЕРЖАНІЕ № 24.
Стачка въ текстильномъ районѣ.
Всеобщая забастовка въ Баку.
СТАТЬИ:
ФЕЛЬЕТОНЫ:
Движеніе среди приказчиковъ.
СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ.
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ:
РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ:
ПО РОССІИ:

№ 24 Среда 25 Іюня 1914 г. ЦѢНА 2 коп.

ИЗМЕНЕННЫЕ ИЗ-ЗА ЦЕНЗУРНЫХ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ ЗАГОЛОВКИ «ПРАВДЫ» В ТЕЧЕНИЕ ОДНОГО ГОДА

теснил ликвидаторов из их последнего единственного убежища— из профсоюза печатников.

1914 г. закрепил победу большевиков среди союза печатников. Сборы на «Правду» и большевистскую печать среди печатников дали в пять раз больше, чем на ликвидаторскую печать.

На выборах в правление союза печатников в Петербурге 27 апреля 1914 г. значительная часть мест в правление перешла к большевикам и сочувствующим им. Большевики одержали победу даже среди таких групп, как приказчики и конторщики, наиболее тесно связанные с мелкобуржуазными элементами и особо подверженные влияниям оппортунизма. В результате этих побед в средине 1914 г. Ленин мог отметить «полнейшее преобладание правдистов в профзоюзах Москвы и Петербурга». — «Из 20 профессиональных союзов С.-Петербурга, перечисленных с указанием числа членов в нашем рабочем календаре, только чертежники, фармацевты и конторщики — ликвидаторы, да наполовину печатники. Во всех остальных союзах, и у металлистов, и у текстильщиков, и портных, и у деревообделочников, и у приказчиков и т. д. полнейшее преобладание правдистов».

Это и было лучшим доказательством правильности большевистской линии в революционной борьбе и в частности в профессиональном движении.

4. БОРЬБА ЗА ДУМСКУЮ С.-Д. ФРАКЦИЮ

О росте большевистского влияния свидетельствовали и выборы в IV Государственную Думу, и отношение рабочих к борьбе большевистских депутатов в Думе с меньшевистскими. На выборах в IV Думу, на которые ликвидаторы, подобно всем буржуазным парламентским партиям, возлагали большие надежды, они потерпели поражение: выборы по рабочей курии дали большинство большевикам.

Главными избирательными лозунгами партии на выборах в IV Думу были основные лозунги большевистской программы.

Большевики использовали предвыборную кампанию «для того, чтобы еще раз и по поводу выборов, и по случаю выборов, и в спорах о выборах разъяснить массам необходимость, насущность, неизбежность революции» (Ленин).

Если ликвидаторы старались использовать предвыборную кампанию для борьбы за депутатские места, с целью «органической» работы в Думе, то большевики использовали предвыборную борьбу в целях революционной агитации, теснейшим образом связывая ее со всей партийной работой и с укреплением нелегальных организаций на местах.

«Центром и штабом» избирательной кампании большевиков была редакция «Правды». «Здесь, — пишет в своих воспоминаниях Бадаев (депутат-большевик IV Думы),—кипела неустанная ежедневная работа. Помещение редакции служило местом встреч и собраний с представителями районов и отдельных фабрик и заводов».

Предвыборная кампания проходила в исключительно тяжелых условиях правительственных репрессий. Невозможно было даже вести агитацию за будущих кандидатов и уполномоченных из опасения полицейских преследований и арестов, потому имена кандидатов до последнего момента держались в тайне и сообщались рабочим только в момент выборов.

Фабрично-заводская администрация всюду деятельно помогала правительству урезывать избирательные права рабочих.

Однако, несмотря на эти преследования, подавляющее большинство избранных уполномоченных оказались большевиками и сочувствующими им. В ответ на это правительство еще более усилило свои репрессии. Избранным уполномоченным дважды было отказано в устройстве предвыборных собраний. В Петербурге на 21 предприятии, где в уполномоченные прошли наиболее революционно настроенные рабочие, главным образом большевики, выборы были правительством «разъяснены». На Украине от выборов были устранены: по г. Харькову до 30%; по Харьковскому уезду— до 18%; по всей Харьковской губернии—до 10% выборщиков. В самом же Харькове «разъяснительная» политика коснулась самого крупного завода — паровозостроительного, где огромным влиянием пользовались большевики. Такая же картина наблюдалась и в других местах.

Выборы окончились блестящей победой большевиков. Крупнейшие пролетарские центры послали в Думу депутатов-большевиков. Губернский съезд выборщиков по Петербургу избрал в депутаты от рабочих большевика А. Бадаева.

Блестящей победой закончились выборы и на Украине. В Харькове по рабочей курии был избран т. Муранов, которому был вручен наказ от рабочих г. Харькова.

Большевики одержали победу на выборах и в целом ряде других пролетарских центров.

От Екатеринославской губернии был избран в Думу т. Петровский, от Московской губернии большевик Малиновский, оказавшийся впоследствии провокатором, от Костромской губернии Шагов, от Владимирской — Самойлов. О росте большевистского влияния в пролетарских массах свидетельствовал тот факт, что губернии, избравшие депутатов-большевиков, представляли подавляющее большинство пролетариата.

Шесть губерний, давших депутатов-большевиков (Петербургская, Московская, Владимирская, Костромская, Харьковская и Екатеринославская), насчитывали 1.008 тыс. рабочих; наоборот, меньшевистская семерка, которая наполовину состояла из интеллигентов, прошла главным образом голосами мелкой буржуазии. Число рабочих в губерниях, пославших меньшевиков, не превышало 136 тыс., т. е. было почти в пять раз меньше по сравнению с числом рабочих в губерниях, пославших депутатов-большевиков.

Огромнейшую роль в победе большевиков во время выборов сыграла большевистская «Правда».

«Правда» была единственной газетой, которая боролась за развернутую социал-демократическую программу, не только против помещичьей контр-революции и против буржуазного либерализма, но и против буржуазного влияния на пролетариат, против попытки заменить программу революции — программой реформ в рамках столыпинского режима.

После выборов «Правда» вела борьбу за поддержку депутатов-большевиков внутри Думы, мобилизуя внимание пролетариата против ликвидаторских попыток превращения социал-демократической фракции в орудие реформистской политики.

Думская с.-д. фракция, именно ее большевистская часть, дала образцы действительно революционного использования парламента.

В отличие от депутатов-меньшевиков, насчитывавших в своей среде интеллигентов и даже опытных думских деятелей, депутаты-большевики прошли в Думу непосредственно с фабрик и заводов. Несмотря на это большевистская шестерка развернула в IV Думе большую работу. Ее работа была поддержана подавляющим большинством российского пролетариата, приславшим многочисленные приветствия и наказ большевистским депутатам.

Если меньшевистские депутаты считали себя самостоятельной организацией и противопоставляли себя партии, нарушая партийную дисциплину, игнорируя партийную программу, то большевистская фракция выступила как орган, подчиненный партии.

Работе социал-демократической фракции помогал ряд руководящих партийных работников, живших нелегально в Петербурге, а руководство осуществлял из заграницы большевистский ЦК. Непосредственное руководство только что закончившейся избирательной кампанией и подготовка организации думской фракции лежали на т. Сталине.

Деятельность внутри Думы была только небольшой частью тех задач, которые стояли перед рабочими депутатами. Главное

К вопросу о некоторых выступлениях раб. депутатов

[illegible]

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ИНСТРУКТИВНОЙ СТАТЬИ ЛЕНИНА, НАПИСАННАЯ В НАЧАЛЕ РАБОТЫ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ДЛЯ ПЕРВОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ С.-Д. ДЕПУТАТОВ

и преобладающее место в ней занимала внедумская работа. Она заключалась в непрерывном общении с рабочей массой и руководстве ее повседневной борьбой. Депутаты-большевики принимали активное участие в руководстве стачечным движением, участвовали в работе профсоюзов и большевистской печати.

Одной из лучших форм использования думской трибуны социал-демократической фракцией были думские запросы об особенно безобразных случаях произвола царского самодержавия, вскрывающие в глазах широких масс истинный хирактер самодержавного строя.

Работа большевистской шестерки продолжалась и во время перерыва думских сессий, когда депутаты-большевики отправлялись в объезд районов, от которых они были выбраны, проводя на местах отчеты о думской работе и информируя рабочих о последних партийных решениях, налаживая работу по восстановлению подпольных организаций и собирая материал для своих думских выступлений.

Совершенно иначе была поставлена работа у ликвидаторской семерки, которая в своей деятельности не выходила за пределы парламентского крохоборчества.

Таким образом внутри социал-демократической фракции, объединявшей большевистскую шестерку и меньшевистскую семерку, с самого начала коренились крупнейшие политические разногласия, исключавшие возможность какой бы то ни было совместной работы.

Ликвидаторская семерка, пользуясь большинством одного голоса, лишала возможности депутатов-большевиков выступать с думской трибуны по важнейшим вопросам политической жизни. Проводя во всей своей деятельности ликвидаторские лозунги, меньшевистская семерка дошла до того, что попыталась заставить депутатов-большевиков сотрудничать в ликвидаторском «Луче» с тем, чтобы слить «Правду» и «Луч» в общую «рабочую» газету.

Антипартийная деятельность ликвидаторской семерки, претендовавшей на представительство рабочих, не могла не вызвать протеста и вмешательства со стороны пролетариата.

«Обязанностью сознательных рабочих, — писал в «Правде» в 1913 г. т. Сталин, — является возвысить голос против раскольнических попыток внутри фракции».

В октябре 1913 г. большевистская шестерка, несмотря на жесточайшее противодействие со стороны черносотенного большинства Думы, а также со стороны ликвидаторских депутатов, — окончательно порвала с ликвидаторской семеркой и оформилась как самостоятельная Российская Социал-Демократическая Рабочая Фракция.

Волна резолюций рабочих в связи с борьбой и расколом думской фракции являлась новым свидетельством большевизации масс. Рабочие резолюции с заявлением сочувствия большевистской «Правде» и поддержки депутатов-большевиков дали боль-

шевикам 6.722 подписи, тогда как всем сторонникам ликвидаторов, причем почти исключительно за счет бундовцев и кавказских рабочих, удалось собрать всего 2.985 подписей, то есть меньше одной трети.

В отличие от резолюций в пользу большевиков подавляющее большинство резолюций за ликвидаторов исходило от непролетарских групп—служащих и учащихся.

Если за депутатов-большевиков в подавляющем большинстве высказывались рабочие Питера, Центрально-промышленного района и крупных пролетарских центров, то сторонники ликвидаторской семерки вербовались, главным образом, из рабочих, еще тесно связанных с мелкобуржуазными группами: из рабочих Западного края, из рабочих Закавказья, где было сильно еще влияние меньшевизма и где рабочие еще были тесно связаны с мелкобуржуазной средой.

Несмотря на колоссальные трудности и злостный саботаж со стороны ликвидаторов, большевики развили энергичную деятельность.

Успешность работы большевистской фракции обусловливалась той огромной поддержкой, которую ей оказывал пролетариат, особенно питерский. К обсуждению вопросов думской работы фракция привлекла представителей питерских рабочих.

С участием рабочей комиссии был выработан законопроект о восьмичасовом рабочем дне, внесение которого вызвало ряд приветствий со стороны рабочих по адресу своей с.-д. фракции.

В то время как непрерывно крепла связь рабочих масс с большевистской фракцией, ликвидаторская фракция быстрыми шагами шла к своему полному разложению. Сами ликвидаторы должны были признать, что их фракция «утратила все свое влияние и ушла от политической жизни страны».

Все попытки ликвидаторов укрепиться и собрать свои силы потерпели неудачу. Полным крахом закончилась попытка Троцкого сколотить блок (так называемый августовский) из ликвидаторов всех мастей, начиная от русских легалистов и кончая «левыми» «большевиками», порвавшими с партией.

Отрыв от революционного движения, изоляция ликвидаторов от массовой и партийной работы в России и замыкание в узкие рамки эмигрантских и литературных кружков — таковы были для ликвидаторов итоги годов подъема.

Партия же большевиков во главе с Лениным все более и более превращалась в подлинно массовую партию, ведущую за собой подавляющее большинство передовых рабочих.

5. НА ПОДСТУПАХ НОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Правильное руководство революционной борьбой обеспечивало в рассматриваемый период безусловный рост большевистского влияния в рабочих массах — рост большевизации масс при крахе и разложения ликвидаторства (причем, конечно, целиком сохранялось все значение оппортунистической опасности в рабочем движении и борьбы с ней).

Боровшиеся за сохранение старой нелегальной партии большевики, работавшие над укреплением подполья, вместе с тем сумели создать и открытое революционное рабочее движение, свои открытые органы печати, свои профессиональные союзы и сумели стать во главе руководства всей революционной борьбой.

Большевизм в годы подъема одержал ряд крупнейших побед и стал знаменем подавляющего большинства рабочих. Эти победы большевикам удалось одержать только в борьбе с ликвидаторством и центризмом — «только вопреки ликвидаторов, только без них и против них, — писал Ленин, — рабочие провели и могли провести ту блестящую кампанию движения стачечного, страхового, создания газет, каковая кампания дала теперь повсюду большинство в четыре пятых противникам ликвидаторства. Большевизация рабочих, быстрое распространение большевистского влияния в массах были результатом того, что в условиях подготовки новой революции массы могли итти только под лозунгами той партии, которая боролась за революцию, а не партии, отказавшейся от революции.

Для большевизации масс весьма показательно отношение рабочих к большевистской «Правде» и к ликвидаторскому «Лучу».

В годы подъема число групповых сборов среди рабочих на большевистскую и ликвидаторскую печать распределялось следующим образом.

	Число групповых сборов рабочих: на большевистскую печать	на «Луч»
1912 г.	625	89
1913 „	2.571	651
Итого	3.196	750

1913-14 г.г. были годами дальнейшего расширения большевистской базы. Сборы на рабочую печать дали большевикам в 1913 г. 77%, а в 1914 г.—81% всех рабочих групп. В 1913 г. у «Правды» было 2.181 рабочая группа, а у ликвидаторов 681. В 1914 г. (до 13 мая) у правдистов было уже 2.872 рабочие

группы, а у ликвидаторов—671. Это свидетельствовало о росте большевистского влияния в массах, о растущем сплочении передовых рабочих вокруг большевистской «Правды» и под ее лозунгами.

Показательны и данные о тираже большевистской и ликвидаторской печати. В то время как «Правда» выходила с тиражом до 40.000, «Луч» выпускался в 10.000 экз. В день рабочей печати, который впервые праздновался 22 апреля 1913 г., большевистская «Правда» («Путь Правды») получила от 1.915 рабочих групп со всей России 16.193 руб., а ликвидаторы от 588 рабочих групп—6.651 руб. Зато от не рабочего населения «Путь Правды» получил 1.842 руб., а ликвидаторы—6.062 руб. По одному Питеру «Правда» получила от 1.274 рабочих групп 10.762 руб., а ликвидаторы от 224 рабочих групп—2.306 руб.

По сравнению с большевистской печатью, ликвидаторская печать составляла—по выражению Ленина—«полный нуль в социал-демократическом движении России».

Консолидация большевистской партии происходит одновременно с развалом ликвидаторства.

Попытка ликвидаторов в центристов во главе с Троцким противопоставить большевистскому объединению свой «августовский блок» закончилась полным крахом. В то время как большевики все более и более расширяли базу своего влияния в массах, уже через каких-нибудь полгода после ликвидаторской «августовской» конференции произошел раскол между основными группками, вошедшими в ликвидаторское объединение. На фоне идейного и организационного распада ликвидаторов, на фоне потери ими всякого влияния в массах, еще более показательным был рост и укрепление единственной революционной боевой партии пролетариата, партии большевиков, рост массового революционного движения, большевизация масс — все это показывало, что накануне он указывал на приближение революционной ситуации.

Связь стачек с задачами свержения самодержавия придавала стачкам «общенародное значение». Ленин писал по этому поводу:

«Выступление пролетариата как гегемона (руководителя) вопреки антидемократическим настроениям либералов — вот что самое важное и исторически своеобразное в наших стачках».

Нарастание революционного движения создавало трещину в третьеиюньском блоке. Буржуазия, которая настороженно ждала революционных событий, упрекала правительство в том, что оно не в состоянии предотвратить революцию. Еще в самом начале революционного подъема кадет Маклаков в своем выступлении в Думе упрекал правительство в том, что оно не в силах создать «прочного мира» в стране: «Если мы будем итти по тому пути, по которому нас ведут, то нас приведут ко второй революции».

«Правительственный курс, — говорил лидер октябристов Гучков, — ведет нас к неизбежной тяжелой катастрофе».

Тревога за будущее, тревога за то, что столыпинский режим не сумеет предотвратить революцию, все чаще и чаще сквозит у отдельных представителей буржуазии. Буржуазия уже в 1912 г. настороженно ждала наступления революционных событий.

«Общество, — писал один из кадетских лидеров, Родичев, в письме, перехваченном департаментом полиции, — всюду настроено весьма оппозиционно, и стоит только развернуться какому-либо важному событию, вроде войны, роспуска Думы..., чтобы в глубине России разразились события, о которых в Петербурге и не думают».

Когда в 1913 г. мощное выступление пролетариата сигнализировало приближение революции и когда в связи с этим усилились оппозиционные выступления буржуазии, царское правительство собиралось даже распустить Государственную Думу. В архиве Совета министров хранится указ, подписанный Николаем Романовым, о роспуске Государственной Думы. Отправляясь в 1913 г. на летний отдых в Ливадию, царь заранее заготовил указ о роспуске Думы без указания даты с тем, чтобы в нужную минуту ее мог поставить Совет министров.

Однако в 1913 г. еще недостаточно назрели противоречия внутри третьеиюньского блока. Дума не была распущена. Это было осуществлено царизмом только в самые поздние дни своего существования,—накануне февральской революции, когда третьеиюньский блок уже распался. Рост недовольства буржуазии, элементы начинавшегося распада третьеиюньского блока несомненно показывали, как писал Ленин, «левение страны».

«Если, — писал Ленин, — 10 Рябушинских и 100 Милюковых ворчат и либерально негодуют, то это значит, что десятки миллионов мелких буржуа и всякого «мелкого люда» чувствуют себя невыносимо».

Рост недовольства буржуазии имел лишь то значение, что он указывал на приближение революционной ситуации.

«Буржуазия левеет, — писал Ленин, — значит, накапливается новый порох в пороховнице русской революции. Если сегодня Крестовниковы говорят: «Россия больна», то это значит, что завтра выступит социалистический пролетариат, ведущий за собой демократическое крестьянство, и скажет: «Мы ее вылечим».

Ленин, подводя итоги движению периода подъема, подчеркивал приближение новой революции.

«Ни в одной стране в мире — вне условий революционной общественной обстановки — нельзя было бы поднять сотни тысяч рабочих по нескольку раз в год на политические выступления по самым различным поводам. А у нас такой подъем идет стихийно, идет потому, что десятки миллионов полупролетарского и крестьянского населения передают, если можно так выразиться, своему авангарду настроение сосредоточенного возмущения, которое бьет ключом, льется через край».

В отличие от ликвидаторов, которые хотели подчинить рабочее движение либералам, которые хотели свести рабочее движение лишь к борьбе за отдельные реформы, большевики стремились направить рабочее движение на борьбу за революцию, в которой пролетариат выступал бы в качестве гегемона.

«В свободной конституционной Европе политическая стачка служит пока (пока не началась еще социалистическая

революция) борьбе за отдельные реформы. В рабской, азиатской царской России, которая подходит к следующей буржуазно-демократической революции, политическая стачка есть единственное серьезное средство расшевелить, раскачать, взбудоражить, поднять на революционную борьбу крестьянство и лучшую часть крестьянского войска».

В условиях нарастающей революции стачечное движение принимало характер непосредственной подготовки к восстанию крестьян и войска.

Указывая на необходимость развивать стачечное движение, Ленин подчеркивал, что самое главное —

«чтобы стачки, митинги, демонстрации шли непрерывно, чтобы все крестьянство и все войско узнало об упорной борьбе рабочих, чтобы деревня, даже самая захолустная, увидела, что в городах неспокойно, что «свои» поднялись, что они борются не на живот, а на смерть, что они борются за лучшую жизнь, за высшую плату, за прекращение бесчинств и произвола власти, за передачу помещичьих земель крестьянам, — за свержение помещичьей монархии царя, за республику. Надо, чтобы глухое озлобление и сдержанный ропот деревни вместе с возмущением казармы нашли себе в революционной стачке рабочих центр притяжения. Надо работать над этим не покладая рук, — и мы увидим тот день, когда пролетариат вместе с крестьянством и войском свалит помещиков, свергнет царскую монархию народным восстанием».

Как мы знаем, эта тактика блестяще оправдалась. Именно рабочая стачка в январе—феврале 1917 г. и стала основой притяжения крестьянских масс, сосредоточенных в войсках. И тогда наступил тот день, о котором писал Ленин, когда «пролетариат вместе с крестьянством и войском свалил помещиков, сверг царскую монархию», чтобы затем в октябре в союзе с деревенской беднотой при нейтрализации среднего крестьянства, в ожесточенной борьбе с капиталистами и капиталистическими элементами города и деревни свергнуть власть буржуазии и утвердить советскую власть — диктатуру пролетариата.

К. Ф. СИДОРОВ

РАБОЧИЙ КЛАСС В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОЛЕТАРИАТ В ГОДЫ ВОЙНЫ

1. КОЛИЧЕСТВЕННАЯ И КАЧЕСТВЕННАЯ ПЕРЕГРУППИРОВКА В РАБОЧЕМ КЛАССЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Ко времени империалистической войны не только остались основные противоречия, не разрешенные революцией 1905 г., но они даже углубились и обострились.

В порядке дня настойчивее, чем когда бы то ни было, стояла новая революция.

За годы подъема (1910—14) капитализм окреп и вырос. Перенося на отечественную землю организационные принципы западно-европейского капитала, русский капитализм заимствовал — в дополнение к самобытно-русскому — и европейский опыт подавления рабочего движения (локауты, конвенции и союзы предпринимателей и т. п.). Пролетариат отвечал на них новой волной боевых стачек. Столыпинская политика «успокоения» стране не приносила. Это видели даже октябристы и кадеты, недавно величавшие Столыпина «русским Бисмарком».

«Мы идем к неизбежной катастрофе» — говорил в конце 1913 г. Гучков на съезде октябристов. Кадет Маклаков в феврале 1914 г. также подтверждал, что «вера в возможность мирного исхода утеряна».

Но тогда трещина между буржуазией и царизмом только наметилась. Стачечная угроза делала буржуазию уступчивее в отношении к самодержавию. Начавшаяся империалистическая война поглотила оппозиционные настроения буржуазии. На историческом заседании Государственной Думы 26 июля 1914 г. было провозглашено «единение царя с народом» (т. е. с буржуазией). Устами Милюкова на этом заседании надежда на захват Босфора и Дарданелл была объявлена «вековой национальной задачей».

Но «единство нации» и «национальный энтузиазм», провозглашенный помещичье-буржуазным блоком, опровергали баррикады питерского пролетариата в дни приезда Пуанкарэ и перед самым объявлением войны. Война и последовавшие за ней драконовы меры к бастующим приглушили движение июня и июля 1914 г., которое могло вылиться во всеобщее восстание пролетариата. Но и обескровленный арестами и расстрелами пролетариат протестовал против объявления войны и мобилизации. Петербургский градоначальник сообщил в департамент, что 19 июля, в связи с призывом запасных по мобилизации, возникла стачка на 21 предприятии с числом рабочих до 27 тыс. чел. Стачками ответил на мобилизацию пролетариат и кое-где в провинции.

В то время, когда царизм бешено готовился к войне и принимал «высоких гостей» из республиканской Франции, рабочий класс за полугодие 1914 г. (январь—июль) дал 3.466 забастовок с 1.302.706 участников[1]. Непосредственный канун объявления войны, как известно, видел баррикады на улицах столицы.

Начало войны принесло временный спад стачечной волны. Вторая половина 1914 г., по официальной статистике, дала 68 забастовок с 34.752 участниками. Но условия военного времени, с его характерными особенностями экономических и классовых сдвигов в составе пролетариата, не могли не сказаться на темпах и размахе движения и не могли не привести к временному перерыву стачечной борьбы и к возникновению «патриотических» настроений у небольшой прослойки старых и отсталой части вновь вливавшихся в промышленность рабочих.

Борьба предпринимателей с рабочими, разгром рабочих организаций, обезглавление рабочего движения путем изъятия наиболее революционной и политически-передовой части рабочих, заполнение ими тюрем и ссыльных мест — все это не могло не сказаться на ослаблении борьбы. Самые мобилизации, следовавшие одна за другой, более всего обрушились на рабочий класс. Особенно они касались той его части, которая в возрастном, политическом, культурном и др. отношениях была «душой» рабочего движения.

Последнее, что понижающе влияло на стачечную активность пролетариата в начале войны и питало корни патриотизма, — это социально-качественные изменения в составе рабочего класса.

По данным фабричной инспекции, всего в цензовой промышленности в 1914 г. было 1.925,7 тыс. рабочих, а в 1916 г. — 2.093,9 тыс. рабочих. Количественно состав рабочих за два года войны возрос на 8,7%.

[1]. Цифры относятся к предприятиям, подчиненным фабричной инспекции.

Как изменялся состав рабочих? По двум основным отраслям промышленности — по обработке металлов и хлопчатобумажной — картина получается очень яркая:

	Всего рабочих в данной отрасли промышл.	Среди них					
		Мужчин		Женщин		Подр. и малолетн	
		Абсол. цифры	В %%	Абсол. цифры	В %%	Абсол. цифры	В %%
Обработка металлов							
1913 г.	323.469	277.667	85,8	14.586	4,5	31.190	9,7
На 1 января 1917 г.	546.117	393.639	72,0	88.391	16,2	64.087	11,8
Хлопчатобумажн. пр.							
1913 г.	496.403	195.400	39,4	250.790	50,5	50.213	10,1
На 1 января 1917 г.	458.758	115.634	25,2	280.130	61,0	62.361	13,8

Мужской труд сокращался за счет женского. Особенно резким темп внедрения женского труда был в металлической промышленности, работающей на оборону.

Из приведенных цифр не видно, как обновлялся мужской состав. Текучесть его за годы войны была очень велика. Об этом говорят многие отчеты больничных касс.

О социальном составе относительно-показательные цифры дают возникшие в годы войны биржи труда. Они отмечают рост прослойки ищущих труда крестьянских элементов, имеющих связь с землей.

Таким образом, отправляемых на фронт, либо требующихся при расширении новых военных отраслей промышленности рабочих заменяли и пополняли такие слои, как женщины, подростки, выкачиваемые из последних глубин сырые деревенские массы, деклассированные и разоренные войной городские низы и т. д. Процесс это начал действовать с первых дней войны, так как самые многочисленные мобилизации, нанесшие опустошения передовой части рабочих, падают именно на 1914 г. Последующие мобилизации всем своим острием падали на молодые и старые призывные возрасты, преимущественно в деревне. Все это не могло не сказаться и на том факте, что в первый период войны рабочее движение пережило временный застой.

Таков процесс изменения рабочего состава в центральных промышленных районах. Промышленные «окраины» дают кар-

тину развала рабочей силы еще ярче. Например, еще в июне 1914 г. железорудный район Украины имел 24.043 рабочих, а в августе уже 10.126. Если в дальнейшем состав рабочих стал пополняться, то уже окраска состава его очень сильно менялась. У нас нет цифр для первых дней войны, но в 1916 г, этот процесс протекал в Донецком бассейне в таком виде. Там в 1916 г. было за месяцы:

	январь	май	октябрь
Всего рабочих	213.531	229.065	252.723
В том числе			
Военнопленных	3.498	34.747	55.051
Женщин	6.050	11.362	12.671
Подростков и малолетних	8.556	17.222	18.113
Беженцев	2.040	2.398	2.626

Здесь мы видим не только абсолютное сокращение мужского труда, но и внедрение в рабочий состав национально-новых элементов. Этот процесс на Урале был еще сильнее, ибо первые партии труда военнопленных и особенно «желтого труда» (китайцы) были направляемы именно на Урал. Там дело доходило до того, что на 19 крупных предприятиях Урала с 47,2 тыс. рабочих число военнопленных доходило до 44%. На отдельных предприятиях соотношение русских мужчин и женщин было даже меньшее, чем военнопленных и китайцев.

Наряду с ростом женского труда, с выкачиванием из деревни новых, необработанных (политически), в большой массе, кулацких и зажиточных слоев, идущих в производство, рост труда военнопленных также сдерживающе влиял на развитие стачек. Новый малоквалифицированный состав рабочего класса опасался—под угрозой увольнения—протестовать и бастовать («а вдруг уволят и заменят военнопленным, если я буду протестовать против каторжных условий»).

Итак, объявление войны прервало революционный натиск рабочего класса на самодержавие. Расправа с руководящей верхушкой рабочего движения, с его большевистской частью, с наиболее сознательными и передовыми рабочими-«правдистами» обескровили рабочее движение. В тылу оставались главным образом те, которые по своему возрастному положению, по своей политической умеренности, были менее решительны в действиях. Не попавшие под мобилизации молодые возрасты рабочих были прижаты к стене так называемым институтом военнообязанных. С середины 1915 г., их вместо посылки на фронт стали оставлять на производстве как незаменимых. Под эту категорию буржуазия старалась подвести все, что могла, так как перспектива больших барышей на военных поставках требовала

прежде всего большого количества квалифицированной рабочей силы. Такая страховка от фронта была притягательной силой для деревенского, даже кулацко-зажиточного слоя крестьян, не говоря уже о том деревенском слое, который жил впроголодь и увидел возможность теперь получить работу. Если сюда прибавить рост и расширение военной промышленности, то будет понятна картина обновления и изменения состава рабочих новыми слоями.

Такое качественное изменение состава рабочего класса не могло не отразиться прежде всего на стачечном движении, как на основной форме классовой борьбы пролетариата в годы империалистической войны.

2. СТАЧЕЧНАЯ БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА В ГОДЫ ВОЙНЫ, ЕЕ ЭТАПЫ И ХАРАКТЕР

«Ни в одной стране мира за последний год не наблюдалось такого числа политических стачечников, как в России»... Такой перевес русских стачек над европейскими «доказывает вовсе не особые качества или особые способности рабочих России, — а лишь особые условия современной России,— в смысле наличности и революционного движения, и нарастания непосредственно революционного кризиса» — писал Ленин, анализируя размах стачек 1912—13 г., и подчеркивал условия, создающие революционное положение в стране: «Одно угнетение, как бы велико оно ни было, не всегда создает революционное положение страны. Большей частью для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде».

Эта оценка нарастания кризиса была особенно верна в годы войны, когда не только усилился гнет со стороны военно-полицейской диктатуры, и низы не хотели больше терпеть нужды, голода и страданий, но и верхи не могли уже так хозяйничать, как прежде.

Общее экономическое и политическое положение масс было крайне безотрадно.

Разгром и запрет каких бы то ни было профессиональных организаций, удушение рабочей печати, усиление законодательных репрессий за призыв к стачке и участие в ней,— вплоть до каторги (приказы ген. Фролова); отнятие тех мизерных законов по охране труда женщин, подростков и детей, добытых в прошлой борьбе; угроза отправки на передовые позиции за «дерзости» начальству в мундирах и без оных и т. д., и т. п. Непо-

средственная трудовая обстановка рабочего была еще печальнее. Предприниматели в условиях военной действительности, с ее бешеной спекуляцией, с невиданными барышами от поставок на армию, потеряли всякое представление об элементарной охране труда. Промышленное рвачество, подлоги, взятки, ссуды на новые заводы, которые не строились, авансы на снаряды, которые не поставлялись и т. д.,— все это не позволяло предпринимателям считаться с ростом промышленного травматизма, профессиональных болезней, общего истощения организма рабочих от недоедания и интенсивного труда.

Для усиления производительности труда и большего вытягивания нервов из мускульной системы рабочего, были пущены в ход все виды агитации от попа-черносотенца до социал-шовиниста-меньшевика, до бывшего революционера Плеханова.

Война, дезорганизовав все народное хозяйство, вызвала необыкновенно быстрым темпом росшую дороговизну и обесценение рубля. Если взять, например, некоторые основные продукты питания и домашнего обихода и посмотреть рост их цены, то картина будет настолько красноречива, что не потребует комментариев. Сама охранка, сообщая об этом в департамент полиции, отмечала такое движение официальных биржевых цен

на основные продукты питания, которое характеризует повышение цен с 1914 по 1916 г. в несколько раз. Например, цены на молоко и мясо возросли в 2—2½ раза, на хлеб—в 5 раз, на масло—в 8 раз, на белье и одежду—в 4—6 раз, на дрова—в 4 раза и т. п. В среднем, по 17 основным предметам городского потребления увеличение цен произошло в 4 с лишним раза. А, между тем, заработки далеко не увеличивались в таком размере. Например, у Саввы Морозова на Никольской мануфактуре вся прибавка к заработной плате выражалась в таком темпе: с 1 августа по 1 октября 1915 г. дана первая прибавка в 5%, затем ежегодно она росла на 10—15% и в 1917 г. в общей сумме возросла до 55% довоенного заработка. Эту прибавку так и выдавали по графе «прибавка на военное время».

В текстильном районе была развита еще выдача наградных к Пасхе от 5 до 10%, что было и у Морозовых. Между тем, эта же Никольская мануфактура Морозова получила за годы войны громадные прибыли: в 1913/14 оперативном году по официальным отчетам прибыль равнялась 3.943.590 руб. 60 коп. Дивиденда было выдано — 1.894.765 р. 17 к, или 10% на капитал. В 1915/16 г. — 7.547.768 р. 38 к. Дивиденда выдано 4.309.294 р. 49 к. или 20%.

Увеличение дневного заработка в 1914—16 г. по основным группам производств у взрослого рабочего мужчины равнялось: у текстильщика—161,0, у печатника и полиграфщика—155,3, у металлиста—189,2 и у химического рабочего—190,0, если для всех рабочих их заработок 1914 г. взять за 100%.

Были во время войны индивидуально высокие заработки, но они не изменяли основной тенденции, показывающей, что на фоне роста прибылей, неслыханно высоких процентов, выдаваемых дивидентов пайщикам акционерных компаний, — доля рабочего класса в национальном доходе от промышленности сокращалась и относительно и абсолютно.* При обесценивающейся валюте рабочий терял и как продавец рабочей силы, и как потребитель. Поэтому уже в середине 1915 г. целые отрасли труда были поставлены в безвыходное положение, так как свести рабочий бюджет при таком положении не представлялось возможным. Поэтому борьба за повышение заработной платы была основным мотивом в экономических стачках, к которым рабочий класс вновь перешел в середине 1915 г.

Следующая таблица о количестве забастовок и участвовавших в них рабочих говорит о нарастании кризиса:

	Число забастовок за указан. период (Заводы, охваченные стачками)					
	Абсол. число забастовавших	В %% к общему числу заведений	Из общ. числа забастовок было: Экономич. Абсол.	Экономич. %%	Политич. Абсол.	Политич. %%
1914 г. (август—декабрь)	68	0,48	61	89,7	7	10,3
1915 г.	928	7,3	715	77,0	213	23,0
1916 г.	1.284	10,3	1.041	81,1	243	18,9
1917 г. (январь—февраль)	1.330	10,6	190	14,3	1.140	85,7

Из таблицы видно, что из года в год количество стачек и стачечников росло. (См. таблицу участников на стр. 290).

Продолжающаяся война усиливала политическую активность, что видно из процента нарастания участников бастующих рабочих и предприятий, и особенно в политическх стачках.

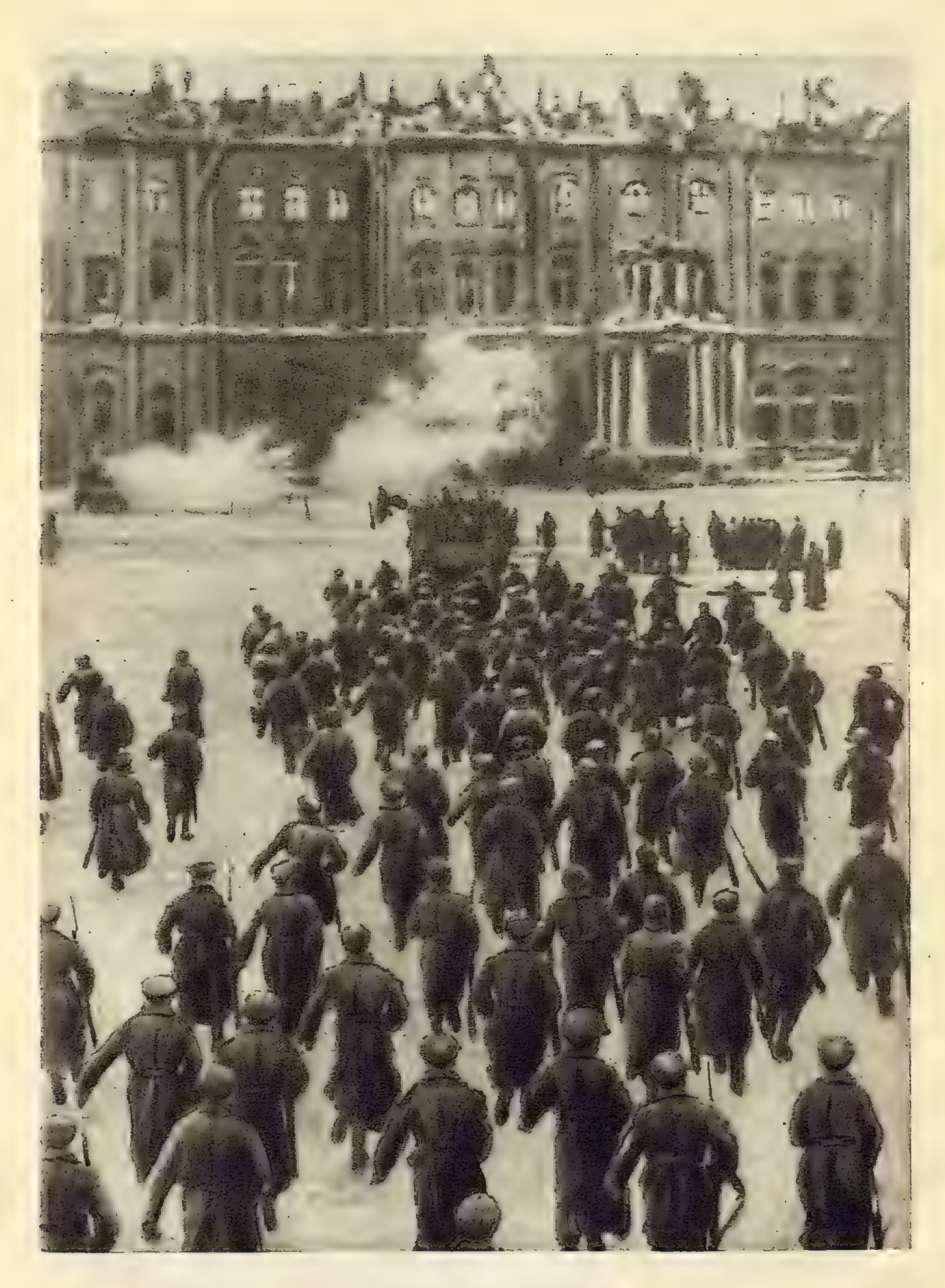
Преобладающее количество стачек и участников в них (экономических и политических) падает на весну и лето 1915—16 г.г., хотя большим упорством (по количеству потерянных дней)

ОКТЯБРЬ В ПЕТРОГРАДЕ

Рабочий патруль у Смольного

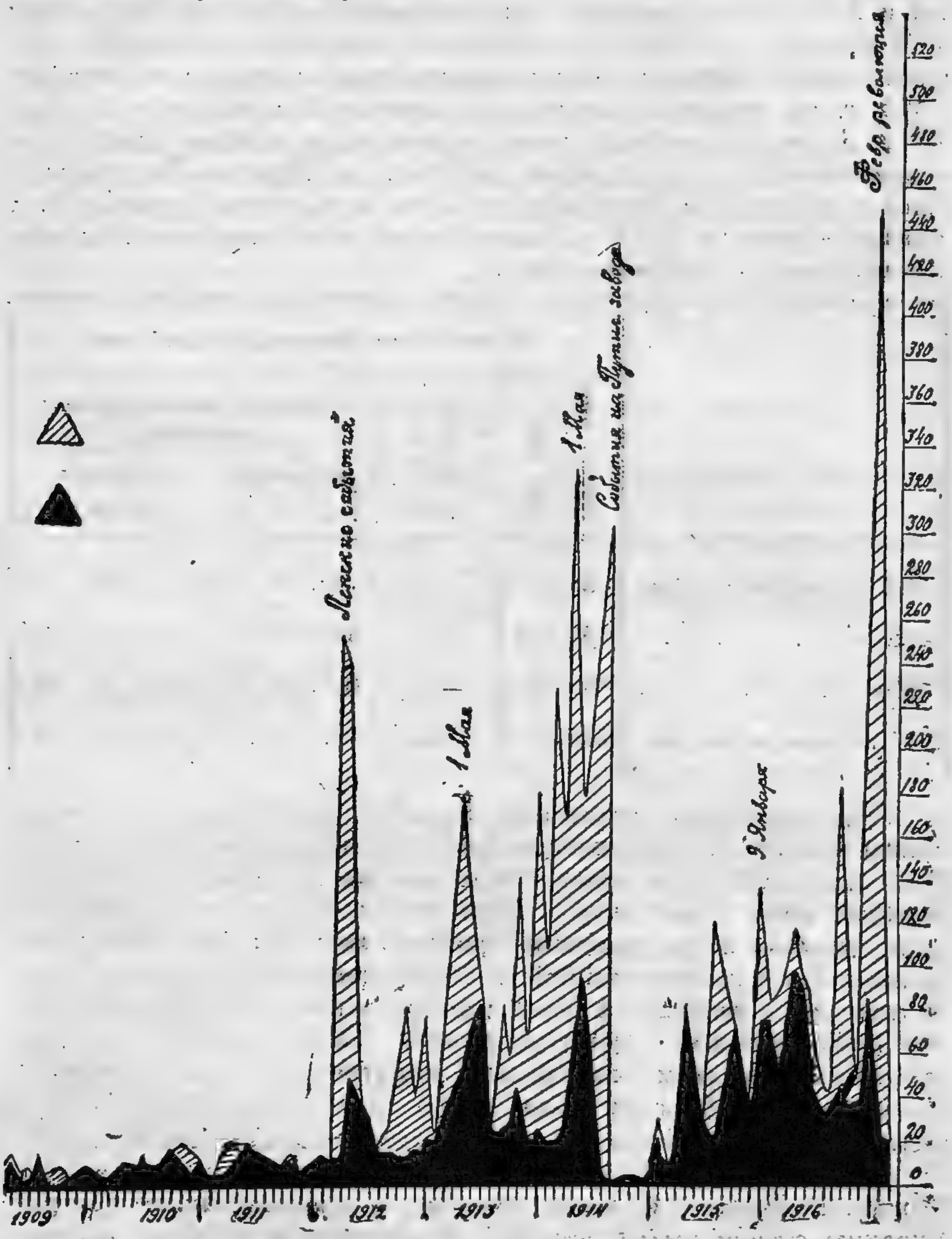
ОКТЯБРЬ В ПЕТРОГРАДЕ

Рабочие и солдаты охраняют Смольный



ВЗЯТИЕ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

отличаются обычно весна и осень. Это понятно. Стачки военных годов были не только отражением конъюнктуры в промышленности, но и борьбой за хлеб, за существование, борьбой с царизмом за политическую свободу.



ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ РЕАКЦИИ, ПОДЪЕМА И ВОЙНЫ (1909—1917 г.г.)
(Темный цвет — число участников в экономических забастовках; светлый — в политических, по месяцам в тысячах участников)

Два летних этапа неизбежно должны были кончиться таким взмахом волны политического движения, как октябрь 1916 г. Еще в сентябре 1916 г. официальные цифры не отмечают политических стачек. В октябре же на 79 стачек с 48.603 участниками и 246.282 потерянных дня экономической борьбы мы имеем 119 стачек с 138.531 участником и 362.516 потерянных дней политической борьбы. Относительно приближенным к октябрю 1916 г. по взмаху политической борьбы был август—сентябрь 1915 г., когда рабочий класс протестовал против варварских издевательств и расстрелов рабочих в Иваново-Вознесенске. Последним этапом движения рабочих в условиях царизма был январь—февраль 1917 г., подводивший итог длительной борьбы пролетариата с самодержавием.

	Общее число бастовавших рабочих					
	Абсол. число бастовавших раб.	В %% к общему числу рабочих	Из общ. числа рабочих бастовало			
			Экономич.		Политич.	
			Абсол.	%%	Абсол.	%%
1914 г. (август-декабрь)	34.752	1,77	31.907	91,8	2.845	8,2
1915 г.	539.528	28,1	383.587	71,0	155.941	29,0
1916 г.	951.695	45,4	641.395	69,5	310.300	30,5
1917 г. (январь-февраль)	676.286	32,3	101.481	15,0	574.805	85,0

«Зачинщиками» стачечной борьбы пролетариата в годы войны были текстильщики центральной промышленной области. Они находились в наиболее бедственном положении. Но руководящая роль в движении в годы войны, как и в годы подъема, принадлежала петроградскому пролетариату. Он был авангардом движения и с количественной, и с качественной стороны до самого февраля и особенно в период февральской революции. Металлообрабатывающая промышленность Петрограда, с ее пролетарским костяком, определяла политический тон движения. Например, октябрьская волна 1916 г. и февральская 1917 г. почти преимущественно падают на петроградский пролетариат.

Другие центры переживали также напряженную стачечную борьбу. В Москве, Брянске, Ростове, в промышленных центрах Украины стачки имели меньшее политическое и более местное значение. Но и там стачечная борьба рабочих не ограничива-

лась лишь борьбой с администрацией за улучшение материального положения рабочих, а неизбежно упиралась в лозунг «долой войну», «долой самодержавие».

Москва, в сравнении с Петроградом, стояла позади. Например, в октябре 1916 г. Петроград дал почти все 100% участников политических стачек (138.076 из 138,531 всероссийского итога по официальной статистике). Петроградский район был районом более «чистого» пролетариата, он был крепче связан с партийным большевистским руководством, с революционными традициями и воспитанием правдистского периода.

Урал и Баку наименее проявили себя за два года войны. Только к концу 1916 г. и особенно в январе 1917 г. стачечная борьба развернулась и в этих районах. Это объясняется тем, что на Урале произошли наибольшие изменения рабочего состава. Основной кадр уральского рабочего класса и раньше многими корнями своего быта увязал в деревне.

Баку же был обессилен длительной стачкой как раз в начале войны (май—август 1914 г.).

Передовая роль металлистов в революционном движении, усилившаяся особенно с начала XX столетия, сохранилась и в условиях военного времени. Петербургские металлисты, более культурные и сознательные, решительнее реагировали на произвол властей, на политический гнет и бесправие рабочего класса.

Ленин считал причиной этого тот факт, что «по сравнению с провинцией рабочие в Питере более культурны и сознательны и более привыкли и более способны действительно самостоятельно «разбираться» во всех вопросах учения марксизма и практики рабочего движения».

Мы отмечали в приведенной выше таблице преобладание экономической борьбы. Но в условиях нараставшего политического кризиса в стране, экономическая борьба пролетариата быстро перерастала в политическую.

В начале войны буржуазия на уступки не шла. В пользу рабочих окончились только 5,1% стачек, а против них—69,0%.

Не сделать ничтожных уступок рабочим в 1915 г. и в первой половине 1916 г., на фоне бешено скачущих вверх цен на продукты питания, было нельзя. Но уже осень 1916 г. дала снова гигантскую цифру отказов, безрезультатных и затяжных экономических стачек. «Высокий заработок рабочих — вот основа дороговизны»,— вопила буржуазия. В сокращении заработков рабочих буржуазия видела главное средство спасти разваливающееся хозяйство. Но теперь даже вновь влившиеся слои рабочих (женщины, беднота деревень), не имевшие, помимо своей

рабочей силы, других источников для существования, поняли неразрывность экономической борьбы с политической и требовала свержения самодержавия и прекращения войны. В эти же месяцы происходит и быстрый рост пораженческих настроений в рабочем классе.

Рабочий класс в своей основной массе никогда не относился к войне равнодушно или положительно.

В дни объявления войны в Питере и в некоторых других рабочих центрах со стороны передовых рабочих были попытки крупных антивоенных демонстраций. В 1915 г. в Петрограде, Харькове, Саратове и в других городах пролетариат не пошел в военно-промышленные комитеты для сотрудничества с буржуазией по ведению войны. Антивоенное настроение проявлялось у рабочих и во время крупных экономических стачек.

Но было бы неверным, если бы мы не отметили явлений патриотизма среди рабочих. Указанные выше процессы количественного и качественного изменения состава пролетариата сказались на временном принижении уровня его сознания. Нельзя думать, что позднейшее «добросовестное оборончество» создано только условиями послефевральской обстановки. Нет, корни его («добросовестного оборончества»), находятся в условиях дофевральских. Этим мы не хотим поставить знак равенства между патриотизмом и «добросовестным оборончеством», но социальная база у них одна. Разница только в политической обстановке и в том, что массовой представитель добросовестного оборончества не хотел завоеваний, не хотел аннексий, не хотел даже победы, а стоял за всеобщий демократический мир и за оборону, пока нет общего согласия держав на прекращение войны.

Тонкая, численно небольшая верхушечная прослойка рабочих, особенно в военной промышленности, была проводником оборонческих взглядов в рабочую среду. Ленин в 1915 г. писал, что «европейский» тип развития, когда известные слои мелкой буржуазии, особенно интеллигенция и ничтожная доля рабочей аристократии могут «попользоваться» привилегиями «великодержавного» положения «своей нации», не мог не сказаться и в России. Для этой ничтожной доли рабочей аристократии, стоявшей на социал-патриотической платформе в годы войны, базой были новые слои рабочих, пришедшие на фабрики из деревень, из городских окраин, в поисках хорошего заработка и гарантий от мобилизации.

Разумеется, необходимо иметь в виду особенности этих настроений у рабочих и их отличия от буржуазного патриотизма. Во избежание «революции низов», буржуазия готова была на любой компромисс с самодержавием. В стачках, даже оборончес-

ки настроенных рабочих, лозунг поддержки фронта зачастую переплетался с лозунгом «долой самодержавие». Большевистские лозунги в отношении войны внедрялись в широкую рабочую массу постепенно, в результате антивоенной, настойчивой и упорной работы уцелевших и вновь выраставших через партийные кружки большевиков.

Но основной, передовой кадр рабочих с «правдистских» позиций не сошел и в годы войны.

«В общем и целом рабочий класс России оказался иммунизированным в отношении шовинизма»,— писал Ленин. Революционное положение и общие условия жизни русского пролетариата не давали для него почвы: «Мы видим в России целый ряд оттенков оппортунизма и реформизма среди интеллигенции, мелкой буржуазии и т. д. Но он в ничтожном меньшинстве среди политически активных слоев рабочих. Слой привилегированных рабочих и служащих у нас слаб. Фетишизма легальности у нас создаться не могло».

Эта характеристика Ленина особенно наглядно вскрывается на примере краха «гвоздевщины» и неудачи попыток так называемой «европеизации» рабочего движения.

3. ПОПЫТКА БУРЖУАЗИИ «ЕВРОПЕИЗИРОВАТЬ» ФОРМЫ РУССКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Развернувшееся стачечное движение не могло не заставить буржуазию серьезно поставить рабочий вопрос в повестку дня своей политики. «Мир в промышленности» накануне войны буржуазия стремилась обеспечить полицейскими экзекуциями, локаутами, системой черных списков и фабричного шпионажа, специальными гарантийными конвенциями о поддержке всем классом буржуазии тех отраслей, где будут стачки и т. д. Все эти институты, усиленные военным режимом, били по правовой, производственной и бытовой жизни рабочих. Но стачки военных годов вызвали к жизни и нечто новое, заставив определенные круги буржуазии пересмотреть в этом вопросе свою линию, подновить ее переносом «европейских» традиций на русскую почву.

Но «новый курс» пришел слишком поздно. Баланс взаимоотношений буржуазии и пролетариата за годы первой революции, реакции и подъема говорил не в пользу классового мира и компромиссов. Почвы для этого в условиях русской действительности не оказалось.

В чем суть «нового курса», на путь которого пыталась стать определенная часть буржуазии?

Для успешного ведения войны (а это был самый больной вопрос для буржуазии) нужен был спокойный и организованный тыл. В тылу же происходили широкой волной стачки, волнения и общее недовольство. Усилилась необходимость уступок и потребность добиться «для рабочих» таких реформ, как биржи труда, примирительные камеры, институт фабрично-заводских старост и легальные профсоюзы. В пространном деловом инструктивном сообщении (очевидно рассылавшемся всем военно-промышленным комитетам), подписанном А. Коноваловым, П. Казакевичем и Е. Омельченко, сообщалось 8 августа 1916 г., что причиной стачечной волны является сама власть. Рабочий класс за все время войны «не слышал призывов власти, которые будили бы в нем высшие патриотические чувства». Обрисовав опыт Запада, записка доказывает необходимость и для русских рабочих организации профсоюзов и примирительных институтов: «Власть должна итти навстречу рабочим, осуществляя через специальное законодательство его требования, изменяя свой взгляд, отвергая в корне недоверие, отбрасывая тактику произвола. Грандиозные задачи, которые ждут страну после войны, властно требуют этого. Нам нужна организация живых сил страны и в первую очередь организация рабочего класса России».

Сам Коновалов настойчиво в двух аудиенциях у Штюрмера доказывал необходимость конкретных мероприятий и в рабочем вопросе и в первую очередь необходимость создания профсоюзов. Позже в передовой «Известий» Центрального Военно-промышленного комитета, где теоретически и историчски обосновывалась вся линия указанного крыла буржуазии, эта мысль развивалась еще полнее: «Широкое содействие профессиональному движению диктовалось общими соображениями о пользе существования профессионально-организованного класса... Профессиональное движение есть наиболее решительная гарантия против политического движения рабочих. Опыт Зап. Европы показал, что профсоюзы по самой своей идее экономической защиты интересов в них входящих не обращают внимания на политические верования последних, широко открывая двери всем желающим».

Буржуазия, таким образом, имела в виду создать узкотрэдюнионистские организации, которые не только способствовали бы миру в промышленности, но и отвлекли бы рабочих от политической борьбы. Записка Коновалова и указанная статья набрасывали схему конкретных мероприятий по рабочему вопросу. Буржуазия под давлением действительности становилась в рабочем вопросе на путь своеобразной «столыпинщины». Буржуазия стремилась обуржуазить рабочее движение, усилить в нем

социал-шовинистические (необходимые для обеспечения хода войны), и реформистские (необходимые для мира в промышленности) тенденции. Отсюда ее стремление оказать верхушке рабочих больше доверия и опереться на нее. Это была целая программа, недостатком которой являлось лишь то, что осуществление ее натыкалось на ряд объективных и субъективных трудностей, лежавших вне влияния буржуазии. В лице оборонцев Гвоздевых, Бройдо, Булкиных, Черегородцевых и т. п. буржуазия нашла и необходимое ей «представительство» рабочего класса. Дальнейшим шагом ее была попытка привлечь широкие слои рабочих к вопросам ведения войны и обороны. При Центральном Военно-промышленном комитете создалась так называемая Рабочая группа, при помощи которой и было приступлено к осуществлению намеченной программы.

Как отнеслись широкие массы рабочих к затеям буржуазии? Во время выборов рабочих групп наиболее выдержанные кадры рабочих в крупных промышленных центрах были против затей соглашателей. Результаты выборов в Петрограде 27 сентября 1915 г., в Харькове, Нижнем-Новгороде, Николаеве и других рабочих центрах были для буржуазии довольно плачевными. Хотя решительного перевеса большевики не имели (об этом свидетельствует факт наличия 52 зарегистрированных рабочих групп к августу 1916 г.), но рабочие массы в своем основном пролетарском ядре были за большевистскую точку зрения в вопросе войны и против сотрудничества с буржуазией.

Рабочие группы стали выполнять роль подсобного аппарата для буржуазии. «Социализм не на очереди, очередная задача — переход власти из рук дворян в руки капиталистов» —говорил К. Гвоздев 29 ноября 1915 г. на втором собрании выборщиков Петрограда.

На словах и особенно на съездах Военно-промышленных комитетов гвоздевцы иногда проявляли некоторый демократический радикализм. На практике же деятельность «рабочих групп» была чистейшим либерализмом, о чем свидетельствует кампания по закону о фабричных старостах и примирительных камерах и особенно вся антистачкистская деятельность «гвоздевцев». Недаром к концу 1916 г. рабочее движение пошло полностью мимо рабочих групп. Авторитет их упал даже в той среде, которая раньше была их социальной опорой. Даже меньшевистская исполкомиссия, под непосредственным руководством которой находилась петроградская «рабочая группа», предъявила «гвоздевцам» ультиматум о выходе из Центрального Военно-промышленного комитета. В оборонческом лагере на этой почве наметился раскол. Рабочая группа, видя, что она в самом деле зашла далеко, решила

«крайними» мерами в виде «левых» жестов восстановить свой упавший престиж в массах. Следствием этого был брошен с согласия буржуазии лозунг о шествии к Думе в день ее открытия 14 февраля 1917 г.

Лозунг этот провалился не потому, что 27 января группа была арестована, а потому, что рабочий класс в это время хотел уже итти к Думе не для того, чтобы приветствовать ее и поручать ей представительство интересов народа, а для того, чтобы сбросить ее вместе с царизмом. Гвоздевщина упустила важнейший момент общего полевения рабочего класса. Затяжка войны, голод, обесценивающийся рубль, катастрофически падающая заработная плата, бесправие, угроза отправки на фронт за малейшую дерзость «начальству», военный режим в стране и производстве, работа большевистских ячеек на предприятиях и вообще в рабочей среде,— все это двигало на высшую ступень сознание даже тех, кто только недавно приобщился к производству.

Массы от соглашателей уходили. Об этом свидетельствуют факты уже в начале 1916 г. В конце 1916 г. сама охранка во всех своих донесениях в департамент полиции подчеркивала, что рабочие группы не пользуются популярностью. Например, рабочие Москвы, — где корни шовинизма в рабочей среде были несколько глубже и держались дольше, — и там на предложение председателя рабочей группы Черегородцева прислать делегатов для обсуждения вопроса о рабочем представителе в Бюро Труда (организация при Военно-промышленном комитете), — рабочие массы и их представители отказались иметь дело с рабочей группой. «Правление общества металлистов отказывается от совместного обсуждения с рабочей группой каких бы то ни было вопросов и совместных выступлений и требует от нее, как непризнанной организованными рабочими Москвы, сложения своих полномочий», — так писала организация металлистов, в своей резолюции от 7 марта 1916 г. Аналогичные требования выставили рабочие производства обуви, архитектурно-строительные, печатники, официанты и служащие трактиров.

Меньшевизм, а с ним «рабочая группа» надеялись на наличие в русском рабочем классе глубоких корней буржуазного республиканизма и пытались сплотить его вокруг Государственной Думы. Эти планы буржуазии на подчинение при помощи Государственной Думы рабочего движения также провалились. Рабочий класс, руководимый большевистской партией, шел на революцию, через голову буржуазных и меньшевистских теорий «европеизации» и через оппортунистическую практику меньшевизма, отвлекающую пролетариат с революционного пути.

4. БОРЬБА ЗА РЕВОЛЮЦИОННУЮ ИДЕОЛОГИЮ ПРОЛЕТАРИАТА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Процесс революционизирования пролетариата в годы империалистической войны оказался возможным, только благодаря той упорной борьбе за революционное воспитание масс и за выработку большевистской идеологии пролетариата, какую провела партия большевиков. В начале войны имелись многие факты, свидетельствовавшие об идеологической отсталости значительных пролетарских масс. Участие некоторых слоев рабочих в разгромах немецких магазинов, работа их над выделкой снарядов тогда, когда бастовали все другие предприятия, вера в обещания полицейских властей, враждебное отношение к пораженческим лозунгам, участие в патриотических манифестациях,— эти и другие факты говорили об отсутствии у некоторой части рабочих ясного сознания классовых задач пролетариата в развернувшейся империалистической войне. Лозунг превращения империалистической войны в гражданскую воспринимался в этот период только отдельными рабочими-передовиками или рабочими, непосредственно связанными с партией. Масса только что влившихся в производство пролетариев вырастала до его понимания лишь на опыте борьбы и ухудшения своего положения в ходе войны. Большевики в своей агитации и пропаганде исходили из экономических и бытовых условий и из правового положения рабочих, стремясь на конкретных фактах поднять сознание рабочих до понимания пораженческих лозунгов и связи их с революцией.

Мобилизацией разрозненных сил большевиков, уцелевших от разгрома полицейщины и военщины, партия способствовала мобилизации пролетарских масс в направлении революции. Стихийный процесс революционизирования сознания рабочих масс, обусловленный ходом борьбы рабочих против гнета, бесправия и возраставшего бедственного положения рабочих, — дополнялся сознательным привнесением в рабочую среду партийными работниками революционного настроения, посредством революционной агитации и пропаганды. Сперва этот процесс классово-сознательного отношения к событиям и задачам пролетариата охватил численно небольшую прослойку рабочих из участников стачечного движения в годы подъема. Именно об этом слое рабочих-передовиков писал Ленин, что «их не сломила реакция в июльский разгром и в дни объявления войны. Пусть даже впятеро, вдесятеро разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя нельзя. Он жив, он проникнут революционностью и антишовинизмом».

Из них создавались кружки или ячейки партии на предприятиях. Они являлись связующим звеном между партийным руко-

водством и массами. Именно эти группы рабочих противопоставили себя в роли плотины напору в рабочую среду гвоздевщины, классово-чуждых, шовинистических настроений. История каждой крупной стачки в годы империалистической войны дает яркое доказательство организующей роли этих слоев рабочих.

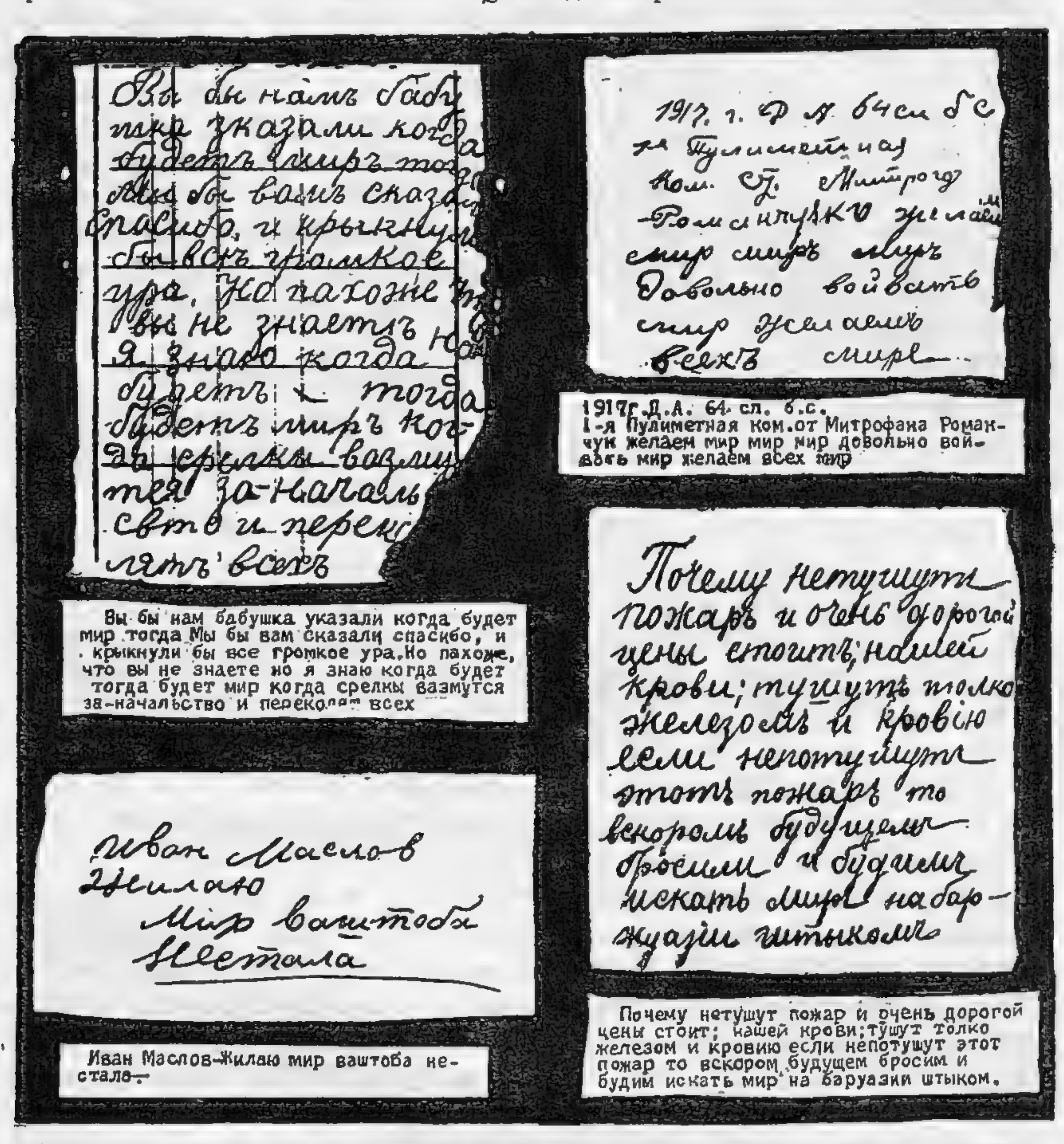
Военные неудачи, ухудшавшееся положение рабочих, факты предательства меньшевиков-оборонцев и упорная работа большевиков в массах все более и более приводили к уменьшению оборонческих настроений и к революционизированию сознания пролетариата. Рабочие массы стали организованно заявлять, что они ничего общего с «группой» иметь не хотят и считают предательством защиту ею империалистической войны. «Охранка» все чаще в своих донесениях уделяет особенное внимание большевикам-ленинцам, называя их властителями настроений рабочих.

Роль ЦК партии большевиков в России в этот период фактически играл питерский комитет. Его связь с рабочей массой все возрастала, несмотря на непрерывные провалы и «изъятия» как нелегальных партийных работников, так и техники и литературы. Полиция и «охранка» усилили свою деятельность и преследования большевиков-рабочих особенно в конце 1916 г. и в январе 1917 г. Рост идейного влияния и организующей роли большевиков в массовом рабочем движении сказался не только на революционизировании пролетарских масс, но и на настроениях в армии и в деревне.

В годы войны в армию влились миллион с лишним рабочих, оказавших громадное политическое влияние на солдат. Рядовая армия, пополняемая крестьянскими элементами, была исключительно бедняцко-середняцкой. Вот почему армия носила на себе печать классовых противоречий деревни периода военных годов. А эти противоречия были противоречиями основной массы крестьянства, по отношению к помещикам и кулакам. Бесправное и нищенское положение оставшихся семей влияло на настроение солдат. Но их настроения определялись не только безвыходным положением оставшейся дома семьи и разорением хозяйства, но и работой в армии более передовых, сознательных рабочих. Путем массовых мобилизаций рабочих и штрафных посылок рабочих на фронт за стачку буржуазия обезвреживала себя на время от «беспокойных элементов» на предприятии, зато на фронте из них создавались кадры агитаторов и пропагандистов против войны, против царизма и против буржуазии. Так под воздействием пролетариата подготовлялась армия, как резерв и сила революции. На фронтах, лежавших ближе к рабочим центрам, велась особенно усиленная обработка армии рабочими. Поэтому

классовое самосознание 10-миллионной армии росло очень быстро, и вопрос о том, за кем пойдет армия, за рабочим классом или за буржуазией и царизмом, решался в последние годы войны бесповоротно в пользу первого. А от этого в значительной степени зависел вопрос о победе революции.

Уже в 1916 г. мы имеем яркие образцы перехода солдат на сторону рабочих и даже факты выступления солдат на поддержку бастующих рабочих. Выступление солдат 181-го пехотного полка в октябре 1916 г. вместе с рабочими завода «Русский Рено» было симптоматичным для настроения армии. Лозунг «долой войну» армия хотя и скрыто, пока пассивно, но очень глубоко восприняла в 1916 г. Работа социал-демократических, большевист-



Вы бы нам бабушка указали когда будет мир тогда Мы бы вам сказали спасибо, и крыкнули бы все громкое ура. Но пахоже, что вы не знаете но я знаю когда будет тогда будет мир когда срелкы вазмутся за-начальство и переколят всех

1917г. Д.А. 64 сл. б.с.
1-я Пулиметная Ком. от Митрофана Романчук желаем мир мир мир довольно войвоть мир желаем всех мир

Почему нетушут пожар и очень дорогой цены стоит; нашей крови; тушут толко железом и кровию если непотушут этот пожар то вскором будущем бросим и будим искать мир на баруазии штыком.

Иван Маслов-Жилаю мир ваштоба не-стало.

СОЛДАТСКИЕ ЗАПИСКИ. (Поданные оратору на фронте после Февральской революции)

ских ячеек и отдельных рассыпанных по всему фронту рабочих-большевиков, особенно на северном и варшавском фронтах, усиливала антивоенное настроение солдат.

Тов. Федотов в своих воспоминаниях («Двинцы в пролетарской революции») рассказывает о работе кружка рабочих большевиков в 120-й, 53-й, 13-й и 11-й дивизиях путем распространения прокламаций и персональной обработки солдат.

Опыт революции 1905—07 г.г. с этой стороны был большевиками учтен. Сближение двух революционных потоков — рабочего, фабрично-заводского, и деревенского, солдатско-крестьянского — нарастало с неудержимой силой.

В годы войны процесс расслоения деревни чрезвычайно усилился. Кулак использовал войну для расширения своей земельной площади и для укрепления хозяйства. Беднота, разоренная войной, все более страстно войну ненавидела. Солдат-крестьянин или рабочий, попадая с фронта в деревню, находил там вполне подготовленную почву для революционной агитации. Таким образом, как и в первой революции, но в гораздо большем масштабе, пролетариат становился гегемоном нараставшей революции. Даже в самых своих отсталых слоях рабочие все более начинали понимать необходимость революционной ликвидации войны и самодержавия.

Классовое сознание пролетариата росло, почему и Ленин имел все основания утверждать, что во время войны «единственным классом в России, которому не удалось привить заразы шовинизма, явился пролетариат».

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАБОЧИЙ КЛАСС В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. ПРЕДФЕВРАЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ РАБОЧИХ

Октябрьская стачка рабочих в 1916 г. не вылилась в революцию. Но по своему содержанию она была исключительно политической стачкой. Слабость ее заключалась в том, что она была преимущественно петроградской стачкой. Процесс революционизирования рабочих масс во всей стране еще не закончился. Например, среди пролетариата Украины в 1916 г. начались крупные стачки, но массового характера, приуроченного к определенному политическому событию, они не носили.

В 1914—15 г. на Украине бастовали преимущественно рабочие сахарных заводов по вопросам улучшения условий труда. Были и мелкие политические забастовки. В октябре 1915 г. выступили 1.200 рабочих Харьковского паровозостроительного завода с требованием увеличения зарплаты. Но 1916 г. дал значительный скачок стачек, в основном экономических, но очень упорных и затяжных.

Таких длительных и упорных стачек, как на азводе «Наваль» (в январе 1916 г.) в дофевральский период было уже не мало. Рабочие брянцы (Орловской губ.), руководимые большевиками, бастовали с 23 марта по 23 мая 1916 г. Такой же упорной была и стачка Тульских меднопрокатных заводов. Путиловская забастовка в феврале 1916 г. привела к секвестру завода по постановлению Особого совещания по обороне 29 февраля. Классовая сознательность рабочих-металлистов, например, настолько возросла, что на каждый арест их представителей рабочие начинали реагировать стачкой. Основным мотивом стачечной борьбы перед февралем было требование повышения зарплаты. Рабочие требовали от 20 до 40% прибавки. Разница в размерах требований процентного повышения зависела от существующего неравномерного заработка. Только чернорабочие, женщины и малоквалифицированные рабочие, обычно работающие без расценки, а поденно, требовали определенного фиксированного минимума. Сильное движение было в мае 1916 г. среди горняков Горловского района. Оно дошло даже до вооруженной схватки с войсками, когда рабочие пошли отбивать арестованных товарищей. И только после нескольких залпов солдат, оставивших на месте убитых и раненых рабочих, бастующие отступили за сопки.

Рабочие-металлисты Украины не всегда добивались уступок со стороны предпринимателей, а если частично добивались, то большой ценой. Например, в июле месяце 1916 г. на Гартмановском заводе с 5 по 18 июля бастовало 5.131 рабочий, требуя повышения зарплаты. За это власти изъяли 15 человек руководителей и 78 человек отправили на фронт. Система «изъятий» и отправки на фронт за стачку была общей и распространенной мерой борьбы с рабочими стачками. Июль, август и сентябрь 1916 г. дают наибольшее число стачечников и наибольший стачечный размах на Украине. Сентябрьские стачки на паровозостроительном заводе, ВЭК и Гельферих-Садэ—были наиболее затяжными. Они ярко свидетельствовали о напряженности классовых отношений. Относительное стачечное спокойствие украинского пролетариата в октябре 1916 г. было тишиной перед бурей. Неуступчивость буржуазии, особенно во второй половине 1916 г., при росте дороговизны и невозможности найти средства питания,

вновь вызвали волну бурного движения, но уже в обстановке 1917 г.

Бакинский пролетариат за 1916 г. дал около 12 тыс. стачечников. Главными требованиями забастовщиков были повышение зарплаты и улучшение условий труда и быта. Но эти экономические забастовки чрезвычайно революционизировали рабочих.

Пролетариат текстильных районов дал за годы войны также огромную армию стачечников. Но стачки текстильщиков, будучи по преимуществу экономическими, были еще подготовительной школой классовой выучки рабочих. В сравнении с металлистами, стачки текстильщиков характеризуются следующей таблицей:

Стачки металлистов и текстильщиков в годы войны

	1915 г.			1916 г.		
	Первая треть	Вторая треть	Третья треть	Первая треть	Вторая треть	Третья треть
Текстильн. рабочие						
Экономич.	45.127	122.852	102.973	143.916	132.333	89.430
Политич.	1.210	27.621	4.490	10.369	—	11.310
Всего	46.337	150.473	107.463	154.285	132.333	100.740
Металл. рабочие						
Эконом.	15.223	38.667	27.963	107.210	71.500	42.536
Политич.	6.986	20.189	78.187	118.518	27.943	134.482
Всего	22.206	58.856	106.150	225.718	99.443	177.01

Текстильщики после кровавой расправы с ними в Иваново-Вознесенске и Костроме отвечали на ухудшавшееся положение новыми стачками, но их выступления не носили массового и одновременного характера. Текстильные магнаты московского промышленного района повели хитрую политику скользящей шкалы, так называемой военной прибавки и наградных и мизерным продовольственным пайком, чем долго держали рабочих в своих руках. Даже безвыходное положение рабочих с питанием буржуазия использовала в своих эксплоататорских целях. Недаром, когда военное ведомство выработало проект о снабжении всех

рабочих, работающих на оборону, пайком, то виднейшие представители буржуазии (металлургической промышленности), решительным образом воспротивились этому. Буржуазия игрой на голоде рабочих хотела создать спокойствие на своих предприятиях.

В условиях империалистической войны экономическая борьба была для пролетариата школой классовой борьбы, воспитывая кадры бойцов за революцию.

Обычно февральский взрыв объясняют только голодом, погнавшим рабочих на улицу. Это, конечно, не так. Рабочий класс боролся не только за хлеб, но и за свободу. Но бесспорно, что продовольственный вопрос был немаловажным экономическим фактором, способствовавшим пробуждению сознания масс и толкавшим их на революцию. Неуменье царского правительства справиться с задачей снабжения рабочих центров продовольствием свидетельствовало о хозяйственном крахе власти. Вакханалия с таксацией цен привела к полной дезорганизации продовольственного рынка. Запреты на вывоз хлеба из губерии в губернию создали барьеры между отдельными районами страны.

«Твердый курс» министра земледелия Риттиха на разверстку, на монополию хлебной торговли,—кончился провалом. Вместо разверстанных на 21 губернию бывшей царской России 506,5 млн. пуд. зерна собрано было к февралю 1917 г. только 140—150 млн. пуд.

Для Петрограда и для потребляющей полосы московской промышленной области вопрос о хлебе был вопросом жизни или вымирания пролетариата. Даже пролетариат горной и горнозаводской промышленности в хлебных районах, как нынешняя Украина, работал в полуголодном состоянии. Бакинский пролетариат в 1916 г. также сильно голодал. Введенные в 1916 г. хлебные карточки не могли улучшить положения с питанием рабочих центров, так как при отсутствии в городах хлеба карточка не обеспечивала его получение. Питерский пролетариат, как наиболее сознательный в политическом отношении, связывал свою борьбу за хлеб с политической борьбой против существующего режима.

Буржуазия в целом, к кануну февраля, была более контр-революционной, чем в первой революции. Создавшийся в 1915 г. прогрессивный блок ставил одной из своих основных задач — удержать массы от революции и повести борьбу с революцией. Неудачи на фронте и развал в тылу, а также стремление правящей распутинско-романовской клики заключить сепаратный мир, конечно, делали буржуазию более оппозиционной, но революционной она уже быть не могла. Если к концу 1916 г. буржуазия поставила в порядок дня вопрос о власти, то

как и в первой революции, решительность ее действий была обусловлена боязнью скорее революции, чем реакции. Самым «революционным» во всей линии ее поведения перед февралем была ее мышиная возня с дворцовым переворотом. Но массы хотели не компромисса, как буржуазия, а революции. За это говорили уже январские стачки 1917 г.

События 9 января 1917 г. были уже не просто обычным выступлением в память жертв первой революции: это было преддверие революции. Политически активно выступил и пролетариат второй столицы. В центре Москвы на Театральной площади рабочие выбросили в шествии красный флаг с лозунгом «долой войну!» Этот лозунг объединил уже весь сознательный пролетариат. Около 200 тысяч рабочих бастовало 9 января в Петрограде, около 35 тыс. в Москве, в Харькове, Новочеркасске, Туле, Несколько позже в январе выступили крупнейшие текстильные фабрики и машиностроительные заводы Московской области, выступил и бакинский пролетариат по политическим и экономическим мотивам. За один месяц он дал больше участников, чем за весь 1916 г. (11½ тыс. рабочих).

Острота столкновений свидетельствовала, что революционная ситуация перерастала в революцию.

«Низы» не хотели больше терпеть прежнего положения. «Верхи» уже не могли управлять, как раньше. Аппарат царизма окончательно загнивал. Распутинщина — неотъемлемый аттрибут царизма, министерская чехарда, чудовищные политические бездарности вроде Штюрмера, Протопопова, Горемыкина и др.,—все это было не симптомом, а началом полного краха и вырождения класса помещиков-крепостников.

Особенностью русского рабочего движения была устремленность его не только против царизма, но и против буржуазии. Основным противоречием для пролетариата в годы империалистической войны было противоречие между трудом и капиталом. Борьба с царизмом и его экономической основой — помещичьим землевладением стояла в качестве ближайшей задачи. Не уничтожив царизма, нельзя было вести успешной борьбы с буржуазией. Но внутреннее содержание классовой борьбы все более передвигалось в сторону решительной борьбы с буржуазией.

Наряду с этими двумя противоречиями, было еще и третье. Россия во время войны еще более подчинялась иностранному капиталу. В силу этого, русский рабочий класс эксплоатировался вдвойне. Только благодаря октябрьской революции и диктатуре пролетариата буржуазии не удалось осуществить полного закабаления трудящихся масс России.

Но Ленин писал, что «ни угнетение низов, ни кризис верхов не создадут еще революции,— они создадут лишь гниение страны,—если нет в стране революционного класса, способного претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания». Факты из политической и экономической борьбы свидетельствовали, что такой революционный класс был. Это был пролетариат.

Этот класс уже с 1903 г. создал свою революционную партию, под руководством которой он приобрел громадный исторический опыт борьбы, и против самодержавия, и против буржуазии. Процесс революционизирования пролетариата в годы войны и особенно формирование большевистских кадров рабочих находились также в прямой зависимости от громадной теоретической работы большевистской партии и ее вождя В. И. Ленина в этот период.

Ленин подверг марксистскому анализу империализм, как новую, последнюю фазу капитализма, он развернул и обосновал необходимость превращения войны империалистической в войну гражданскую. В 1915 г. Ленин впервые выдвинул положение о возможности победы социализма «в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране». В годы войны большевизм развил громадную теоретическую работу на международной арене, продолжая начатую задолго до войны, почти с первых своих шагов и с первых связей с зап.-европейским социализмом, борьбу с оппортунистическими элементами II Интернационала и одновременно критикуя ошибки левых радикалов, в частности ошибки Розы Люксембург. Одновременно Ленин и руководимая им большевистская партия неуклонно проводили борьбу с правым и «левым» оппортунизмом в своих собственных рядах, особенно разоблачая центристов и примиренцев, замазывающих боевые задачи пролетариата, идущего к революции. В годы войны, как и в 1905 г., Ленин исходил из того, что буржуазная революция должна перерасти в революцию социалистическую, что победа буржуазно-демократической революции в России явится лишь первым этапом, от которого пролетариат начнет немедленный переход к революции социалистической.

Наступившая февральская революция—ее ход и характер—целиком эту перспективу подтвердила.

2. УЧАСТИЕ РАБОЧИХ В ФЕВРАЛЬСКОМ ПЕРЕВОРОТЕ

Февральский переворот не явился для рабочего класса чем-то неожиданным. Наоборот, для передовой части пролетариата и для его партии необходимость революционного выступления против самодержавия была ясна и стала практически в порядок дня задолго до февраля.

Стачка на Путиловском заводе, возникшая 18 февраля, превратилась в «бунт» работниц и жен рабочих с требованием хлеба. Угроза локаута и отправки на фронт подняла всех рабочих и сделала стачку общезаводской. 22-го был объявлен локаут. 23 февраля рабочие массы праздновали международный женский день. Выступление около 100 тыс. рабочих—по своей массовости — превзошло все ожидания организаторов выступления. Судя по настроениям массы рабочих, жен рабочих и городской бедноты, выступление сразу же приняло характер народной революции.

Несмотря на то, что охранка еще 26 февраля арестовала всех активных работников ПК, все же Выборгский комитет, куда перешло партийное руководство, сумел повлиять на повышение активности рабочих районов в натиске на царизм.

24, 25 и 26 февраля уже весь рабочий Петроград не работал. В войсках петроградского гарнизона чувствовался перелом. Факт убийства казаками полицейского пристава на глазах народа окрылил надежды рабочих на поддержку петроградским гарнизоном его выступления против царизма. 26 февраля жандармами и полицией была организована бойня на Знаменской площади. Рабочие окраины волновались. Не помогали приказы ген. Хабалова, телеграммы царя и «мероприятия» министра внутренних дел Протопопова по сосредоточению выпечки хлеба в руках специального уполномоченного. 26 февраля была еще по-военному усмирена восставшая рота Павловского полка, которая отказалась итти против рабочих. 27 февраля уже несколько полков гарнизона с оружием в руках встали на сторону рабочих. А к 4 часам почти весь город был во власти восставших. Объявление осадного положения, роспуск Думы, удаление Протопопова, попытка выслать карательный корпус с ген. Ивановым во главе в Петроград, а затем и отречение царя,—все это звенья одной цепи издыхавшего под революционными ударами рабочих и солдат царизма.

ВОЗЗВАНІЕ.

Исполнительнаго Комитета представителей рабочихъ и солдатъ.

Граждане!

Засѣдающіе въ Государственной Думѣ представители рабочихъ, солдатъ и населенія Петрограда объявляютъ, что

Первое засѣданіе этихъ представителей состоится сегодня 27 февраля вечеромъ въ помѣщеніи Гос. Думы.

Всѣмъ перешедшимъ на сторону народа войскамъ, немедленно избрать своихъ представителей по одному на каждую роту.

Заводамъ избрать своихъ депутатовъ по одному на каждую тысячу.

Заводы имѣющіе менѣе тысячи рабочихъ избираютъ по одному.

27 февраля 1917 г.

Временный Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Нельзя думать, что царизм не готовился к подавлению революции.

Царизм имел еще резервы в виде полицейско-жандармских сил и небольшой части войск. К новой революции царизм после опыта 1905 г. усиленно готовился. Об этом говорил следственной комиссии Временного правительства последний министр внутренних дел царизма—Протопопов. Начальник корпуса жандармов дислокировал полицию, войска и стражников, учитывая стачечную активность тех или иных рабочих групп, стратегическую и хозяйственную важность отдельных центров и т. д.

Фактом присоединения армии, в лице петроградского гарнизона, к рабочим решалась судьба быстрой победы революционных масс над царизмом.

Революция легко, но не бескровно победила царизм. Дело, начатое, но недоконченное революцией 1905 — 07 г. г., было завершено. Рабочий класс и солдаты расправлялись с полицией и чинами власти, в то время как буржуазия, строившая планы дворцового переворота, после роспуска Думы, боялась выйти за рамки легальности, и все ждала, что вот царизм водворит «на улице» порядок. И только тогда, когда революция поднималась все выше и выше, когда передовые рабочие стали уже организовывать революцию, путем захвата оружия и расстановки людей для водворения революционного порядка, буржуазия увидела, что надо сломить легальность и спасать капиталистический «порядок» от... революции.

После февральского переворота Таврический дворец стал центром революции на данном ее этапе. Там стал заседать созданный революцией Совет рабочих и солдатских депутатов. Меньшевики, бывшие 27 февраля на свободе, оказались в большинстве и в созданном в этот день Совете, в котором было только 3—4 большевика. Временно на верхушке рабочей волны оказались представители мелкобуржуазной демократической интеллигенции, пожинавшей плоды победы пролетариата.

Каково же было отношение провинции к февральскому перевороту? Революцию делал рабочий Петроград.

Тов. Сталин вполне правильно писал в марте 1917 г., что «одна из особенностей нашей революции состоит в том, что базой ее до сих пор является Петроград. Схватки и выстрелы, баррикады, жертвы, борьба и победа имели место главным образом в Петрограде и его окрестностях (Кронштадт и пр.)».

Провинция по большей части ограничивалась восприятием плодов победы и выражением доверия Временному правительству. Но и в «провинции» революционная роль рабочих (там, где имелись сильные большевистские организации) выделяется из общего фона буржуазных и мелкобуржуазных сил. Нельзя изображать февральский переворот, как это делает в своей меньшевистской работе «1917 год», «историк» Шляпников, будто февральская революция представляла собою только стихийный процесс, в котором большевистской партии и передовым рабочим не отводилось никакой роли. Шляпников изображает положение накануне февральской революции и в момент ее таким образом, что «организующее начало провинциальных переворотов» находилось в руках буржуазии. Это, конечно, оценка не верная, основанная на тенденциозно-подобранных случайных фактах. На самом деле даже там, где партия была слаба, но было рабочее население, инициаторами переворота были передовые рабочие.

В Москве в феврале до самого известия о победе рабочих в Петрограде не было массовых выступлений. Разгром организации большевиков в январе привел к тому, что к моменту переворота оформленной парторганизации (МК) не было. Поэтому в Московский Совет попали преимущественно соглашатели. Но созданные позже районные Советы рабочих депутатов были большевистскими, почему в Москве создался интересный политический переплет борьбы «центра» с «периферией», и, вернее, обратно—борьбы «периферии» с меньшевистским Московским Советом рабочих депутатов.

В Баку в течение января-февраля были массовые забастовки рабочих Балаханских, Сураханских промыслов, Черного города. Известие о свержении самодержавия рабочие встретили общей однодневной забастовкой. Бакинская Городская Дума и создавшиеся новые городские власти в лице Бакинского Временного исполнительного комитета (4 марта), Совет солдатских депутатов (6 марта), Бакинский Комитет общественных организаций первым долгом поспешили послать приветствие Временному правительству.

Но рабочие пошли дальше, требуя от буржуазии нефтепромыслов улучшения своего положения и удаления наиболее злост-

ных пиявок из администрации. Соглашательский Совет рабочих депутатов выпустил воззвание против «самовольных и самоуправных действий» рабочих.

Такую картину, примерно, мы имели во многих местах. Наблюдавшаяся кое-где известная уступчивость буржуазии в первый период революции была обусловлена непримиримостью рабочих и их наступлением на предпринимателей. Только таким образом пролетариат мог привести в некоторое соответствие размеры завоеванных революцией политических свобод со своим конкретным экономическим положением. Другого пути у него не было.

В Нижнем-Новгороде события стали развертываться 1 марта. Рабочие освободили политических заключенных из местной тюрьмы, в которой сидело много участников стачек. 2 марта заводы все стояли и рабочие усердно произвели чистку города от местных властей и полиции. Рабочая масса и здесь была настроена революционнее, чем Совет.

В Иваново-Вознесенске рабочие узнали о свержении царизма 1 марта. 2 марта была демонстрация и выборы Совета. На первом заседании Совета рабочие требовали от него ареста палача расстрела 1915 г., полковника Смирнова. Рабочие разоружили полицию. Первые четыре дня Совет был властью в городе, которую он потом передал Комитету общественной безопасности, где были представлены фабриканты и служилая интеллигенция. Такая же картина развернулась, примерно, и в других городах этого текстильного района. В Иваново-Вознесенске, несмотря на воззвание Совета рабочих и солдатских депутатов, призывавшее рабочих приняться за работу, рабочие не прекращали конфликтов.

В Твери узнали о событиях в Петрограде через возвратившегося 28 февраля делегата. Большевистский городской комитет постановил вывести рабочих 1 марта на улицу. В этом выступлении рабочие тверских фабрик не давали говорить меньшевику о поддержке правительства. Вечером на собрании в театре рабочие провалили предложение о приветствии Временного правительства и о выражении ему доверия. И уже 1 марта был арестован директор ткацкой фабрики Морозова. 2 марта убили губернатора. В Твери, как всюду, где сильна была партийная большевистская работа, у рабочих масс с буржуазным Временным комитетом с первых дней установилась вражда. Наоборот, Совет рабочих депутатов, находившийся в руках меньшевиков, встал на его поддержку. Расхождение настроений рабочих и Советов сказалось здесь в том, что при факте преобладания меньшевиков в Совете, выборы в фабрично-заводские комитеты на

крупнейших предприятиях (Мануфактура Берга, Морозовская и др.) дали большинство большевикам.

В Воронеже власть захватила цензовая буржуазия. Здесь эсеровское влияние в массах было господствующим. В ходе февральской революции эсеровская организация даже выросла до 100 тыс. человек. Были даже такие курьезы, когда одна с.-р. ячейка приняла в члены принца Ольденбургского. И все же голос рабочих масс не утонул в мелкобуржуазном болоте эсеровщины. 3 марта рабочие завода Рихард-Поле выдвигают требование 8-часового рабочего дня, минимума заработной платы, прибавки по 10 коп. в час. Рабочие завода «Сталь» потребовали введения своих представителей в расценочное бюро. Следовательно, у рабочих было более революционное настроение, чем у социал-патриотов.

В Туле первый состав Совета был беспартийным. Большевиков в нем совсем не было. Партийная организация была объединенной и в преобладающей части меньшевистской. Приезд Ленина и его тезисы вооружили тульских большевиков на раскол, который произошел 25 мая, собрав до 150 чел. из $1^1/_2$ тыс. с.-д. организации.

В крестьянских губерниях общедемократические иллюзии были сильнее. В Курской, например, губернии в дни переворота возник временный комитет из членов Городской Думы, в котором участвовали сын Штюрмера и курский вице-губернатор. Объединенная социал-демократическая организация создалась только 26 марта. Первое время Совета рабочих депутатов не было, а организовался Народный Совет. И только 5 апреля создался Совет рабочих и солдатских депутатов.

Такой же, примерно, тип «переворота» был в Херсоне. Тов. Сорокин рассказывает, как рабочие, узнав о событиях в Петрограде, двинулись в город с завода Гуревича. По дороге их встретил губернатор и стал читать акт об отречении царя. «Когда губернатор начал читать, кто-то из первых рядов, кажется Козедерев, крикнул: «Встаньте на колени!» В первых рядах одни за другими становятся на колени. Мы, оставшиеся стоять на горке человек 15, стали возмущаться таким явлением. В задних рядах тоже начали роптать. А губернатор читает, что «мы отрекаемся от престола в пользу нашего брата Михаила» и т. д. В это время стоявшие на коленях рабочие, видя, что большинство стоит, смущенные стали один за другим подниматься, стряхивая пыль с засаленных брюк».

В Ставрополе Совет организовался 7 марта и также выразил доверие Временному правительству. Хозяином в городе был Комитет общественной безопасности. 12 марта Совет организовал

патриотическую манифестацию в день Красного цветка. Рабочий состав на предприятиях был новый, деревенский, так как промышленность создалась в годы войны. Оставление от мобилизации делало рабочих кабальными предприятию. В Совете здесь было сильное влияние социал-патриотов и широко развивалась оборонческая пропаганда среди рабочих.

Эти факты приведены не для того, чтобы умалить роль рабочих какого-нибудь района, а чтобы показать, что именно в районах с ничтожной прослойкой пролетариата, с слабо поставленной партийной большевистской работой при наличии близости деревни, засоренности пролетариата чуждыми по идеологии элементами, отсутствии политической выучки и т. д., создавались условия, которые влияли на позицию части рабочих и усиливали настроения, которые названы Лениным «добросовестным оборончеством».

3. «ДОБРОСОВЕСТНОЕ ОБОРОНЧЕСТВО» И ЕГО КЛАССОВЫЕ КОРНИ

Каковы же природа и классовые корни добросовестного оборончества? Почему массы, проводившие накануне февраля стачки под лозунгом «долой войну!», теперь доверили представительство своих интересов в советах мелкобуржуазным партиям, отстаивавшим лозунги обороны?

Объяснение этому факту мы видим, прежде всего, в различных политических условиях дофевральской и послефевральской России. Февраль дал максимум свобод, мыслимых в буржуазном государстве. Свободы, за которые пролетариат вчера боролся, сегодня были достигнуты. Массы ждали, что даст им новый порядок.

Изменение количественного и качественного состава пролетариата, о результатах которого мы говорили, также имели в годы войны прямую связь с «добросовестным оборончеством» в начале революции. Проникновение мелкобуржуазных настроений в пролетарские массы шло через солдат, через новые крестьянские слои, пришедшие на фабрику. Активность этих слоев после революции необычайно выросла.

«Нигде такой свободы, как у нас, нет, — писал Ленин. — Россия сейчас кипит. Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десятки лет, политически забитые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, проснулись и потянулись к политике. А кто такие эти миллионы и десятки миллионов? Большей частью мелкие хозяйчики, мелкие буржуа, люди, стоящие посредине между капитали-

стами и наемными рабочими. Россия наиболее мелкобуржуазная страна из всех европейских стран. Гигантская мелкобуржуазная волна захлеснула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику».

Именно из этой экономической и идеологической зависимости мелкой буржуазии от буржуазии и из факта влияния мелкобуржуазной стихии на пролетариат Ленин выводит доверие масс буржуазной власти: «Доверчиво-бессознательное отношение к капиталистам, худшим врагам мира и социализма, вот что характеризует современную политику масс в России, вот что выросло с революционной быстротой на социально-экономической почве наиболее мелкобуржуазной из всех европейских стран. Вот классовая основа «соглашения» (подчеркиваю, что я имею в виду не только формальное соглашение, сколько фактическую поддержку, молчаливое соглашение, доверчивую бессознательную уступку власти) между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов». И дальше Ленин прибавляет о недостаточной численности, сознательности и организованности пролетариата, как другой стороны медали добросовестного оборончества.

Ленин, однако, предостерегает от смешения добросовестного оборончества массы с оборончеством меньшевистско-эсеровской и народнической интеллигенции. Массовое оборончество признает войну только по необходимости, а не для завоеваний. Добросовестное оборончество есть, «с одной стороны, плод обмана масс буржуазией, плод доверчивой бессознательности крестьян и части рабочих, а с другой — выражение интересов точки зрения мелкого хозяйчика, который заинтересован до известной степени в аннексиях и банковых прибылях и который «свято» хранит традиции царизма, развращавшего великороссов палачеством над другими народами».

Сложившееся в ходе февраля соотношение классовых сил было таково, что несмотря на то, что юридически властно было Временное правительство, фактически решающей силой были рабочие и солдаты, или, точнее говоря, Советы как массовые организации — как органы будущей власти и диктатуры пролетариата. Двоевластие является оборотной стороной добросовестного оборончества широких масс. Мелкобуржуазные соглашатели потому и могли вести торги с представителями буржуазии, чтобы скорее передать власть, что волна мелкобуржуазной стихии захлеснула массы добросовестным доверием к буржуазии, к оборончеству. В силу массовых иллюзий и веры в соглашате-

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.

№ 1. Воскресенье [illegible] ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. [illegible] 5-го марта 1917 г.

Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія. Цѣна 5 коп.

Солдатская ПРАВДА

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Газета военной организаціи при Петербург. комитетѣ Р. С. Д. Р. П.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Петр. сторона, [illegible]

Контора и редакція открыты ежедневно [illegible] и отъ 4 до 7 час. веч.

№ 1. Суббота 15-го апрѣля 1917 года.

Вторникъ, 7 марта 1917 г. Цѣна 5 коп.

СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТЪ

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

№ 1.

Органъ Московскаго Бюро Центр. Ком. и Московск. Ком. Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Выходитъ ежедневно, кромѣ послѣпраздничныхъ дней.

Къ товарищамъ-читателямъ.

Первое время, пока въ нашемъ распоряженіи не имѣется достаточнаго количества бумаги и не организована техническая сторона изданія, «Соціалъ-демократъ» будетъ выходить въ уменьшенномъ форматѣ.

Временная цѣна отдѣльного номера газеты въ розничной продажѣ—5 копеекъ. Подписная цѣна—2 р. 50 к. въ мѣсяцъ.

Просимъ товарищей-рабочихъ организовать коллективную подписку на «Соціалъ-демократъ». Цѣна газеты при коллектива-

Отъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Засѣданіе Совѣта Рабочихъ Депутатовъ состоится сегодня, 7-го марта въ 8 час. веч., въ помѣщеніи Политехническаго Музея.

Временный адресъ

Московскаго Бюро Центральнаго Комитета и Московскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П.

лей, под влияним проснувшейся к политической жизни мелкобуржуазной стихии, и получилось такое своеобразное явление, как двоевластие, составлявшее главную особенность февральской революции.

«В чем состоит двоевластие? — спрашивает Ленин и отвечает: В том, что рядом с временным правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое, зачаточное, но все же несомненно существующее на деле и растущее, другое правительство: Советы рабочих и солдатских депутатов».

Советы, это — «революционная диктатура, т. е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу».

После свержения царизма власть, завоеванная массами рабочих и крестьян, очутилась в руках нового класса — буржуазии. Фактом наличия двоевластия пролетариат и крестьянство своеобразно осуществили и подтвердили правильность большевистской стратегической установки о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Современный контр-революционный троцкизм утверждает, что демократическая диктатура пролетариата и крестьянства исторически никогда не осуществлялась. Троцкизму, этому передовому отряду контр-революционной буржуазии, надо доказать, что исторически прав оказался он с его метафизической «теорией» перманентной революции. В лице советов рабочих и солдат, являвшихся действительной, реальной силой в 1917 г., и была ярко доказана правильность большевистской стратегии периода первой русской революции. Троцкизм пытается доказать, что у большевиков в 1917 г. произошло «перевооружение» с большевистских позиций на троцкистские. Для этой цели троцкизм пользуется всеми видами исторической фальсификации. Жульническая попытка показать, что в феврале большевистской партии не было, что были только революционно настроенные рабочие и был Ленин, который будто бы полностью говорил то, что говорил он, Троцкий, в Нью-Йорке, — опровергается при самом беглом знакомстве с историческими фактами.

Буржуазно-демократическая революция, в основном, была закончена. Но контр-революционная по существу буржуазия не могла дать массам ни мира, ни хлеба, ни настоящей свободы. Задачей партии было разоблачить новое правительство в глазах народных масс и вооружить их такими лозунгами, которые подняли бы массы на дальнейшее развитие революции.

Но это была только половина задачи.

Рядом с буржуазным Временным правительством существовала еще зачаточная власть — Советы. Но эта власть сама «прямым соглашением с буржуазным Временным правительством и рядом

фактических уступок сдала и сдает позиции буржуазии». Мелкобуржуазные вожди советов, пользуясь доверчивостью и несознательностью масс, «затемняют сознание рабочих, а не проясняют его, внушают мелкобуржуазные иллюзии, а не опровергают их, укрепляют влияние буржуазии на массы, а не освобождают массы из-под этого влияния».

Поэтому Ленин мобилизует внимание партии не только на недоверии и разоблачении Временного правительства, но и на недоверии и разоблачении Керенских, Гвоздевых, Чхенкели, Чхеидзе и пр. мелкобуржуазных вождей советов.

Поэтому Ленин борется с объединительными иллюзиями в рядах партии, которые были еще сильны на партийной периферии.

Ко времени революции партия, в результате разгромов, имела очень слабые организационные связи и не менее слабый аппарат. Поэтому после свержения царизма встала серьезная задача организации сил партии. Первым крупным шагом на пути к ней было возобновление «Правды» в начале марта.

Но добросовестно-оборонческие настроения масс не могли не найти своего отражения в некоторой части партии. Видную роль в отражении этих оборонческих настроений играл Каменев по возвращении из ссылки. Бюро ЦК, еще до приезда Ленина, пыталось оказать противодействие правым элементам внутри партии и часть из них поставила затем вне рядов партии (Войтинский и Севрюк). Вот почему по приезде Ленина его апрельские тезисы, в которых с громадной силой и ясностью революционной перспективы были изложены задачи партии и пролетариата в революции, нашли полнейшую поддержку огромного большинства партии. Каменевская правая группа фактически оказалась изолированной на апрельской конференции.

В отличие от правых, Ленин всюду подчеркивал необходимость перестройки партии в направлении решения боевых задач пролетариата в закончившейся буржуазной революции, начавшей свой процесс перерастания в социалистическую. Надо создать новый тип партии, опираться на новые сотни тысяч рабочих, перестроиться под углом зрения новых задач по отношению к войне, к насущным требованиям пролетариата, крестьянства и угнетенных народностей, провести широкую кампанию по освобождению масс от добросовестной доверчивости к социалистам-оборонцам и поднять их на борьбу за расширение и углубление революции, за диктатуру пролетариата и за социализм. В резолюции конференции прямо говорится, что «отказ от руководящей роли пролетариата в деле разъяснения народу неотложности ряда практически назревших шагов к социализму», был бы величайшей ошибкой, граничащей с изменой делу пролетариата.

Так была выработана уже на апрельской конференции программа действий партии, выросшей в то время до 30—40 тысяч.

Уже в начале марта Ленин поставил задачу организации пролетариата. В своем докладе в Цюрихе он говорил: «Особая задача теперешнего момента состоит в организации пролетариата, но не в той шаблонной организации, которой довольствуются предатели социализма, социал-патриоты, оппортунисты всех стран, а революционной организации. Эта организация должна быть, во-первых, всеобщей, во-вторых, должна соединять у себя военные и государственные функции».

Ленин имел в виду советы. В его апрельских тезисах отчетливо была намечена роль советов как органов власти пролетариата и поставлена задача завоевания советов большевиками.

Для этого требовалось освобождение масс рабочих, солдат и крестьян от мелкобуржуазного влияния соглашателей и оборонцев, требовалось изживание добросовестного оборончества. Этот процесс начался уже со времени апрельской демонстрации протеста масс против ноты Временного правительства 21 апреля.

Апрельское выступление пролетариата и солдат показало, что массы были возмущены империалистической политикой буржуазии. «Они не поняли еще этого вполне ясно, но они почувствовали, что они оказались обманутыми», — писал Ленин. Нота показала также, что добросовестное оборончество Плехановых, Чхеидзе, Церетелли и прочих вождей социал-шовинизма не одно и то же, что массовое добросовестное оборончество рабочих и солдат. Плеханов особенно ярко выразил философию социал-патриотизма в своих статьях о войне. На совещании делегатов от С. Р. и С. Д. в начале апреля он говорил: «Товарищи, было время, когда защищать Россию означало защищать царя. Это было ошибочно по той причине, что царь не хотел защищать Россию, царь и его приспешники на каждом шагу изменяли ей. Они портили национальную защиту. Но у нас есть теперь что защищать. Теперь мы сделали революцию и должны помнить, что если немец победит нас, то дело будет означать не только наложение на нас ига немецких эксплоататоров, но и большую вероятность восстановления старого режима. Вот почему надо всемерно бороться как против внутреннего, так и против врага внешнего». (Цитата из речи от 5 апреля 1917 г.)

Ссылка на разницу в политической обстановке была просто данью времени. Плеханов и в условиях царизма требовал национальной защиты. И если тогда национальная защита была защитой интересов царизма и буржуазии (причем, нападки Плеханова на царизм были только ловушкой для рабочих, ибо царизм и буржуазия были единодушны в вопросах войны и раз-

грома рабочего движения), то теперь эта национальная защита становилась открытой защитой грабительских целей войны русской буржуазии.

Плехановское оборончество вытекало из целой «теоретической» концепции, не имевшей ничего общего с идеологией и психологией пролетариата и угнетенного крестьянства. Она была заимствована из идеологического багажа кадетской буржуазии.

Только Ленин и большевики, борясь методом убеждения и разъяснения с добросовестным оборончеством, организационно закрепляя каждый шаг партии в деле борьбы за массы,—стояли на точке зрения революционного выхода из войны. Революционное оборончество большевики допускали только при условии разгрома буржуазии и завоевания власти пролетариатом и беднейшим крестьянством. Стремясь вырвать массы из-под влияния социал-патриотов, большевики провозгласили лозунг: «Вся власть советам рабочих и батрацких депутатов».

Пролетариат, руководимый своей большевистской партией, во главе с В. И. Лениным, развернул за власть Советов напряженную, героическую восьмимесячную борьбу, закончившуюся октябрьской победой и установлением диктатуры пролетариата.

ОГЛАВЛЕНИЕ

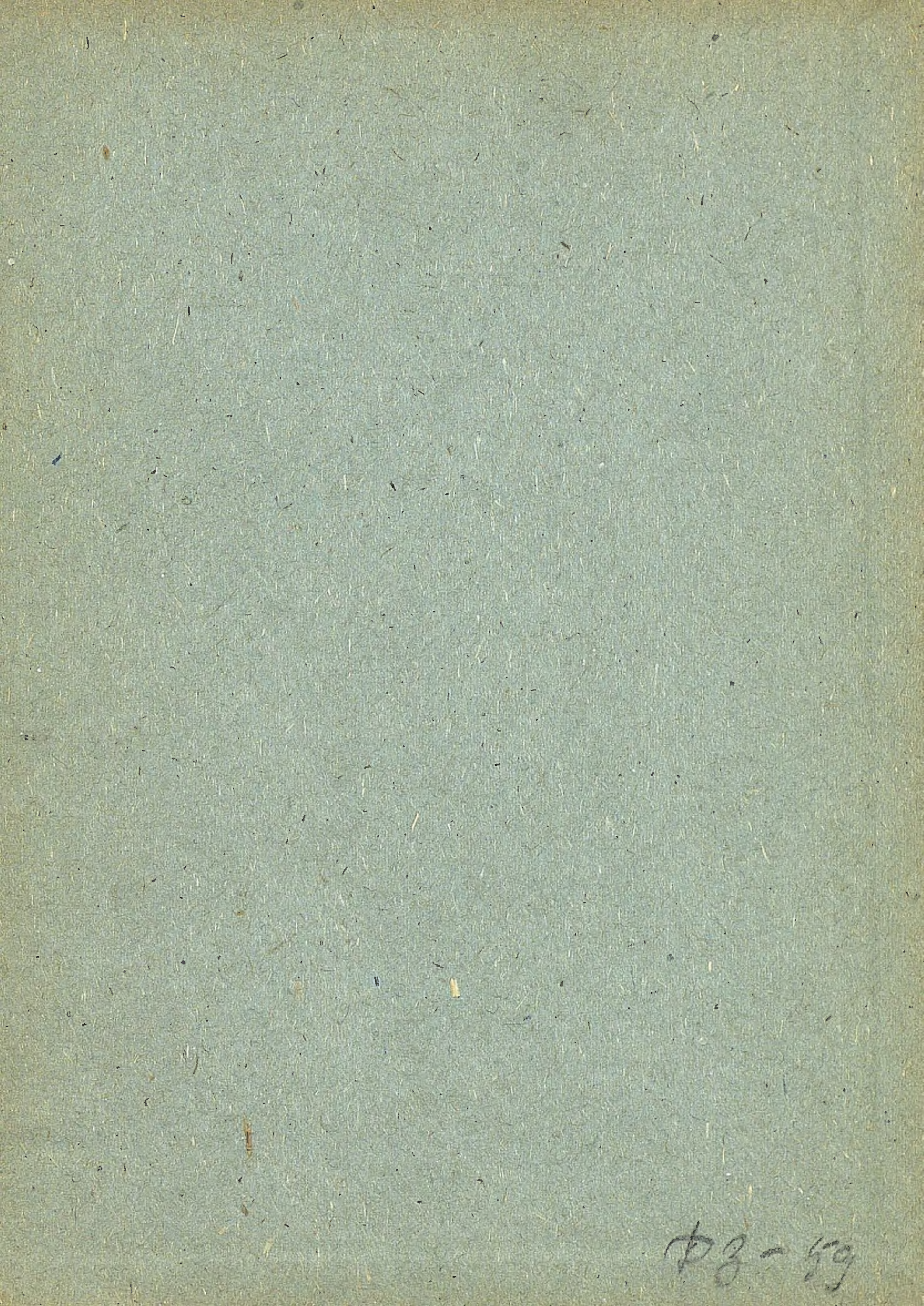
Обложка Е. И. Перникова. Рисунок на обложке с картины Н. И. Кравченко «1905 г.».
Иллюстрации подобраны по материалам Государственного Музея Революции СССР.
Технич. редактор В. С. Решетников

Уполн. Главлита В 17005 Изд. № 1226 Зак. 858 Тираж 81.000 экз.

Количество наб. зн в кажд. бум. л. 87296. Стат-формат A_6 148×210. Колич. бум. листов 10

Сдано в набор 20/III — 1931 г. Подписано к печати 21/III — 1932 г.

«Интернациональная» (39) типография, «Мособлполиграф», ул. Скворцова-Степанова, д. 3.


ФЗ-59